ABTOP БЕСТСЕЛЛЕРОВ «ЛЕДОКОЛ» И «АКВАРИУМ»

ВИКТОР

ЗАЧЕМ ГИТЛЕР НАПАЛ НА СОВЕТСКИЙ 🧽

союз

новое издание, дополненное и переработанное

**** 6 новых глав и более 220 фотографий

ВИКТОР СУВОРОВ

САМОУБИЙСТВО

Зачем Гитлер напал на Советский Союз

Война между СССР и Германией была войной двух систем управления государством и вооруженными силами, двух систем военного планирования, двух лидеров и их управленческих команд; судьбы мира решались в тишине кабинетов, где лидеры двух государств и их ближайшее окружение разрабатывали стратегию своих действий.

Анализируя созданные Сталиным и Гитлером системы управления государством и вооруженными силами, особенности характера лидеров СССР и Германии и их управленческие навыки, выдающийся писатель, историк и военный аналитик Виктор Суворов убедительно показывает, что в войне против Советского Союза Германия с самого начала была обречена на поражение, что Гитлер, в отличие от Сталина, не был готов к войне, а нападение на СССР было не просто необдуманным шагом, а последним жестом отчаяния, началом конца.

«Самоубийство» — новая сенсационная версия нашей истории, разрушающая привычные представления и мифы о движущих силах и причинах ключевых событий первой половины XX века.

Новое, дополненное и переработанное издание книги содержит 6 новых глав и более 220 фотографий, в том числе редкие архивные снимки, публикующиеся в России впервые.

Оглавление

BUKTOP CYBOPOB	2
САМОУБИЙСТВО	
ОГЛАВЛЕНИЕ	
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Как в Советском Союзе сочиняли историю Великой Отечественной войны	10
ГЛАВА 1. Секретная история	10
ГЛАВА 2. Странная секретность	17
ГЛАВА З. Занимательная арифметика советских историков	22
ГЛАВА 4. История, которую никак не могут написать	30
ГЛАВА 5. Кто писал нашу историю?	36
ГЛАВА 6. Секрет миллионным тиражом	42
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Почему Германия была не готова к войне с Советским СоюзомСойным Союзом	47
ГЛАВА 7. Красноармеец Гитлер	47
ГЛАВА 3. Почему товарищ Сталин не удавил гитлеризм в политическом младенчестве	53
ГЛАВА 9. О собаках в безвоздушном пространстве	58
ГЛАВА 10. Пункт первый: фюрер всегда прав	72
ГЛАВА 11. Кто в доме хозяин	82
ГЛАВА 12. О бетонных паровозах	87
ГЛАВА 13. О почтальонах с министерскими окладами	97
ГЛАВА 14. О запредельной немецкой аккуратности	
ГЛАВА 15. О практике управления войсками	127
ГЛАВА 16. Уроки географии для германской разведки	
ГЛАВА 17. Как немцы русских своими танками удивляли	
ГЛАВА 18. Что они знали о Красной Армии	
ГЛАВА 19. Почему Сталин не верил своей разведке	
ГЛАВА 20. Четыре фронта Гитлера	
ГЛАВА 21. Кого бы нам повесить?	
ГЛАВА 22. Зачем Сталину Бессарабия?	
ГЛАВА 23. Нюрнбергский выбор	
ГЛАВА 24. Телега как основное орудие блицкрига	
ГЛАВА 25. О боевом опыте	224
ГЛАВА 26. Если бы не зима!	
ГЛАВА 27. В какой момент Гитлер проиграл войну?	
ГЛАВА 28. Кстати о баранах	
Фотоматериалы:	
ПРИЛОЖЕНИЕ	
KAPTЫ	387
Список питируемой литературы	391

ОГЛАВЛЕНИЕ1

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. *Как в Советском Союзе сочиняли историю Великой Отечественной войны.*

Глава 1. Секретная история.

Засекреченные мемуары генерала Сандалова. — У великой победы — мерзкое и грязное прошлое, иначе зачем кормить караульных собак, чтобы его скрыть? — Почему историю нашей Родины сделали государственной тайной.

Глава 2. Странная секретность.

Перемены в стране не коснулись архивов Второй мировой войны. — Чудеса спецпропаганды: как гражданина иностранного государства допустили к секретным российским архивам. — Доступ к архивам не означает стремление говорить правду.

Глава 3. Занимательная арифметика советских историков.

Секретную версию истории можно «вычислить», изучив ее несекретный вариант. — Как писали официальную историю Великой Отечественной войны. — Зашифрованная историческая правда: проценты вместо чисел, шарлатанство и пропаганда вместо науки.

Глава 4. История, которую никак не могут написать.

Вторая попытка создания официальной истории Великой Отечественной войны: национальный позор. — Третья попытка создания официальной истории Великой Отечественной войны: финансовая пирамида. — У правды двух версий не бывает.

Глава 5. Кто писал нашу историю?

«Воспоминания и размышления» Жукова как основа советской мемуарной литературы о Великой Отечественной войне. — Арифметика маршала Жукова: немецкое превосходство «в 5-6 и более раз» и прочие глупости и курьезы.

Глава 6. Секрет... миллионным тиражом.

История нашей страны написана так, словно ее авторы — гитлеровцы. — Торжество гласности: статистический сборник о составе Вооруженных сил СССР в период Великой Отечественной войны издан тиражом 25 экземпляров, а секретный доклад Хрущёва — тиражом 1 миллион экземпляров.

¹ Технически, это содержание книги (от автора электронной версии)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Почему Германия не была готова к войне с Советским Союзом.

Глава 7. Красноармеец Гитлер.

«Майн Кампф»: никто не читал, но все цитируют. — Что на самом деле имел в виду Гитлер, когда писал о землях на Востоке. — Читал ли Сталин «Майн Кампф»? — «Без Сталина не было бы Гитлера». — Гитлер или Шикльгрубер?

Глава 8. Почему товарищ Сталин не удавил гитлеризм в политическом младенчестве.

Как Сталин прорубил Гитлеру дорогу к власти. — Главным внешним врагом Германии Гитлер считал Францию, а не СССР. — Земли на Востоке — не ближайшая задача Германии, а перспектива на грядущие века. — Появление «Майн Кампф» свидетельствовало о том, что нашелся лидер, который будет воевать против всего мира.

Глава 9. 0 собаках в безвоздушном пространстве.

Сравнительная оценка личностей Сталина и Гитлера. — Темперамент, коммуникативные навыки, управление эмоциями, самооценка и другие особенности характера двух лидеров. — «Гениальные» мысли Гитлера.

Глава 10. Пункт первый: фюрер всегда прав.

Сравнительная оценка управленческих навыков и практики организационной работы Сталина и Гитлера. — Принятие решений. — Проведение совещаний. — Организация исполнения приказов и решений, механизмы контроля над их исполнением.

Глава 11. Кто в доме хозяин.

Власть Сталина и власть Гитлера. — Мартин Борман и борьба за власть в окружении Гитлера. — Сравнение конечных результатов работы двух лидеров как лучший критерий оценки их управленческой квалификации. — Как Сталин и Гитлер оценивали друг друга. — С таким фюрером Германия победить не могла.

Глава 12. О бетонных паровозах.

Ближайшее окружение Сталина и Гитлера: соратники и подхалимы. — Правые руки вождей: Молотов и Геринг. — Как Геринг командовал авиацией и руководил экономикой Германии.

Глава 13. О почтальонах с министерскими окладами.

Главные военные стратеги вождей: Жуков и Кейтель. — Руководство гитлеровской Германией:

железная дисциплина на гранитном фундаменте безответственности. — Шпеер, как исключение, подтверждающее правило. — Гитлеровские фельдмаршалы не годились даже в сержанты Советской Армии. — Сталин: кадры решают все. — Сталинская система отбора и расстановки кадров: выживают те, кто выполняет невыполнимые задачи. — Гиммлер, Геббельс, Риббентроп: какой хозяин, такие и работники.

Глава 14. О запредельной немецкой аккуратности.

Крах германской агентурной сети в Америке. — Кайзер Вильгельм запрещает пленному штабскапитану завести удава: условия содержания русских военнопленных в Германии во время Первой мировой войны. — Чудо-пушки германских артиллерийских конструкторов. — Дома терпимости в германской армии: образец дисциплины, организованности и педантизма. — «Национальные проекты» германских военных: орудие «Дора», гигантские танки «Мышь» и «Крыса».

Глава 15. О практике управления войсками.

«Ближний круг» вождей: аппарат Сталина и аппарат Гитлера. — Система управления вооруженными силами и государством у Гитлера: нельзя приказать, можно только договориться. — Система управления у Сталина: просто и эффективно. — Авиаполевые и парашютно-танковые дивизии Геринга. — Практика управления войсками в СССР и в Германии.

Глава 16. Уроки географии для германской разведки.

Как Гитлер планировал блицкриг. — Почему операция «Барбаросса» была заведомо невыполнимой. — Германская разведка: смертельно больная организация, строившая свою работу на мифах и сплетнях. — «Прогулка в Берлин» Якова Джугашвили. — «Одна одноколейка на всю Россию». — Снова о шокирующей недееспособности германской разведки.

Глава 17. Как немцы русских своими танками удивляли.

Коварная, но бестолковая операция германской разведки. — Советские танки предвоенного времени от T-28 и T-35 до T-34 и КВ. — Германская разведка не имела никакого представления о советских танках и не знала даже того, что Советский Союз никогда не скрывал.

Глава 18. Что они знали о Красной Армии.

Знание или незнание противника как важнейший показатель готовности к войне. — Об «устаревшей» материальной части советской артиллерии. — Конные упряжки против артиллерийских тягачей. — Что знала германская разведка о советской авиации и воздушно-десантных войсках.

Глава 19. Почему Сталин не верил своей разведке.

Три разведки Сталина. — Почему Сталину всегда удавалось заглядывать в карты Гитлера. — Агенты Сталина в ближайшем окружении Гитлера. — Зачем Гитлеру нападать на Советский Союз?

Глава 20. Четыре фронта Гитлера.

Война Германии с Британией — на суше, на море и в возд) хе. — Бессмысленная война Германии с Югославией. — Сопротивление немецкой оккупации в странах Европы. — Война без объявления войны с США.

Глава 21. Кого бы нам повесить?

«Блистательные» немецкие полководцы Манштейн, Гудериан, Роммель. — Кто же руководил войной по глобусу — Сталин или Гитлер? — Избирательное правосудие на Нюрнбергском процессе: почему одних повесили, а других помиловали. — Где критерий выбора? — Кейтель и Йодль. — «Свидетель» преступлений фашизма фельдмаршал Паулюс. — Почему повесили Риббентропа, но не повесили Молотова.

Глава 22. Зачем Сталину Бессарабия?

Особенности группировки советских и германских войск на советско-германской границе летом 1941 года. — Какую операцию готовило советское командование перед германским вторжением? — Стратегические цели и последствия расстановки сил сторон. — Почему расширение Львовского выступа за счет Северной Буковины и Бессарабии так напугало Гитлера. — Катастрофа 22 июня 1941 года: крушение Южного, Юго-Западного и Западного советских фронтов.

Глава 23. Нюрнбергский выбор.

Почему материалы о Нюрнбергском процессе скрывались от советского народа. — Без объявления войны? — Так за что же повесили Риббентропа? — Германские полководцы на Нюрнбергском процессе.

Глава 24. Телега как основное орудие блицкрига.

Блицкриг как следствие неготовности Германии к затяжной войне. — Как Германия ввязалась в танковую войну без танков. — Шесть германских танковых дивизий превратились в двадцать одну, но танков больше не стало. — Лошадь и телега как основные инструменты немецкого блицкрига. — Беда Сталина: нельзя предсказать действия противника, если противник — дурак.

Глава 25. О боевом опыте.

Боевой опыт германской армии и Красной Армии. — Вторжение в Польшу стало полным провалом Гитлера и его генералов. — Введя Красную Армию в Польшу, товарищ Сталин спас Гитлера. — Какой опыт приобрела германская армия в Дании, Норвегии и Франции. — Боевой опыт Красной Армии: Халхин-Гол и Финляндия. — Идиотизм плана «Барбаросса».

Глава 26. Если бы не зима!

Исход войны как главный критерий готовности или неготовности страны к войне. — В поражении немцев виноваты огромные просторы Советского Союза, его неисчерпаемые людские ресурсы, бездорожье и ужасный климат. — Неужели немцы об этом не знали? — Войну с СССР проиграл немецкий школьный учитель. — Уроки боевых действий во Франции. — В какой момент захлебнулся блицкриг в России. — Безумные идеи и решения Гитлера.

Глава 27. В какой момент Гитлер проиграл войну?

Германия смогла противостоять Советскому Союзу только пять с половиной месяцев. — Почему выбор направления главного удара (на Москву или на Киев) ничего не решал. — Моторесурс германских танков в августе 1941 года и его влияние на планирование операций германских войск. — Не садись с дьяволом кашу есть, все равно у него ложка длиннее.

Глава 28. Кстати о баранах.

Вывод советской разведки о неготовности Германии к войне был верным. — Как советская разведка проверяла вывод о неготовности Германии к войне. — Еще раз о стратегическом значении бараньих тулупов и о планах захвата СССР за три месяца. — В планах Гитлера не хватало одного — реализма. — Нападение Гитлера на СССР было самоубийством.

Список цитируемой литературы.

Приложение. Приграничные группировки советских и германских войск в июне 1941 года: расстановка сил и варианты действий сторон.

Книгу с таким названием друзьям не посвятишь. Потому – врагам.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Как в Советском Союзе сочиняли историю Великой Отечественной войны

ГЛАВА 1. Секретная история

Настоящие архивы Сталина и Берии, несомненно, представляли собой скопище столь тайных и убойных материалов, что их вряд ли рассекретят полностью (если только они еще целы).

Александр Бушков. Россия, которой не было²

1

Эта книга лавиной обрушилась на все мое существо, она давила, терзала, рвала в куски душу и тело. Увидеть ее — все равно что обернуться вдруг на переезде и ощутить всем существом слепящий прожекторами, летящий из мрака экспресс в тот самый момент, когда не остается времени даже на прощальный вопль.

А самое интересное заключается в том, что книгу эту даже не надо было читать. Она оглушала и плющила одним только названием, только титульным листом. Взглянул — и умри. Взглянул — и лопни от изумления.

О существовании этой книги я впервые узнал в секретной библиотеке Киевского высшего общевойскового командного Краснознаменного училища имени М. В. Фрунзе. В этом пышном названии так много слов, и в то же время — ничего не сказано. Кто не посвящен, тот никогда не догадается, кого готовили в тех стенах. Тем более что Московское высшее общевойсковое командное училище — это одна песня, Ленинградское — другая, а Киевское — третья. Тут лучше параллелей не проводить. Так вот, привели меня, зеленого курсантика, к присяге, дали допуск, и вот я — за броневой дверью секретной библиотеки. В самый первый раз. А для меня посещение секретной библиотеки — вроде неофициального визита в чужой гарем: уж очень любопытно.

В той библиотеке — тишина и покой. И образцовый порядок. К полкам не пускают: вот каталог — ищи. Что потребуешь — поднесут. После соответствующей процедуры. И вот я карточки перебираю, как скупой рыцарь жемчужины. А в тех карточках названия одно другого сладостнее: Изделие 3-P-10. Звучит-то как: Тррри-Эррр-Десссять! Или вот: У-5-ТС. Кстати, это то же самое, что и 2-A-20. Такая штука стояла на Объекте 166. Объект 166 — это вовсе не военная база. Это танк. В те времена — весьма секретный. Широким народным массам не положено знать об этих изделиях и объектах, а я могу просто заказать книгу на выбор и вникнуть. Проблема только в том, что глаза горят и разбегаются: 3-М-6, 2-П-27, Т-12А... Выбрать-то что? С чего начинать, чем закусывать?

² Здесь и далее в тексте книги ссылки на цитируемые источники даются в сокращенном виде; полная информация о цитируемых изданиях приведена на странице 361 в разделе «Список цитируемой литературы». — *Примеч. ред*.

И вдруг на розовой карточке — название той самой книги. Название, которое разрывает человека в куски.

2

До сих пор не понял: как меня тогда не разорвало? Дивлюсь: как это я остался жив, прочитав такое? Видимо, просто повезло. Но оглушило крепко. Две недели на зарядках и смотрах, на тренировках и поверках, на лекциях и семинарах я жил в режиме полного отключения. Вернее, это был не я: кто-то за меня жил. служил, чистил оружие, сапоги и сортиры, получал взыскания и поощрения, бегал, прыгал, орал строевые песни. А я, оглушенный и растоптанный, в этом мире отсутствовал.

Через две недели, отдышавшись, отправился снова в секретную библиотеку, за броневую дверь. Эмоции — отключил. Нашел в каталоге ту самую розовую карточку и, стараясь чувств не проявить, книгу заказал. Я ведь ее еще и не видел, я всего только название на карточке прочитал.

И вот она передо мною. Небольшая. Серенькая. В правом верхнем углу — гриф «Секретно» и инвентарный номер — 0341. Автор — генерал-полковник Л. М. Сандалов. Название — «Боевые действия войск 4-й армии Западного фронта в начальный период Великой Отечественной войны», Воениздат, 1961 год.

3

Что, оглушило вас название? Как колуном между глаз, правда?

То-то. Вот и передо мною тогда после прочтения титульного листа свет померк. Это вы сегодня к сенсациям привыкли, к обличениям. Сейчас если название это и оглушает, то не до потери сознания. А в те годы оно воспринималось как убойное. Нас-то учили, что война была Великой и Отечественной. Нам говорили, что война была святой и освободительной. И некоторые этому верили. Я — в их числе. И вот оказалось, что история войны, которую мы изучали, — это лапша на наши оттопыренные уши. История, о которой нам рассказывают, — это баллады для толпы, для широких народных масс, для непосвященных. А тут, за броневой дверью, за стальными решетками, за несокрушимыми стенами, за широкими спинами вооруженных автоматами часовых, под бдительным присмотром оскалившихся караульных собак и сотрудников «Особого отдела», защищенная допусками, пропусками, печатями, учетными тетрадями и инструкциями по секретному делопроизводству, хранится совсем другая история той же войны. И тайные воспоминания генерала Сандалова тут вовсе не в единственном числе. Просто эта книга мне первой попалась. Кроме нее тут целый пласт секретных мемуаров: генерал армии И. И. Федюнинский и главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов, генерал-лейтенант С. А. Калинин и маршал Советского Союза И. Х. Баграмян, генерал армии П. И. Батов и генерал армии А. В. Горбатов (тот самый, о котором товарищ Сталин сказал, что Горбатого могила исправит). И много еще там всякого.

Спрашивается: а что прячем? И зачем?

А ведь прячем серьезно. Если я буду держать язык за зубами, то мне в аттестацию впишут слова о том, что военную и государственную тайну хранить умею. Но стоит только болтнуть, стоит рассказать кому-то содержание секретных мемуаров, попаду под самые серьезные статьи Уголовного кодекса — можно нарваться на 75-ю статью, а то и на 64-ю³. И грозит за это весьма печальный приговор.

Да что там содержание! Даже не надо пересказывать содержания тех книг, даже не надо в подробности вдаваться, — стоит всего лишь сказать, что секретные мемуары существуют, и это уже разглашение, и это уже влечет за собой уголовную ответственность по тем же статьям.

Ну а если я ночью полезу ломать решетки секретной библиотеки, то часовой на посту разорвет меня в клочья автоматными очередями. Не задумываясь. И я сам, когда заступаю часовым на этот пост (он назывался постом №2), разорву теми же очередями любого, кто посмеет нарушить покой наших секретов. И тоже — не задумываясь.

И получу благодарность за убийство и краткосрочный отпуск с бесплатными проездными документами в любой конец страны. И в мою аттестацию впишут слова о проявленной решительности в деле охраны военной тайны. Эти строки станут украшением биографии и помогут восхождению к вершинам карьерной лестницы. Да только что это за тайны такие, за разглашение которых я обязан убивать не задумываясь? Что это за секреты, за раскрытие которых меня обязаны убить?

Прикиньте: живете вы с прекрасной женщиной год, два, десять. И всем она хороша: на зависть соседкам умна, стройна, красива, трудолюбива, чиста в помыслах. Но вдруг вы узнаёте, что у вашей любимой, обожаемой женщины темное грязное прошлое. Настолько темное, настолько грязное, что попытка проникнуть в него грозит смертью. Вам попросту отрежут голову, если только рыпнетесь что-то выяснять.

Вот именно в такой ситуации я себя ощутил. Только речь шла не о женщине, а о великой, прекрасной победе в святой и самой справедливой из всех войн. Оказалось, что у великой победы — мерзкое и грязное прошлое.

В противном случае — что же мы прячем? Если та, другая, секретная история войны, чиста и прекрасна, то зачем вокруг нее скулят и воют караульные псы?

З В Уголовном кодексе РСФСР 1960 года статья 75 «Разглашение государственной тайны» предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок от двух до восьми лет; статья 64 «Измена Родине» предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки или смертной казнью с конфискацией имущества. Под изменой Родине в этой статье также подразумевалась не только выдача государственной или военной тайны иностранному государству, но и заговор с целью захвата власти, бегство за границу и отказ возвратиться из-за границы в СССР. Кодекс действовал до 1997 года. — Примеч. ред.

Мы умеем хранить секреты. Мы объявляем сведения о войне секретными и совершенно секретными, мы запираем эти сведения в сейфы, сейфы опечатываем, потом запираем двери хранилищ и их тоже опечатываем. И выставляем часовых. Два часа — смена, еще два часа — снова смена. Стой, кто идет? Идет разводящий со сменой! Разводящий — ко мне, остальные — на месте! Пост сдал! Пост принял! Караульный, принявший пост, превращается в часового, часовой, сдавший пост, — в караульного: бодрствующая смена, отдыхающая, и снова: пост сдал, пост принял. Начальник караула спит только днем, четыре часа — с десяти до двух. Если нет происшествий. В пять — развод. В шесть — смена караулов. И все — с самого начала: двухсменные посты, трехсменные. Сдал-принял. Бдительно охранять и стойко оборонять... Услышав лай караульной собаки... Часовой обязан применять оружие в случае...

Сохранение в тайне той, другой истории войны, стоит огромных средств и усилий. Вы попробуйте прокормить одну только караульную собаку, песика серого. Это советского человека можно не кормить — он привык, он выкрутится. А собачку — извольте: по два килограмма мяса в день. Это сколько в год получается?

А караулы повсюду, за каждым высоким забором — кабы только народ ничего о войне не узнал. Вот бы ребяткам, которые в карауле, урожай собирать. Но мы хлеб в Америке покупаем, а здоровых мужиков от работы отрываем. Десятилетиями. В караулах их держим, чтобы никто не узнал историю войны, которую приказано называть отечественной. Я те секреты в Киеве охранял. И не только в Киеве. А ведь еще кто-то другой ту же секретную книгу генерала Сандалова и книги других секретных мемуаристов охранял в Новосибирске и в Риге, в Таллинне и Североморске, в Уссурийске, Арзамасе и Бухаре, в секретных библиотеках Вюнсдорфа и Лигницы, Хабаровска, Красноярска и Урюпинска. Это в какие же копеечки влетает нам хранение в секрете своей собственной истории!

А чекисты бдят. А чекисты высматривают: нет ли где утечки информации о войне, которой приказано гордиться. А чекисты вылавливают тех, кто замышляет открыть тайны самой справедливой в истории войны. И получают за бдительность боевые ордена. Но ведь и чекистов надо кормить. Мясом. И кормить не хуже, чем караульных собак. Неровен час, притупится чекистская бдительность, и наш народ что-нибудь пронюхает про войну, которая отгремела три поколения назад.

5

Сам бы я до такой крамолы ни за что не додумался. Но готовили меня не в простом учебном заведении, а в особом. И в самый первый день, на самой первой лекции матерый полковник

объяснил сразу все секреты ремесла: не верьте, говорил, тому, что вам назойливо демонстрируют, — ищите то, что от вас прячут. И весь первый час он повторял, что нельзя верить тому, что демонстрируют. А весь второй час — что надо искать то, что от нас скрывают. Завершил так: «Найдете то, что скрывают, — не радуйтесь. Это может оказаться всего лишь вторым каскадом закрытия. Помните: хороший секрет закрывают в два каскада. Или в три».

Вот тут и подвернулся мне тот самый случай. На протяжении всей моей тогда еще короткой жизни мне весьма назойливо демонстрировали светлую и чистую историю великой и священной войны. И вот выясняется, что другую историю той же войны от меня тщательно прятали. Я еще не открыл секретную книгу Сандалова, я еще не держал в руках секретных мемуаров других генералов и маршалов, но уже сообразил, что существуют две параллельные истории. И это две совершенно разные версии одних и тех же событий. Если бы они были одинаковыми, то зачем одну из них прятать?

Какая же из двух правильная? Видимо та, которую охраняем. Если у нас есть золотое колечко, то мы, уходя из дома, его спрячем, а дверь на ключик запрем. Еще и собачку с цепи спустим, чтобы по двору бегала, хвостиком виляла. Но если у нас цепочки и крестики алюминиевые, под золото крашенные, если наши бриллианты стеклянные, то мы об их сохранности не особенно беспокоимся.

Так вот: то, что хранится за броневыми дверями, — это и есть история войны, хотя, может быть, и не вся. Но то, чем нас кормили Некричи, Маковские, Шолоховы, Озеровы, и всякие прочие Стаднюки, короче — Главпур с Агитпропом, то историей не является. То — суррогат, эрзац, фальшь, подделка.

Тут надо и об официальных шеститомниках и двенадцатитомниках⁴ сказать: это то, что было приказано выпячивать. Давайте же другими глазами посмотрим и на тысячи томов военных мемуаров, которыми наши генералы и маршалы завалили библиотеки и книжные магазины. Какая тем книгам цена?

Вот тот же генерал-полковник Л. М. Сандалов написал три хорошие книги о начале войны: «Трудные рубежи», «Пережитое», «На московском направлении». Но как прикажете относиться к этим книгам, если вдруг выясняется, что кроме трех есть еще и четвертая, которую простым людям читать не дают? Все четыре книги — о тех событиях, но три доступны всем, а четвертая почему-то секретная?

Более того, сначала генерал-полковник написал одну секретную книгу о войне, потом — три несекретных. Сообразим: чего ради? Ясно, что в секретной книге генерал Сандалов гнет одну линию, в несекретных — другую. Как после этого прикажете его несекретным книгам верить?

Само наличие секретных мемуаров наводит на размышления о том, что не все в истории той

⁴ Имеются в виду «История Великой Отечественной войны Советского Союза: 1941–1945» в 6 томах (М.: Воениздат, 1960) и «История второй мировой войны. 1939–1945» в 12 томах (М.: Воениздат, 1973–1982).

великой войны чисто, и о том, что у наших генералов уголовные повадки: толпе одни истории рассказывают, своим — другие. Как урки.

Так у воров принято: для всех раскидываем чернуху, а своим рассказываем другую версию, зная, что из своего круга она не выйдет. И не важно, всю правду говорим в своем кругу или не всю, важно, что в своем кругу рассказываем не то, что всем.

6

Мемуары — штука интересная. Но документы войны интереснее. Как же к ним прорваться? Наши вожди много десятилетий держали в секрете не только содержание архивов, но и способы проникновения в них. И только через 46 лет после германского вторжения, когда бушевала и на все лады воспевалась так называемая «гласность», «Военно-исторический журнал» наконец объяснил всем любителям способ проникновения к архивным сокровищам времен войны:

К документам главных штабов и центральных управлений видов Вооруженных Сил, главных и центральных управлений, военных округов, округов ПВО и фронтов — с разрешения Начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР (Военно-исторический журнал (далее — ВИЖ). 1987. №9. С. 87).

Видите, как все просто: нужно пойти в Генеральный штаб. «Кто тут у вас главный начальник?» Вам непременно дверь укажут. Стучитесь: «Здрасьте, мне бы по архивам помести, по сусекам поскрести. ..» И Начальник Генерального штаба вам тут же выпишет разрешение.

Правда, за этой простотой кроются две оговорочки и одна недоговорочка.

«Военно-исторический журнал» разъяснил, что, во-первых, исследователь должен рыскать по архивам не по своему хотению, а «по направлению воинских частей, учреждений и государственных организаций». Но какой, объясните мне, прок главе учреждения инициативу проявлять, на свою голову приключения искать, брать ответственность за ваши исторические изыскания в сферах, где изыскания вовсе не поощряются, а весьма решительно пресекаются?

Вторая оговорочка вот какая: *«направляемый ими исследователь должен иметь справку о допуске к работе с секретными документами»*.

Круг замкнут быстро и надежно: особо любопытным допуска к работе с секретными документами не дают. А тот, кому такой допуск дан, им дорожит, не высовывается и за разрешением к начальнику Генштаба никогда не попросится. Но если и попросится, если ему и откроют доступ, то и тогда никто результатов изысканий не узнает: поработал в архиве, любопытство удовлетворил, и помалкивай. Ты допущен к секретным документам, разглашать их содержание не имеешь права. Попытка разглашения попадает под действие статьи 283 УК Российской Федерации («Разглашение государственной тайны») и в некоторых случаях может быть квалифицирована как измена Родине. Со всеми вытекающими.

Оценим: государство сделало историю нашей Родины государственной тайной, а попытка разгласить историю своей Родины приравнена к измене Родине и карается лишением свободы, а в былые времена каралась расстрелом.

7

Это такие оговорочки. А вот недоговорочка: все сколько-нибудь важные решения по вопросам ведения войны принимались Сталиным и его ближайшим военным окружением, то есть Ставкой Верховного Главнокомандующего — СВГК. Все остальные государственные и военные органы, все командующие и все штабы были всего лишь исполнителями сталинской воли. Но в перечисленном выше списке сказано о многих весьма высоких инстанциях, но не о Ставке ВГК.

Так что если у вас и есть допуск к работе с секретными документами, если вашему большому начальнику и загорелось нечто такое о войне узнать, и он оформил соответствующее направление, если начальник Генерального штаба вам и позволит по архивам рыскать, то главного там все равно вы не найдете. Ибо допускают вас к второстепенным бумажкам, второстепенных штабов.

Заместитель начальника Генерального штаба по научной работе генерал армии М. А. Гареев это подтвердил: «Документы Ставки ВГК после войны были изъяты из Генштаба» (Красная звезда. 27 июля 1991 г.).

0 том, кто изъял и куда спрятал, генерал армии Гареев почему-то не рассказал. Вот и ищите правду о войне, ломая головой непробиваемые стены.

ГЛАВА 2. Странная секретность

Какие могут быть сегодня, почти полвека спустя, секреты и сверхсекреты о войне от ее ветеранов, чьи имена, кстати, хранятся в том самом Центральном архиве? Как, впрочем, и от любого советского человека, который хочет прикоснуться к Истории.

Им. Левин, ветеран войны, капитан в отставке.
Открытое письмо министру обороны СССР.
Литературная газета. 14 декабря 1988 г.

1

Михаил Горбачев, первый (он же — последний) Президент СССР, однажды объявил, что в стране когда-нибудь будет объявлена гласность. И тут же из-за кремлевской стены посыпались обещания: в ближайшей исторической перспективе военные архивы будут открыты! Будут сняты запреты на изучение катастрофы 1941 года! Ученые товарищи когда-нибудь обязательно приступят к сочинению официальной версии войны!

О том, как Горбачев правил страной, скупо говорит статистика. С 11 марта 1985 года, когда он принял верховную власть, до 25 декабря 1991 года, когда Горбачев сложил с себя полномочия главы государства, золотой запас страны сократился с 2 500 до 240 тонн. В десять раз. С гаком. В 1985 году официальная цена доллара составляла 64 копейки, в 1991 году — 90 рублей. Внешний долг возрос с 31,3 миллиарда долларов до 70,3 миллиардов. А доллары тогда другую цену имели, не в пример современным.

Во всех остальных областях, в том числе на историческом фронте, успехи были того же порядка. Никто, понятно, никакой официальной истории войны не сочинил, запреты на изучение войны никто не снимал, архивы были открыты только для тех, кто их беспощадно расчищал от «ненужных» завалов пожелтевшей бумаги.

Но вот Горбачева прогнали, и можно было надеяться, что уж теперь-то что-нибудь изменится. Кое-что в стране изменилось. Но только не в области изучения нашей столь неоднозначной истории.

Поясню ситуацию на одном примере. Исследователь Дмитрий Юрасов с 13 лет ведет картотеку репрессированных. Окончив школу, поступил в Историко-архивный институт, по окончании которого был кадровым работником архивов Октябрьской революции, Народного хозяйства, Верховного суда СССР. За многие годы (данные на февраль 1993 года) собрал 430 тысяч карточек и 60 тысяч писем. Интересуется человек историей.

Вот таких-то приказано выявлять. Вот за такими и охотятся недремлющие органы. Повышенный интерес Юрасова к нашей истории был изобличен Верными Русланами. И вылетел любопытствующий Юрасов из архивов, и более туда не пускаем.

А ведь Дмитрий Юрасов всего лишь собирает данные о преступлениях, которые, как заявляют горластые «дети XX съезда», давно разоблачены. Юрасов военных тайн не касался. В военные архивы не рвался. И собирал сведения НЕ СЕКРЕТНЫЕ. Таких собирателей наше родное руководство не жалует и при случае с чувством глубокого удовлетворения вставляет им рельсы в колеса.

А тот, кто интересуется войной, находится в еще худшем положении. Вокруг военных архивов барьеры куда как выше.

Генерал армии М. А. Гареев, сообщив в «Красной звезде», что документы Ставки ВГК находятся неизвестно где, продолжает: «Как это ни печально, но, трезво оценивая обстановку, видимо, придется считаться с тем, что к какой-то части документов доступ будет открыт еще не скоро».

Перевести генеральские слова можно так: дорогие товарищи исследователи, самого интересного в Генштабе давно нет, а к тому, что есть, мы вас, к великой нашей печали, допустим еще не скоро.

Опубликовано это было в «Красной звезде» 27 июля 1991 года. С момента германского вторжения до момента публикации генеральского заявления прошло ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ, ОДИН МЕСЯЦ И ПЯТЬ ДНЕЙ. В сравнении с этим сроком как прикажете, товарищ генерал, понимать термин «еще не скоро»? Это когда?

И вот вам, генерал армии Гареев, все тот же вопрос: ЗАЧЕМ? Объясните — не мне, а народу, который вас кормит: ЗАЧЕМ секреты войны надо хранить? ЧТО ВЫ ОТ НАРОДА ПРЯЧЕТЕ?

Самое пикантное тут вот что: именно этого генерала из породы стерегущих назначили президентом Академии военных наук, именно он и является самым активным исследователем войны, стирателем белых пятен.

Приветствую вас, о великий открыватель тайн истории!

2

Справедливости ради надо признать, что один исследователь из университета Тель-Авива без всяких проблем получил не только разрешение, но и приглашение на работу с любыми архивами России, включая архивы Министерства иностранных дел, Генерального штаба, ГРУ ГШ, СВР⁵ и Коминтерна.

Зовут исследователя Габриэль Городецкий. Наши вожди и стратеги утопить «Ледокол» не смогли, потому призвали мудреца из-за моря: архивы наши велики и обильны, а порядка в исторической науке нет.

В помощники Городецкому выделили советника Президента России по вопросам обороны и безопасности генерал-полковника Волкогонова. Волкогонов — профессор, доктор исторических и

⁵ Служба внешней разведки.

доктор философских наук, членкор РАН. В Главном политическом управлении Советской Армии прошел все ступени до начальника управления спецпропаганды (психологической войны) и заместителя начальника ГлавПУРа. С этого поста был брошен на военно-исторический фронт, получив назначение на должность начальника Института военной истории Министерства обороны.

В Советском Союзе к изучению войны допускали только тех, кто ранее руководил спецпропагандой. Вот он-то, спецпропагандист самого высшего ранга, и помогал доставленному из Израиля искателю истины.

Городецкий заказ выполнил. Изданный им эпохальный труд уникален. В числе прочего, Городецкий ссылается на архив ГРУ.

Такого не было никогда! Открывайте официальную шеститомную историю войны, изданную по приказу Хрущёва, открывайте еще более официальную двенадцатитомную историю, изданную по приказу Брежнева, — нет в тех томах ссылок на архивы ГРУ.

А дерзкий исследователь из Тель-Авива проник. И караульные собаки его не терзали. И бдительные часовые огня на поражение не вели. Даже и предупредительными в воздух не палили.

Ситуацию никто по достоинству не оценил. Зря. Дело в том, что в архиве ГРУ секретных документов нет. Самый низкий гриф — «Совершенно секретно». Только мне непонятно, какая государственная организация давала означенному исследователю направление, и кто ему давал допуск к работе с секретами? Ведь для получения такого допуска надо принять присягу, доказать преданность правящему режиму и умение хранить государственную и военную тайну. Товарищ Городецкий, вы приняли присягу на верность? Вы соответствующие бумаги подписали?

Министром обороны в те славные времена был генерал армии Грачев, начальником Генерального штаба — генерал армии Колесников. Два этих стратега допустили к государственным секретам России гражданина иностранного государства. Это измена Родине в чистом виде.

Денег на издание книги Городецкого не жалели. Отпечатали тираж в Германии, чтобы качеством читателя привлечь. Пиарили книгу по всем каналам российского телевидения. Но бестселлера не получилось. Не помогла даже измена Родине, совершенная ради такого случая высшими руководителями Вооруженных Сил России. Через полтора десятка лет тираж все еще не продан.

Вот так работает наша родная спецпропаганда.

3

Вот наш путь к правде: ветеранам войны, кровь за Родину проливавшим, вход в военные архивы заказан, а залетному гастролеру из Тель-Авива — красный ковер от аэропорта до совершенно секретных хранилищ ГРУ. И ему в адъютанты и консультанты — советника Президента России по вопросам обороны и безопасности. Если надо — Академию военных наук с Институтом военной

истории на помощь призовут.

Так мы свою историю и пишем. И работает **Академия военных наук, и гордится составом своим** — неисчислимыми стадами докторов **и кандидатов**.

Вызываю на бой великих открывателей: не сумел товарищ Городецкий «Ледокол» утопить, потому продолжить его дело — ваша, граждане, прямая обязанность. Товарищи генералы и полковники, доценты с кандидатами, нужно или признавать «Ледокол», или опровергнуть. Вам за это деньги платят. Ну, кто выйдет конным или пешим, грудь на грудь и щит на щит? Кто возразит по существу, а не по мелочам?

Но храбрых выйти на поединок под телекамерами ни в Министерстве обороны, ни в Генеральном штабе, ни в Академии Военных наук не сыскалось. Вместо опровержений нашли генеральные академики и академические генералы, отговорочку: мол, все в «Ледоколе» вроде бы правильно, да вот только подтверждающих документов в архивах, к сожалению, найти не удалось.

Здорово у генералов получается: с одной стороны — документов найти не удалось, а с другой — «как ни печально, но к какой-то части документов доступ будет открыт еще не скоро». Бедные генералы-исследователи не могут обнаружить то, что твердо решили нам не показывать. Они украли и спрятали нашу историю, а теперь почему-то не могут найти украденное.

Работает генерал армии Гареев не один, а в дружном коллективе таких же открывателей. Вот еще один упорный исследователь — генерал-полковник Ю. А. Горьков. Он неутомимо мечет булыжники в мой огород. Придумал он вот какой финт: объявил, что архивы-то в руках генеральских, следовательно, только в их творениях — чистая правда. А некоторые, понимаешь, пописывают без опоры на архивы, что с них возьмешь?

Генерал-полковник Горьков прикидывается слабоумным, делая вид, что не понимает простых вещей: а ведь доступ к архивам вовсе не означает стремления говорить правду. Наши генералы всегда имели доступ к архивам, но из этого вовсе не следует, что они всегда говорили правду. А существование целой подпольной генеральской секретной литературы о войне, «закрытые» исследования, неприступность военных архивов — это как раз и есть ясно выраженное НЕЖЕЛАНИЕ ГОВОРИТЬ ПРАВДУ. Это как раз и есть четко проявленное стремление ВРАТЬ. С опорой на архивы. А генерал Горьков не унимается:

Выяснение истины... учитывая особую сложность проблемы, требует осмотрительности, трезвости суждений, строгой опоры на документы (Красная звезда. 21 октября 1995 г.).

Далее генерала понесло в высокие материи. Генерал-полковник Горьков рассказывает о великом потенциале нашего народа:

Этот потенциал включает и знание истории, в которой общество черпает силы. И изучать историю нужно, образно говоря, не по поддельным копиям, а в

подлиннике.

Ай да логика генеральская! Историю надо знать! Из нее народу следует силы черпать! И изучать ее надо по подлинникам, с твердой опорой на документы... которые генералы никому не показывают, которые спрятаны неизвестно где, которые собаками стерегут, к которым пятьдесят лет народ так и не подпустили и в ближайшие пятидесятилетия допускать не намерены.

А не кажется ли вам, товарищи генералы, что делаете вы ту же самую работу, что и серые караульные псы, которые за два килограмма мяса в день не подпускают народ к его собственной истории?

ГЛАВА 3. Занимательная арифметика советских историков

Главный принцип нашей работы — правдивость.

ВИЖ. 1988. № 10. С. 71

Мы обязаны держаться правды.

ВИЖ. 1989. №6. С. 5

За полную правду.

ВИЖ. 1990. № 12. С. 66

Писать и печатать правду.

Красная звезда. 26 ноября 1993 г.

Ничего, кроме правды.

Красная звезда. 9 февраля 1995 г.

Наша задача — говорить правду.

Красная звезда. 24 января 1997 г.

Говорить правду, и только правду.

Красная звезда.19 марта 1997 г.

Кому нужна ваша правда, если она мешает нам жить?

Член ЦК КПСС, начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал армии А. А. Епишев. Огонек. 1989. №25. С. 5

1

Тогда, в секретной библиотеке Киевского высшего общевойскового командного училища имени Фрунзе, искушение я поборол: секретную книгу генерала Сандалова повертел в руках и вернул в окошко, так и не раскрыв. Решил: мы пойдем другим путем. Я не буду читать секретные мемуары наших генералов и маршалов. Пока. Я понимал, что моя будущая работа, моя профессия заключается в том, чтобы раскрывать военные тайны. Методы, которыми меня готовят, достаточно совершенны, однако в любом обучении никак не увернуться от условностей и упрощений. А тут выпала возможность готовить себя самому. Без условностей и упрощений. Там, за броневой дверью секретной библиотеки, — сотни книг, которые содержат военную тайну — секретную версию войны. В чем заключается секретная версия, чем она отличается от несекретной, я не знаю.

Но это можно ВЫЧИСЛИТЬ. Нужно просто вникнуть в несекретную версию, прикинуть, чего в ней недостает, где она искажена, и на этой основе сделать вывод о том, как может выглядеть секретный вариант истории той же войны. И вот только после этого я доберусь до секретных мемуаров и проверю, насколько точны мои вычисления и предположения.

Итак, первый ход — изучение несекретной версии. В те годы основой всех основ была шеститомная «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945», разработанная Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Те тома выглядели внушительно: роскошные переплеты, хорошая бумага, безукоризненная печать, обилие карт и фотографий, сноски, ссылки на источники, приложения — все это вызывало уважение.

Уважение перерастало в трепет после прочтения выходных данных: редакционная комиссия — список на полстраницы, в который входили члены Политбюро и ЦК, маршалы, генералы, адмиралы, академики, ведущие писатели. Отдельно — авторский коллектив и редакция каждого тома. Кроме того — список консультантов, а в нем — маршалы, маршалы, маршалы и министры оборонной промышленности, и опять — академики, академики, академики. И уж помимо всего этого — списки архивов, наших и зарубежных, из которых черпались знания. Одним словом, академическое исследование в лучшем виде.

Правда, никто тех томов никогда не читал. Я выступаю иногда перед своими читателями; выпадает выступать и перед соотечественниками — теперь их немало по заграницам. Многие из них жили в Советском Союзе в те времена, когда сей шеститомник являлся украшением любой квартиры. Прошу слушателей: поднимите руку, кто прочитал все шесть томов. Понимаю, что слушатели ждут подвоха и моих каверзных вопросов, потому помалкивают. Тогда вопрос повторяю в другой форме: кто этот шеститомник не читал? И тут зал отвечает веселым дружным всеобщим голосованием без воздержавшихся.

И когда меня упрекают в том, что стиль у меня не научный, я, скромно потупив глаза, вопрошаю: а кому нужен тот академический стиль, который никто не читает? Считаю, что писать научные монографии — дело нехитрое. Писать книги, главное назначение которых — украшение квартир, может любой, даже и академик, ибо не в содержании ценность, а в переплете. Вот вы попробуйте писать обыкновенным человеческим языком так, чтобы книги покупали не только ради красивых картинок.

Но это к слову. Официальный шеститомник я бы тоже читать не стал, но тогда сложилась ситуация: надо. Пришлось себя заставить. Открыл. И оторваться уже не мог.

3

Это великая книга. Жаль, что нашим народом она не читана. Каждый, кто одолеет хотя бы первый том, прозреет.

Первое, что бросается в глаза, — отсутствие системы в изложении материала. Читал я шеститомник в то самое время, когда меня учили сведения собирать вместе, выбирать главное,

отбрасывая малозначимое, раскладывать по полочкам, приводить к системе. А тех, кто писал «Историю Великой Отечественной», этому явно не учили, потому академики попросту набивали тома всем, что попадалось под руку, никак не заботясь о том, чтобы распределить материал по темам или внести логику в его изложение.

Я же, по причине врожденного упрямства, пытался сведения о войне, которые содержались в официальной истории, сортировать. Но из этого ничего не выходило.

Начинаю с самого верха: наиболее крупная организационная единица Красной Армии в предвоенный период — военный округ. Сколько же их было на 21 июня 1941 года? В шеститомнике описаны (бегло) пять приграничных округов. Но были и внутренние военные округа. Сколько? Каких? Кто ими командовал? Какие силы в них находились? Ответов нет. То тут, то там упоминаются то Московский, то Орловский, то Харьковский военные округа. Но почему все это разбросано, раскидано, разметано по разным томам, частям, главам и разделам? Почему эти данные не собраны вместе на одной странице, в одной таблице?

Организационная единица уровнем ниже военных округов — армия. Второй вопрос: сколько было армий в Советском Союзе на 22 июня 1941 года? Я опять в тупике. Этой информации в официальной истории нет. Каков состав этих армий? Где они находились в момент германского нападения? Я снова и снова упираюсь в несокрушимые стены.

На листе выписываю номера армий, которые упомянуты в тексте. Получается, что армий было двенадцать. Их номера: 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 14, 23 и 26. В этом ряду — странные пробелы. Пропущены 1, 2, 9 и 13 армии. Где они были 22 июня? Или их вовсе и не было? А после номера 14 — дикие пробелы. Почему?

По какой-то причине положение армий на карте не показано, просто надписи: военный округ такой-то, и в скобочках — номера армий, которые были в его составе. Где же они находились?

Одно дело, если войска сосредоточены у самых границ, — тогда они попадут под первый удар и погибнут; другое дело, если они в десятках и сотнях километров от границы, — тогда будет время поднять войска по тревоге и достойно встретить противника.

Если армии далеко от границы, го мы в первый момент войны теряем некоторую часть своей территории, но сохраняем войска от первого внезапного удара. Но если войска сосредоточены у самых границ, то мы теряем и армии, а вместе с ними и территории, которые некому будет защищать, и тем самым ставим страну на грань катастрофы.

Я хочу знать, что случилось 22 июня 1941 года. Но этого понять нельзя, не зная положения наших армий. В шести томах — множество карт. Только одной, самой главной, нет. Та карта, которая позволяет понять начало войны, отсутствует.

И сколько их было, этих армий? Двенадцать? Или не двенадцать? Если двенадцать, то зачем использовать номер 26? Врагов обманывать? Или себя? Много позже по песчинкам собрал я сведения по каждой армии, и получилось: 22 июня их было не двенадцать, а тридцать одна. Эти сведения можно получить, просеивая множество других книг, словно тонны песка ради нескольких золотых крупинок. Но из официальной истории войны этих сведений извлечь нельзя. Официальная история написана так, чтобы в отвалах шлака золотых пылинок не содержалось.

Это бьющая в глаза пустота статистических отвалов позволила сделать первый вывод.

4

Любая достаточно большая сумма знаний превращается в науку, если знания систематизированы. А наша официальная версия войны изложена без системы. Другими словами, это не наука — таков был мой первый вывод. От него я не отказываюсь и через четыре десятка лет. Скажу больше: сведения о войне в официальном шеститомнике не только не систематизированы — их там практически нет.

Содержание шести томов можно пересказать тремя словами: войну выиграл Хрущёв. Все шесть томов — отвлеченные рассуждения, призывы и лозунги, восхваления Коммунистической партии и лично товарища Хрущёва, а об армии и войне — почти ничего.

Судите сами. Основной ударной и маневренной силой Красной Армии летом 1941 года были механизированные корпуса. Понять начало войны, а, следовательно, и весь ее последующий ход, невозможно, не зная, сколько у нас было мехкорпусов, где они находились, кто ими командовал, каков был их состав. Об этой основной маневренной и ударной силе Красной Армии сообщается следующее:

Формирование механизированных корпусов проводилось в два этапа. Некоторые из них создавались, начиная с июля 1940 года, а большая часть — в марте — июне 1941 года. Однако руководство Наркомата обороны допустило ошибку, предоставляя технику всем корпусам сразу, в результате чего к началу войны большинство из них не было полностью укомплектовано (История Великой Отечественной войны Советского Союза: 1941–1945. Т. 1. С. 457).

И это все. И снова вопросы: так сколько же их было, этих самых мехкорпусов? Пять? Десять? Двадцать? Тридцать? Что они собою представляли? Мехкорпус — это сто танков? Или двести? Пятьсот? Может быть, тысяча? А сколько грузовых машин в мехкорпусе? Тысяча? Две? Пять? А солдат? Десять тысяч в каждом? Двадцать? Тридцать?

Что значит «некоторые из них», «большая часть», «большинство»? Если бы я в ходе решения учебной задачи докладывал преподавателю сведения о противнике, используя термины «некоторое количество», «определенный процент», «какая-то часть», то меня немедленно упекли бы в 26-ю камеру киевской гарнизонной гауптвахты, в ту самую, в которой дезинфекции ради — ведра с

хлоркой. И правильно сделали бы. Ибо мы люди военные, и точность — наша вежливость. Как у королей.

0тсутствие точности — хамство.

Очень жаль, что наших маршалов и академиков, писавших официальную историю, за проявленное хамство не сажали в камеру с хлоркой. А ведь заслужили.

5

Если официальная история войны — наука, то нужно было хотя бы назвать число этих самых корпусов, дать таблицу: номер корпуса, когда создан, в составе какой армии находился, кто командир, какие дивизии в его составе, сколько в нем танков, сколько артиллерии. Если корпусов было мало, то таблица много места не займет. Если их было много, значит они заслуживают внимания, так не пожалейте же страницы.

И еще: если история войны — это наука, то тут же рядышком должны быть те же сведения о немецких корпусах. Если сказана гадость о том, что наши корпуса не укомплектованы в своем большинстве, то следовало — просто справедливости ради — сообщить и о немецких корпусах: сколько их было и был ли хоть один из них укомплектован.

Переворачиваем страницу официальной истории:

В конце 1940 года численный состав авиадесантных бригад возрос в два раза. С начала 1941 года было развернуто формирование нескольких авиадесантных корпусов, завершенное в основном к 1 июня 1941 г. (там же. Т. 1. С. 458).

Для пущей научности — тут же и сносочка: Архив МО СССР, фонд ВДВ, опись 46027, дело 1, листы 10-15, 98, 203.

Нам сообщили, что в начале 1940 года у нас были десантные бригады, но не сообщили, сколько. Сообщили, что были у нас десантники в неизвестном количестве, и стало их вдвое больше. Нам сообщили, что в 1941 году были созданы десантные корпуса, забыв сказать, сколько, где, какой численности, а главное — зачем? Зачем весной 1941 года создавались десантные корпуса, если наша страна действительно готовилась к обороне?

Сейчас некоторые заявляют, что можно было бы десантные корпуса использовать не только в наступательной, но и в оборонительной войне: взять да и бросить их в тыл наступающим немцам — то-то переполоху будет!

Хорошо, согласимся на минуту: десантные корпуса и бригады можно использовать для выброски в тыл наступающему противнику. Чудесно. Тогда именно так и следовало бы поступить. Отчего же их туда не бросили?

Правда, интересно: великий Жуков формирует сверхмощные десантные соединения якобы для того, чтобы бросить их в тыл наступающим немцам для переполоху. И вот сложилась именно та

ситуация: немцы наступают, а великий Жуков почему-то немцам в тыл десантные бригады и корпуса не бросает, переполох не устраивает.

А причина вот в чем: если противник наступает, значит у него превосходство или даже господство в воздухе. Потому обороняющаяся сторона не может даже мечтать о поведении десантной операции. Десантную операцию можно проводить только обладая превосходством или полным господством в воздухе, то есть в обстановке победного наступления. В оборонительной войне десантники в огромных количествах не нужны, и использовать их по прямому назначению невозможно.

Для оборонительной войны нужны не десантники, а заранее, в мирное время подготовленные партизаны. Вот их-то великий Жуков и разогнал весной 1941 года, приказав распустить партизанские формирования и уничтожить ранее подготовленные партизанские базы в белорусских лесах.

6

Но это к слову. Сейчас мы о другом: сочинявшие историю войны члены Политбюро и ЦК, маршалы, генералы, адмиралы, доктора и профессоры, действительные члены и недействительные — знали они или не знали, сколько у нас было десантников и сколько авиадесантных корпусов было создано в СССР весной 1941 года?

Если не знали, зачем брались писать историю? Если знали, то почему скрывали эти сведения от своих читателей? Почему официальная история великой и святой войны состоит из шарад, ребусов и кроссвордов? Ведь цифра, означающая количество десантных корпусов, созданных (зачем-то) весной 1941 года, много места не займет. Наоборот, если вместо слова «несколько» написать «пять» или «десять», то получится хоть и маленькая, но экономия места и типографской краски.

Ссылка на архивы в данном и во всех остальных случаях — издевательство: маршалы и академики никаких конкретных сведений о десантниках, десантных частях и соединениях не сообщают, а отсылают читателя к архиву, в который его все равно не пустят.

Не поможет нам и указание на то, что численный состав авиадесантных бригад возрос в два раза. Мы все в школе фразу знаменитую учили: «Дайте мне точку опоры...» Наша же официальная история написана так, чтобы точек опоры не давать. Если бы сообщили, сколько было этих самых бригад и сколько в тех бригадах было десантников, это было бы нам опорой. От нее бы и танцевали: как-нибудь умножили бы на два и получили новую численность.

Но опоры нет. Кругом болото. Может, был у нас в стране один десантник, а стало два. В этом случае даже и десятикратное увеличение несущественно. А если их было тысяч сто, тогда...

Одним словом, если любопытствующий читатель примет первоначальное число советских десантников за X, вспомнит, что их стало в два раза больше, то в результате вычислений получит 2X.

Когда-то давно, во времена хрущевского изобилия, отстояв три часа в очереди, я купил коробку конфет. Открыл и содрогнулся — конфеты давно разложились на несъедобные фракции. Было ясно: штабель тех коробок держали на складах и базах много лет.

Решил узнать, сколько именно. Ищу дату выпуска на коробке. Нет ее. И когда срок хранения истекает, тоже не указано. Вместо этого большой красивый розовый штамп: «Срок хранения — три месяца». Но как исчислять три месяца, от какой печки танцевать?

Сначала я подумал, что это глупость. Потом сообразил: **им так удобно. И это не разгильдяйство,** это не глупость. Это — наглость.

Вот именно такая наглость и была основным оружием Политбюро, ЦК, Агитпропа, холуйствующих героев, маршалов и академиков, создававших незабвенный шеститомник. Вот следующая страница:

Части и соединения ВВС флота состояли на 45,3 процента из истребительной авиации, на 14 процентов — из бомбардировочной, на 9,7 процента — из торпедоносной, на 25 процентов — из разведывательной; 6 процентов составляла авиация специального назначения (там же. Т. 1. С. 459).

И опять же— ссылочка: ЦГАВМФ, фонд 864, опись 1, дело 172, лист 87. Строго научно. Но что мы из этого узнали? Сколько самолетов было в авиации флота? Была это мощная авиация или хилая?

Если я вам сообщу, что за вчерашний вечер вылакал 97,8 процентов запасов спиртного в своем доме и приложу соответствующую справочку, заверяющую, что дело обстояло именно так, то что вы из этого узнаете? Сколько же я выпил: бутыль, две, пять? Или полбочки? Может быть, весь мой запас — то, что в забытой бутылке на донышке осталось? Что есть проценты от неизвестного?

А вот вам не о морской авиации, а обо всей:

Готовность ВВС к войне была недостаточной, хотя наши новые самолеты имели ряд преимуществ перед немецкими, но этих самолетов было мало, примерно 22 процента от общего числа наличных самолетов в авиации приграничных округов (там же. Т. 1. С. 476).

Процентами от неизвестного можно поразить воображение идиота. Скажем, например, что один человек тратит на питание сто процентов своих доходов, а другой — сотую часть процента. Кто же из них лучше питается?

Кажется, сто процентов больше, чем одна сотая. Но так кажется дураку. А мы спросим: сто процентов от чего? И сотая часть процента — от чего? Калека в подземном переходе сто процентов своих доходов тратит на питание. А олигарх с миллиардами сколько бы ни тратил на роскошные приемы в мраморных дворцах и на океанских яхтах, все равно будет расходовать ничтожную долю своих доходов. Одна сотая процента его доходов, истраченная на бочки икры и реки шампанского, в

неисчислимое количество раз больше, чем сто процентов голодного на улице.

Для понимания ситуации: один всем известный, но весьма бедный человек владеет тощим пакетом, в котором всего лишь 4,8 процента акций «Газпрома». Неполных 5 процентов — какая нищета! Но если эти проценты перевести в миллиарды долларов, то они воспринимаются нашим сознанием несколько иначе...

Казалось бы, объяснять тут нечего. Но на беду, в академических кругах по обе стороны Атлантики нашлось достаточно мудрецов, которые дружно повторяют: всего лишь 22% советских самолетов были новейшими! Всего лишь 22 процента! О, эта ужасающая сталинская неготовность!

Эти проценты вошли в сотни диссертаций и монографий. И никто вопроса не задаст: а во сколько раз 22 сталинских процента больше, чем 100 гитлеровских процентов? И не проще ли перейти от процентов и разов к реальному количеству?

Америк не открываю: использование в научном труде процентов, когда их значение заведомо неизвестно, — есть шарлатанство. Вся наша официальная военная история, от хрущевского шеститомника до жуковских мемуаров, от академических томов до школьных программ, зашифрована в проценты, значение которых не раскрывается, то есть вся история войны — шарлатанская. Не в обиду вам будет сказано, товарищи ученые и орденоносные мемуаристы.

Люди военные мыслят не процентами, а количеством истребителей, торпедоносцев, бомбардировщиков, танков, пушек, крейсеров. И так пишут в документах, которые потом ложатся в архив. И это всегда числа целые, а не дробные, потому как не может летать треть самолета, как не могут бороздить моря 43,4 процента крейсера.

Но вот какие-то дяденьки ударным трудом, не досыпая ночей, зашифровывают все цифры в проценты. Результаты их трудов расшифровке не поддаются.

Пример. Благодарный читатель «Военно-исторического журнала» (1989. № 12. С. 95) интересуется: а какой у вас тираж? На дворе перестройка с гласностью буйствуют, в те времена ходили даже слухи (необоснованные), что будто бы сам Горбачев кому-то якобы обещал разрешить иногда говорить правду. Редакция «Военно-исторического журнала», опьяненная гласностью и вседозволенностью, окрыленная ветрами перестройки, отвечает любопытствующему:

Если среднемесячный тираж 1988 г. принять за 100 проц., то в 1989 году он составит 369,3 проц., а на январь 1990 г. — 593,3 проц.

Это только со стороны кажется, что военные тайны раскалывать — романтика беспробудная. А вот вы попробуйте на человеческий язык перевести эту цитату.

ГЛАВА 4. История, которую никак не могут написать

Многие важные документы из архивов Министерства обороны СССР, архивов Советской Армии были изъяты после XX съезда КПСС и не возвращены.

Генерал-полковник Д. А. Волкогонов. Красная звезда. 26 июля 1988 г.

1

Пухлые многотомники о войне — это только вершины терриконов, сложенных из военных мемуаров и бесчисленных исторических изысканий. Коллективы докторов и генералов сочиняли трактаты о действиях авиации и танковых войск, о развитии стратегии и тактики в ходе войны, о промышленности и транспорте, о войсках связи и о саперах, о десантниках и военных железнодорожниках.

И умудрились все сведения о войне сохранить в непроницаемой тайне.

Все эти мемуары, все трактаты — череда неразрешимых загадок. Зададим вопрос о количестве истребителей в авиации приграничных округов. И получим точный ответ — 59 процентов (Советские Военно-воздушные Силы в Великой Отечественной войне. С. 13). Писано это мощным авторским коллективом авиационных генералов-героев под руководством ба-а-альшого начальника.

Для того чтобы шарады с процентами не утомили читателя, наши иллюзионисты применяют и другие методы шифровки. Пример: производство боеприпасов в Германии в 1939 году выражено не в количествах снарядов, мин и патронов, не в тысячах тонн, а в миллионах марок (История Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 375). Но пулемет потребляет патроны, миномет — мины, гаубица — снаряды. Но отнюдь не марки. Так расскажите же мне о патронах и снарядах, а не о марках!

Сколько в марках стоил один патрон, один 37-мм или 75-мм снаряд, одна граната, я не знаю. И где искать сведения о ценах на германские боеприпасы в 1939 году? И что такое миллион марок в то время? Выходит, цифру мне сообщили, но эта цифра — пустышка, фантик, конфеткой сложенный, чтобы дурачков обманывать.

Но и это — не конец головоломки. Чтобы окончательно затуманить картину, в скобках почемуто указано: «по ценам 1941/42». В 1939 году были одни цены, я не знаю, какие. В 1941 году — другие, тоже неизвестные. И вот академики продукцию 1939 года зачем-то вычисляют по ценам 1941 года.

Сразу признаюсь: этот орешек не по моим зубам. Это нашим вождям такие уравнения решать. Это они знают, как расплатиться в случае, если работа выполнена в прошлом году, а зарплату (пока не всю) плат им в этом году по ценам позапрошлого года.

Похоже, историю войны писали такие же шустрые ребята, как и те, которые сейчас страной правят.

Но даже за германские боеприпасы мы должны авторов шеститомной истории благодарить, ибо о советских боеприпасах они вообще ничего не сообщают. О существовании Красной Армии авторы официальной истории словно забыли. Они пишут, например, что Германия бросила против Советского Союза 3410 танков. Но почему-то постеснялись сказать, что ВСЕ немецкие танки были устаревшими.

Сколько же танков имел миролюбивый Советский Союз? Молчание было нам ответом. Сколько у нас было самолетов? Опять секрет. Не раскрываемый.

И вот я вынужден повторить: если официальная история не содержит данных о количестве танков, самолетов и боеприпасов в Красной Армии, если в ней нет данных о количестве военных округов, армий и корпусов, значит эта версия войны вообще версией не является.

Шеститомная «История Великой Отечественной войны Советского Союза» — не история. Это чисто декоративное издание, практической ценности не имеющее. У мошенников есть старый, но до сих пор работающий прием: пачку аккуратно (очень аккуратно) нарезанной бумаги всучить лоху вместо пачки денег. Именно этот прием и был применен нашими мошенниками в маршальских мундирах. Шесть томов официальной истории — это аккуратно нарезанная бумага, которая не содержит ничего. Это видимость истории. Только иллюзия. Трюк. Шулерский финт.

Кстати, сами правители это понимали лучше нас. Потому немедленно после выхода хрущевского шеститомника историю войны приказали переписать. Шесть томов — мало. Давай двенадцать.

Специально для написания новой несекретной версии войны был создан Институт военной истории. А ему в помощь подключили Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт всеобщей истории АН СССР, Институт истории СССР АН СССР. В редакционную коллегию ввели новый, расширенный табун членов Политбюро и ЦК, маршалов, генералов, руководителей недремлющих органов и так далее.

Новому двенадцатитомному творению дали название: «История второй мировой войны. 1939–1945». Загадки начинаются прямо в названии. По неизвестной, никогда никем не объясненной причине наши академики название Второй мировой войны почему-то писали со строчной буквы.

А ведь эта война — центральное событие XX века. А ведь это мясорубка, каких ранее не бывало. Так хотя бы из уважения к невинно загубленным миллионам... Наконец, это имя собственное.

Должен с гордостью отметить свой вклад в науку. Откройте любую книгу о войне, изданную при Советском Союзе и в первые годы после его крушения: словосочетание «Вторая мировая война» ученые мужи упорно писали со строчной буквы. Против этого я публично возразил еще 9 мая 1985 года. И возражал при любой возможности, вот хотя бы и в этой книге.

И своего добился. Сейчас название войны все пишут с заглавной буквы. Как-то даже и странно,

что раньше могло быть иначе.

И это рождает надежду.

Сегодня с некоторыми моими суждениями, мягко говоря, не все согласны. Но я верю, что когда-то они будут понятны большинству. И люди будут спрашивать: да чего же тут не ясно? Да разве кто-то раньше мог мыслить иначе?

3

Двенадцатитомник, созданный по приказу Брежнева, получился смешнее хрущевского шеститомника. И на этот раз суть всех двенадцати томов можно было выразить тремя словами. Только это несколько другие слова: войну выиграл Брежнев.

Но стоило ли ради этого количество томов увеличивать вдвое?

О том, что это была за версия войны, вам судить: во всех двенадцати томах ничего не говорится о расстрелах советских командиров накануне войны. Мы можем к этим расстрелам относиться по-разному, но непозволительно исторические события замалчивать. А в двенадцатитомнике слово «расстрел» для этой ситуации вовсе не применяется.

При Хрущёве для смягчения смысла придворные академики термин освоили: «репрессии». Но в брежневском двенадцатитомнике и этого слова нет. Вместо него — «обвинения». Вот, мол, против некоторых командиров были выдвинуты необоснованные обвинения. Вроде бы обвинения выдвинули и успокоились. Вроде бы обвинениями дело и кончилось.

Как и раньше, во всех двенадцати томах не было данных о том, сколько же танков имела Красная Армия в 1941 году, сколько самолетов. сколько боеприпасов. Вы не найдете количества советских армий и корпусов. Группировку войск, то есть расположение наших армий, корпусов и дивизий, авторы обделили вниманием; местонахождение советских войск в момент начала войны так и осталось государственной тайной.

О наших потерях — ни единого слова. Видимо, без потерь воевали. Единственная удача авторов — роль политкомиссара Брежнева Леонида Ильича в мировой истории показана ярко и выпукло, за что и получили авторы двенадцатитомника премии, ордена, титулы, звания и всякие прочие материальные блага. О тех временах они вспоминают с тихой грустью:

Надо прямо сказать, историки, тем более военные, лауреатскими лаврами давно не отягощены. Последний раз их коллективный труд был удостоен Государственной премии пятнадцать лет назад. Такую оценку получили авторы 12-томной истории второй мировой войны (Красная звезда. 26 декабря 1996 г.).

Мои протесты тогда еще не были услышаны, товарищи из «Красной звезды» название войны писали со строчной буквы. А историков официальных жаль — их так редко награждают. Но виноваты вы, товарищи, сами: нюх потеряли. Написали бы 24 тома о том, что войну выиграл тот, кто на данном

историческом этапе финансовые потоки страны в нужные русла направляет, мигом бы вас премиями завалили.

4

Брежневский двенадцатитомник— наш национальный позор. Вот оценка ему. Писательфронтовик В. П. Астафьев:

Мы как-то умудрились не без помощи исторической науки сочинить «другую войну». Во всяком случае, к тому, что написано о войне, за исключением нескольких книг, я как солдат никакого отношения не имею. Я был на совершенно другой войне. А ведь создавались эшелоны литературы о войне. Например, 12 томов «Истории второй мировой войны». Более фальсифицированного, состряпанного, сочиненного издания наша история, в том числе история литературы, не знала. Это делали, том за томом, очень ловкие, высокооплачиваемые, знающие, что они делают, люди. Недавно схватились два историка. Морозов и Самсонов, в споре о частностях в этой истории. Я написал письмо редактору газеты о том, что историки в большинстве своем, в частности те, которые сочиняли историю Великой Отечественной войны, не имеют права прикасаться к такому святому слову, как правда. Они потеряли это право своими деяниями, своим криводушием (Вопросы истории. 1988. №6. С. 33).

А создатели двенадцатитомника своим творением гордятся. Им даже не хватает ума и совести прикидываться изнасилованными — мол, все мы жертвы системы. Вовсе нет — они скорбят по тем счастливым временам, когда удовлетворенный клиент в ранге Генерального секретаря сверх обещанного бросил им лишний червонец в виде Государственной премии.

5

Но весьма скоро вожди сообразили, что зря лауреатам икру скармливали. Над брежневской версией войны мир смеялся больше, чем над предыдущей хрущевской. Премию историкам дали, а истории войны как не было, так и нет. И снова надо начинать все с самого начала.

Пробовали третий раз в разгар перестройки и гласности: во главе ученых табунов — ГРК, Главная редакционная комиссия, которой подчинены другие комиссии в великом множестве. Председатель ГРК — министр обороны СССР. У него — свита заместителей: начальник Генерального штаба, главнокомандующий силами Варшавского договора, главнокомандующие видами вооруженных сил, начальник главного политического управления, вице-президент АН СССР, директор института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и так далее. Кроме них в составе ГРК — начальники учреждений и ведомств: АПН, Воениздат, Госкомитет по статистике, Главное архивное управление, Всесоюзный совет ветеранов войны и труда. И много там еще было всяких ответственных товарищей

из высоких кабинетов. И за каждым — мощные организации с ордами подчиненных. Кроме тех институтов, которые раньше у многотомников кормились, к проекту пристегнули еще несколько новых, в их числе — Институт теории и практики социализма.

Вокруг ГРК буйно разрастались структуры и подразделения. Главной редакционной комиссии была подчинена организация, которая называлась редакцией десятитомника. А ей, в свою очередь, подчинялись десять редакций отдельных томов, научно-контрольная редакция и «ряд научно-технических подразделений».

Но вновь ученая отара уперлась в те же запертые ворота: война-то секретная, о ней нашему народу ничего знать не положено, и он ничего не знает, кроме удивительных сказаний про 28 панфиловцев и про наши горящие бомбардировщики, которые врезались в гущу вражеских танков и цистерн.

В этом блаженном неведении народ следовало оставлять и дальше. Потому требование старое: написать много томов, на сей раз — десять, но так, чтобы секреты не раскрыть. Иными словами, вновь ставилась задача писать какую-то другую правду, отличающуюся от той, которую прячут за решетками и броневыми дверями под охраной недремлющих органов.

Потому и на этот раз ничего кроме конфуза выйти не могло и не вышло. Академики, генералы и маршалы затеяли скандал на всю страну, называли друг друга всякими нехорошими словами, проели много денег, но так ничего и не написали.

В 1991 году читатели должны были получить первые два тома. Читатели подписались, внесли деньги, но ничего не получили. Вся затея была настоящей финансовой пирамидой: много шума, много расходов. Пар ушел в свисток, а деньги — неизвестно куда...

На том и заглохло.

Тенденция налицо. Первая попытка написать историю войны завершилась шеститомным анекдотом. Вторая попытка — результат еще хуже. Итог третьей попытки — звенящая пустота. Как ни крути — закономерность просматривается: чем дальше, тем хуже. Чем больше узнаем о той войне, тем труднее сочинять ее историю. Мы дошли до того, что написание официальной истории пришлось бросить, как строительство «мертвой дороги» Салехард — Игарка, которая сквозь болота, тундру и вечную мерзлоту вела в никуда.

6

Не пора ли задуматься: война была святой, великой, освободительной, но подогнать под нее хоть какую-нибудь версию не получается. Что-то не стыкуется.

Стыд-позор: все агрессоры историю войны давно написали. У немцев есть официальная история войны, у японцев она насчитывает 96 томов. А у нас не вырисовывается. Не выплясывается.

Скажу больше: а ведь мы еще и не приступали. Говорят, что хрущевский шеститомник, брежневский двенадцатитомник, горбачевский десятитомник — это неудачные попытки. Для таких заявлений оснований нет. Эти многотомники нельзя считать попытками, пусть даже и неудачными, ибо изначально ставилась цель всевозможными финтами суть дела замутить, а не прояснить, ибо изначально научный подход был заменен шулерскими трюками, ибо изначально ставилась задача писать так, чтобы секретов не раскрыть.

Если директору кондитерской фабрики дано право использовать штамп «Срок хранения — три месяца» без указания даты выпуска, значит, это выгодно и главку, и министру, и кому-то выше. Значит, грызть нам окаменевшие пряники, сколько бы ни призывали начальники повышать качество продукции.

Если маршалам и академикам дано право дурачить нас головоломками и шарадами из процентов и разов, значит это выгодно власти, значит питаться нам огрызками с праздничного стола историков-лауреатов, сколько бы они ни призывали сами себя писать правду и только правду.

Выводов не навязываю, но предрекаю: при таком подходе историю войны, которую развязал Советский Союз и которую некоторые называют «отечественной», написать не удастся. Никогда. Просто потому, что у правды двух версий не бывает.

ГЛАВА 5. Кто писал нашу историю?

История СССР (настоящая история) целиком состоит из тайн. Тайны эти в основном неприятные.

Московский комсомолец. 27 октяоря 1994 г.

1

Много лет у тех, кто рангом повыше, я осторожно допытывался: почему история войны у нас секретна? Почему изучение войны запрещено? Зачем у нас две версии войны? И как такое может быть, чтобы обе были правдивыми?

Ответ я получал всегда один: а у них там. у врагов, тоже есть секреты.

Вот те раз! Так ведь они же — враги. Они буржуины, вампиры, злодеи, империалисты, поджигатели, они из пролетариев кровь пьют и негров на фонарях вешают, они войны развязывали захватнические, им есть, что прятать. Но мы-то — освободители. Нам ли с поджигателей пример брать? И почему мы берем только дурной пример? У них ведь есть чему поучиться. Потому, если уж и брать пример, давайте копировать и все остальное Британский рядовой солдат, к примеру, получает достаточно денег для того, чтобы свой отпуск проводить на берегах Средиземного моря или где-нибудь на солнечных пляжах Атлантики. Отчего же мы подражаем только плохому, не перенимая хорошего? Про наших солдат не говорю, но каждый ли наш сержант имеет возможность на свою получку в Монте-Карло расслабиться?

Да и прячут проклятые империалисты какие-то темные дипломатические ходы, тайные сговоры, шпионские достижения. Но никому в голову не приходило скрывать количество танков и самолетов, которые уничтожены или списаны полвека назад.

А мы скрываем.

2

История — цепь взаимосвязанных и взаимно обусловленных событий. Но мы знаем только отдельные факты, случаи, фрагменты. Задача исследователя — сложить из косточек скелет, из черепков — вазу, из обломков — монумент, из отдельных фактов — общую картину прошлого.

Главное здесь — упорство и внимание. И честность. Тогда все стыкуется. Тогда все идет легко и просто. Однако эта легкость сопутствует исследователю только до первой ошибки, и не имеет значения, случайная она или преднамеренная. Как только допустил ошибку — положил кусочек разбитой мозаики не туда, — так сразу пошли нестыковки. Это как в арифметике: если в цепи вычислений мы где-то пропустили нолик, то дальше пойдет чепуха, да не простая, а нарастающая. Нестыковка — следствие ошибки и ее признак.

Наша история, прежде всего история войны, наукой не является, ибо в ней ничего не стыкуется.

Это нарастающая чепуха. Возьмем основу основ нашей мемуарной литературы — «Воспоминания и размышления» Жукова Георгия Константиновича, Маршала Советского Союза, четырежды Героя Советского Союза. В момент начала войны он был начальником Генерального штаба, то есть главой «мозга армии». Его прямая обязанность — знать главное о своей армии, ибо ее действия он планирует, направляет и контролирует.

И вот именно Жукову следовало сказать в своих мемуарах, сколько и каких у нас было танков и самолетов, сколько орудий, винтовок, патронов и снарядов. Ему следовало показать, где находились наши аэродромы, стратегические запасы, где в момент начала войны находились армии, корпуса и дивизии.

Но Жуков ухитрился исписать 734 страницы, но о войне ничего не рассказать. Жуков все сохранил в тайне, заполнив страницы сплошными нестыковками и нарастающей чепухой.

Период времени с 1917 по 1941 год — это почти четверть века. За эти годы марксисты (Жуков в их числе) истребили десятки миллионов людей, вырезали целые сословия и поколения, истратили десятки тысяч тонн золота, разрушили великую культуру, которая смогла дать миру Толстого, Гоголя, Репина, Чайковского; испохабили (а после войны и сгубили) природу страны.

И возникает вопрос: ради нею? Жуков вынужден оправдываться: ради оружия.

С января 1939 года по 22 июня 1941 года Красная Армия получила более семи тысяч танков (Воспоминания и размышления. АПН, 1969. С. 205).

По уточненным архивным данным, с 1 января 1939 года по 22 июня 1941 года Красная Армия получила от промышленности 17745 боевых самолетов (там же. С. 209).

Тут надо вспомнить, что Красная Армия получала вооружение и до 1 января 1939 года. И отнюдь не старье. Танки и самолеты, которые поступили на вооружение в 1936-1938 годах, в 1941 году, к началу войны, имели возраст от трех до пяти лет. Но об этом Жуков не вспоминал и не размышлял. А ведь по любым стандартам это было вполне новое и современное оружие, особенно в сравнении с устаревшим вооружением Германии.

Да и то, что поступало до 1936 года, тоже отнюдь не хлам. Чтобы не быть голословным: война была танковой, а двигатель — сердце танка. Поступивший на вооружение в 1932 году советский танк БТ-2 имел двигатель М-5 мощностью 400 л.с. Немцы получили возможность ставить на танки двигатели такой мощности только через десять лет. До конца 1942 года, то есть до сталинградского перелома, ни один серийный немецкий танк не имел двигателя такой мощности.

О количестве танков и самолетов в армиях Германии и ее союзников Жуков сообщает дважды. Страница 263: 3712 танков (это он слегка приврал) и 4950 самолетов (тут он крепко соврал). На странице 411 повторил: 3712 танков и 4950 самолетов. И тут же вывод:

Количественное превосходство войск врага было велико — в 5-6 и более раз,

особенно в танках, артиллерии, авиации.

Это жуковское «в 5-6 и более раз» прилипло-присосалось и прочно утвердилось в официальной версии истории. Но давайте проявим бдительность. Обратим внимание на странности: немецкие генералы наскребли 3 712 танков. Это то, что производила промышленность Германии в период между двумя войнами, и то, что собрали со всей покоренной Европы. А Красная Армия только за два с половиной года до германского вторжения получила более 7 000 танков. Но получала их и ранее. Откуда же у немцев превосходство в 5-6 и более раз?

С самолетами еще смешнее. У немцев 22 июня на Восточном фронте их было 2 510. Жуков, ни на что не ссылаясь, объявил: 4950. Но даже если мы и поверим этой цифре, если забудем про советские самолеты, поступившие на вооружение Красной Армии до 1 января 1939 года, то все равно 4950 не может быть «в 5-6 и более раз» больше, чем 17745.

Вопрос: кто же это писал?

3

Возразят: так у немцев же качество! Стоп. До качества дойдем. Мы сейчас — о количествах.

Если у немцев 3 712 танков, и это (если верить Жукову) в пять раз больше, чем у нас, тогда в Красной Армии должно быть 742 танка. А если у немцев было танков в шесть раз больше, значит, в Красной Армии их было 618.

Но что такое «и более раз»? Это как: в семь раз? Или в восемь? **А может быть, в десять?** Почему великий полководец говорит загадками? Почему мы должны гадать, сколько же у него было в подчинении сил?

Дурной пример заразителен. У писавших «Воспоминания и размышления» нашлись последователи и продолжатели. Член-корреспондент академии военных наук, доктор военных наук генерал-майор М. Белов заговорил про «спасительный гений Жукова» и восьмикратное превосходство немцев (Красная звезда. 19 апреля 1996 г.).

Поверим. Значит, в Красной Армии было 464 танка. Как тогда это стыковать со всем известными цифрами? Ведь в Красной Армии 22 июня 1941 года одних только Т-34 было 1400. А это танки, равных которым не было ни у кого в мире, и до конца войны так никому и не удалось создать ничего подобного.

Кроме того, Красная Армия имела 711 танков КВ, и опять же равных им не было ни у кого в мире. Ни в одной стране не существовало ничего отдаленно похожего на КВ не то что в металле, но даже и в проектах. Ни у кого не было даже такой весовой категории.

Помимо Т-34 и КВ Красная Армия имела танки других типов и в гораздо больших количествах. И в их числе: Т-28, Т-35, Т-37, Т-38, Т-40, БТ-7 и БТ-7М, которым в то время тоже не было равных ни в Германии, ни в Японии, ни в Америке, ни в Британии — нигде в мире.

«Устаревший» танк БТ-7 имел двигатель мощностью 500 лошадиных сил, в то время как самый мощный зарубежный танковый двигатель того времени, германский HL-120TRM, имел только 300 лошадиных сил.

«Устаревший» танк БТ-7М имел не просто сверхмощный двигатель, но легендарный быстроходный танковый дизель В-2. Такого двигателя ни одной стране мира не удалось создать до конца войны, и всем нашим противникам и союзникам пришлось обходиться карбюраторными двигателями, отчего их танки горели, как спички.

Как совместить все это с заявлениями генерала Белова о восьмикратном германском превосходстве? И куда девались 7 000 танков, полученные Красной армией только за два с половиной года перед германским вторжением? И куда пропали 17 745 боевых самолетов?

4

«Воспоминания и размышления» — позор России. Это преступление против народа, причем даже более страшное, чем публикация хрущевского шеститомника. Жуковский вздор переведен на все языки. Иностранцы читают эту чепуху и удивлением переполняются: и это творение гения? Да он же считать не умеет. И этого Жукова допускали в Генеральный штаб? Такого туда даже на должность дворника пускать не следовало. Если это писал русский военный гений, какой же уровень у остальных, которые не гении?

Секрет популярности жуковских мемуаров прост: немцам нравится читать о нашем идиотизме из столь авторитетного источника.

Франция рухнула под гусеницами немецких танков. Это срам. Потому французам жуковские мемуары — бальзам на раны: русские выглядят дурнее их.

В США и Британии книги Жукова нарасхват: вот видите, войну выиграли западные союзники, что могли сделать эти русские кретины, если их высший гений даже считать не умеет, если для него четыре немецких тысячи — это «в 5-6 и более раз больше», чем 17 русских тысяч?

Меня удивляет не жуковское вранье, а неумение врать. Бывает, что завхоз — вор. Но хитрый. Проворовался, но вывернулся. А бывает — вор, но дурак, неспособный даже соврать красиво, своих преступлений скрыть.

Жуков — ворюга. Воровал в особо крупных размерах. Но воровал так глупо, что Сталину все его проделки были известны. К этой теме мы еще вернемся, а пока рекомендую любопытствующим журнал «Военные архивы России», 1993, выпуск 1, стр. 175. И воровал Жуков не только бриллианты из короны супруги германского кайзера, не только золото слитками, картины старых мастеров целыми галереями, не только уникальные книги в кожаных переплетах ручной работы и с золотым обрезом, не только шелка, парчу и бархат километрами, не только изумруды горстями и мебель эшелонами, — он, восхваляя дутую гитлеровскую мощь, воровал нашу военную славу. И опять же — в особо

крупных размерах, и так же глупо, как неумелый завхоз.

Все выдумки о нашей хилости и отсталости, которые содержатся в так называемых «мемуарах Жукова», этими же мемуарами и опровергаются.

5

Но в чем же секрет популярности жуковских мемуаров в России, которую он оклеветал? У Жукова — толпы поклонников и защитников. Нобелевский лауреат Шолохов Михаил Александрович объявил мемуары Жукова гениальными. Но если это гениальность, то что же тогда идиотизм?

Маршал Советского Союза В. Г. Куликов регулярно восхваляет жуковское творение при всяком удобном и неудобном случае.

Главарь Союза писателей СССР Герой Советского Союза Карпов Владимир Васильевич накатал три тома восхвалений Жукову. А у Карпова — целая ватага подчиненных писателей, которым он дал боевой приказ: «Делай как я!»

И они делают. Прямо на свою страну. На ее армию. На ее народ и его историю.

А я спрашиваю.

Во-первых, можно ли интересоваться военными вопросами, а Второй мировой войной не интересоваться?

Во-вторых, можно ли интересоваться Второй мировой войной, но не прочитать книгу, на обложке которой имя того, кто возглавлял Генеральный штаб РККА 22 июня 1941 года?

В-третьих, можно ли прочитать эту книгу и не заметить противоестественной холуйской жуковской любви к Гитлеру и гитлеровцам? Можно ли не заметить мерзость, гадость и дикую клевету, которая не пролезает даже в широкие ворота жуковских дворцов? Можно ли не обратить внимания на то, что в книге все не стыкуется, что писавшие «Воспоминания и размышления» сами себя и опровергли?

В-четвертых, можно ли прочитать эту гадость и не возмутиться? Нам рассказывают, что война была «отечественной». Но почему же никто не выступил в защиту Отечества против жуковских мемуаров? Куда попрятались все «герои», когда Жуков поливал грязью это самое Отечество?

Герой Советского Союза писатель Карпов Владимир Васильевич о войне явно ничего не знал и мемуаров Жукова явно не читал. А если читал, то почему же не плюнул в наглые глаза клеветника? Ведь Карпов встречал Жукова уже после того, как «Воспоминания и размышления» были опубликованы. Где же была его хваленая храбрость? Как верить в героизм, если Карпов не решился выступить на защиту чести своей страны и своего народа?

Маршал Советского Союза Куликов Виктор Георгиевич тоже явно военными вопросами не интересовался, о войне знал понаслышке, «Воспоминаний и размышлений» не читал. А если читал, но не заметил диких нестыковок, гадости и глупости, тогда становится ясно, какого рода стратегом

был он сам. Тогда понятен крах Варшавского договора, который он возглавлял, и крах Советского Союза, руль которого крутил и он, ведя нас от победы к победе.

Почитатели Жукова, пришло время покаяться! Всем вам великодушно бросаю спасательный круг, открываю вам щель для отступления: скажите лучше, что вы не читали «Воспоминания и размышления». Вот и все. Это ваше оправдание.

Это и Маршалу Советского Союза Жукову Георгию Константиновичу посмертная лазейка: он просто не читал «Воспоминания и размышления». Он не интересовался войной и тем, что главный идеолог КПСС Суслов и ГлавПУР пишут под его именем.

Если же кто-то будет доказывать, что Жуков свои мемуары читал, тогда неизбежен другой вывод: Жуков был кретином или продажным борзописцем.

Если Жуков читал свои мемуары, тогда прощения ему нет. Если у него не нашлось мужества протестовать против мерзостей, которые враги народа вписывали в «его» книгу, значит он сам был врагом народа.

ГЛАВА 6. Секрет... миллионным тиражом

Какое отношение Федеральная служба безопасности Российской Федерации имеет к документам несуществующих органов несуществующей партии несуществующего государства? По какому праву контролировать наше прошлое продолжают чиновники?

Литературная газета. 5 марта 2003 г.

1

Самую страшную, поистине убийственную, оценку состояния нашей военно-исторической науки дал доктор военных наук профессор генерал-лейтенант Н. Г. Павленко:

В середине шестидесятых Г. К. Жуков, да и мы, военные историки, считали, что к началу войны противник имел превосходство в силах и средствах над нашими группировками в приграничной зоне. Сейчас в связи с новыми публикациями... взгляд на соотношение сил коренным образом меняется (ВИЖ. 1988. № 11. С. 26).

Мысль генерала Павленко можно выразить проще: Жуков, другие маршалы, генералы и официальные историки несколько десятилетий рассказывали удивительные истории об ужасающем немецком превосходстве, но все, что они говорили, не соответствует действительности.

Из этого можно сделать неоспоримый вывод: если наши маршалы, генералы, академики не знали истинного положения вещей, не представляли соотношения сил сторон, значит все их выводы, оценки, построения, заключения, воспоминания и размышления ошибочны.

Вот это и есть цена всем многотомникам, всем военным мемуарам и миллионным тиражам, всем заявлениям о нашей неготовности — все это чепуха. И все восхваления Жукова, все премии историкам — это поощрение невежества.

Более интересно вот что: Жуков и военные историки знали с точностью до единиц количество немецких танков и самолетов. Если они допустили столь грубый просчет в определении соотношения сил, следовательно, они не знали вторую составляющую уравнения, а именно — они не знали силы Красной Армии.

И выходит, что лауреат Нобелевской премии Шолохов М. А. объявил гениальными творения Жукова, который попросту ничего не знал об армии, действия которой должен был направлять. В этот же капкан угодили и главарь Союза писателей СССР Карпов, и маршал Советского Союза Куликов В. Г., и тысячи их последователей.

2

Генерал Павленко первым признал, что наши эксперты, официальные историки и мемуаристы, начиная с Жукова, ничего не знали о Красной Армии. Только вот вопрос: Жуков Георгий Константинович и в 1941 году не знал, сколько у него сил в подчинении? Как же тогда он войну

планировал, понятия не имея, сколько у него армий, механизированных и десантных корпусов, сколько пушек, снарядов, патронов и винтовок? Или, может быть, в 1941 году он знал, сколько у него войск, а потом забыл, потому и молол после войны чушь под общим названием «Воспоминания и размышления»?

Если верить Жукову, то получается, что наш глупый, отсталый, ленивый народ не дал армии достаточно оружия. И вот тогда, в критический момент, появился он, гений и спаситель.

А если верить цифрам, то получается иначе. Наш талантливый и трудолюбивый народ, голодая и замерзая, жертвуя всем, от куска хлеба до миллионов человеческих жизней, обеспечил армию оружием, количество и качество которого удивило даже Адольфа Гитлера. Но распорядился Жуков этим оружием так, что пятимиллионная кадровая армия была немедленно разгромлена и пленена, а тысячи танков и орудий, 25 тысяч вагонов боеприпасов, огромные запасы продовольствия, обмундирования, инженерного и другого имущества оказались в руках противника в первые дни войны.

В этом надо винить не народ, а Жукова.

Против 3712 устаревших германских танков у Жукова в подчинении было 24 тысячи советских танков с несравнимо более высокими характеристиками. И это не считая танков в составе воздушно-десантных корпусов, мотострелковых дивизий НКВД, пограничных войск, военно-учебных заведений, учебных частей и подразделений. Против 2510 немецких самолетов у Жукова было 21130 боевых самолетов, включая новейшие МиГ-3, Ер-2, Як-2 и Як-4, Ил-2 и Ил-4, Су-2, Пе-2 и Пе-8, равных которым у Гитлера не было.

Если бы Жуков признался в этом, то тогда ему пришлось бы отвечать на много неудобных вопросов. Тогда ореол героизма и гениальности померк бы. Потому Жуков и прикидывался непомнящим, потому и врал про многократное германское превосходство.

Вывод: Жуков — герой и гений. Но только на фоне своего вранья или невежества.

3

А теперь вопрос: кто мог считать у гитлеровцев ВСЕ самолеты, а у нас только те, что поступили после 1938 года? Кто мог считать у гитлеровцев все танки, включая трофейные французские, выпу щенные в 1917 году, которые вошли в войну в 24-летнем возрасте, а у нас только те, что поступили с заводов менее трех лет назад? Кто мог объявить, что 3712 гитлеровских танков — это «в 5-6 и более раз больше», чем у нас?

Такое могли написать только враги нашего народа. «Воспоминания и размышления» — вражеская диверсия. Эту подлую книгу писали те, кто считает арийцев высшей расой, а всех остальных — низшей.

Удивительно: люди (или нелюди), писавшие «Воспоминания и размышления», знали с

точностью до единицы количество немецких танков и самолетов и повторили эти цифры дважды, а количество советских «не знали» даже приблизительно: может, их было в пять раз меньше, может — в шесть, а может — в неопределенное количество раз.

И странная мысль тревожит душу: а ведь это, видимо, писали недобитые гитлеровцы или те, кто им продал свои перо, тело и душу.

4

Годы летят, летят десятилетия, и в нашем народе зреет непонимание: почему та война так и остается секретной? И как долго это будет продолжаться?

В ответ на это недоумение наши вожди новый трюк выкинули. Вдруг в 1996 году взорвалась «Красная звезда» восторгом и радостным ликованием: тру-ля-ля, тру-ля-ля! Тайн больше нет! Спешите видеть! Новая победа наших военных ученых! Институт военной истории выдал коллективный несекретный труд «Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны. Статистический сборник № 1. (22 июня 1941 года)».

Я, естественно, не поверил. Такого быть не может. Но все же по всем возможным каналам начал поиск. Каналов много. Частный бизнес — штука всесильная. Есть в Париже, в Берлине, в Варшаве и в Нью-Йорке хорошие ребята, которые связь с издателями держат тесную и достанут какую угодно книгу, причем почти мгновенно и по вполне разумной цене.

Объявляю общий аврал.

Никто «Статистический сборник № 1» достать не может. Поднимаю цену. Результат тот же. Звоню в Москву, благо что есть кому звонить — горжусь тем, что по московским издательствам, по библиотекам, по институтам достаточно людей, которые «Ледокол» оценили и готовы помочь. Всем — подъем! Но найти не может никто.

Обращаюсь к историкам-врагам — у меня их хватает и на Руси, и за ее пределами, — прошу помощи. Враги врагами, но и среди врагов встречаются хорошие люди. Но результатов нет. Тогда не прошу, а просто интересуюсь: вы-то, враги, сами видели «Статистический сборник № 1»? Нет, отвечают враги, не видели.

А «Красная звезда» — свое: тру-ля-ля, великая победа наших историков, наконец-то наш народ хоть что-то узнает о той войне, которая столько десятилетий была секретной! Читайте «Статистический сборник № 1»!

Звоню в «Красную звезду». Там у меня сплошные враги. Но только по должности. А по натуре они добрые. Я к ним: ребятушки, вот вы трубите про «Статистический сборник № 1», а как бы его достать? Я, быть может, и перековался бы. Вам же зачтется. А то как же мне свою подрывную точку зрения менять, если о той войне никто ничего не знает?

Они: так, мол, и сяк.

А я им: вы-то его сами видели? Это опрокидывающий вопрос. Не хочу никого в краску вгонять, потому ответ на мой вопрос не цитирую. Но справедливости ради признаю: после того вопроса «Красная звезда» прекратила воспевать «Статистический сборник № 1».

А я использовал последний шанс. Телевидение. Московское. Всемогущее. Не скажу, какой канал. Источники не раскрываю. Но, пользуясь случаем, людей, совершивших сей подвиг, благодарю перед лицом читателей. Буйволов телевидения взял на вызов: докажите могущество свое!

Они доказали.

5

«Статистический сборник № 1» я получил. А теперь — самое интересное. Только сначала сядьте и крепко ухватитесь за что-нибудь надежное. Для безопасности. Докладываю: самое главное в любой книге — выходные данные. В нашем случае — тираж. Тираж этой книги — 25 экземпляров. Повторяю: опубликовано ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ экземпляров. Один — у меня. На остальную Вселенную — двадцать четыре.

В 1956 году в секретном докладе Хрущёв объявил, что у нас в начале войны было по одной винтовке на троих. Правда, конкретную цифру он забыл назвать. Если бы сказал, сколько в Красной Армии было людей и сколько винтовок, то мы бы сами разделили. Но Никита Сергеевич все больше на эмоции давил, статистикой не баловал.

Доклад был секретный, но его почему-то через три года опубликовали. **И** снова обратим внимание на выходные данные: Государственное издательство политической литературы. Москва. В-71. Б. Калужская 15. Подписано в печать 23 ноября 1959 года. Цена 65 коп. Тираж 1 млн экз.

Правда, интересно: СЕКРЕТНЫЙ доклад напечатан МИЛЛИОННЫМ тиражом? И вот мы все гордостью светимся: как же, нам любимая партия доверила великие тайны о том, что мы ужасно глупы и к войне не готовы, о том, что Сталин руководил войной по глобусу и что не хватало даже винтовок.

В том «секретном» докладе никаких подтверждающих цифр не содержалось. Но оттого, что он объявлен секретным, мы ему верим. И только через 40 лет после того доклада, в 1996 году, наконец было сказано, сколько же именно винтовок у нас было в 1941 году. Наконец названы цифры. Только назвали их в НЕСЕКРЕТНОМ статистическом сборнике, который ДОСТАТЬ НЕВОЗМОЖНО.

Несекретный статистический сборник тиснули тиражом в СОРОК ТЫСЯЧ РАЗ меньшим, чем секретный доклад. 25 экземпляров разослали по высоким кабинетам Москвы, где они все равно никому не нужны (и откуда один экземпляр кто-то умыкнул). Но 25 экземпляров — это так мало, что по одной копии не досталось даже самым что ни есть важным библиотекам, академиям и институтам. И ни одной копии не поступило в штабы военных округов.

И вот после этого мы трубим, что отныне война становится несекретной.

Спрашиваю: почему так? Отвечают: сам понимать должен, денег нет. С этим стоит согласиться. Но вот на целый флот сверкающих лимузинов для министра обороны России наскребли по сусекам. На дикий монумент царю-дьяволу тоже наскребли. На памятник Жукову, который понятия не имел, что у него находится в подчинении, денежка нашлась. На хрущевское вранье о сталинском глобусе и о нашей глупости как-то средства в бюджете выкроили. А на статистический сборник, в котором названы цифры, подтверждающие готовность Красной Армии к войне, денег не нашлось.

Но знаете ли вы, товарищи официальные историки, сколько стоит содержание хотя бы одного сторожевого пса, который стережет так и не открытые тайны войны? Сократите одну собачью должность, и вам хватит на миллионный тираж.

И еще: хорошая книга сама себя окупает. Вам просто надо написать толковую книгу, а народ у нас любознательный, наш читатель благодарный соберет последнее, что по дырявым карманам осталось, но вам расходы возместит. Это я по личному опыту знаю.

6

В официальной несекретной версии войны мы — идиоты и кретины. Официальная коммунистическая версия, начиная с Хрущёва и Некрича, продолжая мемуарами Жукова и завершая последними изысканиями Анфилова, Горькова, Безыменского, Штейберга, Юрия Финкельштейна и иже с ними, словно написана гитлеровцами, Геббельсом или даже самим Розенбергом. По этой версии, Сталин — дурак и трус, армия обезглавлена, самолеты — гробы, танки устаревшие, винтовка на троих.

Наша официальная версия войны выглядит как трактат о превосходстве германской расы над всеми другими расами. Немцы в нашей официальной истории — мудрые коварные профессионалы, к войне они готовы и все у них есть. И самолеты у них новейшие, и танки современные, и ведут их в бой великие стратеги. Ну и превосходство у них в 5-6 и более раз.

Хрущёвы, Некричи, Жуковы, Карповы и толпы их прихлебателей приучили нас лить грязь себе за пазуху, приучили преклонять колени перед тевтонским умственным, физическим и культурным превосходством. Но не пора ли нам обратить соколиный взгляд на Адольфа Гитлера и его славное воинство? Не пора ли пристально вглядеться в гитлеровскую готовность к войне, в это подавляющее превосходство в 5-6 и более раз?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Почему Германия была не готова к войне с Советским Союзом

ГЛАВА 7. Красноармеец Гитлер

Франция является нашим самым страшным врагом. Адольф Гитлер. Майн Кампф. Часть 2. Глава XIII

1

Изучение войны между Германией и Советским Союзом надо было начинать с выяснения причин германского нападения — то есть нам следовало задать себе вопрос: ЗАЧЕМ ГИТЛЕР НАПАЛ? И найти ответ.

Но нас приучили ответов не искать, да и вообще глупых вопросов не задавать. Нас приучили жить, не задумываясь. Нам объяснили коротко и просто: Гитлеру в 1941 году земля на Востоке потребовалась, жизненное пространство. Вот он и ринулся то самое пространство завоевывать. И много-много лег нам рассказывали историю о том, как Гитлер еще в 1924 году в книге «Майн Кампф» написал:

Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше прежнее развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке.

Этим строкам суждено было стать самыми известными словами Гитлера. Их цитировали миллионы раз. Тысячи и тысячи политиков, дипломатов, генералов, историков и журналистов неустанно твердили эти слова.

Еще в двадцатые годы XX века эту цитату повторяли в своих сочинениях и публичных выступлениях наши вожди — товарищи Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Каменев. В тридцатые годы, особенно после прихода нацистов к власти, гитлеровское откровение зазвучало с новой силой. Откроем «Правду», «Огонек», «Технику — молодежи», «Красную звезду» тех лет и найдем все те же слова о землях на Востоке. И если не в каждом номере, то весьма часто. Эта гитлеровская цитата была повторена не только всей нашей тысячеголосой прессой — она звучала с высокой трибуны XVII съезда партии (XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.: Партиздат, 1934. С. 127-128).

Любой лектор, который говорил о грядущей войне, начинал именно с этого гитлеровского заявления. Так было принято. А уж после войны эти слова вошли в тысячи учебников, трактатов и диссертаций.

После XX съезда КПСС каждый, цитируя Гитлера, обвинял Сталина в близорукости: ведь фюрер

сам открыто объявил о своих намерениях! Сталин должен был просто прочитать «Майн Кампф» и действовать соответственно!

А меня с давних пор удивляло знание нашим народом гитлеровской книги. Вернее — одной цитаты из нее. Выходило, будто все в Советском Союзе читали «Майн Кампф».

Наслушавшись лекторов, пропагандистов и агитаторов, которые почему-то повторяли только одну цитату, я придумал маленькую шалость. Хорошего лектора после интересной убедительной лекции всегда окружает группа особо любознательных слушателей. Вот и я всегда был среди тех любопытных. Все вопросы задают. И я тоже. Только я в первый ряд не лез, а задавал свой вопрос из-за чужого широкого плеча.

Вопрос у меня был совсем простой: я «Майн Кампф» не читал — подскажите, где достать эту книгу?

2

Этот вопрос подбрасывал любого лектора на метр в воздух. От этого вопроса властители дум взвизгивали, хрипели, матерились, забыв приличия, бледнели, краснели, судорожно сворачивали удочки и быстро исчезали. Их реакцию на мой вопрос можно описать двумя словами: ужимки и прыжки.

Подпрыгивали и отпрыгивали они потому, что никто из них, включая и некоторых наших всемирно знаменитых историков, никогда «Майн Кампф» в руках не держали.

А я в те годы искренне удивлялся: если эта книга против нас, против нашего народа, против нашей страны, так дайте же мне ее! Прочитав эту гадость, ни один нормальный человек гитлеровцем стать не может. Наоборот — он станет более злым антифашистом... Так почему же нигде не найти ту книгу, одну цитату из которой у нас все знают, все повторяют?

Потому предлагаю:

- или давайте объявим «Майн Кампф» мерзостью, которую не следует вспоминать, тем более цитировать;
- или, если часто цитируем, если ссылаемся, давайте дадим возможность всем желающим прочитать весь текст.

А то у честных граждан подозрение возникает: если все остальное содержание скрывают, значит, полный текст данную цитату не подтверждает, а может, и противоречит ей.

3

Повторение тех слов Гитлера продолжается. «Литературная газета» 5 августа 1994 года прямо на первой странице поместила письмо возмущенного читателя К. Неделина из Петербурга:

Не понимаю, как можно всерьез обсуждать мнение, что Германия нанесла

лишь предупредительный удар. Ведь еще в 1924 году в своей программной работе «Майн Кампф» Гитлер писал: главной целью будущей Германии будет завоевание жизненного пространства на Востоке. И это отнюдь не секретный документ. Так о чем же спорить?

Не секретный документ? И вы, дорогой товарищ Неделин, читали «Майн Кампф»? И у вас на полке стоит эта книга? И в советские времена она тоже на полке стояла? В какой тумбочке, если не секрет, вы ее взяли? Или, может быть, в библиотеке нашли? В какой библиотеке? И если вы читали сей несекретный документ, то можете ли ответить, из какой главы взята цитата? Из какой части? Вы знаете, сколько частей в «Майн Кампф»? Может быть, вы даже знаете, о чем эта книга?

Так вот, если книга не секретна, если она у вас есть, то прошу открыть часть первую, главу четвертую, которая называется «Мюнхен».

И прочитать еще раз.

4

Непонятно вот что: с момента первого появления «Майн Кампф» и до самой войны в течение 15 лет в Советском Союзе цитату Гитлера кричали из каждого репродуктора, с каждой крыши и с каждого фонаря, с каждой трибуны, высокой и низкой, на каждом колхозном собрании ею стращали народ, она вошла в программы Коминтерна и в школьные учебники. И вот после всего этого германское нападение оказалось для Сталина внезапным.

Что за чертовщина: весь советский народ знал, что Гитлеру нужны земли на Востоке, а товарищ Сталин этого не знал? Весь народ понимал замысел Гитлера, а товарищ Сталин не врубился?

Может быть, до сталинских ушей та цитата не дошла, или он просто ее не понял?

Опять же вопрос: а откуда широкие народные массы цитату почерпнули? Не из первоисточника же!

До широких народных масс сие гитлеровское откровение донесли наши великие писатели, талантливые актеры, мудрые газетные обозреватели, пропагандисты и агитаторы больших и малых рангов. Одним словом: Агитпроп — Управление агитации и пропаганды ЦК.

Может быть, сталинский Агитпроп указаниями товарища Сталина не руководствовался? Может быть, гнул свою линию, на товарища Сталина внимания не обращая? А, может быть, вожди, которые рангом пониже, народ об опасности предупреждали... вопреки товарищу Сталину?

И вообще: читал ли сам Сталин «Майн Кампф»?

5

Он читал. Скажу больше: Сталин был самым первым иностранным читателем этой книги. Он был самым большим ее знатоком и ценителем. Первый перевод «Майн Кампф» был сделан не на

какой-нибудь, а именно на русский язык. По личному приказу Сталина. Как у нас водится, перевод делали без согласия автора. Но гонорар автору заплатили. Правда, не сразу.

Не мог Сталин заплатить гонорар сразу: в момент выхода «Майн Кампф» он был не единственным лидером — вождей в Кремле была целая свора. И вовсе не каждому был понятен смысл гитлеровского творения.

А товарищ Сталин все сразу схватил, взвесил, оценил. И вот, передушив соратников, Сталин воздал должное создателю «Майн Кампф». Сталин выплатил гонорар автору полюбившейся книги.

Количество изданных в то время на русском языке экземпляров мне не известно. На сохранившемся экземпляре тираж не указан. Однако ясно: он очень мал. И вот за эти штучные экземпляры товарищ Сталин щедро заплатил Гитлеру.

Сколько дал? Горсть бриллиантов? Миллион долларов? В то время миллион долларов имел гораздо большую ценность, чем сегодня. Килограммовый слиток золота? Может быть, целую тонну? Десять? Сто тонн золота?

Да нет же! Разве товарищ Сталин был мелочным? Разве скупость — в его характере? Вовсе нет! Щедрым был товарищ Сталин. Он подарил Гитлеру весь золотой запас Германии вместе с ней самой, с ее городами, дорогами, заводами и портами, музеями и барахолками, вместе с берлинским зверинцем с его лебедями и медведями. Сталин подарил Гитлеру Германию вместе со всем ее народом: рабочими, крестьянами и трудовой интеллигенцией, вместе с бургомистрами и полицейскими, конвоирами и арестантами, трубочистами, врачами и скрипачами.

Сталин подарил Гитлеру власть над Германией. «*Без Сталина не было бы Гитлера, не было бы и гестапо*» — так в октябре 1936 года Лев Троцкий оценил сталинскую помощь Гитлеру. Не больше и не меньше: без Сталина не было бы Гитлера. Без сталинской помощи Гитлер не пришел бы к власти.

Но и такого гонорара щедрому Сталину показалось мало, и 23 августа 1939 года Сталин подарил Гитлеру Польшу, а с ней и всю Европу.

А ведь если бы Сталин не оценил «Майн Кампф», то политическая карьера Адольфа Гитлера завершилась бы в 1933 году сокрушительным поражением на выборах. А может быть, бесноватый Адольф сломал бы свою лебяжью шею и того раньше.

6

Теперь постараемся уяснить обстановку в середине 1920-х годов. Гитлеровская книга впервые вышла в свет. И вот в Кремле сидит товарищ Сталин, а в Мюнхене, в пивной «Хофбройхауз», — Адольф Гитлер.

Товарищ Сталин — один из вождей Советского Союза, как бы первый среди равных. Но так только кажется. Уже некоторыми подмечено, что товарищ Сталин сосредоточил в своих руках необъятную власть, власть над огромной страной.

А кто такой Гитлер? Архитектор-неудачник. Солдат-фронтовик. Провинциальный революционер. Его заслуги перед революцией пока невелики. Во времена Баварской советской республики Гитлер был всего лишь ефрейтором в местной Красной Армии. После разгрома советской республики Гитлер был арестован, но вскоре выпущен, так как его личный вклад в дело торжества Мировой коммунистической революции не сочли значительным.

Затем красноармеец Гитлер вступил в небольшую пролетарскую партию, которая руководствовалась лозунгом своего идейного отца Готфрида Федера, призывавшего к Мировой революции под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Эту программу Гитлер принял в качестве фундамента движения, которое сам вскоре возглавил. Партия Гитлера ставила перед собой откровенно коммунистические цели: запрет частной собственно сти на землю, запрет на продажу земли, конфискация прибылей военных предприятий, рабочий контроль над администрацией заводов и фабрик, национализация крупных предприятий...

И вот 8 ноября 1923 года произошла социалистическая революция в Германии. Революция организована Коминтерном и приурочена к годовщине захвата власти большевиками в России. Революция откровенно и почти открыто руководилась посланцами Москвы, например, одним из лидеров советской военной разведки товарищем Уншлихтом.

И хотя революция провалилась, социалистическая рабочая партия Гитлера показала себя как сплоченный, хотя и небольшой боевой отряд германского рабочего класса. Гитлер лично вел своих боевых товарищей под пули полиции. Некоторые из его сподвижников погибли, сам же Гитлер был ранен и попал в тюрьму.

И вот тут-то он и впал в ересь. Вот тут и наметилось отклонение от основных идей марксизмаленинизма. Гитлер решил отказаться от захвата власти насильственным путем. Его путь к власти через законные, демократические выборы. Тут, в тюрьме, Гитлер написал книгу, и в ней — те самые слова о землях на Востоке.

Ленин и Троцкий считали, что ради всеобщего счастья нужно принести в жертву народ своей собственной страны.

Гитлер считал, что надо поступить как раз наоборот: ради счастья своего народа принести в жертву другие народы — например, завоевав для Германии земли на Востоке с соответствующими последствиями для коренного населения.

7

В первом издании книги эта глава называлась «Красноармеец Шикльгрубер». Книга вышла в свет — тут-то меня и прищучили! Тут-то меня и подловили! Тут-то меня и уличили! Ух, что же тут началось! Ученые товарищи изгалялись и глумились: ты не знаешь истории! Ты — фальсификатор! Ты обманываешь доверчивого читателя!

Граждане серьезные историки, я никого не обманываю. Сейчас принято считать, что Гитлер никогда не был Шикльгрубером. А в момент, когда я писал свою книгу, считалось иначе. К своей работе отношусь серьезно. Все, что поддается проверке, проверяю по всем доступным мне источникам.

Сведения о том, что Гитлер был Шикльгрубером, вы можете почерпнуть в третьем издании Большой советской энциклопедии, изданной в соответствии с постановлением ЦК КПСС от 2 февраля 1967 года. Все 30 томов этой энциклопедии переведены на английский язык и изданы в США издательством Macmillan Publishers Ltd. в 1973–1982 годах.

14 советских республик (кроме РСФСР) в 1970-80-х годах издали свои энциклопедии. Творцы этих академических трудов от установок Старшего Брата не отклонялись ни на шаг. Шаг в сторону считался побегом. Так что эти сведения, граждане разоблачители, можете проверять хоть по туркменским, хоть по эстонским, хоть по киргизским источникам.

Сведения о том, что Гитлер был Шикльгрубером, я проверил по Советской военной энциклопедии (М.: Воениздат, 1976. Т. 2. С. 559). Сказано тут вот что: «Гитлер (настоящая фамилия Шикльгрубер) Адольф (20.4.1889, Браунау, Австрия, — 30.4.1945, Берлин)».

Под этим подписались Маршал Советского Союза Гречко, Адмирал Флота Советского Союза Горшков, Главный маршал авиации Кутахов, генерал армии (на следующий год — Маршал Советского Союза) Огарков и еще целый взвод генералов, адмиралов, профессоров и академиков. Если хотите, я вам выложу на десятки листов ссылки на самые серьезные источники, опубликованные в США, Великобритании, Германии, Франции и других странах.

Отчего же, граждане, вы не обзывали фальсификаторами советских маршалов и академиков? Отчего не уличали в фальсификации членов ЦК КПСС, по заказу которых сочинялись эти тома? Почему у вас не возникло претензий к историкам множества стран, которые именно так трактовали историю?

Давайте, господа разоблачители, вместе подумаем над вопросом: если бы вдруг выяснилось, что Гитлер при рождении получил имя не Адольф, а Ганс или Альберт, что бы от этого изменилось?

Так вот: разоблачения подобного рода вновь и вновь свидетельствуют только об одном — больше моим критикам придираться не к чему.

Перед собой я не ставил задачу разбираться, был ли Адольф изначально Гитлером или Шикльгрубером, был ли он в детстве Карлом, Фридрихом или Генрихом. К системе моих взглядов и доказательств это не имеет никакого отношения.

Давайте лучше займемся серьезным делом. Давайте разберемся с таким вопросом: почему товарищ Сталин не удавил Гитлера в его политическом младенчестве, а нацизм — в зародыше?

ГЛАВА 3. Почему товарищ Сталин не удавил гитлеризм в политическом младенчестве

Сталин, как я полагаю, ожидал, что развернутся затяжные сражения английских и французских войск против немецких. Они истощат Гитлера.

Н. С. Хрущёв. Время, люди, власть. (Воспоминания)

1

Прикинем, что должен делать Вождь Мировой революции товарищ Сталин, узнав, что в среде германских социалистов наметился уклон, что бывший красноармеец вышел из подчинения Москвы и гнет свою линию? Казалось бы: истребить такого революционера, да и только.

Любой уклон в среде социалистов Сталин давил беспощадно. Но почему он не предпринял ничего для подавления гитлеровского уклона в германском рабочем движении?

Гитлеризм можно было удавить в зародыше. Долго ли послать в Мюнхен идейного борца с ледорубом... Никто и внимания не обратил бы: один социалист другому череп проломил. Дело привычное.

Для всех нас бандиты и есть бандиты. Но бандиты бывают разные, они грызутся между собой и нередко друг друга убивают.

Так и среди социалистов. Это для всех нас социалисты — одна масть. А они между собой по каким-то совершенно неприметным нюансам друг друга различают: этот — марксист, этот — гитлеровец, этот троцкист, этот — ленинец. И ломают друг другу черепа.

Сколько они сами своих поубивали да искалечили! Сколько один Сталин уклонистов извел! Но почему Гитлера не тронул?

А ведь можно было Гитлеру свернуть шею и весь гитлеровский кабак спалить вместе со всеми его обитателями.

Но Сталин поступил иначе.

2

А еще мог бы Сталин на Гитлера просто внимания не обращать, и тогда, без сталинской помощи, гитлеризм распустился бы пустоцветиком. Не дав кровавых плодов.

Но Сталин выбрал третий путь: открытую и всестороннюю помощь Гитлеру. Сталин прорубил Гитлеру дорогу к власти.

В свое время я без особого труда набрал тугую папку доказательств простой мысли Троцкого о том, что без Сталина не было бы Гитлера. И были это не совершенно секретные досье, а всем доступные, на поверхности лежащие факты. Было их так много, и вопили они так пронзительно, что писать книгу не составляло труда: рассортировать вырезки, разбросать по темам, темы

пронумеровать, назвав главами, кое-где свое мнение отразить.

В «Ледоколе» я обещал читателям такую книгу написать. Оказалось, что этого делать не надо. Такая книга уже есть. Написал ее германский историк Томас Вайнгартнер и называется она «Сталин и возвышение Гитлера. Политика Советского Союза и Коммунистического Интернационала по отношению к Германии».

Пока я собирался, Т. Вайнгартнер использовал тот же самый метод: не мудрствуя лукаво, не дожидаясь, когда откроют секретные кремлевские архивы, не надеясь на какие-то сенсационные откровения, он взял всем известные резолюции конгрессов Коминтерна, этого «штаба Мировой революции», протоколы его Исполкома, статьи из «Правды» и «Роте Фане»⁶, напомнил читателям те самые факты, которые коммунистам так хотелось бы забыть. И получилась книга простая и понятная. И возразить высоколобым нечего. Всех желающих отправляю к этой замечательной книге и настоятельно ее рекомендую.

К тому, что уже говорил в свое время Троцкий, что в наши дни опубликовал Вайнгартнер, мне нечего добавить, и повторять известные факты я не буду. Без меня доказано, что гитлеровские грезы о землях на Востоке так и остались бы фантазиями мюнхенского мечтателя, если бы не исполинская сталинская помощь.

3

Каждый, кто знаком с «Майн Кампф» в объеме одной цитаты, упрекает Сталина в близорукости: ведь Гитлер сам написал, что ему нужны земли на Востоке! Однако Сталин, в отличие от Хрущёва, Некрича и тысяч других обвинителей, читал «Майн Кампф» полностью. До самой последней страницы. От корки до корки.

И вычитал товарищ Сталин, что главную задачу будущей Германии Гитлер видел не в землях на Востоке — об этом в книге одна фраза, — а в том, чтобы освободить Германию от оков Версальского договора.

Гитлер делил врагов Германии на внутренних и внешних. Враги внутренние — евреи. Враги внешние — французы и те же самые евреи. А сталинская тактика заключалась в том, чтобы все делать чужими руками, чтобы одних своих врагов уничтожать руками других.

«Сталин всегда находил обезьян, которые таскали ему каштаны из самого жаркого огня». Это сказал Роберт Конквест⁷.

^{6 «}Роте Фане» («Die Rote Pahne» — нем. «Красное знамя»), немецкая ежедневная газета, выходившая с 1918 по 1939 года, основана К. Либ-кнехтом и Р. Люксембург как орган Союза Спартака; с 31 декабря 1918 года — центральный орган Компартии Германии. Была запрещена в 1933 году, до 1935 издавалась в подполье, затем издание было перенесено сначала в Прагу (1935 г.), а затем в Брюссель. Выходила до осени 1939 года. — *Примеч. ред*.

⁷ Британский историк, ставший известным писателем и исследователем Советского Союза после публикации в 1968 году книги «Большой террор» — исследования сталинских чисток 1930-х голов. — *Примеч. ред.*

«Как никто умел он сшибать лбами своих конкурентов, всегда оставаясь в стороне и — над ними». Это заметил А. Антонов-Овсеенко⁸.

К этому надо добавить, что Сталин был самым верным продолжателем дела Ленина, который учил *«руками наших врагов создавать коммунистическое общество»* (Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. С. 20). Только уяснив, в чем заключались сталинские методы борьбы за власть, мы можем понять, чем же Сталину так понравился мюнхенский мечтатель и его творение «Майн Кампф».

4

Прочитав многое из того, что произносил и писал Сталин, я нашел гневные обвинения в адрес антисемитов, которые, как известно, являются злейшими врагами рабочего класса.

В своем ближайшем окружении Сталин держал группу «дрессированных евреев» в составе Мехлиса, Кагановича, Лозовского, Ярославского и других, демонстрируя полное отсутствие националистических и расовых предрассудков. И в то же время Сталин привел к власти в Германии самого главного антисемита всех времен и народов, который, дорвавшись, осуществлял в Европе «окончательное решение еврейского вопроса».

Сталин же оставался в стороне. И только после войны, когда Гитлер не оправдал возложенных на него надежд, осуществив «окончательное решение» лишь частично, Сталин был вынужден снять маску и лично заняться этим вопросом.

Вот тут и проступает связь между содержанием «Майн Кампф» и всесторонней сталинской поддержкой Гитлера. А заявление о землях на Востоке Сталина не особенно пугали. «Майн Кампф» — против Франции:

Мы должны до конца понять следующее: самым смертельным врагом германского народа является и будет являться Франция (Часть 2. Глава XIII).

И там же:

Злобой дня является для нас не борьба за мировую гегемонию... Франция систематически рвет на части наш народ и планомерно душит нашу независимость... У нас исходят словами и протестами сразу против пяти или даже целого десятка государств и забывают при этом, что нам прежде всего надо сконцентрировать все свои физические и духовные силы, чтобы нанести удар в сердце нашему злейшему противнику... Франция неизбежно будет стремиться к тому, чтобы Германия представляла собой слабое и раздробленное государство...

⁸ Антон Владимирович Антонов-Овсеенко. Портрет тирана. Нью-Йорк: Хроника, 1980. С. 61. Автор этой книги — сын Владимира Александровича Антонова-Овсеенко, выдающегося революционера и советского государственного и военного деятеля, участника Октябрьского восстания в Петрограде и Гражданской войны. — *Примеч. ред*.

Единственным нашим противником в данное время является Франция— та держава, которая лишает нас даже права на существование.

И далее Гитлер распространялся в том же духе на много страниц и глав.

5

Земли на Востоке — не ближайшая задача, а перспектива на грядущие века. Этого мнения придерживался не один Гитлер, но все его ближайшее окружение:

Земли надо завоевывать не в Африке, а в Европе, прежде всего на Востоке. Это естественный путь германской внешней политики на столетия вперед (Rosenberg A. Der Zukunftweg einer deutschen Aussenpolitik. C. 20).

А разгром Франции для Гитлера — ближайшая задача. Перед тем, как захватывать земли на Востоке, Гитлеру следовало обезопасить себя от смертельного врага. Вот вторая причина сталинской любви к «Майн Кампф» и ее автору.

Сталин знал, что Франция для Гитлера не просто главный враг, но враг смертельный. Сталин понимал, что если Гитлер попытается освободить Германию от французского экономического рабства, от Версальского договора, то немедленно в дело ввяжется Британия, так как Франция не одна навязала Германии Версальский договор, а в союзе с Британией. Но если Германия ввяжется в войну против Британии и Франции, то в орбиту войны будут втянуты и другие страны, что Сталину и требовалось.

Нам не позволяли читать «Майн Кампф» как раз потому, что из этой книги вовсе не следовало, что Германия пойдет на Восток.

В «Майн Кампф» есть указание о землях на Востоке, но нет указания на то, когда Германия эти земли должна захватывать.

Гитлер писал о землях в 1924 году, но из этого вовсе не следует, что немцам надо немедленно идти на Восток. И про 1941 год там ничего не сказано. Гитлер всего лишь указывал направление. Но мыслил он столетиями, иногда — тысячелетиями. Именно так и писал:

Тут нужны столетия. В вопросах колонизации вообще решают не быстрота и натиск, а настойчивость и долгий период (Часть 1. Глава III).

И собирался Гитлер строить не просто рейх, а рейх тысячелетний. И даже в той знаменитой, повторенной миллионы раз цитате, речь о столетиях:

Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше прежнее развитие 600 лет назад (там же).

Но чтобы к этому пункту вернуться, немцам следовало, как учил Гитлер в знаменитой цитате, «приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы». Вот этого-то Гитлеру и не удалось. Не удалось потому, что в «Майн Кампф» заложено непреодолимое противоречие:

- •с одной стороны, для того, чтобы идти на Восток, надо остановить движение на Запад;
- •с другой стороны, для того, что бы идти на Восток, надо обезопасить Германию от смертельного врага, каким является Франция, то есть надо сначала идти на Запад.

6

Не надо обладать способностями Сталина — тут любому человеку со средними способностями ясно: Гитлер запутался еще в 1924 году. Он сам себе построил мышеловку. Открыто объявив о своем намерении идти на Восток, он сделал врагами всех, кто восточнее.

Любое движение немцев «встреч солнцу» могло идти только через территорию Польши. Потому Польша автоматически становилась врагом Гитлера. И не только Польша. Земли на Востоке — понятие туманное. Это заявление могло относиться к кому угодно.

Если сосед бахвалится, что намерен вас ограбить, будете ли вы его любить? Одна фраза в книге превращала Гитлера в пугало для всех его восточных соседей. Это никак не свидетельствует в пользу выдающихся умственных способностей бывшего красноармейца. И если во время войны народы некоторых стран поначалу принимали гитлеровцев как освободителей, то в этом не заслуга Гитлера. Тут срабатывали другие причины.

Незачем раскрывать свои политические цели, если они откровенно грабительские. Вовсе нежелательно своих соседей объявлять врагами. Но Гитлер не только растрезвонил о стремлении идти на Восток, он и Францию объявил смертельным врагом. Добавив к этому списку еще и евреев, Гитлер взваливал на свой горб ту самую лишнюю соломинку, которая ломает хребет даже верблюду.

7

Сталин по достоинству оценил «Майн Кампф». Появление этой книги свидетельствовало, что появился тот, кто будет воевать против всего мира. Тот, кого все будут ненавидеть. Тот, против кого восстанут все народы. Тот, кому весь мир вынужден будет объявить войну. Вся ненависть мира будет сосредоточена на Гитлере и его последователях.

Из этой книги следовало: если Гитлер развяжет войну, то в первую очередь это будет война против кого угодно, но не против Советского Союза.

Если Гитлер развяжет войну, то логика борьбы потребует рассредоточения и распыления сил Германии по всему Европейскому континенту и за его пределы. И каждый, кто выступит против Гитлера, будет считаться освободителем и благодетелем.

Это именно то, что требовалось Сталину. Сталин знал: если Гитлер ввяжется в войну против Франции и Британии, то вопрос о землях на Востоке отпадет сам собой.

Так и случилось.

ГЛАВА 9. О собаках в безвоздушном пространстве

Многие события в истории можно правильно понять только тогда, когда известны характеры лиц, принимавших в них участие.

Генерал-лейтенант Гюнтер Блюментрит.

Роковые решения. С. 65

1

Не буду долго распространятся о роли личности в истории. Скажу только, что монголы с Чингисханом — одно, а без Чингисхана — совсем другое. Одно дело — французы с Робеспьером, другое — с Бонапартом.

Используя имя владыки и название страны, мы в двух словах описываем целую эпоху: рейгановская Америка, николаевская Россия, кайзеровская Германия.

Не будем спорить: без Гитлера Германия была бы совсем другим государством, как и Советский Союз— без Сталина. Потому, коль скоро речь зашла о том, кто лучше был готов к войне, есть смысл обратить наш взгляд на Сталина и Гитлера, ибо от этих двух людей так много зависело.

Прежде всего, оценим умение слушать, ибо умеющий слушать всегда сильнее не умеющего, и всегда его побеждает. Это даже не умение, а талант. Одна только способность выслушать собеседника — дар, если хотите, — выводит человека в разряд выдающихся личностей, так как среди двуногих обитателей планеты Земля это умение встречается крайне редко. Свидетельствует Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов:

Сталин обладал уникальной работоспособностью, огромной силой воли, большим организаторским талантом...

Зная вес своего слова, Сталин старался до поры не обнаруживать своего отношения к обсуждаемой проблеме, чаще всего или сидел будто бы отрешенно, или прохаживался почти бесшумно по кабинету, так что казалось, что он весьма далек от предмета разговора, думает о чем-то своем. И вдруг раздавалась короткая реплика, порой поворачивающая разговор в новое и, как потом зачастую оказывалось, единственно верное русло (Устинов Д. Ф. Во имя победы. С. 91).

Таких описаний я могу привести еще пару десятков: именно так рассказывали о Сталине Черчилль, посланец Рузвельта Гопкинс, гитлеровский министр иностранных дел Риббентроп, так описывают Сталина маршалы, генералы, министры.

Великий Макиавелли рекомендовал государям говорить как можно меньше. Сталин эту рекомендацию выполнял. Сталин внимательно слушал и молчал, как сфинкс в песках. А уж если говорил, то слов на ветер не бросал:

Свои мысли и решения Сталин формулировал ясно, четко, лаконично, с

неумолимой логикой. Лишних слов не любил и не говорил их (там же. С. 92).

А о Гитлере рассказывают как раз противоположное. Гитлер не умел и не хотел слушать. Гитлер говорил.

Сталин пришел к власти как молчаливый конспиратор, Гитлер — как горластый оратор. Но болтливость диктатору противопоказана. Получив власть, Гитлер должен был подавить свое стремление произносить речи. Он должен был превратиться в молчаливого фюрера, который внимательно прислушивается к тому, что говорят вокруг. Этого не случилось.

Гитлер неистощим в речах. Говорение — стихия его существования (Otto Dietrich. 12 Jahre mit Hitler. C. 159-160).

Министр вооружений и боеприпасов А. Шпеер добавляет:

Он говорил без умолку, словно преступник, желающий выговориться и готовый, не страшась опасных для себя последствий, выдать даже прокурору свои самые сокровенные тайны (Шпеер А. Воспоминания. С. 418).

Свидетельствует генерал-полковник Курт Цейтцлер:

Как только я прибыл в ставку, Гитлер по своему обыкновению обратился ко мне с многочасовым монологом. Невозможно было перебить его речь (Роковые решения. С. 155).

Зимой 1943 года Рундштедт попытался доложить Гитлеру о действительном положении, сложившемся тогда на Западе, но только потерял время. Беседа в Оберзальцберге, продолжавшаяся 3 часа, на две трети состояла из речи Гитлера, высказывавшего свои взгляды на положение на Восточном фронте, и на одну треть из чаепития, когда официальные разговоры запрещались. Легко представить, что Рундштедт едва усидел в кресле от поднимавшегося в нем бешенства (там же. С. 220).

Проходит несколько месяцев, и фельдмаршалы Роммель и Рундштедт настояли на встрече с Гитлером.

К фельдмаршалам отнеслись с заметным холодком и несколько часов заставили их ждать. Наконец, приняв их, Гитлер прочитал им длиннейший монолог относительно результатов, ожидаемых от нового «чудодейственного оружия» (там же. С. 236).

Болтливость Гитлера не знала границ и берегов. Каждую ночь он собирал окружавших его сотрудников — стенографисток, министров, машинисток, генералов, секретарш, гауляйтеров, водителей, адъютантов — рассаживал их вокруг стола, якобы на ужин, и начинал говорить. Он говорил и говорил. До трех часов ночи, до четырех. Он говорил обо всем: об истории и экономике, о климате и религии, о том, как сделать свою овчарку Блонди вегетарианкой, о том, что предками

германцев были греки (в другой раз — викинги), о том, что думает женщина, чего ей хочется и чего ей не хватает, о производстве стали и бумаги, о качествах одеколона и еще — о себе, о себе, о себе.

Гитлер зачастую производил впечатление крайне неуравновешенного человека. Гости под утро уже чуть не засыпали, и только чувство вежливости и долга заставляло их приходить на эти чаепития. После долгих, утомительных заседаний монотонный голос Гитлера действовал на нас усыпляюще. У нас буквально слипались веки (там же. С. 408).

Эти насильственные проповеди или исповеди были тяжкой мукой для гитлеровского окружения. Машинистки, секретарши, стенографистки устанавливали между собой очередь, кому в какую ночь идти слушать гитлеровские речи. Отбывание этой повинности считалось чем-то вроде тяжелого ночного дежурства. Среди этих женщин иногда прямо в присутствии Гитлера возникали перебранки типа: я уже третью ночь тут высиживаю, а кто-то там вне очереди отсыпается.

2

Интересно посмотреть на Сталина и Гитлера в момент, когда они принимают гостей. Свидетельствует министр иностранных дел гитлеровской Германии фон Риббентроп:

Затем заговорил Сталин. Кратко, точно, без лишних слов.

То, что он говорил, было ясно и недвусмысленно... Сталин с первого же момента нашей встречи произвел на меня сильное впечатление: человек необычайного масштаба. Его трезвая, почти сухая, но столь четкая манера выражаться и твердый, но при этом и великодушный стиль ведения переговоров показывали, что свою фамилию он носит по праву. Ход моих переговоров и бесед со Сталиным дал мне ясное представление о силе и власти этого человека, одно мановение руки которого становилось приказом для самой отдаленной деревни, затерянной где-нибудь в необъятных просторах России, — человека, который сумел сплотить двухсотмиллионное население своей империи сильнее, чем какой-либо царь прежде (Риббентроп И. Между Лондоном и Москвой. С. 141-143).

Далее— о широте души, щедрости, радушии и гостеприимстве Сталина. Вернувшись в Берлин, очарованный Риббентроп рассказывал, что чувствовал себя в Кремле «как среди старых партийных товарищей».

А вот гостей принимает Гитлер. Был он вегетарианцем и всех, кто в рядах вегетарианцев не состоял, считал трупоедами, так их называл за своим столом и всячески старался испортить им аппетит. Впрочем, и те, кто не ел мяса, но ел рыбу, были Гитлеру омерзительны, и он этого не скрывал.

Когда приносили вареных раков, он принимался рассказывать о том, как в

одной из деревень умерла старуха и родственники сбросили ее труп в ручей, чтобы таким образом наловить побольше раков. Если же он видел жареных угрей, то как бы между прочим замечал, что лучше всего эти рыбы клюют на дохлую кошку (Шпеер А. Воспоминания. С. 412).

Приятного аппетита, дорогие гости!

О личной жизни Сталина мы знаем мало. Но одна деталь делает его непохожим на Гитлера, Ежова, Ленина. У Сталина были два сына и дочь. Это свидетельство того, что в половом отношении он был нормальным человеком.

Берлинский психиатр доктор Артур Кронфель**д имел возможность наблюдать Гитле**ра с предельно близкой дистанции:

Как многие резко выраженные психопатические личности, Гитлер ненормален в половом отношении. Можно считать установленным, что чувство любви к женщине ему недоступно. В прошлом он был в половой связи с Гейнесом и Эрнстом. Оба были убиты по приказу рейхсканцлера 30 июня 1934 года.

В окружении Гитлера (как и в окружении Ленина) — присутствуют педерасты. Причина уничтожения главы СА Эрнста Рема и его окружения не в том, что они были педерастами, а в том, что они из этого не делали секрета. Гитлер уничтожил их, чтобы никто не думал, что сам он — из того же круга.

3

Приступ гнева — лучший момент для изучения личности. В гневе характер раскрывается полностью. Ярость — это взрыв. Взрыв сопровождается пламенем, которое высвечивает самые темные закоулки души. Главное при изучении личности — установить частоту, глубину и продолжительность приступов гнева.

Гитлера не зря звали бесноватым. И не зря психиатры считали его ярко выраженным психопатом — уж слишком часто он впадал в состояние ярости. Приступы гнева перерастали в истерические припадки. Слово Шпееру:

От всего услышанного Гитлер разнервничался, настроение его явно испортилось. И хотя он еще не сказал ни слова, это было заметно по тому, как изменилось выражение его лица, как он судорожно сжимает и разжимает кулаки, грызет ногти. Чувствовалось, что в нем нарастает внутреннее напряжение... Гитлер больше не владел собой. Его лицо покрылось красными пятнами, он уставился невидящими глазами куда-то в пустоту и заорал во все горло: «Проведение каких-либо оперативных мероприятий является исключительно моей прерогативой! Вас это никак не касается! Ваше дело — производство вооружения,

вот и занимайтесь им!» (...) Фюрер окончательно утратил самообладание, речь его была сбивчива, он буквально захлебывался в потоке слов (Шпеер А. Воспоминания. С. 543).

Я вдруг услышал нечленораздельный, почти звериный вопль (там же. С. 250).

Даже для совершенно несведущего в военном деле человека было ясно, что наше наступление выдохлось. И тут вдруг в ставку поступило сообщение о том, что подразделение германских горных стрелков взобралось на окруженную ледниками самую высокую гору Кавказа Эльбрус — его высота составляет 5 600 метров — и водрузило на ней имперский военный флаг. В сущности это была чистейшей воды авантюра, которая никак не могла отразиться на ходе военных действий. Мы все полагали, что вообще не стоит предавать безумной выходке альпинистов-фанатиков большое значение. Реакция Гитлера была совершенно иной. Мне не редко приходилось видеть, как Гитлер гневается, но никогда не думал, что он способен настолько потерять самообладание. Несколько часов он кричал и бился в истерике, споено этот эпизод поставил под угрозу весь стратегический план Восточной кампании. Даже через неделю он никак не мог успокоиться и проклинал «этих сумасшедших альпинистов, которых следовало бы отдать под трибунал». Он говорил, что этих идиотов обуяло честолюбие и они полезли на эту дурацкую вершину, хотя он недвусмысленно приказал бросить все силы на Сухуми (там же. С. 331).

Ярость обрушивалась в виде урагана слов. В такие моменты он отметал любые возражения простым усилением голоса. Подобные сцены могли быть вызваны как большими, так и совсем ничтожными событиями. Однажды в Оберзальцберге я наблюдал, как его собака Блонди отказалась повиноваться приказу. Кровь бросилась в лицо Гитлера, и несмотря на огромную толпу присутствующих, он начал бешено орать на одного из своих помощников, оказавшегося рядом с ним. Без всякого объяснения, не обращая внимания на удивление толпы, он обрушил на него поток гневных слов (Dietrich 0.12 Jahre mit Hitler. C. 213).

Хорошо известно замечание Геринга: «Адольф — вегетарианец, но мы не знали, что кроме салата вегетарианцы пожирают ковры». Дело было в 1933 году, Гитлер поругался с Отто Штрассером и изливал свою ярость поросячьим визгом, воплями, оскорбляя всех, кто окружал его. Гитлер бегал по комнатам, ломал мебель, бил зеркала и стекла, швырял в окружающих тяжелые предметы, катался по полу и грыз ковер. А вот в ходе войны генерал Гудериан прибыл к Гитлеру на доклад:

Гитлер с покрасневшим от гнева лицом, с поднятыми кулаками, стоял передо мной, трясясь от ярости всем телом и совершенно утратив самообладание. После каждой вспышки гнева он начинал бегать взад и вперед, останавливался передо мной, почти вплотную лицом к лицу, и бросал мне очередной упрек. При этом он так кричал, что глаза его вылезали из орбит, вены на висках синели и вздувались (Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 572).

4

Та же ситуация, но не в Берлине, а в Москве. Случилось вот что. В мае 1942 года войска Крымского фронта готовились к наступлению. По приказу командующего фронтом генераллейтенанта Д. Т. Козлова массы танков, артиллерии и пехоты были собраны на предельно узких участках фронта — по 800 метров на дивизию, то есть меньше километра на 10-12 тысяч человек с артиллерией, танками, полевыми складами, средствами усиления, госпиталями и прочим.

Немцы нанесли упреждающий удар, он был для советских войск сокрушительным и катастрофическим. Советских войск было собрано так много и стояли они так густо, что промахнуться было невозможно. Каждый немецкий снаряд, куда бы он ни упал, нес смерть и разрушение.

Оттого, что готовилось советское наступление, командные пункты фронта, армий, корпусов, дивизий, бригад и полков, многочисленные узлы связи были максимально приближены к переднему краю, поэтому они попали под удар и советские войска остались без управления. Запасы боеприпасов, топлива, запасных частей были выдвинуты вперед, все это оказалось под огнем и не могло быть использовано советскими войсками.

Оттого, что советские войска готовились к наступлению, минные поля и проволочные заграждения были сняты и противник шел вперед беспрепятственно. Одним словом, повторился 1941 год, но только в меньшем масштабе.

Сталин приказал отстранить от должности командующего Крымским фронтом генерал лейтенанта Козлова и вызвал его в Москву.

Итак, Москва, Кремль, сталинский кабинет. В кабинете на приеме у Сталина генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский. Он идет на повышение: был командующим 16-й армии, будет командующим Брянским фронтом.

Когда Рокоссовский уже собирался попрощаться, вошел Поскребышев и сказал, что прибыл и ждет приема Козлов. Сталин сначала было простился с Рокоссовским, а потом вдруг задержал его и сказал:

— Подождите немного, тут у меня будет один разговор, ин**тересный, может** быть, для вас. Побудьте.

И обращаясь к Поскребышеву, сказал, чтобы вызвали Козлова.

Козлов вошел. И хотя это было очень скоро после Керченской катастрофы, все это было очень свежо в памяти, Сталин встретил его совершенно спокойно, ничем не показал ни гнева, ни неприязни. Поздоровался за руку (Свидетельство Адмирала Флота Советского Союза И. С. Исакова. Знамя. 1988. №3. С. 72).

Далее у Сталина — спокойный разговор с Козловым без криков и воплей, без выпученных глаз и посиневших вен. Сталин указал Козлову на ошибки и назначил — с понижением — командующим 24-й армией. Вот и все.

Через несколько месяцев Козлов поднимется до заместителя командующего фронтом, и даже — до представителя Ставки ВГК на Ленинградском фронте.

Так Сталин выражал свой гнев.

А вот как выглядел настоящий взрыв вулканической сталинской ярости в ситуации, когда ему публично нанесли персональное оскорбление.

Предыстория: начиная с 1939 года, готовится внезапный всесокрушающий удар по Германии. План прост: обеспечить себе господство в воздухе неожиданным ударом по вражеской авиации на земле, задавить германскую авиацию на спящих аэродромах. Для таких действий не нужен высший пилотаж, а нужно иметь много самолетов и внезапно высыпать побольше бомб на стоянки вражеских истребителей и бомбардировщиков, на склады топлива и боеприпасов, на узлы связи и командные пункты.

Предполагалось, что при таком раскладе воздушные бои будут попросту исключены. И прозвучал знаменитый лозунг генерал-лейтенанта авиации Павла Рычагова: «Не надо фигурять!» — то есть не будем учить молодых летчиков умению вести воздушный бой и высшему пилотажу, который для воздушного боя необходим. Будем готовить летчиков десятками тысяч по небывалой трехмесячной программе: «взлет — посадка». Разница с японскими смертниками в том, что последних надо было учить только взлетать и следовать по курсу, а посадку за них в учебных полетах совершал опытный инструктор. Кроме того, у них — добровольцы, а у нас летные училища по приказу Рычагова комплектовали принудительными наборами.

Подготовить летчика за три месяца нельзя. Тем более — насильно. Естественно, соколики бились в изрядных количествах. Ссылки на то, что самолеты были плохими — чепуха. Посадив сто тысяч силой загнанных в казармы юнцов любой национальности на самые лучшие самолеты и готовя их три месяца, на иные результаты нельзя было рассчитывать.

Тут дело не в самолетах. Рычагову следовало пенять не на плохие самолеты, а на свою дурь. Следовало сократить число будущих летчиков (а в одном только 1941 году планировалось выпустить 150 тысяч пилотов) и за счет такого сокращения числа обучаемых увеличить сроки подготовки хотя бы до шести месяцев. Но Рычагов упорно стоял на своем: моя линия правильная, а бьются они

оттого, что самолеты плохие.

И вот совещание в Кремле — разбирают причины высокой аварийности в авиации. Свидетель тот же — Адмирал Флота Советского Союза И. С. Исаков.

Давались то те, то другие объяснения аварийности, пока не дошла очередь до командовавшего тогда Военно-воздушными силами Рычагова. Он был, кажется, генерал-лейтенантом, вообще был молод, а уж выглядел совершенным мальчишкой по внешности. И вот когда до него дошла очередь, он вдруг говорит:

— Аварийность и будет большая, потому что вы заставляете нас летать на гробах.

Это было совершенно неожиданно, он покраснел, сорвался, наступила абсолютная гробовая тишина. Стоял только Рычагов, еще не отошедший после своего выкрика, багровый и взволнованный, и в нескольких шагах от него стоял Сталин. Вообще-то он ходил, но когда Рычагов сказал это, Сталин остановился.

Скажу свое мнение. Говорить это в такой форме на Военном совете не следовало. Сталин много усилий отдавал авиации, много ею занимался и разбирался в связанных с нею вопросах довольно основательно, во всяком случае, куда более основательно, чем большинство людей, возглавлявших в то время Наркомат обороны. Он гораздо лучше знал авиацию. Несомненно, это реплика Рычагова в такой форме прозвучала для него личным оскорблением, и это все понимали.

Сталин остановился и молчал. Все ждали, что будет.

Он постоял, потом пошел мимо стола, в том же направлении, в каком и шел. Дошел до конца, повернулся, прошел всю комнату назад в полной тишине, снова повернулся и, вынув трубку изо рта, сказал медленно и тихо, не повышая голоса:

— Вы не должны были так сказать!

И пошел опять. Опять дошел до конца, повернулся снова, прошел всю комнату, опять повернулся и остановился почти на том же самом месте, что и в первый раз, снова сказал тем же низким спокойным голосом:

— Вы не должны были так сказать, — и, сделав крошечную паузу, добавил: Заседание закрывается.

И первым вышел из комнаты.

Все стали собирать свои папки, портфели, ушли, ожидая, что будет дальше.

Ни завтра, ни послезавтра, ни через два дня, ни через три ничего не было. А через неделю Рычагов был арестован и исчез навсегда.

Вот так это происходило. Вот так выглядела вспышка гнева у Сталина. Когда я сказал, что видел Сталина во гневе только несколько раз, надо учесть, что он умел прятать свои чувства, и умел это очень хорошо. Для этого у него были давно выработанные навыки. Он ходил, отворачивался, смотрел в пол, курил трубку, возился с ней... Все это были средства для того, чтобы сдержать себя, не проявить своих чувств, не выдать их (Знамя. 1988. №3. С. 73).

Казалось бы, горячий кавказский человек, ему бы бить зеркала, ковры грызть и метать в своих генералов чугунные головы Маркса и Ленина. Но нет — сдерживался.

Адмирал Исаков ошибся в одном: Рычагов действительно пропал, но не потому, что был через неделю арестован. 8 апреля 1941 года Сталин снял Рычагова с должности и направил учиться в Академию Генерального штаба. Это обучение должно было помочь горячему Рычагову. Арестован же Рычагов был 24 июня совсем по другому делу в числе других авиационных генералов. Расстрелян без суда 28 октября 1941 года.

5

Важно знать, что люди говорят о себе сами, — для оценки личности это бесценный материал.

Сталин мог бы придумать себе любое звание и любую должность. Но его главная должность — секретарь. Официально она именовалась «Генеральный секретарь», но Сталин обходился одним сереньким словом, ставя себя на уровень других секретарей партии. А письма дочери подписывал и того лучше: секретаришка.

Оттого, что Сталин постоянно именовал себя секретарем, а то и секретаришкой, родилась легенда о том, что якобы должность Генерального секретаря была упразднена в 1934 году. Однако никто никогда не привел документальных подтверждений. Так вот: в 1934 году такая должность не была упразднена, в критической обстановке Сталин именовал себя полным титулом.

Пример: совершенно секретное Постановление СНК СССР № 1711–724сс от 19 июня 1941 года. Под этим документом только одна подпись с полным указанием должностей и постов подписывающего: председатель СНК СССР и Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин. Точно так же — только одной подписью с полным указанием постов и должностей — подписан совершенно секретный документ № 1724–733сс от 23 июня 1941 года. И тот же полный титул. Только тут две должности указаны через запятую. Еще один совершенно секретный документ № 1734–743сс от 23 июня 1941 года — и здесь подпись одна при полном титуле.

А вот открытая Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня 1941 года. Тут тон можно сбавить. Потому две подписи: Председатель Совнаркома СССР, секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин, заместитель Председателя Совнаркома СССР В. Молотов.

Так что в особых случаях — полный титул, во всех остальных случаях — секретарь. А вот Гитлер — о себе. Гудериану: Поверьте мне! Я являюсь самым крупным инженером-строителем укреплений всех времен (Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 448).

А вот в теплом кругу адъютантов, машинисток и стенографисток сразу после разгрома германских войск под Москвой:

Я себя превосходно чувствую в обществе великих исторических героев, к которым сам принадлежу. На том Олимпе, на который я восхожу, восседают блистательные умы всех времен (Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. 27 февраля 1942 г.).

Вообще-то Олимп — обитель богов. Вот куда бесноватого заносит.

Моя мать была простой женщиной, но она подарила немецкому народу великого сына (там же. 10 марта 1942 г.).

Ни дать ни взять — мадонна с младенцем. И тут же «великий сын немецкого народа» о своих увлечениях:

Я никогда не читаю романов и **почти никогда не читаю в газетах** литературных разделов (там же).

Великий сын германского народа — не читатель. Он — писатель.

Убежден, что если бы я курил, то никогда бы не смог вынести все эти тяжкие заботы, которые уже долгое время гнетут меня. Может быть, это и спасло немецкий народ (там же. 11 марта 1942 г.).

Вот разорвал бы **Адольф** папиросину «Герцеговина флор», набил табаком трубку, закурил бы, и — все, и не вынес бы тяжких забот, и германскому народу — конец. **А** так — спасение.

Обратим внимание на близость дат гитлеровских высказываний. Отрезок времени — меньше двух недель, на этом отрезке — три официально зарегистрированных одним только Генри Пикером признания Гитлера в собственном величии. Любой желающий может собрать куда более возвышенные и частые заявления Гитлера о своих выдающихся способностях. В мире множество людей, которые считают себя великими. Но рассказывать окружающим о своем величии — признак тяжелой умственной ущербности.

Сталина тоже называли гением. Но он не делал этого сам, и не позволял никому, когда находился в узком кругу. Гений — для широких народных масс, но не в служебном кабинете. А в окружении Гитлера разговор о величии — постоянная тема. Пикер фиксирует события в ночь с 19 на 20 апреля 1942 года:

Офицер Генерального штаба, представляющий в ставке фюрера военноисторический отдел ОКБ, полковник Шерф, дарит всем книгу «Гений как он есть» сборник цитат о сущности гения, явный намек на Гитлера (там же).

И снова не знаешь, чему удивляться. Зачем в ставке фюрера иметь представителя от военно-

историческою отдела Главного командования вермахта? Неужто ставке Верховного главнокомандующего во время жесточайшей из войн есть время заниматься написанием книг о гениях?

За обедом шеф в ответ на реплику о том, что все же очень редко встречаются люди, призванные совершить когда-нибудь в своей жизни великие дела, заявил: из таких людей лишь в Моцарте еще в раннем детстве распознали великий талант. Но все равно их жизненный путь предначертан судьбой, и она когда-нибудь призовет их показать свою силу. Каким зажатым он чувствовал себя в Вене, хотя уже обладал в достаточной степени обширными знаниями в самых различных областях (там же. 10 мая 1942 г.).

Это стандартная завязка: дежурный лизоблюд за гитлеровским столом невзначай бросает реплику о том, что гении так редко встречаются. Это точное попадание «в десятку». Прямо в яблочко. И бесноватый заводится: первая фраза о Моцарте, в котором в детстве гения распознали, а вторая — о себе любимом, в котором не распознали. И в венской юности ему было так тяжело: он уже знаниями перегружен в самых невероятных областях, а в нем никак гения рассмотреть не могут. До чего же трудно ему было в ту пору! Далее — на весь вечер монолог о том, что тупому школьному учителю гения не понять и не увидеть: «Гения может распознать только гений».

6

Но и сам факт, что сотни подобных высказываний Гитлера сохранены для истории, говорит о многом. Весь его бред постоянно фиксировался секретарями и стенографистками. Ни одно его высказывание не должно было пропасть для потомков, потому его речи записывали не менее двух стенографисток одновременно. Такой порядок мог установить только тот, кто ни на мгновенье не усомнился в своем исполинском превосходстве над окружающими. Так же поступал и вождь Мировой революции Григорий Зиновьев, окружив себя смазливыми мордашками, которые записывали его бесценные указания. Так вел себя и Гитлер, но одних только личных стенографисток ему оказалось мало.

Стремясь доказать будущим поколениям, что всегда отдавал верные приказы, Гитлер еще поздней осенью 1942 года распорядился вызвать в ставку присяжных стенографов Рейхстага, которые теперь присутствовали на всех оперативных совещаниях и записывали каждое слово.

Если Гитлеру казалось, что найден выход из затруднительного положения, он иногда произносил такие слова: «Вот видите! Я всегда оказываюсь прав. А эти идиоты из генштаба никак не хотят мне поверить». И даже если отступление превращалось в беспорядочное бегство, он все равно ликующим голосом заявлял: «А

разве я три дня назад не приказывал начать отступление? Мой приказ опять не выполнен. Вообще мои приказы сплошь и рядом не выполняются, а вы всегда находите отговорки и играете русским на руку. Вы лжете, когда утверждаете, что русские помешали осуществить ту или иную операцию».

Гитлер никак не желал признать, что его поражение в первую очередь объясняется неспособностью Германии воевать сразу на нескольких фронтах и что в этом безвыходном положении мы оказались исключительно по его вине.

Неожиданно окунувшиеся в атмосферу сумасшедшего дома стенографы, возможно, еще несколько месяцев тому назад идеализировали Гитлера и верили утверждениям Геббельса о том, что фюрер наделен гениальным умом. Теперь же им пришлось спуститься с небес на землю. До сих пор у меня перед глазами стоит следующая картина: стенографы с бледными, понурыми лицами ведут протокол заседаний или в свободное время нервно расхаживают взад-вперед по территории ставки. Я воспринимал их как посланцев народа, обреченных стать непосредственными свидетелями настоящей трагедии (Шпеер А. Воспоминания. С. 418-419).

7

Помимо личных стенографисток и присяжных стенографов Рейхстага гениальные речи Гитлера постоянно фиксировались «полномочными военными историками фюрера» (минимум один из которых работал на сталинскую разведку). Заместитель Гитлера по партии Мартин Борман «записывал все высказывания Гитлера, которые представлялись ему важными» (там же. С. 149). Кроме этого речи Гитлера записывались прихлебателем Генри Пикером. И того, что было записано всего за полтора года одним только Пикером, хватит, чтобы смешить многие грядущие поколения.

В ночь с 25 на 26 января 1942 года «великий сын германского народа» рассказывал обалдевшим обожателям вот что:

Возможно, когда-то, за десять тысяч лет до нашей эры, произошло столкновение с Луной. Не исключено, что Земля вынудила тогда Луну вращаться на ее теперешней орбите. Возможно, наша Земля забрала ее атмосферу и это полностью изменило условия жизни на Земле. Я допускаю, что здесь тогда обитали существа, которые могли жить ни любой высоте и глубине, ибо атмосферное давление отсутствовало. Допускаю также, что Земля разверзлась и хлынувшая в кратеры вода вызвала страшные извержения и потоки дождей. Спастись могли только двое людей, так как они укрылись высоко в горах в пещере (Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера).

Не знаю, что вас больше удивит в этом откровении. Мне понравилась хронологическая точность: десять тысяч лет до нашей эры. Откуда уверенность, что именно десять тысяч лет? Почему не двадцать? Еще мне понравились существа, которые жили на любой глубине и высоте, ибо атмосферы не было. Бедные существа жили в безвоздушном пространстве, следовательно, не дышали. Спастись (по Гитлеру) могли только двое людей. Вопрос: почему не предположить, что трое? Или четверо? Бедные люди до столкновения с Луной или вообще легких не имели, или же их имели, но не пользовались ими, так как воздуха не было. А после столкновения вздохнули с облегчением и с той поры дышат. В этом же монологе Гитлер сообщает:

Собака— древнейшее домашнее животное. Вот уже тридцать тысяч лет она живет рядом с человеком.

Из этого следует, что до столкновения с Луной, которое, как мы теперь знаем, случилось за десять тысяч лет до нашей эры, собаки, как и люди, жили в безвоздушном пространстве. Но если не было атмосферы, то температура (хотел написать — «воздуха», но его, согласно установкам Гитлера, в те времена еще не было) безвоздушного пространства должна была быть даже ниже, чем под Сталинградом в декабре 1942 года. Знать, намерэлись бедные песики за долгие тысячелетия.

«Застольные разговоры Гитлера», записанные Генри Пикером, переполнены еще и не такими пенками. «Великий сын» щедро рассыпал крупицы своей мудрости направо и налево.

10 мая 1942 года он рассказывал о том, что главой ГПУ Советского Союза в данный момент является Георгий Димитров. В то время никакого ГПУ уже не существовало, и болгарский коммунист Димитров его никогда не возглавлял. А Гитлер, перескакивая с темы на тему, рекомендует выращивать крапиву вместо хлопка. Он выдвигает идею строить железнодорожные линии с шириной колеи не полтора метра, а четыре. Не надо быть инженером-путейцем, чтобы оценить глубину глупости такого начинания. Надо просто прикинуть длину и толщину шпал, толщину и вес рельсов, ширину и грузоподъемность мостов, высоту тоннелей. Одно дело, строить такую магистраль в степи (зачем она там нужна?), другое — в густонаселенной Европе с ее многочисленными городами, реками, горами, подъемами, спусками, дамбами и насыпями. Стоит всего лишь прикинуть, как построить поворот такой дороги, рассчитать радиус поворота, и глупость высветится сама собой.

Эксперты сразу сказали Гитлеру, что если нечто подобное и будет построено, то все равно никогда себя не окупит. Но Гитлер с верблюжьим упорством требовал разработки подробных проектов, сам чертил планы трехэтажных пассажирских вагонов с великолепными интерьерами, застекленными обзорными площадками, с фонтанами и оранжереями. Как на «Титанике».

Хочешь быть фантастом — будь им. Но ты же глава государства, которое ведет войну не на жизнь, а на смерть. Если нечем заняться, рисуй вагончики, коридоры, купе и лесенки, только людей от дела не отрывай.

Так если бы только вагончики... Он еще и архитектурой бредил. Он жил в мире игрушечных

домиков. Он был поглощен все новыми и новыми проектами. Коридоры и залы его канцелярии, резиденций, командных пунктов и убежищ были заставлены макетами зданий. Когда над бомбоубежищами Берлина уже грохотали советские танки, он вносил новые изменения в проект центральной берлинской магистрали, на которой собирался принимать парад победы...

Его голова была генератором гениальных идей. В ночь на 10 марта 1942 года Гитлер озарил окружающих открытием: «*Без мужчин женщины бы пропали*».

Мысль правильная. Тут не возразишь. И, сколько не мудрствуй, сам до такого никогда не додумаешься.

Гитлеровская мудрость производила на его **ближайшее окружение магическое действие**. Восхищенный Генри Пикер не только записывает величайшие откровения Гитлера, но и высказывает свое к ним отношение.

Мысли фюрера, высказываемые им в застольных монологах, часто настолько выдающиеся и облечены в такую словесную форму, что их не колеблясь можно отдавать в печать. Все время видишь, как глубоко осмысливает он со своей точки зрения все встающие перед ним проблемы и как хорошо продуман вывод, к которому он приходит. Загадка его колдовской силы объясняется в основном тем, что он, постоянно занимаясь политическими и военными вопросами, успел всесторонне их обдумать, прежде чем к ним подошел его слушатель (Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. 28 марта 1942 г.).

На наших доморощенных гитлеровцев выдающиеся мысли о собаках в безвоздушном пространстве производят не менее потрясающее воздействие. Валерий Скурлатов (газета «Российское возрождение», январь 1991, стр. 2) объявил, что Сталин «уступал Гитлеру умом и характером». Согласимся: Сталин не грыз ковров и тем доказал слабость характера, а своим скудным умишкой не дошел (да и не мог дойти) до великой мысли о том, что без мужчин женщины пропали бы.

0 величии Гитлера, о его уме и характере четко и точно сказал Гудериан:

Но пусть врачи займутся этим делом. Германскому народу следует только знать, что человек, стоявший во главе его, человек, которому народ так доверял, как ни один народ не доверял никогда ни одному вождю, был больным человеком (Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 614).

ГЛАВА 10. Пункт первый: фюрер всегда прав

Как правило, гауляйтеры работали отдельно от правительственных президентов, оберпрезидентов провинций и премьер-министров земель. Стало быть, государства фюрера, к которому стремились и которое пропагандировалось Гитлером и его партийной программой, фактически не существовало. Более того, как раз в области государственного управления господствовала становившееся все более опасной анархия, которая все больше и больше увеличивалась назначением многочисленных рейхскомиссаров, генеральных уполномоченных, особых уполномоченных и т.д.

Генерал-полковник Гейнц Гудериан. Воспоминания солдата. С. 624

1

Гитлер не только говорил, но и писал о своей гениальной непогрешимости. Он лично сформулировал заповеди членов НСДАП, среди которых была и такая: ФЮРЕР ВСЕГДА ПРАВ.

У нас такие заявления — в разряде пошлого казарменного юмора. И если члены нацистской партии, читая их, не кувыркались от смеха, если подчинялись тому, кто всегда прав, значит уровень их был таким же, как и у «великого сына германского народа». Может быть, и ниже.

Посмотрим же, как Гитлер и Сталин принимают решения, и как эти решения выполняются. За сталинским умением толково вести совещания, деловые встречи и переговоры стоял простой секрет: он к ним готовился. Перед любой встречей с министрами, генералами, конструкторами вооружения, главарями тайной полиции, секретарями обкомов и крайкомов, партизанскими вожаками, дипломатами, представителями иностранных государств, разведчиками, директорами предприятий Сталин собирал необходимые сведения и их изучал.

У него был свой метод овладения конкретным материалом. Перед началом подготовки той или иной операции, перед вызовом командующих фронтами он заранее встречался с небольшими офицерами Генерального штаба — майорами, подполковниками, наблюдавшими соответствующими 3**a** оперативными направлениями. Он вызывал их одного за другим на доклад, работал с ними по полтора, по два часа, уточнял с каждым обстановку, разбирался в ней и ко времени своей встречи с командующими фронтами, ко времени постановки им новых задач оказывался настолько хорошо подготовленным, что порой удивлял их своей осведомленностью... Пожалуй, пользуясь таким методом, он порой любил подчеркнуть перед ними свое знание обстановки. Но все же главное состояло в том, что его осведомленность была не показной, а действительной, и его предварительная работа с небольшими офицерами Генерального штаба для уточнения обстановки перед принятием решений была работой в высшей степени

разумной (Маршал Советского Союза Жуков. ВИЖ. 1987. № 10).

О том, как Сталин знал обстановку, как требовал этого знания от подчиненных, рассказывал генерал армии С. П. Иванов. В 1942 году он был полковником, начальником оперативного управления штаба Юго-Западного фронта. Готовится Сталинградская стратегическая наступательная операция. Командующий фронтом болен. Тогда ехать надо начальнику штаба фронта, но назначен новый начальник штаба, он еще не прибыл. Во все планы посвящены только три человека. Третий — начальник оперативного управления штаба фронта полковник С. П. Иванов. Вот его Сталин и вызывает к себе.

Самолетом — в Москву, с аэродрома — прямо в сталинский кабинет. На обсуждение обстановки — 30 минут. Эти минуты использованы с предельной интенсивностью. Сталин выступал в роли противника, загонял бедного полковника в безвыходные ситуации и требовал немедленных, правильных и точных решений.

В моменты особого запредельного напряжения организм человека автоматически включает системы защиты. У разных людей в разных ситуациях это проявляется по-своему. В данном случае организм полковника отвечал мощным подъемом температуры тела и необычно интенсивным выделением пота. Гимнастерка на нем вымокла так, словно ее полоскали в реке.

Полковник отбился. Немедленно из сталинского кабинета— на Центральный аэродром, и— в район Сталинграда. В самолете на Иванова навалилась неизбежная после такого напряжения сонливость. А командиру корабля на борт— радиограмма: разбудите пассажира и поздравьте с присвоением воинского звания «генерал-майор». И— соответствующая подпись.

2

Процесс принятия решений слагался у Сталина из двух элементов:

- во-первых, он предварительно изучал вопрос;
- во-вторых, на совещаниях давал высказаться всем, внимательно слушал, отбирал ценное и важное и поворачивал обсуждение в нужное, единственно правильное русло.

У Гитлера — наоборот. Прежде всего, он отказывался обстановку изучать. Он ее игнорировал.

Он со свойственной ему манерой богемного художника презирал трудовую дисциплину и не мог, а то и не желал принудить себя к планомерной работе... Собственно, день у него начинался с продолжительного обеда (Шпеер А. Воспоминания. С. 140).

Гитлер демонстрировал поразительное незнание истинного положения вещей (там же. С. 409).

Неверная оценка Гитлером ситуации приняла уже совершенно абсурдный характер (там же. С. 555).

Гитлер с большим недоверием относился к всевозможным математическим расчетам... Фюрер с презрением отозвался о вышедшем из-под пера начальника главного управления военной экономики Георга Томаса меморандуме, ибо генерал необычайно высоко оценил советский военный потенциал. Томасу, как и ОКБ, немедленно было запрещено заниматься этой темой (там же. С. 414).

Кстати, герр Томас, как теперь выясняется, еще работал и на товарища Сталина. Тут его таланты ценили больше.

3

Гитлер не только не знал и не желал знать реальную обстановку, он не только как страус австралийский прятал голову в песок при виде грозной опасности, но он еще и запрещал подчиненным в обстановку вникать и ее изучать.

Чтобы решать, нужно знать. Как же принимать решения, не зная обстановки? Для нас это невозможно, но в гитлеровской Германии было все возможно. Гитлер принимал решения не на основе изучения и оценки ситуации, а просто так, не тратя времени на размышления.

Ни у кого из присутствующих на оперативных совещаниях не вызывала возмущения манера Гитлера принимать решения по наитию. Он не брал в расчет ни анализ военного положения, ни потребностей войск в боевой технике, обмундировании и продовольствии и никогда не поручал группам экспертов со всех сторон рассмотреть наши наступательные планы, а также возможные контрмеры противника (Шпеер А. Воспоминания. С. 415).

Разница: Сталин принимает решения в узком кругу, Гитлер — в толпе.

Я увидел целое собрание офицеров и генералов, желавших присутствовать при моем дебюте. Я был неприятно удивлен, увидев такое множество людей, ибо я надеялся, что смогу доложить свои соображения в самом узком кругу.

Но я совершил ошибку, сообщив тезисы моего доклада адъютанту ре Гитлера. И вот прибыли все заинтересованные лица: весь состав Главного штаба вооруженных сил, начальник Генерального штаба сухопутных войск с некоторыми начальниками отделов, генерал-инспекторы пехоты и артиллерии и, наконец, шефадъютант Гитлера Шмундт. Все находили в моих планах какие-нибудь недостатки... (Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 406).

Генри Пикер жалуется:

Поскольку шеф проводил оперативные совещания в расширенном составе, за обедом и ужином присутствовало столько гостей, что мне приходилось принимать пищу в соседнем помещении — зале №2 (Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера).

В этих совещаниях, проводившихся в рабочем бомбоубежище в саду имперской канцелярии, всегда принимало участие большое число людей, многим из которых фактически нечего там было делать... В небольшом помещении присутствующие с трудом могли найти себе место; стеснившись, они стояли вокруг стола с оперативной картой, за которым сидел только Гитлер и несколько поодаль стенографистки.

Постоянное хождение и ведшиеся в задних рядах вполголоса разговоры часто мешали работе, но Гитлер обычно не возражал против этого. Заслушав доклады, он сообщал свои решения относительно следующего дня. При этом он лишь иногда прислушивался к предложениям генералов.

Как правило, еще до начала оперативного совещания у него было сложившееся мнение (ВИЖ. 1964. №4. С. 92).

Вот другие описания, почти полностью совпадающее с предыдущим:

Все решения были уже предопределены заранее. Гитлер всегда соглашался вносить в свои планы только незначительные изменения (Шпеер А. Воспоминания. С. 415).

Из-за присутствия большого количества людей в сравнительно маленьком помещении всегда был спертый воздух, из-за которого я — как и многие другие участники совещания — очень быстро уставал... Своим собеседникам Гитлер обычно не давал даже слова сказать и удачно избегал обсуждения спорных вопросов (там же. С. 336-337).

4

На совещаниях Гитлер, не переставая, говорил, а вокруг него все тоже говорили. Тут не та обстановка, в которой бедных полковников прошибает жар и пот. Тут расслабление с дремотой и треп на свободные темы. И хотя эти разговоры ведутся вполголоса, они — свидетельство того, что болтовню Гитлера никто не слушает.

Если учитель во время урока слышит шепот в классе, он должен предпринять какие-то меры. Если ученики говорят о своем, пусть даже шепотом, значит урок не усваивается. Самый легкий шепот в классе мешает учителю, кроме того, он оскорбляет его, показывая, что учитель не сумел заинтересовать своих учеников. Но Гитлеру разговоры вокруг не мешали и не оскорбляли его.

Гитлеру это мешало лишь в тех случаях, когда они излишне волновались и слишком громко переговаривались между собой. Стоило ему с недовольным видом поднять голову, как все сразу же замолкали (Шпеер А. Воспоминания. С. 336-337).

Классический военный совет любого уровня проводится по схеме, которая обкатана веками и

тысячелетиями. Прежде всего, на военный совет приглашают только тех, кто действительно необходим. Во-вторых, старшие по чину не спешат высказывать своего мнения, иначе младшие начнут поддакивать. На военном совете первым говорит самый младший по званию и положению. Затем тот, кто чуть старше. Самый главный, выслушав всех, говорит последним.

У Гитлера все наоборот. Гитлер еще до совещания сам принимает все решения. Коль так, зачем каждый день собирать совещание? Если решения уже приняты, отдавай приказы и распоряжения и не отрывай подчиненных от работы. Но Гитлер собирал людей каждый день. В огромном количестве. Включая тех, кому тут вообще делать нечего. Списки приглашенных на гитлеровские оперативные совещания удивляют: тут и министр пропаганды или его уполномоченные, и адъютанты каких-то генералов, и военные историки, которые когда-нибудь расскажут потомкам о том, какие гениальные решения принимались в тот день, тут стенографистки личные и стенографисты из Рейхстага, тут и просто прихлебатель Генри Пикер, тут личный представитель Гиммлера, офицеры связи от различных штабов и — генералы, генералы, генералы.

Не удивительно, что планы Гитлера иногда доходили до Сталина.

Глупость этих совещаний очевидна: зачем их собирать, если тут никто не совещается? Если Гитлеру мнение присутствующих не интересно? Если решения УЖЕ Гитлером приняты? Зачем уже принятые решения сообщать такому количеству людей? Зачем раскрывать свои карты перед столь разношерстным сборищем?

Естественно, что при таком подходе решения Гитлера были самоубийственными. Не обладая даром слушать, Гитлер не мог знать обстановки, не мог ее понимать, потому просто не мог принимать адекватных решений.

Работа руководителя любого уровня заключается прежде всего в том, чтобы обстановку знать. Вот летит огромный самолет над океаном. Перед командиром корабля невероятное количество лампочек, датчиков, циферблатов со стрелочками: в четвертом двигателе поползло вверх давление масла, а в первом повышенный расход топлива, в третьем ненормальная температура, в хвосте вибрация... Зная все это, командир корабля принимает решения.

Для Гитлера его генералы, министры, фельдмаршалы, гауляйтеры и рейхсляйтеры — это индикаторы обстановки. Не слушать их — все равно что не смотреть на приборную доску. Вообразим: командир корабля крутит штурвал, нажимает на рычаги и кнопки, не зная направления, высоты и скорости полета, силы и направления ветра, состояния воздушного корабля, его двигателей и систем управления.

Степень незнания Гитлером обстановки потрясает. В ноябре 1941 года германское наступление под Москвой окончательно остановилось. Это означало, что надежда на успех блицкрига исчезла. Это означало затяжную войну, на которую у Германии не было ресурсов. Остановка германских войск — это поражение Германии.

Но тут не просто остановка: 5 декабря 1941 года началось внезапное для германских генералов сверхмощное наступление Красной Армии. И вот через неделю, 12 декабря, Гитлер заявляет:

Война идет к концу. Последняя великая задача нашей эпохи заключается в том, чтобы решить проблему церкви. Только тогда германская нация может быть совершенно спокойна за свое будущее (Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера).

Германские солдаты замерзают в снегах, германская армия дрогнула и начала беспорядочный отход, она терпит под Москвой поражения, равных которым в ее истории еще не бывало. Но Гитлер об этом не знает. Огромный самолет над бескрайним океаном попал в эпицентр урагана, из которого ему уже не выбраться, уже горят двигатели и отваливаются крылья, а командир корабля не понимает, куда его занесло, он объявляет экипажу и пассажирам, что полет благополучно подходит к концу и строит радужные планы на следующий после приземления день.

Так нас приучили агитаторы: немцев победил мороз, во всем зима виновата. Нет, товарищи, виноват «великий сын германского народа», который, находясь в «Волчьем логове», ничего не делал для спасения своей армии и своей страны, которому в декабре 1941 года мерещилось, что проблемы войны уже разрешены и она идет к победоносному завершению. Ему казалось, что для светлого будущего Германии осталось решить только проблему церкви. Других проблем «великий сын германского народа» в тот момент не усмотрел.

5

А вот совещания у Сталина: никаких протоколов и стенограмм, приглашаются только те, чье присутствие на данном совещании жизненно необходимо. Сталин мнения не высказывает, ждет и требует, чтобы высказались все приглашенные. Сталин говорит меньше всех. Докладывает тот, кто потом будет отвечать — отвечать своей головой в прямом смысле — за выполнение принятых решений.

Иногда Сталин прерывал доклад неожиданным вопросом, обращенным к комулибо из присутствующих: «А что вы думаете по этому поводу?» или «А как вы относитесь к такому предложению?» Причем характерный акцент делался именно на слове «вы». Сталин смотрел на того, кого спрашивал, пристально и требовательно, никогда не торопил с ответом. Вместе с тем все знали, что чересчур медлить нельзя. Отвечать же нужно не только по существу, но и однозначно. Сталин уловок и дипломатических хитростей не терпел. Да и за самим вопросом всегда стояло нечто большее, чем просто ожидание того или иного ответа (Устинов Д. Ф. Во имя победы. С. 91).

Принятое решение должно быть выполнено. За этим Сталин следил весьма внимательно. Для этого он имел свою собственную внутреннюю разведку. Шефом этой разведки Сталин был лично сам, работала она против ближайшего сталинского окружения и против руководителей на местах: секретарей республиканских компартий, обкомов, крайкомов, командующих округами, флотами, фронтами и армиями, против прокуроров республик, краев и областей, особенно — против главарей тайной полиции всех рангов. О невыполнении своих приказов Сталин узнавал немедленно.

Обладая богатейшей, чрезвычайно цепкой и емкой памятью, И. В. Сталин в деталях помнил все, что было связано с обсуждением, и никаких отступлений от существа выработанных решений или оценок не допускал. Он поименно знал практически всех руководителей экономики и Вооруженных Сил, вплоть до директоров заводов и командиров дивизий, помнил наиболее существенные данные, характеризующие как их лично, так и положение дел на доверенных им участках. У него был аналитический ум, способный выкристаллизовывать из огромной массы данных, сведений, фактов самое главное, существенное (там же. С. 92).

За невыполнение сталинских приказов виновным шили шпионаж в пользу кого угодно и беспощадно истребляли.

Вот пример того, как сталинские решения выполнялись. 19 ноября 1942 года. Сталинградская стратегическая наступательная операция. После сокрушительной артиллерийской подготовки пехота с танками поддержки взломала первую линию обороны и продвинулась на 4–5 километров. По теории, немедленно в момент взлома обороны в «чистый» прорыв надо вводить мощные танковые соединения, которым надлежит вырваться на оперативный простор.

Но тут — суровая действительность. Помимо огня противника, минных полей и проволочных заграждений, наступающей пехоте мешает снег. Пехота в нем утопает. Оборона противника прорвана частично. Проще говоря: лед проломан глубоко, но до воды пока не добрались, и не ясно, сколько его еще надо долбить. В данном случае «чистый» прорыв обеспечить не удалось — слишком медленно продвигается в снегу первый наступающий эшелон.

В этой обстановке командующий Юго-Западным фронтом генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин принимает решение вводить в сражение эшелон развития успеха — 1-й, 4-й и 26-й танковые корпуса — хотя успеха еще нет.

Решение командующего фронтом означает, что танковые корпуса вводятся в сражение ДО того, как для такого хода созданы условия. Решение означает, что танковые корпуса будут делать работу, для которой они не предназначены. Решение означает, что танковые корпуса понесут тяжелые потери еще до того, как начнут выполнять свою собственную задачу.

Генерал-лейтенант Ватутин отдает приказ, но три командира танковых корпусов не сговариваясь его не выполняют. Нет, конечно, они его сейчас начнут выполнять, но пока что-то не ладится.

Если не хочешь выполнять приказ, то всегда можно найти причину. Командиры корпусов посвоему правы. В ходе предыдущих операций, начиная с 22 июня 1941 года, вот уже больше года такой маневр завершался гибелью танковых и механизированных корпусов даже в ситуации, когда был обеспечен «чистый» прорыв. Но и Ватутина можно понять: у него приказ — взломать фронт любой ценой.

Идти в «чистый» прорыв — это смертельный номер. Представить его можно вот как: нарядимся в тулуп и валенки, возьмем автомат, патроны, гранаты, сухой паек и нырнем в прорубь. Проплывем подо льдом метров триста и в другой проруби вынырнем. Этот маневр танковые командиры ненавидят и просто по-человечески его боятся: в этой войне он пока никому не приносил ничего, кроме позора и смерти.

Кроме того, в данном случае корпуса вводятся в сражение в особо неблагоприятной ситуации для выполнения чуждой им задачи: прорубь для них не расчищена. Ее предстоит сначала пробить головой, а уж после этого выполнять основную программу. Потому танковые командиры медлят и выискивают предлоги для того, чтобы еще хоть немного оттянуть момент ввода в сражение: пусть, мол, пехота с танками непосредственной поддержки еще немного вперед продвинутся.

Но и командующий фронтом прав. Он понимает, что промедление смерти подобно — в самом прямом смысле. Он знает, что гонит танковые корпуса почти на верную гибель, но если промедлить, то противник, зная теперь, где находится участок прорыва, подбросит сюда танки, самоходки, артиллерию, включая противотанковую, саперов с минами, штрафников, поставит на прямую наводку даже гаубицы⁹, бросит на борьбу с танками зенитную артиллерию и прорыв ликвидирует. И тогда сорвется вся операция.

Командующий фронтом генерал-лейтенант Ватутин Николай Федорович был человеком деликатным, но при случае мог командиру корпуса, такому же генерал-майору или генерал-лейтенанту, врезать палкой между ушей. А мог Ватутин и пристрелить, о чем командирам корпусов было давно и точно известно.

В это время Сталин в Кремле следит за обстановкой: пошли в прорыв? Ватутин докладывает: корпуса с места не сдвинуть, если не расстрелять командиров.

И вот в самый драматический момент, когда вся Сталинградская стратегическая наступательная операция могла захлебнуться, Сталин не грозит, не упрекает, не повелевает идти вперед и не приказывает расстрелять дрогнувших командиров. Он даже не обращается к командирам корпусов. Он тихо говорит как бы сам себе: «Пусть им будет стыдно». И кладет трубку.

Сталинское пожелание командирам корпусов передали, и тут же взревели сотни танковых

⁹ Гаубица— тип артиллерийского орудия, предназначенного преимущественно для навесной стрельбы с закрытых огневых позиций вне прямой видимости цели.— Примеч. ред.

двигателей и три танковых корпуса сквозь боевые порядки первых эшелонов, обгоняя пехоту, пошли вперед, завершили прорыв обороны, вырвались на оперативный простор, захватили мост через Дон и через три дня встретились далеко во вражеском тылу с войсками Сталинградского фронта, замкнув кольцо окружения.

Интересно, что Сталин никогда потом не упрекнул ни одного из командиров. Наоборот, именно командиры танковых корпусов, как только кольцо окружения сомкнулось, первыми получили повышение в званиях и награды; танковые корпуса, а также соединения и части в их составе, были преобразованы в гвардейские, они получили ордена на знамена и почетные наименования Донских и Сталинградских.

Ни мордобой, ни реальная угроза расстрела не сдвинула танковые корпуса с места. Хватило одной фразы Сталина, которая даже не была приказом.

7

А вот как выглядело исполнение приказов Гитлера.

Германские частные фирмы очень быстро нашли способ прикармливать местную власть. Крупная фирма вводила рейхсляйтера или гауляйтера в совет директоров и вполне легально отстегивала ему длинные тысячи за здорово живешь. Рейхсляйтерам, гауляйтерам и другим партийным вождям германского рабочего класса такая практика ужасно нравилась.

В ситуации, когда вставал вопрос о том, чьи интересы дороже, государственные или частные, рейхсляйтеры, гауляйтеры и прочие партийные товарищи почему-то дружно вставали на сторону интересов частных фирм.

Гитлер узнал об этом и категорически запретил подобную практику. Вся партийная бюрократия, начиная с рейхсляйтеров, гитлеровское запрещение дружно игнорировала. Заместитель Гитлера по партии Мартин Борман, который над всеми ляйтерами был вождем, проявил со своими подчиненными полную солидарность:

Местная администрация в лице гауляйтеров знала, что Борман никогда не даст ее в обиду, и своими действиями всемерно ослабляла верховную власть (Шпеер А. Воспоминания. С. 426).

Нет, Борман не отменил гитлеровский запрет. Как можно! Ведь фюрер всегда прав! Борман просто к гитлеровскому запрету ввел уточнение: вот кончится победоносная война, тогда все мы дружно гитлеровский приказ и выполним. А пока идет война, пока страдания и лишения, бедному гауляйтеру на одну получку никак не выжить. Мол, в партийных же интересах гауляйтерам на стороне кормиться. Так и порешили. Все осталось как было: и гауляйтеры сыты, и фюрер всегда прав.

А контроль за выполнением своих приказов Гитлер осуществлял не сам, а возложил... на Бормана и партийную иерархию: ляйтеры всех мастей и рангов и их покровитель Борман были сами

себе ревизорами, сами с собою борцами.

Но вот совершенно случайно Гитлер узнает, что его ценнейшие указания и строжайшие запрещения открыто и нагло игнорируются. Если бы на месте Гитлера оказался товарищ Сталин, то тут же Борман был бы сражен пулей подлого убийцы в коридоре Рейхстага, а затем ляйтеров стреляли бы целыми табунами за то, что они, гады, Бормана не уберегли.

Так действовал бы Сталин. И проблема тут не в коррупции и не в предпочтении частных интересов государственным, а в подчинении вожаку. Это принципиальный вопрос. Любая слабина в этом вопросе ведет вожака к гибели: ему перестанут подчиняться.

А вот реакция Гитлера. Он вызывает Бормана, и ставит вопрос ребром: выполняются приказы фюрера или нет?

Борман заявил в ответ, что выполнение этого приказа отложено до конца войны... Фюрер, который никак не хотел поверить в то, что это его распоряжение до сих пор не выполнено, заявил: ни один государственный служащий не имеет права... — ну и так далее в таком же духе (Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. 27 июня 1942 г.).

Гитлер никак не хотел поверить, что его приказы не выполняются. **А** потом поверил. На том и успокоился.

И вот всем недобитым гитлеровцам, которые утверждают, что Гитлер превосходил Сталина умом и характером, заявляю: посмотрите хотя бы на один этот случай. Где вы увидели у Гитлера ум? В каком месте? И где характер?

ГЛАВА 11. Кто в доме хозяин

Насилие как инструмент управления формирует вокруг диктаторов неспорящую, трусливую, нерешительную, несамостоятельную, ловящую каждое слово Хозяина среду. И в результате этого дефицита самостоятельности управленческие нити начинают постепенно сходиться вверх. Диктатору приходится во все вникать самому и решать кучу самых мелких вопросов.

Александр Никонов. Бей первым. С. 156

1

Сохранилось неисчислимое множество свидетельств того, что Сталин вникал в тысячи мелочей. Он определял репертуар Большого театра и количество зенитных орудий на строящихся линкорах, заработную плату летчикам-испытателям и рацион караульных собак, дату внезапной денежной реформы и массу фундамента нового здания Московского университета.

Сталин лично следил за ходом строительства Байкало-Амурской магистрали и вводом в строй второй очереди Магнитки, за добычей золота на Колыме и проходкой тоннелей под Амуром и Днепром, за творчеством академика Тарле и тайными похождениями Генерального комиссара Государственной безопасности товарища Ягоды, за выпуском учебников на армянском языке и сочинением Конституции.

Сталин толково беседовал, вникая в детали, с исполнителем главной роли в фильме «Чапаев» и командиром огнеметного взвода с Халхин-Гола, с геологами и дипломатами, с цензорами и куплетистами, капитанами дальнего плавания и ветеринарами. Сталин лично инструктировал карикатуристов и следователей НКВД, композиторов и конструкторов танка СМК, архитекторов, проектировавших станцию метро «Маяковская», и главного конструктора электротрактора.

Сталин отличался нечеловеческой, дьявольской работоспособностью. И никто никогда не сказал о Сталине иного.

А Гитлер в этом плане был прямой противоположностью Сталину. Но кто-то же должен был за Гитлера тьму вопросов решать. Потому этот кто-то неизбежно сосредотачивал в своих руках необъятную власть. Потому власть ускользала из рук «великого сына германского народа».

2

Уже в 1942 году Гитлер был номинальным фюрером. Борман подгребал власть под себя. Воспользовавшись инертностью Гитлера, Борман сам определял, кто из правительственных чиновников может получить аудиенцию у фюрера — вернее, кого из них не следует допускать к нему. Почти никто из министров, рейхс- и гауляйтеров не имел прямого доступа к Гитлеру; всем им приходилось просить Бормана изложить ему их проблемы. Борман действовал очень быстро и уже через

несколько дней высокопоставленный руководитель получал письменный ответ...

Монотонно и подчеркнуто деловито Борман в нескольких предложениях излагал суть присланных ему меморандумов, а затем предлагал свой вариант решения.

В большинстве случаев Гитлер кивал головой и говорил: «Согласен». Одного этого слова оказывалось достаточным для того, чтобы побудить Бормана приступить к составлению пространных директив, хотя зачастую Гитлер лишь для проформы выражал свое согласие. Таким образом, в течение часа иногда принималось десять и более важных решений: фактически именно Борман проводил внутреннюю политику рейха. Через несколько месяцев он сумел добиться подписи Гитлера под, казалось бы, ничего не значащим документом и стал «секретарем фюрера».

Если до этого момента он был формально уполномочен заниматься только внутрипартийными делами, то новая должность уже официально позволяла ему вмешиваться в любую сферу деятельности (Шпеер А. Воспоминания. С. 349-350).

Беда гитлеровской Германии (и наша удача) состояла в том, что серый кардинал Борман правил Германией не в ее интересах, а в своих собственных.

От Бормана снова поступает громадное количество новых предписаний и распоряжений. Он сделал из партийной канцелярии бумажную. Ежедневно он рассылает целую гору писем и документов, которые нынешний воюющий гауляйтер фактически даже не может прочесть. Частично это совершенно бесполезные бумаги, которые невозможно использовать в борьбе. И в партии у нас нет четко разбирающегося во всем и тесно связанного с народом руководства (Геббельс Йозеф. Запись в дневнике от 4 апреля 1945 г.).

Геббельс заявил, что Гитлер фактически отстранился от проведения внутренней политики. Ею занимается Борман, умело создавая у Гитлера иллюзию, что тот по-прежнему держит все бразды правления в своих руках. Борманом движет только честолюбие, он доктринер и препятствует осуществлению маломальски разумных планов (Шпеер А. Воспоминания. С. 356).

3

Борман действительно препятствовал осуществлению мало-мальски разумных планов. У этого обстоятельства есть несколько объяснений. Среди них и такое: после войны шеф западногерманской разведки генерал Гелен считал и открыто заявлял, что Мартин Борман работал на Сталина. У Гелена были основания выражать свое мнение в крайне категорической форме.

К этому следует добавить, что в биографии Мартина Бормана было некое пятнышко, которое он старался не выпячивать.

В 1919 году он воевал в Прибалтике против Красной Армии. И попал в плен, в спецлагерь в районе Осташкова. В то время лагерь-монастырь находился в подчинении Региструпра. Это учреждение, сменив несколько вывесок, в настоящее время известно под именем ГРУ. В начале 20-х годов главной задачей Региструпра и его начальника товарища Уншлихта была подготовка коммунистической революции в Германии. В Осташкове Региструпр держал пленных иностранцев. Там будущий заместитель Гитлера по партии мотал срок в 1920 и 1921 годах. Тот, кто с оружием в руках выступал против Красной Армии, подлежал уничтожению. Тем более, если они были иностранцами. Но молодого Бормана пожалели. Почему-то. А потом и вовсе отпустили. С миром. Иди в свою Германию, мы тебя прощаем...

Причина проявленного гуманизма мне не известна. Любые предположения в данном случае неуместны. Но я уверен в том, что человека с таким пятнышком в Советском Союзе к секретам государственной важности не подпустили бы. А уж если бы подпустили, то держали бы под контролем.

Бормана в Германии не контролировал никто. Это он контролировал Гитлера.

Вот такое у Гитлера было окружение, так он принимал решения и так они выполнялись.

Мы можем еще долго говорить о Сталине и Гитлере. Но всегда сравнение со Сталиным не в пользу Гитлера. Самым же главным остается сравнение результатов их деятельности. Посмотрим, как они завершили войну, и ответим сами себе на вопрос о том, у кого было больше ума и характера.

4

Еще интересно вот что: как Сталин и Гитлер оценивали друг друга. Свидетельство Риббентропа:

Гитлер говорил — в присущей ему манере — о Сталине с большим восхищением. Он сказал: на этом примере снова видно, какое значение может иметь один человек для целой нации. Любой другой народ после сокрушительных ударов, полученных в 1941-1942 гг., вне всякого сомнения, оказался бы спомленным. Если с Россией этого не случилось, то своей победой русский народ обязан только железной твердости этого человека, несгибаемая воля и героизм которого призвали и привели народ к продолжению сопротивления. Сталин — это именно тот крупный противник, которого он имеет как в мировоззренческом, так и в военном отношении. Если тот когда-нибудь попадет в его руки, он окажет ему все свое уважение и представит самый прекрасный замок во всей Германии. Но на свободу, добавил Гитлер, он такого противника уже никогда не выпустит. Создание Красной Армии — грандиозное дело, а сам Сталин, без сомнения, — историческая личность

совершенно огромного масштаба (Между Лондоном и Москвой. С. 198).

Существуют много других свидетельств гитлеровского восхищения Сталиным. Эти оценки Сталину звучат еще более звонко на фоне презрения к Черчиллю и Рузвельту.

Снова обратимся к «Застольным разговорам». Вот некоторые оценки Гитлером своих противников, зафиксированные на коротком отрезке времени.

Рузвельт — душевнобольной (23 марта 1942 г.).

Слабовольная скотина Черчилль, которая полдня пьянствует (27 марта 1942 г.).

Американские политики в окружении Рузвельта— сплошь дураки набитые (17 мая 1942 г.).

Сталина Гитлер считает гением и открыто восхищается им (29 мая 1942 г.). Гениальный Сталин (21 июля 1942 г.).

К Сталину, безусловно, тоже нужно относиться с должным уважением. В своем роде он просто гениальный тип (22 июля 1942 г.).

Если Черчилль — шакал, то Сталин — тигр (27 июля 1942 г.).

5

Гитлер напал на глупого и трусливого (как он сначала полагал) Сталина. По гитлеровским расчетам сталинская империя должна была рухнуть как карточный домик. Гитлер именно так и выражался. И вдруг Гитлер сообразил, что не на того нарвался. Осознание сталинской силы пришло к Гитлеру слишком поздно. Если Гитлер перед нападением не рассмотрел в своем противнике ум, волю и силу, значит грош цена гитлеровской гениальности.

Как же относился Сталин к Гитлеру, как его характеризовал? Нам об этом практически ничего не известно. Молчаливый Сталин унес свою оценку Гитлера в могилу. Не поделившись.

Сразу после подписания пакта Риббентропа и Молотова Сталин предложил тост за Гитлера. Из этого некоторые делают вывод о сталинской наивности и доверчивости, забывая при этом, что стоило очарованному Риббентропу ступить за порог, как Сталин (чего с ним никогда не бывало) пустился в пляс с криками: «Обманул! Обманул Гитлера!»

Так что пил Сталин за гитлеровское здоровье вовсе не от чистого сердца. Скорее всего, Сталин относился к Гитлеру так, как он относился к Народному комиссару внутренних дел СССР генеральному комиссару государственной безопасности Ежову Николаю Ивановичу. Пока Ежов громил сталинских врагов, Сталин пил за его здоровье, подносил Ежову подарки, награждал орденами, выдумывал для него звания и должности. Но вот Ежов свою функцию выполнил, и Сталин раздавил его ногтем как кровавого клопа, явно ничего кроме омерзения не испытывая.

Гитлер в Европе делал для Сталина ту же работу, что и Ежов внутри страны, — уничтожал врагов и расчищал дорогу для сталинского триумфа. По выполнении этой задачи Гитлера ждала

участь Ежова (Ягоды, Бухарина, Зиновьева, Каменева, Кирова, Тухачевского, Троцкого и так далее) и соответствующее отношение.

Во всяком случае, Сталин Гитлера гением не считал.

Итак, во главе Германии стоял человек, который обладал выдающейся, непревзойденной болтливостью.

Он не умел хранить государственную и военную тайну.

Он не умел слушать других.

Он не знал и не понимал складывающейся обстановки, не умел и не хотел ее оценивать.

Он принимал решения, которые не соответствовали сложившейся ситуации.

Он не контролировал выполнение своих распоряжений и не имел никакого механизма контроля.

Этого достаточно, чтобы категорически заявить:

ГЕРМАНИЯ БЫЛА НЕ ГОТОВА К ВОЙНЕ.

С таким фюрером она победить не могла.

ГЛАВА 12. О бетонных паровозах

Пост каждой фразы Гитлера все присутствующие молча кивали головой в знак согласия с ним.

Генерал-полковник Гейнц Гудериан. Воспоминания солдата. С. 271

1

Если человека каждый день называть свиньей, известно, что из этого получится. Интересно, что если его каждый день называть величайшим гением, то результат будет тот же самый.

Лидер, которому никто не смеет возразить, которого все называют непогрешимым, которому все поддакивают, обречен.

Как только Робеспьер отрезал голову Дантону, последнему соратнику, который имел мужество открыто спорить и не соглашаться, рухнула вся дьявольская система, и самого гражданина Робеспьера, визжащего от страха, заломив ему руки за спину, поволокли вверх по тринадцати ступеням к ногам матушки-гильотины под свист и рев ликующей толпы.

Роль второго человека в любой иерархии ничуть не меньшая, чем роль первого. И если первый человек — тянущий локомотив и «пламенный мотор» общества, то второй — тормозная система. Первый — сила ведущая, второй — сдерживающая.

Политика, особенно во время войны, — это смертельная гонка по темным, узким, кривым ущельям, над бездонной пропастью: ревут, надрываясь, моторы и визжат тормоза. В этой ситуации тормоза не менее важны, чем мотор.

Любой тиран должен проявить достаточно ума, чтобы терпеть рядом с собой человека, способного возразить, способного осадить его порыв, ибо порыв может оказаться гибельным. Наличие второго возражающего человека — свидетельство мудрости первого.

Чтобы оценить первого, мы должны знать, кого он держит рядом. Вторым у Сталина был Вячеслав Молотов. У Гитлера — рейхсмаршал Герман Геринг. Вот о Молотове:

Человек сильный, принципиальный, далекий от каких-либо личных соображений, крайне упрямый, крайне жестокий... Сталин не раз в моем присутствии упрекал Молотова... Причем Молотов отнюдь не всегда молчал в ответ... Участвуя много раз в обсуждении ряда вопросов у Сталина в присутствии его ближайшего окружения, я имел возможность наблюдать споры и препирательства, видеть упорство, проявляемое в некоторых вопросах, в особенности Молотовым; порой дело доходило до того, что Сталин повышал голос и даже выходил из себя, а Молотов, улыбаясь, вставал из-за стола и оставался при своей точке зрения (Маршал Советского Союза Жуков Г. К. ВИЖ. 1987. №9. С. 49).

А поведение второго человека гитлеровской Германии — это, по оценке Гудериана,

«откровенное бесстыдство, с которым Геринг соглашался едва ли не с каждым словом Гитлера» Министр вооружений и боеприпасов Альберт Шпеер в своих «Воспоминаниях» открыл простую механику, которая позволяла Герингу оставаться на втором месте:

Приехав в ставку, Геринг имел обыкновение на несколько минут уединяться в отведенном для него павильоне. Его представитель генерал Боденшатц тут же покидал комнату для оперативных совещаний и, как мы предполагали, извещал своего шефа по телефону о всех возникших спорных проблемах. Затем Геринг появлялся в комнате и, не дожидаясь приглашения, горячо отстаивал именно ту точку зрения, которую Гитлер непременно хотел навязать своим генералам. И тогда Гитлер, окинув торжествующим взглядом участников совещания, говорил: «Вот видите, рейхсмаршал полностью разделяет мое мнение» (Шпеер А. Воспоминания. С. 340).

2

Геринг — лизоблюд (приличия не позволяют выражаться точнее). Все, кто писал о нем, сходятся в этом мнении: «*Всегда готовый к услугам Геринг*» (Генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн. Утерянные победы. С. 358).

Описание подхалимской тактики Геринга — это не порицание ему лично, это приговор Гитлеру и всей системе его власти. Если вторым человеком Гитлер держал лижущего Геринга, если не видел откровенного холуйства и холопства, значит Гитлер был глуп, значит не должен был даже и мечтать о победе над Сталиным. А Шпеер продолжает рассказ о втором человеке Третьего рейха:

Я до сих пор помню, как меня тогда поразили его покрытые красным лаком ногти и напудренное лицо. К тому времени я уже привык, что на его халате из зеленой парчи всегда красуется огромная рубиновая брошь. Геринг спокойно выслушал наше предложение и мой рассказ и лишь иногда вынимал из кармана неоправленные драгоценные камни и с удовольствием перебирал их холеными пальцами (Шпеер А. Воспоминания. С. 358).

Мильх уже давно призывал меня обратить внимание на зрачки рейхсмаршала. Во время Нюрнбергского процесса мой адвокат доктор Флекснер подтвердил, что Геринг еще с 1933 года стал морфинистом (там же. С. 366).

Это заявление Шпеера подтверждено множеством других источников, в том числе — официальной экспертизой Нюрнбергской тюрьмы: Геринг — наркоман с многолетним стажем.

Геринг занимал множество должностей, в том числе он фактически руководил всей германской экономикой. Вот образец его руководящей деятельности:

Совещание запомнилось лишь довольно странным поведением Геринга.

Необычайно возбужденный, с заметно сузившимися зрачками, он прочитал не скрывающим своего удивления промышленникам лекцию о производстве металла. Он явно хвастался перед ними своим знанием устройства доменных печей и процесса плавки. Выступление Геринга отличалось также обилием общих слов и громких призывов: нужно увеличить выпуск продукции и как можно больше внедрять в производство новые разработки; промышленность слишком привержена традициям, она должна осваивать новые методы, уметь прыгнуть выше головы... и так далее. К концу двухчасовой речи поток слов стал постепенно иссякать, Геринг уже с трудом шевелил языком, а на его лице появилось отсутствующее выражение. Внезапно он положил голову на стол и спокойно заснул. Мы не стали будить решившего немного вздремнуть, как обычно, одетого в роскошный мундир рейхсмаршала Геринга, дабы не ставить его в неловкое положение, и продолжали обсуждать свои проблемы до тех пор, пока он не проснулся и не объявил сразу же об окончании совещания (там же. С. 366-367).

Когда Геринг узнал, что мы собираемся увеличить производство паровозов, он пригласил меня в «Кариенхалл» и с полной серьезностью предложил изготовлять их из бетона, так как мы, дескать, не располагаем достаточными запасами стали. По его словам, бетонные паровозы будут, правда, быстрее изнашиваться, поэтому требуется лишь изготовлять их как можно больше. Разумеется, Геринг не знал, как конкретно наладить их производство, но зато на протяжении нескольких месяцев с маниакальным упорством цеплялся за эту безумную идею, ради которой он вынудил меня бессмысленно потратить два часа на поездку к нему на автомобиле и еще два часа на ожидание в приемной (там же. С. 313).

К слову сказать, среди множества должностей, которые занимал Геринг, была и такая — председатель Имперского совета по научным исследованиям. Яркий сторонник идеи строительства бетонных паровозов возглавлял, направлял и координировал усилия германской науки. Известно, куда он ее направил.

3

Геринг действовал безо всякого стеснения, чтобы именно во время войны преумножить свою художественную коллекцию. В залах «Каринхалла» в три, а то и в четыре ряда весели теперь драгоценные полотна. Когда на стенах больше не осталось места, он пустил в дело потолок большого вестибюля, чтобы и там разместить серию картин. Даже на балдахине своей роскошной постели он велел прикрепить портрет обнаженной женщины в натуральную величину,

изображающий Европу... Сам Гитлер неоднократно возмущался поведением «второго человека» при сборе ценных произведений искусства, не рискуя, однако, призвать Геринга к ответу (там же. С. 255).

К слову сказать, и у Сталина был свой «ценитель искусств» маршал Жуков, который ограбил музеи и банки «освобожденной» Европы и украсил свои дворцы не хуже Геринга. Жуков, как и Геринг, был большим любителем драгоценных камней, он собирал их с любовью и знанием... И все же Жуков — это не второй человек в государстве. Он только в военной стратегии второй.

Жуков не красил губы красной помадой и глаза не подводил. Жуков не настаивал на строительстве бетонных паровозов. Наконец, Сталин знал, что Жуков мародер и барахольщик, и готовил против него дело. Подельники Жукова, воры рангом поменьше, были арестованы и дали показания, достаточные для того, чтобы Жуков понес заслуженную кару. Жуков уцелел чудом, о чем и сам говорил близким ему людям.

А Гитлер, зная о проделках «второго человека», ничего не делал. Дошло до того, что немецкие школьники уже в 1942 году стали возмущаться поведением Геринга и выражали это возмущение в письменном виде в своих школьных сочинениях. Дошло до Гитлера, и он изрек:

Характерно, что при выражении недовольства, которое дети приводят в своих сочинениях, то и дело фигурирует рейхсмаршал Геринг (Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. 25 марта 1942 г.).

Что делать первому человеку, если поведением второго возмущены даже школьники, если над ним смеются дети? Вспомним еще раз бессмертную фразу Макиавелли о том, что о мудрости правителя прежде всего судят по тому, каких людей он к себе приближает. Если Гитлер приблизил к себе дурака, подхалима и вора, то тем самым он выставил напоказ всей Германии, Европе и миру свою собственную дурь, и она видна даже подросткам. Как же на это реагировал Гитлер?

Никак.

4

Но в какой же тумбочке Геринг брал деньги?

Прежде всего, он занимал множество должностей: председатель Рейхстага, имперский министр авиации, глава правительства Пруссии, главнокомандующий военно-воздушными силами, имперский уполномоченный по осуществлению четырехлетнего плана и прочая и прочая. Одним словом, стахановец-многостаночник. Уже с этих должностей можно было кормиться. Когда только он успевал всю работу делать?

Помимо этого, он владел концерном «Рейхсверке Герман Геринг». У концерна множество заводов по всей оккупированной Европе, рабсила — дармовая, из концлагерей.

Еще один источник доходов — прямой грабеж музеев и банков на захваченных территориях. Но

не стеснялся Геринг работать и по мелочам: например, как сообщает Шпеер (Воспоминания. С. 441), люди Геринга торговали на черном рынке дамскими чулками. Понятно, не в розницу: из оккупированных стран эшелонами гнали в Германию продовольствие, вина, парфюмерию, одежду, белье, ковры и прочее. Реализация — через черный рынок. Доходы — главарям. Больше всех — Герингу. А еще — «подарки»:

Мы не обманули ожиданий Геринга и приехали к нему с дорогими подарками — коробками голландских сигар, вывезенными с Балкан слитками золота, ценными картинами и скульптурами (там же. С. 440).

Вот он, настоящий социализм. Гитлер призывает: «*Нужно ликвидировать капиталистическое общество*» (24 марта 1942 г.). Геббельс называет себя национал-большевиком и требует: «*Следует мыслить по-революционному*, и, прежде всего, действовать по-революционному. Пришел час, когда нужно сбросить последнюю буржуазную скорлупу» (28 марта 1945 г.).

Советские идеологи настаивали на том, что у нас был настоящий социализм, а у Гитлера — не совсем настоящий, с изъянами. Потому переводчики-коммунисты преднамеренно искажали перевод: называли гитлеровское государство не социалистическим, а социалистским.

Но хотел бы я знать, чем наш социализм лучше гитлеровского? Гитлер пришел к власти законным путем — он победил на открытых всеобщих выборах. А Ленина никто не выбирал, он захватил власть путем кровавого переворота, устроенного на немецкие деньги.

Чем же наш социализм лучше гитлеровского? Тем, что мы людей больше истребили? Тем, что страну больше загадили? Тем, что наши социалистические вожди больше наворовали? Тем, что наш рабочий жил в скотстве и мерзости?

Каждый, кто плачет о нашем утерянном социализме, должен еще раз прочитать книгу «Россия в концлагере» Ивана Солоневича. Особо рекомендую главу «Девочка со льдом»: «...И вот на костях этого маленького скелетика — миллионов таких скелетиков — будет строиться социалистический рай...»

Так вот: социализм — он и есть социализм; ленинский, гитлеровский — не велика разница. И давайте не будем уточнять, какой сорт дерьма выше качеством. У них было варварство одного рода, у нас несколько другого. Но и то, и другое было настоящим социализмом. И никакого другого социализма не ждите.

Нам говорят, что социализм Ежова, Бухарина, Гиммлера, Хрущёва, Эйхмана, Чаушеску, Мао, Кастро и всяких прочих Пол Потов — это искажение великой идеи. Это говорят сами социалисты. И их заявления можно перевести одной фразой: дайте нам еще разок попробовать.

Сейчас мы говорим о вождях германского социализма, но будем иметь в виду, что они мало отличались от наших и всех прочих. Разница между гитлеровским и нашим социализмом только в том, что при Сталине периодически шел отстрел слишком увлекающихся вождей, потому наш

социализм продержался дольше.

Как только сталинская стрельба прекратилась, наш социализм треснул и надломился. Два десятка лет нас спасали неисчерпаемые (как казалось) запасы нефти. Но потом не спасла и нефть.

А немецких вождей Гитлер не стрелял с таким постоянством, потому социализм там разлагался быстрее. Немецкие вожди быстро и глубоко поняли сладость красивой жизни и бросились в накопительство и стяжательство. Они владели поместьями, заводами, дарили друг другу слитки золота.

Впрочем, я не прав. Подарки подносились не просто друг другу, а в основном нижестоящими чинами властной иерархии вышестоящим. Шпеер сообщает:

Каждый год я получал извещение о том, что из полагавшихся мне как члену прусского государственного совета 6000 рейхсмарок весьма значительная часть израсходована на подарок рейхсмаршалу. Моего согласия никто не спрашивал (Шпеер А. Воспоминания. С. 441).

Уточним: 6 000 рейхсмарок — это шесть легковых машин; значит, сам поднеси Герингу подарки в виде слитков, картин и скульптур, да еще из получки выдерут «значительную часть».

Но не с одного Шпеера рвали деньги на «подарки». Все члены прусского правительства находились в том же положении.

И не только они. Геринг занимал множество должностей, и миллионы его подчиненных регулярно выражали ему свою любовь.

У меня собрана замечательная коллекция писем германских солдат и офицеров. Среди свидетельств — беседа с потомком Бисмарка, германским асом, записанная на видеопленку на ступенях Рейхстага. Он сбил 43 самолета, в основном советских, и сам был сбит в небе Сталинграда. Среди рассказанных им удивительных подробностей и эта: да, летчики-фронтовики в добровольно-принудительном порядке отстегивали свои кровные денежки на подарки своему горячо любимому главнокомандующему. Это и к солдатам военно-воздушных сил относилось. А их в разные годы было от полутора до двух миллионов.

Суммы собирались значительные. Но речь не о суммах, а об откровенном свинстве любимого главнокомандующего.

5

Мы уже видели, как Гитлер принимает гостей. А вот гостей принимает Геринг:

На меня произвело крайне тягостное впечатление то обстоятельство, что в завершении обеда нам с Брекером подали обычный коньяк, тогда как Герингу лакей с довольно торжественным видом налил что-то из старой покрытой пылью бутылки. «Это держат только для меня», — без всякого стеснения пояснил он своим

гостям, после чего долго распространялся на тему, из какого французского замка была изъята эта редкостная находка... С хозяйской гордостью он велел распахнуть все шкафы, дабы мы могли бросить взгляд на собрание французских духов и мыла, которых хватило бы на несколько лет. И наконец, под занавес он продемонстрировал нам свое собрание бриллиантов и других драгоценных камней (там же. С. 256).

Представим: мы пришли в гости, нам — просто хлеб, а хозяину — с икрой осетровой. Жует он, нахваливает, а нам объясняет, что слишком уж продукт дорогой, чтобы его гостям скармливать...

То же самое о Геринге, если не хлеще, мы можем прочитать и у Геббельса. А вот генерал-полковник Гудериан назначен генерал-инспектором танковых войск вермахта. Взаимодействие танков и авиации — это то, на чем было построено завоевание Европы. Но настали другие времена. Надо обороняться, надо отбиваться, а взаимодействие танков и авиации все так же остается ключом к успеху. Но это взаимодействие во второй фазе войны не получается. И тогда генерал-инспектор танковых войск Гудериан пытается встретиться с главой всей германской авиации рейхсмаршалом Герингом. Пытается раз, пытается два и три. «Мой визит к главнокомандующему Военновоздушными силами так и не состоялся из-за напряженной внеслужебной деятельности этого господина» (Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 420).

В ходе войны советская пропаганда наносила мощные удары по высокопоставленным гитлеровцам персонально. Например, Гудериан после разгрома под Москвой в советских газетах стал известен под новой фамилией — Удериан. Доставалось и Герингу. Однако даже самый злой пропагандист не мог и предполагать, что Геринг носит полные карманы бриллиантов и вынашивает планы строительства бетонных паровозов.

6

Лучше всех о себе Геринг рассказал сам. В 1939 году в Германии вышла роскошная книга, которая так и называлась — «Геринг». Можно не знать немецкого языка, можно книгу не читать. Ее достаточно полистать, картинки посмотреть: неописуемой красоты горы, в горах — сказочный замок, в замке — Геринг. В замке — панорамные окна. В замке — неслыханная роскошь. И все — напоказ. Смотри, Германия, любуйся, как живет твой социалистический вождь.

Используя свое положение, Геринг рекламировал себя, явно перегнув палку. Геринг вместо Деда Мороза (или Снегурочки) — улыбался с рождественских открыток. С газетных страниц Геринг смотрел в туманную даль. Вот Геринг — среди рабочих. Геринг среди крестьян. Геринг на аэродроме. Геринг на стадионе. Геринг на пивном празднике. Одним словом, Геринг — с нами!

И в журналах — он. И на плакатах. А еще — хроника. И в кадрах — ожиревший, одуревший павлин.

Придворные художники и мастера выдумывали и шили специально для него все новые и новые формы одежды: Геринг — в белом мундире с малиновыми отворотами, а вот — в белом мундире с синими отворотами, или — в пепельном мундире и голубых штанах с белыми лампасами, а то — в зеленом мундире с красными отворотами или в красном — с зелеными. Вот Геринг в сиреневой парадной шинели с лисьим воротником. А вот тоже в парадной шинели, только в другой, а воротник бобровый.

Больше всего окружающих удивляли его сапоги: высотой до того места, где ноги сходятся, и всех цветов, до оранжевого, желтого и ярко-красного. И со шпорами. Как кот в сапогах.

Прикинем общий вид: огромный мужик с животом, который колышется, не помещаясь в штанах; складки жира на лице, шее, животе; поверх седеющей щетины — толстый слой грима; на шее — лиса-чернобурка; на груди — женские брошки; на жирных, коротких, волосатых пальцах — бриллианты, рубины, сапфиры; на ногах — алые сапоги выше колена, как на пошлой берлинской бляди. И ко всему — потрясающая глупость, неописуемое самодовольство, спесь и угодничество до лакейства.

Все описания Геринга совпадают. Вот еще одно из многих.

Грубый человек с совершенно бесформенным телосложением. .. Он одевался всегда вычурно. В Каринхалле и на охоте он подражал древним германцам, на службе он появлялся в форме, не предусмотренной никакими уставами: в красных юфтевых ботфортах с позолоченными шпорами — обуви, совершенно немыслимой для летчика. На доклад к Гитлеру он приходил в брюках навыпуск и в черных лакированных башмаках. От него всегда пахло парфюмерией. Лицо его было накрашено, пальцы рук унизаны массивными перстнями с крупными драгоценными камнями, которые он любил всем показывать... Во время войны действия Геринга были исключительно пагубными... Геринг, каким я знал его после 1943 года, был очень плохо осведомлен или даже совсем не осведомлен о действиях Военновоздушных сил. Вмешиваясь в действия сухопутных сил, он действовал безрассудно, проявляя чувство неприязни к армии... Только в августе 1944 года Гитлер заметил недостатки своего главнокомандующего Военно-воздушными присутствии Йодля и моем он обрушился на Геринга с руганью: «Геринг! Военновоздушные силы никуда не годятся. Они недостойны того, чтобы их называли самостоятельным видом вооруженных сил, и в этом виноваты вы. Вы лентяй!» Слушая эти слова, тучный рейхсмаршал пустил слезу. Он ничего не мог возразить (Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 615-616).

Главными среди множества должностей Геринга оставались должности авиационные — министр авиации и главнокомандующий военно-воздушными силами. Сухопутные войска Гитлер

подчинил лично себе, приняв наряду с должностью Верховного главнокомандующего еще и должность главнокомандующего сухопутными войсками.

Флоту и авиации Гитлер дал почти неограниченную самостоятельность. Так что Геринг был хозяином и авиационной промышленности, и военно-воздушных сил. С авиационными должностями, как и со всеми другими, Геринг не справлялся никак. В окружении Геринга катилась волна самоубийств. Старые заслуженные авиационные генералы, стреляя себе в голову, снимали с себя ответственность за то, что творилось в военно-воздушных силах. А Геринг, приняв очередную дозу морфина, блаженно улыбался.

Он вел себя как человек, проявивший свою полную несостоятельность и теперь стремившийся обмануть себя и других. Своим нежеланием считаться с реальным положением дел и прислушиваться к разумным аргументам он в 1941 году уже довел до самоубийства знаменитого летчика-истребителя и первого генераллюфтфлюгцойгмайстера Эрнста Удета. 19 августа 1943 года в своем кабинете застрелился один из ближайших сотрудников Геринга начальник Генерального штаба Военно-воздушных сил генерал-полковник Ешоннек. По словам Мильха, в найденной на его столе предсмертной записке он требовал, чтобы рейхсмаршал не присутствовал на его похоронах (Шпеер А. Воспоминания. С. 398).

Гитлер от случая к случаю ругает Геринга в присутствии посторонних лиц, обзывает лентяем. Геринг плачет. Интересно, а что он делает, поплакав?

Гитлер обрушил на рейхсмаршала град упреков, обвиняя его в неумении командовать Военно-воздушными силами, и он, раздосадованный, предпочел отправиться в длительный отпуск (там же. С. 358).

Как в застоявшемся анекдоте: Геринг переутомился от безделья, и врачи прописали ему длительный отпуск.

Чем дальше шла война, чем <mark>безнадежнее становилось положение Германии, тем глубже</mark> затягивал Геринга наркотический омут.

Мне в любом случае не удалось бы расшевелить Геринга. Он окончательно впал в привычное для него, схожее с летаргическим сном состояние и пробудился только в Нюрнберге (там же. С. 367).

Элементарное знание психологии или просто звериное чутье должны были подсказать Гитлеру простую мысль: если Геринг и подобные ему так усердно демонстрируют верность, значит в трудную минуту они предадут первыми.

Но ни звериного чутья, ни элементарных знаний психологии Гитлер не проявил. И в трудную минуту Герит предал Гитлера. И не он один. Геббельс пишет об обстановке всеобщего предательства накануне разгрома. В последний день своей жизни Гитлер исключил из партии Геринга и Гиммлера,

снял их со всех официальных постов, лишил званий и наград, а сам застрелился.

Гитлер раскусил Геринга только в день самоубийства. А до этого держал своим самым близким человеком. До последнего дня.

Ситуацию можно изобразить так: через ночь, грозу и ураган командир корабля Гитлер ведет самолет неизвестно куда — он не интересуется показаниями приборов. А второй пилот, задача которого — подстраховывать первого, вколол себе в толстую задницу веселящего зелья, отключился от этой раздражающей реальности и пребывает в состоянии тихой задумчивой радости.

Вывод все тот же: они были не готовы к войне, они не могли победить. Под водительством изобретателя бетонных паровозов и его бесноватого покровителя крах Германии был полностью обеспечен и надежно гарантирован.

ГЛАВА 13. О почтальонах с министерскими окладами

Выбор подходящих сотрудников является самой важной задачей всякого организатора. Глупый организатор подбирает и соответствующих себе сотрудников.

Иван Солоневич. Народная монархия. С. 463

Гитлер вообще подбирал себе приближенных по их отрицательным качествам. Так как он не терпел возражений, его выбор, как правило, падал на тех, кто готов был слепо следовать за ним. Прошли годы, теперь Гитлера окружали люди, которые не только полностью одобряли его высказывания, но и без всяких сомнений претворяли их в жизнь.

Альберт Шпеер. Воспоминания. С. 277

1

Геринг — это второй человек в политике, государственных делах, в экономике и науке, авиации и авиационной промышленности. А в области стратегии вторым человеком у Гитлера был генералфельдмаршал Вильгельм Кейтель, у Сталина — Жуков. О Жукове сказано достаточно и даже более того, а вот — о Кейтеле: его кличка в среде германских генералов — Ла-кейтель. Носил он ее не зря: для Гитлера Кейтель был чем-то вроде холопа, в его глазах постоянно и четко читался вопрос «Чего изволите?». Официальная должность Кейтеля в переводе на русский язык — начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил.

Кейтель ни по своим личным, ни по военным качествам не соответствовал этой трудной и ответственной должности (Генерал-майор Буркхарт Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии 1933–1945. Т. 1. С. 141).

Кейтель был удобен для Гитлера: он пытался по глазам Гитлера читать его мысли и выполнять их, прежде чем последний выскажет их (Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 418).

Раболепное поведение Кейтеля и Геринга (Шпеер А. Воспоминания. С. 403).

17 июня 1945 года пленный генерал-фельдмаршал Кейтель был допрошен советскими офицерами. Во время допроса он сообщил следующее:

Если о всякой политике судят по ее результатам, то можно сказать, что военная политика Гитлера оказалась неправильной, однако я не считаю себя ответственным за катастрофу Германии, ибо я ни в коей мере не принимал решений ни военного, ни политического характера, я только выполнял приказы фюрера... Внутренне я часто не соглашался с ним, но я солдат, и мое дело выполнять, что мне приказывают... Он вообще не терпел возражений (ВИЖ. № 4. 1961. С. 87).

Как называть человека, который не желает и не способен нести ответственность за свои действия? Правильно: безответственный. Гитлер в воинском звании выше ефрейтора не поднимался, и во Второй мировой войне воинских званий не имел. Это обстоятельство делало Кейтеля самым высокопоставленным генерал-фельдмаршалом Германии. И вот Германия разгромлена, а самый высокопоставленный генерал-фельдмаршал, который был главой «мозга армии», заявляет, что он за позор разгрома ответственности не несет.

Вот вам картина: государством управлял Гитлер (мы уже знаем, как он это делал), а вокруг него — сплошная безответственность. А вокруг него — суконное солдафонство. А вокруг него — безмозглые генералы и фельдмаршалы, которые не способны мыслить и действовать во благо своей страны. Они годятся только для того, чтобы гениальные приказы Гитлера, не размышляя, передавать нижестоящим на исполнение.

Рулевой на «Титанике» имел приказ держать курс. И он держал. Но увидев айсберг, нарушил приказ и пытался отвернуть.

Возникла ситуация, в которой исполнитель обязан действовать вопреки приказу. Рулевому не хватило времени. Вели бы он увидел айсберг раньше...

А генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель давно знал, что курс Гитлера гибельный, но с этого курса свернуть не пытался: куда приказали гнать, туда и гоню, хоть на айсберг, хоть на дно. И никакой ответственности не несу — у меня приказ курс держать. Когда Кейтель и Риббентроп на Нюрнбергском процессе изворачивались и вину валили на Гитлера, подсудимый Шпеер не выдержал и обозвал их почтальонами с министерскими окладами: получали как министры, а занимались тем, что гитлеровские указания разносили по адресам.

В этой книге я обильно цитирую Шпеера по пяти причинам:

- 1. из всех писавших мемуары гитлеровцев он самый высокопоставленный;
- 2. он единственный, кому Гитлер доверил свои мечты и их воплощение в жизнь, потому Шпеер знал Гитлера лучше всех;
- 3. среди серости и тупости высшего руководства Третьего рейха он отклонение от нормы; на посту министра вооружений и боеприпасов проявил исключительные способности;
- 4. он не изворачивался на суде, принял на себя ответственность персональную и коллективную, пощады не просил;
- 5. он написал самую яркую картину того, что творилось в гитлеровском окружении.

Шпеер — исключение. Но исключение не опровергает правило, наоборот — подтверждает его. А правило вот какое: думающих людей, способных нести ответственность за свои деяния, в высшем руководстве гитлеровского государства было ничтожно мало. В основном это были бездумные исполнители.

Главная слабость гитлеровской армии и государства заключалась в отсутствии профессионализма у представителей высшего командного звена. Совершенно непонятно, почему эти люди носили золотые генеральские погоны и маршальские жезлы, если многие из них были не в состоянии выполнять даже обязанности стрелочников на железных дорогах. В той России, которую мы потеряли, каждый стрелочник при поступлении на работу получал безвозвратно в личное пользование часы «Павел Буре». Система железных дорог России работала с точностью швейцарского часового механизма. По прибытию и отправлению поездов вся Россия сверяла часы. На должность стрелочников принимали людей с крепкими нервами и высокими интеллектуальными способностями. Стрелочника учили мыслить. Его учили беспрекословно выполнять приказы и соблюдать расписание движения поездов. Но первая заповедь стрелочника гласила: если выполнение расписания грозит крушением — нарушай расписание. По расписанию положено пустить поезд на первый путь, но ты-то видишь, что по первому пути почему-то идет встречный поезд. Так думай же головой, а не выполняй приказ слепо!

Вот бы кто генерал-фельдмаршала Кейтеля устроил на курсы стрелочников и объяснил: если выполнение приказа Гитлера ведет Германию к крушению, то он, Кейтель, как старший стрелочник обязан взять ответственность на себя и крушение предотвратить.

У нас рядовые солдаты несли полную ответственность за выполнение боевых задач отделения, взвода, роты, батальона... Да что там батальон! Все, начиная с рядовых солдат, несли ответственность за результаты войны. Потому и ложились на амбразуры. А в Германии только Гитлер нес ответственность. Для остальных, с ближайшего генерал-фельдмаршала начиная, результаты войны — чужая забота. Им бы приказ выполнить, а там — хоть потоп: наша хата с краю, а Германия пусть огнем горит. Так многие из них дружным ансамблем и пишут в мемуарах: только Гитлер за все и отвечал, а мы причем? Мы — генералы, наше дело холопское: выполняй что скажут.

Если самый высокопоставленный генерал-фельдмаршал Германии — совершенно безответственный тип, то что говорить о солдатах и рядовых членах партии?

Рядового члена партии всем воспитанием подводили к мысли, будто большая политика чересчур сложна, чтобы ему о ней судить. В результате у человека возникало ощущение, что за него отвечают другие, и ему никогда не приходилось отвечать самому за себя (Шпеер А. Воспоминания. С. 66).

Никто в гитлеровской Германии за себя не отвечал — за всех думал фюрер. А работал он так:

Когда, спрашивал я себя, когда он вообще работает? От всего дня оставалась самая малость; поднимался он поздно, проводил затем одну-две запланированные деловые встречи, но уже начиная со следующего непосредственно за встречами обеда он, можно сказать, впустую тратил время вплоть до наступления вечера... В глазах народа фюрер был человеком, который неустанно трудился день и ночь...

Насколько я мог наблюдать, он по неделям занимался пустяками... Расточительность, с какой Гитлер относился к своему времени... Единожды приняв решение, он возвращался к привычной праздности (там же. С. 195).

Государство Гитлера — пирамида. Каждый считает, что за него думают вышестоящие. А венчает пирамиду ленивый болтун, у которого много времени на безделье, но нет времени думать и работать.

На фоне всего рассказанного Шпеером весьма странно и противоречиво звучат его слова:

Для нас слова, что фюрер обо всем думает и всем управляет, не были пустой пропагандистской формулировкой (там же. С. 67).

Шпеер лучше всех видит и знает, что Гитлер не работает, страной, армией и войной не управляет, и в то же время вместе с толпой верит в то, что фюрер обо всем думает и всем управляет...

Марксисты и гитлеровцы рассказывают нам о немецком превосходстве, о немецком порядке и дисциплине. Тут возразить нечего. Но можно добавить: железная дисциплина на гранитном фундаменте безответственности.

2

Генерал-фельдмаршал Кейтель и многие гитлеровские высшие военные, полицейские и другие чины по степени развития никак в стрелочники не годились. Уровень подготовки гитлеровских фельдмаршалов был настолько низким, что в Советской Армии они не смогли бы выполнять даже обязанности сержантов. Кстати, нечто подобное и высказал генерал-фельдмаршал Паулюс на Нюрнбергском процессе.

Прошу не считать его заявление преувеличением. В свое время мне выпала честь служить в 66-й гвардейской учебной мотострелковой дивизии. Дивизия имела два состава: постоянный и переменный. Переменный состав — это бесконечные железнодорожные эшелоны новобранцев, которых нам предстояло в шесть месяцев превратить в лидеров самого низшего звена — командиров танков, орудий, отделений, расчетов. Готовых сержантов дивизия выпускала в войска и, получив новые эшелоны, вновь и вновь ковала командные кадры. Дивизия готовила командиров самого разного профиля. Но всем, в какой бы род войск их ни готовили, с предельной жестокостью вбивали в голову: командир — это тот, кто приказ вышестоящего превращает в свой собственный приказ. Это тот, кто действует только от своего имени, не ссылаясь на вышестоящих. Не говори подчиненным: мне так приказали! Говори: я так приказал!

Если командир отделения получил приказ от взводного и просто передает его своим подчиненным, значит, тем самым он ставит себя на один с ними уровень: мы — люди подневольные, мне приказали, а я вам передаю...

Это легкий путь. И это не командирский путь. Стремление будущих сержантов устраниться от ответственности при передаче приказов надлежало вышибить. И мы вышибали. Работа командиров учебных взводов, рот, батальонов, полков и самого командира учебной дивизии заключалась в том, чтобы будущего сержанта сделать злым, чтобы он брал на себя всю полноту власти и линию вышестоящих гнул как свою собственную: это я, падлы, приказал! Я так хочу! Вас, колбасники ожиревшие, до блевотины загоняю, но МОЙ приказ выполните!

Сами мы, офицеры учебной дивизии, прошли такую же школу, только более долгую, крутую и жестокую. И каждый из нас действовал так же: не командир дивизии приказал и даже не министр обороны; это я вам, желудки, приказываю! Это я повелеваю! Я над вами министр, пусть и в лейтенантских погонах! И нет тут никакой власти, кроме моей! И нет в этом мире другой справедливости, кроме моего рассуждения! Нет для вас, вампиры африканские, в стране прокуроров кроме меня! Делать, как приказал, это моя воля!

Генерал-фельдмаршал В. Кейтель по своим волевым и командирским качествам не соответствовал требованиям, которые в Советской Армии предъявляли к будущим сержантам. Если генерал-фельдмаршал считает, что его работа заключается в том, чтобы приказ вышестоящего передать нижестоящим и при этом не принимать на себя ответственности, значит, такой генерал-фельдмаршал не мог быть назначен командиром советского не то что разведывательного, но даже и стрелкового отделения из восьми солдат. Эта должность генерал-фельдмаршалу Кейтелю не по плечу. Не по Сеньке шапка. Не по Хулио сомбреро. Это только в Германии, которая в XX веке проиграла все войны и в прошлые века не блистала победами, его могли считать военным человеком. Ему по недоразумению повесили на плечи погоны и вручили маршальский жезл.

3

Представьте себя командиром любого ранга, хоть взводным, хоть Верховным главнокомандующим. У вас в подчинении — заместитель, который ваши приказы передает нижестоящим, но от своего имени не командует и ни за что отвечать не желает.

Вопрос первый: а зачем он такой нужен?

Вопрос второй: как мог Гитлер терпеть рядом подчиненного, который ни за что не нес ответственности?

Мало того, что генерал-фельдмаршал В. Кейтель ответственности на себя не брал, так он еще и свою прямую ответственность на Гитлера перекладывал.

Как мы уже установили, в любой иерархии второй номер — сила сдерживающая. Командир корабля может отклониться от курса, но штурман его поправит. Номер первый может в пылу, в горячке отдать не самый лучший приказ, он может просто забыть, что приказывал вчера, и сегодня сказать нечто противоположное. Задача номера второго — следить за тем, чтобы действия первого

укладывались в какую-то единую систему.

Гитлер не имел военного образования, он не имел никакого образования вообще, он среднюю школу не окончил. Гитлер — ефрейтор времен Первой мировой войны. Его опыт — отрицательный. Его старый опыт мешал принимать адекватные решения в новых условиях:

Генерал-полковник Фромм в свойственной ему лаконичной манере утверждал, что предпочел бы иметь на посту Верховного главнокомандующего сугубо штатского человека, чем бывшего ефрейтора, который к тому же никогда не воевал на Восточном фронте и не способен понять специфический характер тамошнего театра военных действий (Шпеер А. Воспоминания. С. 334).

Военный опыт Гитлера был неизмеримо ниже опыта Сталина. Первая мировая война была позиционной. Опыт ее — отрицательный. Сталин на ней не был. А Гражданская война в России была не позиционной, а маневренной, как и Вторая мировая. Сталин бывал на многих фронтах Гражданской войны, он занимал ответственные должности в высшем руководстве фронтов, он знал, как надо проводить операции и как не надо.

Сразу после Гражданской войны Сталин занял должность Генерального секретаря и двадцать лет каждый день занимался строительством армии, ее развитием и вооружением, подбором и воспитанием командного состава, созданием военной промышленности и новых образцов оружия.

Ничего этого в багаже Гитлера не было. Поэтому роль генерал-фельдмаршала Кейтеля была особенно ответственной. Кейтель знал, что Германию ведет дилетант, который войной не интересуется. Коща читаешь «Застольные разговоры Гитлера», создается впечатление, что никакой войны вообще нет. Гитлер без умолку болтает о чем угодно, только не о войне. Он ее как бы не замечает. Он произносит «*длинные и необычайно нудные монологи на отвлеченные темы*» (там же. С. 401).

Зная Гитлера, Кейтель должен был своими решениями и приказами активно подправлять его, как незаметно, но решительно матерый ротный старшина подправляет действия зеленого лейтенанта.

Кейтель как опытный генерал-фельдмаршал должен был чувствовать свою персональную ответственность за судьбу страны и дилетанта сдерживать в порывах. Одно из двух: или активно действуй и отвечай за свои деяния, или освободи место. Но Кейтель не принимал ответственности, не поправлял бесчисленные и глупейшие ошибки Гитлера и не пускал никого на свое место, которое занимал на протяжении всей войны с первого до последнего дня.

И был он не одинок. Стратегами, которые молча кивали головами в знак согласия, были забиты все гитлеровские коридоры власти, все залы для оперативных совещаний, в которых принимались судьбоносные решения.

Мало того, что Гитлер — дилетант, он к тому же не помнил, что приказывал вчера, и сегодня

мог приказать нечто совсем иное. В этой ситуации роль генерал-фельдмаршала Кейтеля была особенно важной. Не бросаясь на амбразуру, он должен был смягчать одни распоряжения Гитлера и усиливать звучание других.

Но и этого он не делал. Что бы ни приказал Гитлер, Кейтель исправно эти распоряжения оформлял приказом и отправлял на исполнение войскам. Страхуя себя, любое указание Гитлера, любое пожелание и невзначай высказанное мнение Кейтель тут же превращал в приказ.

В конце совещания Кейтель, как правило, представлял на подпись несколько документов. Обычно речь шла о тех вызывающих насмешку или страх распоряжениях, которые должны были избавить его от последующих упреков Гитлера. Я сразу же заявил, что Кейтель в недопустимой форме злоупотребляет этим своим правом, ибо таким образом в корне отличающиеся друг от друга представления и намерения обретают силу приказа и создают совершенно невообразимую сумятицу и хаос (там же. С. 336).

Тут поведение Гитлера, его дурь и наивность вновь глубоко удивляют меня. Гитлер слово брякнет, а Кейтель ему тут же бумажку сует: распишись в своих словах. И Гитлер расписывается. Неужто Гитлеру не ясно, что Кейтель свою задницу гитлеровской задницей прикрывает. (У блюстителей изящной словесности прошу прощения. В данном случае более точного образа в русском языке мне сыскать не удалось.)

Если второй (в вопросах ведения войны) после Гитлера человек считает, что он ни за что ответственности не несет, а просто передает приказы вышестоящего нижестоящим, то как он мог призвать к ответственности командующих армиями и группами армий? По логике вещей те вообще — пешки. Какой с них спрос?

Впрочем, хитрость Кейтеля не спасла. Его манера управлять, не отвечая за последствия, неизбежно привела Германию к катастрофе, а самого Кейтеля — в кутузку. И от ответственности он не увернулся. В Нюрнберге ответственность ему повесили на шею, а самого повесили за шею.

4

И когда генерал-фельдмаршал Кейтель заявляет, что Гитлер не терпел возражений, тут-то невольно и вырвется у читателя крик души: а Сталин разве терпел!?

Гитлер за возражения не стрелял. Сталин же стрелял своих генералов целыми косяками. Но все равно находились люди, способные думать головой, иметь собственное мнение и отстаивать его даже перед Сталиным, все равно находились те, кто рисковал жизнью, чтобы спасти страну. Со Сталиным спорили и добивались своего Маршалы Советского Союза Рокоссовский, Василевский, Говоров, Главный маршал авиации Голованов. Они-то и маршалами стали потому, что имели собственное мнение, а не подстраивались под мнение Сталина или большинства.

Достоверно установлено, что со Сталиным спорили, причем успешно, генералы армии Антонов, Апанасенко, Ватутин, Черняховский, Хрулев, адмирал флота Кузнецов, министр Ванников.

Вот образец поведения. Он описан многократно с разных точек зрения, в том числе Маршалом Советского Союза М. В. Захаровым (Новая и новейшая история. 1970. № 5).

Ситуация: в 1938 году советские войска под руководством маршала Блюхера продемонстрировали позорный результат в боях с японской армией на озере Хасан. 31 августа 1938 года (это самый пик процесса очищения армии) в Свердловском зале Кремля собран Главный военный совет. Участь маршала Блюхера уже предрешена, а на его место поднялся заместитель — комкор Г. М. Штерн. Он и делает доклад. Зал набит командирами самого высокого ранга. Сталин, как принято, прохаживается по сцене позади президиума, слушает и молча покуривает трубку.

Штерн не щадит никого— ни своего бывшего начальника маршала Блюхера, ни подчиненных. В частности, Штерн бросает ужасные обвинения в адрес командующего 1-й отдельной Краснознаменной армией комдива Кузьмы Подласа.

Услышав это имя, Сталин остановился, докладчик умолк, зал замер. Сталин помолчал и обратился в зал к командующему Киевским военным округом командарму 2-го ранга С. К. Тимошенко «Вы просили Подласа к себе первым заместителем?»

Сталинский вопрос, как принято, с ударением на слове «вы». Не в бровь, а в глаз. Все предшественники Тимошенко на посту командующего Киевским военным округом кончили плохо:

- В. В. Шарапов расстрелян.
- А. И. Егоров поднялся выше, но арестован и ждет расстрела.
- М. В. Фрунзе поднялся выше, но зарезан на операционном столе.
- И. Э. Якир расстрелян.
- И. Ф. Федько арестован полтора месяца назад и ждет расстрела.

Хоть бы один просвет в этом списке. Хоть бы об одном можно было сказать: сидит. Просто сидит. Но нет, просто так никто не сидел и не сидит: каждый или был расстрелян, или ждет расстрела.

Командарм 2-го ранга Тимошенко на своем посту не пробыл еще и полутора месяцев, судьбу своих предшественников знает. И вот сталинский вопрос: это ТЫ просил врага народа в заместители?

Тимошенко встал, улыбнулся и ответил, как отрубил: «А я, товарищ Сталин, и сейчас прошу назначить товарища Подласа моим первым заместителем».

Своим ответом Тимошенко оглушил не только зал, но и самого Сталина.

В результате Подлас, конечно, сел, но не был расстрелян. Вскоре вышел и был назначен заместителем командующего Киевским военным округом. Во время войны он командовал 40-й армией. Войска под командованием Подласа в тяжелых оборонительных боях до последней возможности удерживали свои рубежи, они сделали все для срыва блицкрига. В 1942 году командующий 57-й армией генерал-лейтенант Подлас Кузьма Петрович погиб в бою в сражении за

Харьков, выполнив свой долг до конца.

Судьба Штерна, который требовал крови и скальпов, печальна. Генерал-полковник Г. М. Штерн был арестован 7 июня 1941 года и расстрелян без суда 28 октября того же года. Вместе с Рычаговым.

С. К. Тимошенко, который своей смелостью спас Подласа (а возможно, и себя), уже через несколько месяцев получил звание командарма 1-го ранга, еще через год — звание Героя Советского Союза (за Финляндию), должность Наркома обороны и звание) Маршала Советского Союза.

Странный на первый взгляд поступок: Сталин ставит Народным комиссаром обороны не того, кто кричит о сталинском величии, а того, кто готов с ним не согласиться.

В отличие от многих наших маршалов, Семен Константинович Тимошенко не сломался и позже. После XX съезда КПСС маршалов заставили писать мемуары о «неготовности» Красной Армии к войне. Сдались все. А Тимошенко устоял. В отличие от Жукова, Тимошенко не сочинял бездарных мемуаров, не клеветал на свою армию и свой народ.

5

Однажды я слышал в адрес Сталина такой упрек: он ничем не занимался, кроме одного — сидел днями и ночами в своем кабинете и все думал, кого куда переместить.

Дело обстояло не совсем так, но мощная доля правды в этом заявлении есть. Сталин действительно кадровому вопросу уделял первостепенное значение, действительно много думал над тем, кого на какой пост поставить и кого куда переместить.

Но критика эта — выше всякой похвалы. Главное, а может быть, и единственное, чем Сталин должен был заниматься, — это подбор и расстановка кадров.

Кадры решают все! Это не я вам говорю. Это изрек товарищ Сталин. И в этих трех словах — ключ ко всем выдающимся свершениям. Если на высших государственных постах стоят знающие и делающие свое дело люди, если на них в трудный час можно положиться, значит, вождю больше и беспокоиться не о чем.

Сталин знал своих подчиненных, знал, кто и на что способен, кому и что можно поручить. Сталин нашел, воспитал и расставил на многочисленные должности правильных людей.

Но в кадровой политике Сталина мы ничего не поймем, не уяснив значения ключевого слова. И это слово — выдвиженец.

Именно он, выдвиженец, творил чудеса. Именно сталинские выдвиженцы совершали рывки из провалов и поражений к ослепительным победам.

А делалось все просто. Сталин брал любого, поднимал на высокий пост и ставил невыполнимую задачу. Совершенно новый человек на небывало высоком посту — это и был выдвиженец. Его прошлое, анкетные данные, отзывы, характеристики, аттестации, доносы роли не играли. Человек проверялся в деле. Если через день-два, через неделю невыполнимая задача так и

осталась невыполненной, командира снимали, снижали в должности, в звании, сажали, расстреливали.

На его место— нового. А задача— прежняя, то есть— невыполнимая. Очень быстро находился тот. кто умел выполнять невыполнимые задачи.

Пример. 13-я армия Западного фронта вступила в войну в июне 1941 года. Командовал армией генерал-лейтенант П. М. Филатов. В июле его сменил генерал-лейтенант Ф. Н. Ремизов. В том же месяце его сменил генерал-майор К. Д. Голубев. В августе на его место встал генерал-майор А. М. Городнянский (этот держался долго — четыре месяца). После этого, в январе 1942 года, 13-ю армию принял генерал-майор Н. П. Пухов.

Вот он. Найден. Это тот, кто умеет творить чудеса. И дальше 13-ю армию сквозь войну, через сражения под Воронежем и Курском, через Днепр и леса Белоруссии, через Польшу к Берлину и Праге армию ведет ее бессменный командующий. Только орденов на нем прибывает да звезд на погонах: генерал-майор, генерал-лейтенант, генерал-полковник Пухов.

Вот еще выдвиженец. Только неудачливый — генерал-лейтенант авиации Павел Рычагов. Он — летчик-истребитель, воевал в Испании, Герой Советского Союза из первой двадцатки, удостоен этого звания за два с половиной года до учреждения медали «Золотая Звезда». После Испании — постоянно в боях. Воевал в Китае, участвовал (успешно) в боях на озере Хасан, на реке Халхин-Гол и в войне против Финляндии. В 1936 году — старший лейтенант. В 1940 году — генерал-лейтенант авиации.

Генерал-лейтенанту авиации — 29 лет. В 1940 году Рычагов последовательно занимает следующие должности: заместитель начальника Главного управления ВВС РККА, первый заместитель, затем — начальник Главного управления ВВС РККА. С февраля 1941 года — заместитель Наркома обороны СССР.

Взлет — вертикальный. До первой ошибки. После нее — столь же стремительное падение. В землю.

И так — везде. Смотришь на дивизию: командиры меняются, как кадры в старинном фильме, так что и лиц не различишь, и вдруг — стоп. Нашли подходящего, и он ведет дивизию через невозможное к победе. А если оступился...

Система варварская. Но эффективная.

И в промышленности — те же приемы, те же вполне людоедские нравы.

Вячеслав Александрович Малышев. В 1930 году в возрасте 28 лет — машинист паровоза. Годы молодые упущены. Какую карьеру может сделать машинист паровоза, которому уже под тридцать? Но машинист кому-то приглянулся, и его посылают на учебу в МВТУ. В 1934 году Малышев — молодой начинающий инженер. В 1939 — Народный комиссар тяжелой промышленности СССР. В 1940 году — заместитель председателя СНК, то есть заместитель Молотова, с 1941 года — заместитель

Сталина по промышленности. Кроме того, с 1941 года Малышев — Народный комиссар танковой промышленности.

Он выдвиженец, и ему требуются такие же. В октябре 1941 года Малышев ставит задачу: удвоить производство танков. Для удвоения — ни новых материалов, ни людей, ни станков. Но фронт требует УДВОИТЬ.

Если директор завода удвоит — выживет, не удвоит — его сменят. За брак — расстрел.

Путь к власти был открыт всем. Каждый мог попробовать. Отведав соленого куска генеральского, директорского или министерского хлеба, они вылетали в трубу, а на их место шли другие, и те вылетали, пока не находился тот, кто мог УТРОИТЬ производство танков, не получая на то ни дополнительных рабочих рук, ни дополнительного им питания.

Примеров я собирался привести много: Шахурин, Устинов, Кузнецов (один, другой и третий), Завенягин, Ванников, Паршин...

Потом спохватился: так они же все — сталинские выдвиженцы. Всех маршалов, генералов, адмиралов, всех членов Политбюро и ЦК, всех членов правительства и их заместителей, секретарей союзных компартий, краев и областей, всех центровых чекистов (тут выбор особый), всех директоров крупных предприятий и строек Сталин выбирал и назначал лично и лично следил за успехами и провалами каждого.

Расстрелянные генералы, чекисты, наркомы, местные правители — это тупиковые направления развития, это срезанные ветви, которые по сталинскому разумению не могли принести плодов. А выжившие — это плоды сталинской селекции, в самом прямом значении этого слова.

Ничего равного и подобного сталинской системе отбора и расстановки кадров у Гитлера не было. Людей из ближайшего окружения Гитлера называли китайскими болванчиками за их молчаливое кивание головами в знак согласия (Шпеер А. Воспоминания. С. 527).

6

Мы оросили беглый взгляд на фюрера и его ближайшее окружение, включая человека номер два — Германа Геринга.

Теперь посмотрим, что делается этажом ниже. У самой вершины, на подступах к ней, стоят главнокомандующие трех видов вооруженных сил, министр иностранных дел, главный идеолог, главный пропагандист, рейхсфюрер СС, он же — министр внутренних дел.

Прямо скажем, на этом этаже тоже собраны не самые блистательные умы Германии. Двое из этой великолепной семерки нам уже знакомы: главнокомандующий сухопутными войсками Адольф Гитлер и главнокомандующий ВВС Герман Геринг.

Трехлетнее пребывание Гитлера на посту главнокомандующего сухопутными войсками имело самые отрицательные последствия: армия, ранее славившаяся

своей безупречной организованностью, теперь напрочь ее утратила (Шпеер А. Воспоминания. С. 553).

Геринг как главнокомандующий нашей втянутой в тяжелые бои авиацией даже 23 июня 1941 года, через день после нападения на Советский Союз, проявил достаточно беззаботности, чтобы при полном параде вместе со мной осматривать выстроенные в натуральную величину макеты своего рейхсмаршальского управления в Трептове (там же. С. 262).

Флот воевал сам по себе. Во главе флота — гроссадмирал Дёниц, из уст которого Шпеер слышит такое заявление:

Я представляю здесь военно-морской флот. Все остальное меня не касается. Фюрер как-нибудь найдет выход из создавшегося положения (там же. С. 567).

Сказана эта фраза в феврале 1945 года. Красная Армия уже вышла на Одер и в ряде мест его форсировала, захватив плацдармы на западном берегу. До Берлина — 60 километров. Жители Берлина уже слышат грохот сталинской артиллерии. Гитлеровцам нужно что-то срочно предпринимать. Вот в этой обстановке гроссадмирал Дёниц и заявляет, что домик его на самом краю, он всего лишь главнокомандующий военно-морским флотом, а все остальное (то есть судьба войны и Германии) его никак не касается. Пусть фюрер думает, у него голова большая.

Об умственных способностях гроссадмирала говорит его вера в мудрость Гитлера: нам, главнокомандующим, не о чем беспокоиться, фюрер что-нибудь сообразит.

Конев и Жуков уже ведут перегруппировку танковых армий на одерские плацдармы для последнего рывка, а гроссадмирал Дёниц еще не прозрел, он еще верит в способность Гитлера мыслить, принимать решения, руководить войной и выиграть ее.

В войсках СС руководитель того же пошиба — рейхсфюрер СС Гиммлер. О его полководческих талантах пленный генерал-фельдмаршал В. Кейтель на допросе 18 июня 1945 года отозвался так:

Гиммлер не имел ни малейшего представления о том, как следует командовать войсками.

А генерал-полковник А. Йодль на допросе в тот же день добавил: «*Он вел себя как типичный ефрейтор*». Шпеер в своих мемуарах подтверждает:

Нескольких недель пребывания на фронте оказалось достаточно для того, чтобы полностью подорвать авторитет Гиммлера (Шпеер А. Воспоминания. С. 569). Рейхсфюрер СС и до того особым авторитетом не пользовался:

Гиммлер проявлял в присутствии Гитлера отсутствие собственного достоинства и гражданского мужества...

Его оценку наших противников можно назвать просто детской (Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 618).

Изрекаемые им суждения отнюдь не свидетельствовали о глубоком уме (Шпеер А. Воспоминания. С. 569).

Гитлер сам считал Гиммлера дураком:

Рейхсфюрер СС порой высказывал совершенно фантастические идеи, и Гитлер неоднократно заявлял, что не в состоянии уследить за безудержным полетом его мысли и что многие из них вызывают у него смех (там же. С. 497).

Коль так — сними его! Замени другим.

Государство Гитлера (как и Сталина) — террористическое. Но в Германии во главе машины террора стоит рейхсфюрер СС Гиммлер, который, мягко говоря, своими умственными способностями не блещет. Сталин таких тоже назначал. Но только с определенной целью — чтобы они выполнили для Сталина какую-то особенно кровавую и грязную работу. После выполнения Сталин таких истреблял.

А Гитлер их держал до последнего дня.

На этом же этаже власти — идеолог национал-социалистической рабочей партии **Альфред** Розенберг.

Розенберг сотнями тысяч распродавал свой семисотстраничный «Миф XX века». Официально книга считалась учебником партийной идеологии, но в беседах за чайным столом Гитлер без обиняков говорил, что это малопонятный бред, написанный самоуверенным прибалтом, который крайне путанно мыслит (там же. С. 150).

Сам Гитлер считал официальный учебник партийной идеологии бредом, а главного идеолога — путаником. Нам остается в данном вопросе полностью согласиться с Гитлером.

Тут же — министр пропаганды Геббельс. О нем принято говорить как о человеке умном. О нем и его ведомстве впереди разговор подробный. Сейчас обратим внимание только на его официальный титул — министр пропаганды. Глупее этого придумать ничего нельзя. Что бы он ни изрек, мы уже будем знать, что это пропаганда. Любая продукция его ведомства — пропаганда. Так официально и называется.

Как же далеко ему было до кремлевских товарищей. Сравним: «Правда»! «Комсомольская правда»! «Правда Украины»! «Черкасская правда»! «Урюпинская правда»! Правда, правда, одна только правда и ничего, кроме правды!

У Геббельса голая пропаганда, а у нас — голая правда. А горькая правда лучше, чем красивая пропаганда. Не так ли?

Самая главная задача дьявола — доказать заблудшим, что дьявола нет. Только так можно заполучить их души. Вор, чтобы украсть, прикидывается честным. Обманщик, чтобы ему верили, должен прикидываться борцом за правду.

В самом слове «пропаганда» таится отрицание правдивости названного этим словом сообщения. Пропаганда — это сведения, распространение которых кому-то выгодно, потому пропаганда не может являться объективной правдой.

Пропаганда, чтобы быть успешной, должна рядиться в какие-то чужие одежды. Самая главная задача пропаганды — доказать, что она пропагандой не является: вот, граждане, создалась в стране и в мире такая ситуация, у нас есть достижения и есть трудности, правительство сообщает населению страны горькую или радостную правду, просит у населения поддержки и совета. И никакой пропаганды здесь нет.

Джордж Оруэлл в своем великом романе «1984» точно описал будущее образцовое социалистическое общество. Одно из главных учреждений этого общества он назвал Министерством правды. Красиво! За образец Оруэлл явно брал нашу родную советскую «Правду», а вовсе не откровенное и бездарное название министерства Геббельса.

Если бы Геббельс был умным человеком, то мерзкое слово «пропаганда» он должен был изъять, растоптать и сокрушить. Свое заведение он должен был назвать Министерством объективной информации или как-то еще в этом роде.

Обманщик, который сам себя называет обманщиком— есть глупый обманщик. И еще одна ему характеристика:

Производила жуткое впечатление эта смесь властности и послушания... Геббельс проявил свою безоговорочную за висимость от Гитлера (Шпеер А. Воспоминания. С. 60).

Этим сказано все: Гитлеру не возражал.

В этой же теплой компании — министр иностранных дел Риббентроп. Мнение Геббельса о нем записано в дневнике 20 сентября 1940 года:

Риббентроп повсюду садится **между двух стульев. Если он и во внешней** политике оперирует столь же гениа**льно, как во внутренней, то я смотрю на это** мрачно.

Мнение Гитлера о ведомстве Риббентропа:

Какие только гнусные типы не собрались под крышей нашего министерства иностранных дел! (Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. 14 мая 1942 г.)

Из 50 наших дипломатов только 5-6 свежих головы, а остальные — это уровень почтальонов. Например, Шуленбург и военный атташе в Москве Кестринг, которые были введены в заблуждение русскими и так и не поняли, зачем те сосредотачивали свои войска на нашей восточной границе (там же. 1 апреля 1942 г.).

Что ж, какой хозяин, такие и работники. **Каков Риббентроп, такие у него и дипломаты.** Вернее, каков Гитлер, такие у него и Риббентропы.

Существует старый, веками отшлифованный способ определения жизнеспособности любой организационной структуры и дарований ее руководителя. Надо на эту структуру посмотреть в момент, когда руководитель отсутствует. Если его отсутствие отрицательно сказывается на деятельности организации, значит руководитель слаб, значит не сумел подобрать и расставить нужных людей, значит организация нежизнеспособна.

Умер Александр Македонский — и тут же рухнула его империя, как гнилой лагерный барак, изпод стены которого убрали подпирающее бревно.

Бонапарт говорил, что в его отсутствие творятся одни только глупости. Сказав это, он сам себя высек. Эти слова — не порицание приближенным, которые творят глупости, это приговор глупому Бонапарту, который собрал вокруг себя дураков. Это приговор его мертворожденной империи, которая рухнула, не дожидаясь кончины своего создателя.

И в отсутствие Петра Первого творились одни только глупости. Правда, и в присутствии — тоже. Умер Пётр, и на российском престоле оказалась обозная солдатская проститутка, причем не родная отечественная, а заморская.

Так вот, граждане, фирма должна работать без сбоев как в присутствии хозяина, так и в его отсутствие, как в будни, так и в праздники, как в обстановке экономического подъема, так и в унылые дни самого жуткого кризиса.

Командир моего доблестного 145-го гвардейского Будапештского орденов Суворова и Богдана Хмельницкого учебного мотострелкового полка подполковник Бажерин, вернувшись из Африки, где воевал и набирался боевого опыта, ввел беспощадный порядок: в любой момент любого взводного или ротного, а то и батальонного командира объявлял убитым и отправлял гулять без разрешения возвращаться на час, два, на сутки. И любовался на то, что из этого выйдет.

Поначалу выходило не очень. Но вскоре он вывел полк в число лучших в Прикарпатском военном округе. А ведь в округе у нас было четыре армии, не считая отдельных дивизий, бригад и полков.

В отличие от Македонского, Петра и Бонапарта, Сталин мог месяцами находиться на своих дачах в Подмосковье, на Кавказе, в Крыму. Он знал, что в его отсутствие глупости не творятся. Во время войны Сталин мог отлучиться даже за рубеж — в Тегеран. Он был спокоен за тех, кто оставался в Москве «на хозяйстве».

А вокруг Гитлера были собраны почтальоны с министерскими окладами, которые сами ни за что не хотели отвечать, которых судьба страны не волновала, которым Гитлер не мог ничего доверить. «Гитлер предпочитал назначать на руководящие посты дилетантов» (Шпеер А. Воспоминания. С. 277). В свою очередь, дилетанты и лизоблюды воспевали Гитлера:

Вину за то, что Гитлер со временем вообразил себя сверхчеловеком, несет и его ближайшее окружение. Еще генерал-фельдмаршал Бломберг — первый и последний военный министр в правительстве Гитлера — неоднократно публично заявлял, что «фюрер обладает выдающимся полководческим талантом». Даже гораздо более скромный и наделенный гораздо большим самообладанием человек, непрерывно выслушивая в свой адрес одни только хвалебные слова, через какое-то время был бы уже не в состоянии реально оценивать свои возможности (там же. С. 338).

Когда военный министр фон Бломберг предложил Гитлеру взять на себя руководство всеми вооруженными силами, он нанес последний удар армии (Манштейн Э. Утерянные победы. С. 85).

Рассадив вокруг себя подхалимов и холуев, фюрер жаловался окружающим:

Я даже на одни сутки не могу никому другому передать руководство военными операциями (Шпеер А. Воспоминания. С. 277).

Вот это и есть оценка и приговор всем гитлеровским министрам, фельдмаршалам и генералам. И всему Третьему рейху.

ГЛАВА 14. О запредельной немецкой аккуратности

Регламентирование на старых землях Рейха скоро дойдет до того, что устав общества любителей майских жуков также будет разработан в Берлине с приложением к нему подробнейших инструкций об организации делопроизводства, управления имуществом, финансовой отчетности и так далее.

Адольф Гитлер. 22 июля 1942 г.

1

Кремлевская пропаганда не жалела бумаги и типографской краски для описания нашей глупости, головотяпства, разгильдяйства. А немец в нашем понимании — умный, точный, грамотный, дисциплинированный. И это действительно так. С этим не поспоришь. Только он иногда слишком уж умный, чересчур точный, запредельно грамотный и сверх меры дисциплинированный.

Франц фон Папен во время Первой мировой войны был военным атташе Германии в Вашингтоне. Как водится, он к тому же был и резидентом, то есть главой разведывательного аппарата.

Для того чтобы агентурная сеть была устойчивой, в одной стране обычно вербуется несколько агентурных групп и отдельно действующих агентов, которые не знают о существовании друг друга и имеют собственные, независимые от других каналы агентурной связи. В случае провала одной группы или агента остальные продолжают работать.

А у фон Папена все нити сходились в единый центр — лично к нему. Так больше порядка. Деньги агентам он платил не наличными, как принято в разведке, а чеками. Американцам, завербованным немецкой разведкой, такая форма оплаты не очень нравилась. Дело в том, что чек попадает в банк, а с любых полученных сумм приходится платить подоходный налог. Получил завербованный американец от немецкой разведки тридцать честно заработанных серебреников, нет бы пропить их, так поди ж ты — налог плати. Выходило, что часть денег, которые кайзер Вильгельм выделял своей разведке на подрыв Америки, шла через налоги прямо в американскую казну для усиления Америки.

Ситуация не самая умная, зато — порядок, зато все сделано в соответствии с параграфами и пунктами.

В любой момент налоговое ведомство могло задать любому секретному агенту неудобный вопрос о происхождении денег. И соврать было невозможно: в банке все зафиксировано: когда, сколько, с какого счета на какой.

Определив источник поступления денег, при желании можно было бы разобраться, кому сей щедрый источник еще платит деньги. Но контрразведки в те далекие времена в Америке не было, а налоговое ведомство интереса не проявило. Без особых усилий вся немецкая агентурная сеть могла

быть выявлена по прохождению чеков, по банковским счетам. Вся немецкая агентурная сеть в Америке постоянно находилась на грани провала. Зато был порядок. А сам фон Папен хранил корешки выписанных чеков. Для отчетности.

3 февраля 1917 года Соединенные Штаты Америки разорвали дипломатические отношения с Германией. Германское посольство в Вашингтоне потеряло дипломатический иммунитет. Над всеми секретами посольства нависла угроза захвата. В этой ситуации принято жечь бумаги.

Но военный атташе фон Папен прикинул: а как потом отчитываться? Потому решил жечь то, что не важно. А важное — в портфель, с которым фон Папен и отбыл в Германию на пароходе под нейтральным флагом.

С американскими властями у фон Папена проблем не возникло: плывешь в свою Германию — скатертью дорога. Но Германия уже два с половиной года воевала с Британией. Германские подводные лодки уже более двух лет топили британские корабли. И это британцам ужасно не нравилось. Потому путешествие германских дипломатов через океан заинтересовало кое-кого в Лондоне. И случилось так, что пароход с германскими дипломатами зачем-то зашел в британский порт. И тут бы фон Папену смекнуть: все-таки идем в самую пасть к британскому льву — не проще ли, пока не поздно, спуститься в кочегарку да швырнуть портфельчик в пароходную топку? Чтоб от греха подальше?

Просчитал фон Папен варианты и решил: сжечь-то можно, а отчитываться как?

Гудит пароход, швартуется. А британская разведка (ей пальчик в рот не клади) ждет. Об одном дипломате, который даже в сортире не расстается с толстым черным кожаным портфелем, ей уже доложили.

Получить портфель — дело техники. Набор средств — беспредельный, начиная с прозаического грабежа: послать человек пять подвыпивших грузчиков, которые про дипломатическую неприкосновенность слыхом не слыхивали, ищи их потом. Тем более что дипломатические отношения между Британией и Германией с началом войны были разорваны.

Но можно послать не грузчиков, а подставить приунывшему за время плавания военному дипломату девушку-чародейку, Марью-искусницу. Или выпустить из узилища портового вора Джона Свиное рыло, а потом срок ему скостить в знак благодарности.

Или еще проще — напустить свору безграмотных жандармов и таможенников, а потом извиниться за их незнание тонкостей международной дипломатической практики.

Одним словом, портфельчик умыкнули.

И рухнула годами и десятилетиями создававшаяся и отлаживавшаяся германская агентурная сеть в Америке. Корешки от чеков не только давали сведения о том, кому, когда и сколько платила германская разведка, но и были прямыми документальными свидетельствами измены весьма широкого круга уважаемых американских граждан. Когда арестованным агентам предъявляли столь

серьезные и веские улики, то им было просто нечего возразить. Потеря одного портфеля обошлась Германии дорого. Самый драматический момент: Америка вступает в войну против Германии, и именно в этот момент потеряна вся германская агентура в Америке.

Мало того, эти события были умело использованы американской и особенно британской пропагандой. Лукавые борзописцы не отпугивали, а призывали честных граждан Америки, Британии, Франции вступать в ряды германских шпионов, расхваливали немецкую пунктуальность и аккуратность, рассказывали, как щедро немцы платят за измену и как четко у них поставлен учет секретной агентуры, — и все это со ссылками на конкретные примеры.

Эти издевательские призывы действовали лучше угроз. Для германской разведки наступили тяжелые времена. Количество и качество новых вербовок резко снизилось.

Провал фон Папена — самый грандиозный из известных нам провалов в истории всех разведок мира. И самый глупейший. Сколько было выявлено германских шпионов, мне не известно. Гитлер говорил о пяти тысячах агентов (Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. 7 июня 1942 г.). Не берусь судить, так ли это. Бесспорно одно: такого не случалось нигде, никогда, ни с кем.

Но главное не это. Во всех уважающих себя разведках в ситуациях куда менее драматических виновному дают пистолет с одним патроном. Это традиция. Этого требует этика разведки. А в Германии никто не считал фон Папена виновным. И в его собственную голову не пришла спасительная мысль о том, что неплохо бы застрелиться. И не нашлось никого, кто бы ему такую идею подсказал.

Считалось, что он не совершил ничего дурного. Он действовал в соответствии с пунктами, статьями и параграфами, им двигало благородное стремление отчитаться по форме. Потому его блистательная карьера не пострадала. Наоборот — его усердие получило наивысшую оценку руководства. Он сделал головокружительную карьеру. Уже через 15 лет, 2 июня 1932 года, пройдя галопом он лестнице, ведущей к вершине пирамиды власти, он стал канцлером Германии, предшественником Адольфа Гитлера.

Аккуратность — даже аккуратность сверх всякой меры — в Германии ценится очень высоко. Не беда, что фон Папен загубил агентурную сеть в Америке и тем внес свой вклад в крушение одной из величайших мировых империй. Не беда, что после потери того портфеля агентурную сеть в Америке для новой войны развернуть будет либо нечеловечески трудно, либо вообще невозможно. Главное — отчитаться хотел. Это похвальное стремление важнее, чем благополучие империи и ее разведки.

2

Еще картинка из того же времени. Для понимания — небольшое предварительное пояснение. Во времена Первой мировой войны условия содержания военнопленных значительно отличались от тех, которые мы себе представляем по более поздним примерам Второй мировой войны. Один мой

знакомый, по национальности немец, рассказал, что его дед во время Первой мировой войны был в русском плену. Я лицо рукой прикрыл, думал — за обиды деда он мне сейчас вмажет.

Но нет. О России — лучшие воспоминания. Дед вернулся в Германию без обид. Был он офицером, потому в плену ему полагался русский солдат-денщик — сапоги чистить, за водкой бегать.

Русские пленные в Германии и Австро-Венгрии тоже содержались в человеческих условиях. Пленные солдаты и офицеры имели право получать и отправлять письма, посылки, денежные переводы. Мой дед, Василий Андреевич Резунов, служил рядовым, во время Брусиловского прорыва был ранен и попал в австрийский плен. В нашей семье хранится его фотография, которую он прислал по почте из вражеского узилища. Датирована фотография октябрем 1917 года. Снимок сделан у профессионального фотографа по моде тех времен: во весь рост на фоне писаного пейзажа. Дело в том, что рядовые солдаты регулярно получали увольнение в город. Гарантией возвращения было поручительство трех оставшихся в лагере: если убежишь, их посадят на пять суток в карцер.

А вот офицеры свободно выходили из лагеря под честное слово. И в Германии, и в Австрии порядки были примерно одинаковыми. Офицер имел право бежать из плена, но в этом случае он не должен был давать честного слова, что не убежит. Это продолжалось до тех пор, пока некий пленный поручик лейб-гвардии Семеновского полка Михаил Тухачевский, нарушив слово, не убежал в нейтральную Швейцарию. После того слову русского офицера никто больше не верил и по всей Германии выход пленных русских офицеров из мест содержания был запрещен.

В этом маневре с честным словом — секрет взлета Тухачевского. Красная Армия только создавалась. Все вакансии открыты. Кто первым предложит услуги, тому — должности. Поручик Тухачевский, никогда ротой не командовавший, был среди первых.

Он прибыл в Москву в самый подходящий момент и быстро стал командующим 1-й армией. Не оттого, что такой опытный, а оттого, что первым сообразил, куда ветер дует. Это как приватизация: первому — миллиарды. Только за эту прыть иногда головой платить приходится.

Но это — к слову. Это — вроде введения, чтобы погрузиться в атмосферу того времени. Теперь сам рассказ. Свидетель — знаменитый русский актер Василий Осипович Топорков; его историю записал и передал мне протоиерей Михаил Ардов.

Итак, во время Первой мировой войны Василий Топорков служил в русской армии и попал в немецкий плен. Сидит. А в лагерь русских военнопленных забредают поставщики всяческих товаров и услуг. И вот однажды пришел каталог знаменитой фирмы «Гагенбек», которая до войны, в ходе нее и после нее поставляла самых разных животных, в том числе — знаменитому дрессировщику Дурову.

Русские офицеры возрадовались, и некоторые заказали себе зверюшек: кто белую мышь для дрессировки, чтоб на задних лапках стояла, кто говорящего бразильского попугая, дабы обучить его ненормативной лексике. А некий пленный штабс-капитан, маясь от безделья, решил заказать удава.

Обратился с письменным рапортом к начальнику лагеря: хочу удава!

Начальник лагеря ответил категорическим отказом (тоже письменным): не велено удавов содержать! Но приписал, что русский офицер имеет право обратиться к военному коменданту города и опротестовать решение.

Что ж, штабс-капитан обратился. И комендант города ответил письменным отказом. Но приписал, что русский офицер в данной ситуации имеет право обратиться к командующему корпусным округом.

Благо, в то время господа офицеры языками владели, штабс-капитан написал рапорт и... снова получил отказ. Правда, с припиской, что он имеет право...

Долго ли, коротко ли, но добрался **бедолага до военного министра**: что за порядки в немецких лагерях! Уже и удава иметь запрещается!

И тогда военный министр ответил отказом: да, запрещается! Но добавил: с этим вопросом пленный русский офицер имеет право обратиться к кайзеру Германии.

Что оставалось делать? Обратился. И получил окончательный ответ: штабс-капитану Иванову, пока он находится в немецком лагере военнопленных, содержать удава запрещаю. И подпись: Вильгельм.

Вот это порядок!

В немецких инструкциях было четко расписано, кому и что разрешается иметь в плену. Пленный генерал мог содержать лошадей и собак, а старший офицер — только собак и в количестве, соответствующем званию. А об удавах в инструкциях ничего не говорилось, потому никто не мог вынести окончательное решение.

Только неужто кайзеру великой империи накануне ее гибели нечем заняться, кроме как писать ответы на заведомо издевательские запросы?

Но эти примеры из Первой мировой войны— только присказка. Эта книга— о Второй мировой войне. С приходом Гитлера к власти порядка в Германии стало больше. Это его и сгубило.

3

В 1940 году немцы захватили в Бресте (не в нашем, а во французском) чудовищную пушку, один только ствол которой весил более ста тонн. Пушка стреляла на огромную дальность уникальными, для нее одной созданными снарядами весом по полторы тонны каждый. Это был экспериментальный образец для линейных кораблей следующего поколения. Трофейное орудие представляло собой большую ценность, ибо стоимость его разработки и создания была колоссальной. Потому была срочно собрана комиссия из немецких ученых-артиллеристов с задачей: определить характеристики орудия и выдать рекомендации по использованию этого чуда техники в интересах вооруженных сил Германии.

И комиссия приступила к работе.

В следующем 1941 году Германия начала войну против Советского Союза. Сразу же выяснилось полное превосходство советских артиллерийских орудий над германскими. 120-мм миномет конструкции Шавырина оказался столь мощным, легким, дешевым, простым в производстве и обслуживании, что немцы наладили его производство в Германии по захваченным в Запорожье чертежам. Кстати, этот миномет образца 1938 года оказался столь удачным, что армия России и ряда других государств вступила с ним в новое тысячелетие.

Советская 76-мм пушка была оценена немцами как шедевр конструкторской мысли, и все трофейные 76-мм пушки немедленно принимались на вооружение германской армии. Вот пример: генерал-фельдмаршал Роммель в Африке для борьбы с танками был вынужден использовать советские 76-мм полевые пушки, так как «стандартные немецкие 50-мм противотанковые пушки практически не могли пробить броню танков «Шерман» и «Грант» (Гарт Л. Вторая мировая война. С. 285).

В классическом труде «Тактика в русской кампании» (с. 134—135) Эйке Миддельдорф сообщает:

Во Второй мировой войне русская артиллерия имела на вооружении очень хорошую материальную часть. Как по качеству орудийной стали, так и по своим конструктивным характеристикам она отвечала требованиям того времени. Огромное количество орудий, производимых в России, позволяло Красной Армии формировать большое количество артиллерийских частей самого различного назначения.

Основными типами орудий русской дивизионной артиллерии являлись 76-мм пушка и 122-мм полевая гаубица... 76-мм пушка с высокой начальной скоростью снаряда и подвижностью, отвечавшим условиям восточно-европейской местности, более всего подходила для выполнения задач непосредственной поддержки пехоты и ведения борьбы с танками. Для выполнения таких задач эти пушки иногда сосредотачивались в большом количестве на одном участке. В других случаях 76-мм дивизионные орудия использовались для ведения огня прямой наводкой и всегда достигали хороших результатов. В обороне они использовались главным образом в «противотанковых заслонах», делая противотанковую оборону настолько прочной, что она могла быть сломлена лишь методичным артиллерийским огнем по отдельным целям...

122-мм полевая гаубица была современным орудием и применялась для решения самых разнообразных задач. Русская артиллерия, используя это орудие, добивалось мощного огневого воздействия на немецкие войска. Характерными особенностями 122-мм гаубицы являлись: лафет с раздвижными станинами,

большой угол горизонтального обстрела и высокая подвижность при механической тяге. Хорошие баллистические свойства обеспечивали достаточную маневренность огнем и дальность стрельбы до 12 км при снаряде, примерно в полтора раза более мощном, чему 105-мм немецкой полевой гаубицы. Достаточно сильный звуковой эффект разрыва снаряда обеспечивал возможность пристрелки 122-мм гаубиц со средствами звуковой разведки. Благодаря этому 122-мм гаубицы успешно использовались также и для борьбы с артиллерией противника.

Все трофейные образцы этой и других советских гаубиц немедленно принимались на вооружение германской армии. 122-мм гаубица образца 1938 года все еще воюет и также вступила в новое тысячелетие во многих армиях мира, в том числе и в российской.

Не было в Германии и в мире ничего равного и советской 152-мм пушке-гаубице МЛ-20 и 203-мм гаубице Б-4. Наконец, Советский Союз имел реактивные снаряды и установки залпового огня — БМ-8 и БМ-13, легендарные «Катюши».

А Германия вступила на территорию Советского Союза со 105-мм и 155-мм гаубицами, созданными во время Первой мировой войны, и с трофейной артиллерией, собранной со всей Европы. Это тоже были орудия Первой мировой войны и даже более раннего периода. Диапазон калибров и типов снарядов был поистине фантастическим. Трофейные орудия, состоявшие на вооружении вермахта, имели возраст до 50 лет и больше.

Отрыв в количестве и качестве полевой артиллерии был громадным. Немецким конструкторам артиллерии до конца войны не удалось создать ничего подобного тому, что советские артиллерийские конструкторы создали до войны.

Немцы были способны творить чудеса. В Первой мировой войне не было зенитной артиллерии, ее приходилось создавать заново. И они создали великолепные образцы. А гаубичная артиллерия к началу Первой мировой войны уже существовала, потому можно было обойтись поверхностной модернизацией.

И они решили: авось сойдет. Сходило до тех пор, пока воевали против столь же устаревшей артиллерии Британии и Франции. Но вот столкнулись с советской артиллерией и осознали свое отставание. Конечно, догнать Советский Союз в области артиллерии Германия не могла — это было невозможно, — но требовалось хоть немного сократить разрыв. Но даже этого не делалось.

Чем же занимались германские конструкторы? Всем, чем угодно. Кроме главного.

Некоторые из них так и продолжали испытывать уникальную французскую пушку. А время шло. Наступил 1942 год. Год Сталинградской битвы. За ним 1943 год — год Курской дуги. А они все испытывают. И вот пришел 1944 год. После того, как исход войны был окончательно решен, в Нормандии высаживаются американские и британские войска. И вот в этот момент комиссия немецких ученых-артиллеристов выдает, наконец, результат своего труда — пять томов самых

разнообразных характеристик: если стрелять из французской пушки под таким-то углом возвышения, при такой-то температуре воздуха, при такой-то силе ветра на таких-то высотах и таком-то его направлении, то будет такой результат. А если стрелять под другим углом возвышения при другой температуре...

Число комбинаций углов возвышения, температур воздуха на разных высотах, силы и направления ветра неисчислимо. К этому надо добавить, что стреляют с различными зарядами. Одно дело — стрелять с зарядом первым, другое — с третьим. И опять количество комбинаций увеличивается. И множество самых различных комбинаций было самым аккуратным образом измерено, учтено, проанализировано.

Кроме того, ствол орудия постепенно изнашивается. Если стрелять из нового ствола при такойто температуре и с таким-то возвышением, то будут одни результаты, а если произведено несколько десятков выстрелов, то при тех же условиях изношенный ствол будет давать совсем другие результаты. Ну а после ста выстрелов — третьи.

И ученые работали, работали, работали.

И фиксировали, фиксировали, фиксировали.

На этих испытаниях были задействованы специалисты весьма высокого класса из множества смежных с артиллерией областей.

Эта работа стоила больших средств, большого времени и труда. Но самое главное — эксперты высшего класса были практически нейтрализованы. Бегают, скачут, только результатов нет. Как белки в колесе.

Понимали ли они, что их опыт, их знания, их таланты могут быть использованы с большей пользой для Германии в момент, когда страна ведет войну против всего мира? Думаю, они это понимали. Но был отдан приказ, и они его выполняли.

И вот многолетняя работа завершена. Графики, таблицы, схемы, многочисленные вычисления, обобщения, доказательства объединены в стройную систему. Комиссия выдала всесторонне обоснованные выводы и рекомендации.

Особое значение имел последний вывод последнего тома. Звучал он так: за время испытаний все уникальные боеприпасы израсходованы, ствол полностью изношен и больше для стрельбы не пригоден.

Они даже не поняли всей смехотворности результатов своей работы.

3

Это отнюдь не единичный случай. Это система. Вот ария из той же оперы:

Когда в 1944 году мы всерьез занялись полиграфической промышленностью с целью перевести ее производственные мощности на выпуск военной продукции, то

неожиданно выяснили, что на одной из лейпцигских типографий по-прежнему исправно выполняли карты Персии и печатали немецко-персидские разговорники. ОКБ просто забыл отменить свой заказ (Шпеер А. Воспоминания. С. 331).

В 1941 году в шапкозакидательском угаре решили, что Советский Союз уже разгромлен, и на очереди — Индия, Иран, Афганистан и так далее. И, не завершив победоносный разгром Советского Союза, ринулись вострить лыжи на Иран и отдали соответствующие приказы.

И вот идет война один год, и второй, и третий, а дисциплинированные немецкие печатники выполняют ответственную задачу — забивают-заваливают склады картами и разговорниками, которые никому никогда не потребуются. И ходит директор, и его заместители, и инженеры, и просто работяги гордостью светятся — мы выполняем особо важный военный заказ. Всем ясно, что после Сталинграда Гитлеру до Персии не ближе, чем до Луны, — одинаково недостижимо, но приказ есть приказ, и они его старательно выполняют.

Подобных примеров я собрал целую корзинку: в 1944 году, например, германская промышленность продолжала выпускать пробковые шлемы для колониальных войск, хотя все знали, что из Африки германские войска выбиты, а Индии им не видать как собственного затылка без зеркала.

Но мы сейчас не о картах и шлемах, мы — об артиллерии.

4

Помимо испытаний французской чудо-пушки германские конструкторы и ученые-артиллеристы создавали собственное чудо по имени «Дора» — орудие калибром 813 мм. Длина ствола — 32 метра. Вес снаряда — 6800 кг. Минимальная дальность стрельбы — 25 километров, максимальная — 40 километров. Полная длина орудия — 50 метров. Высота с опущенным стволом — 11 метров, при максимальном возвышении ствола — 35 метров. Общий вес — 1448 тонн. Живучесть ствола — 300 выстрелов. Командир орудия — полковник. Расчет — 4139 солдат, офицеров и вольнонаемных. Кроме всего прочего, расчет орудия включал батальон охраны, транспортный батальон, комендатуру, полевой хлебозавод, маскировочную роту, отделение полевой почты и два походных публичных дома по 20 работниц.

Кстати о работницах. Полистаем служебный дневник генерал-полковника Гальдера, и среди множества вопросов, которыми озабочен начальник Генерального штаба сухопутных войск нет-нет, да и мелькнет... «Вопрос о публичных домах» (запись от 23 июля 1940 г.).

Секрет успеха любого руководителя заключается в том, чтобы свалить работу на заместителей, а самому только контролировать их действия. Руководитель должен решать главные, кардинальные вопросы, доверяя решение менее важных вопросов своим подчиненным.

Можно было бы поручить решение вопросов о публичных домах заместителю начальника

Генерального штаба. Но нет — эти вопросы обсуждаются на самом высоком уровне. Представляю: сидит начальник Генерального штаба в окружении стратегов, вопрос решает. А ведь этот вопрос был решен, и не только в сухопутных войсках.

Для того чтобы воевать было приятно, руководители германского флота устраивали свои заведения и устанавливали свои флотские нормы, правила и порядки, писали свои инструкции клиентам и работницам.

Руководство Люфтваффе сочиняло свои директивы и приказы на этот счет.

Войска СС имели свою систему полевого (и полового) обеспечения, включая собственные публичные дома, для личного состава которых тоже писались статьи и параграфы.

Публичные дома разделялись не только по принадлежности к армии, авиации, флоту и войскам СС, но кроме того делились на стационарные и полевые подвижные. В сухопутных войсках, например, были учреждены малые, средние и большие заведения, соответственно с числом работниц 5, 10 и 20 и с разделением на солдатские, фельдфебельские и офицерские. Были установлены, научно обоснованы и проверены практикой нормы выработки — 600 клиентов в месяц для работницы солдатского заведения. Благо за клиентами не надо гоняться, они в очереди стоят.

Была установлена стандартная пропорция числа работниц на определенную численность войск. Например, в сухопутных войсках: одна работница на 100 солдат, одна на 75 фельдфебелей и одна на 50 офицеров. А флот, авиация и войска СС имели свой, отличный от других, но строго научный взгляд на организацию этого дела. Тут вводились другие категории заведений: например, в авиации — отдельно для летного состава и отдельно для наземного. И тут были четко определены права и обязанности персонала и клиентов.

Вот она, точность. Вот аккуратность. Главное — все при деле.

Перевернем страницу служебного дневника генерала Гальдера и среди множества вопросов, которыми был озабочен начальник Генерального штаба через 2 дня, 25 июля 1940 года, найдем и такие: «Текущие дела, в том числе вопрос о публичных домах и о заболеваниях лошадей». Листаем дальше. 7 августа: «Подготовка операции на Востоке... Вопрос о публичных домах».

Начальник Генерального штаба в своем служебном дневнике всего лишь упоминает о том, что такие вопросы обсуждались, но не вдается в подробности и не сообщает о принятых решениях. Но решения сохранились. Любопытствующий исследователь может найти их в архивах города Фрайбурга. Всем исследователям настоятельно рекомендую этот удивительный город и его потрясающие военные архивы. Уверен: тот, кто указания и директивы гитлеровского Генерального штаба по вопросам полового обеспечения войск когда-нибудь обработает и опубликует, прославит свое имя в веках.

Это была действительно самая дисциплинированная армия в мире. В ней статьями и параграфами было регламентировано все. Причем инструкции организаторам бардачного дела и

работницам древнейшей профессии исходили прямо от начальника Генерального штаба.

Тут надо честно признать наше отставание. У нас такого бардака не было. И не будем думать, что половым обеспечением германских войск занимались только на уровне Генерального штаба. Бери выше: «Прежде всего, следует следить за тем, чтобы не было случаев совокупления между немцами и поляками». Эту мысль высказал сам «великий сын германского народа» Адольф Гитлер 5 апреля 1942 года (Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера).

Неужто великому стратегу в разгар величайшей войны сразу после разгрома под Москвой заняться больше нечем? Неужто не было других проблем, кроме предотвращения половых сношений между немцами и поляками? И уж если эта проблема тебя так беспокоит, то отнеси ее к разряду второстепенных. Так нет же, Гитлер этому уделяет главное внимание: «Прежде всего, следует следить...»

Но мы сейчас не о том. Мы все еще — об артиллерии, о пушке, которая весила 1448 тонн и звалась «Дора». Орудие назвали именем жены главного конструктора. (Знать, тяжкий был у той бабы характер.)

Перед тем как создавать это чудо, следовало подумать: а как его двигать? Решение нашли вот какое: по двум параллельным железнодорожным путям. Беда в том, что они не везде параллельные. Они то расходятся, то сходятся. Между путями может оказаться и водокачка, и платформа, и целый вокзал. Пути могут уйти в два разных тоннеля или на два разных моста. Да если бы и в один тоннель входили, то все равно такая махина ни в какой тоннель не войдет. Потому пушку делали разборной. Для ствола и других тяжеловесных деталей конструировали особые железнодорожные транспортеры, а на огневой позиции строили две усиленные параллельные железнодорожные колеи и на них собирали орудие.

Еще следовало подумать вот над чем: снаряд весом почти семь тонн нужно вытолкнуть из 32-метрового ствола вверх с начальной скоростью 700 метров в секунду, и он, поднявшись в стратосферу и описав гигантскую дугу, улетит за 40 километров. Прикинем титаническую мощь, которая для этого требуется. Попытаемся представить те динамические нагрузки, которые на него воздействуют, трение снаряда о ствол, давление и температуру в канале ствола.

Что надо сделать для того, чтобы снаряд не разрушился в момент выстрела? Правильно: надо стенки снаряда сделать толстыми. Очень и очень толстыми. Подумали ли об этом конструкторы? Да. Они все точно рассчитали и сделали стенки снаряда толстыми. Но вытащили хвост, а голова увязла. Оттого, что стенки снаряда очень и очень толстые, в снаряд весом почти семь тонн удалось поместить разрывной заряд весом всего лишь 272 килограмма, что составляет 4 процента от общего веса снаряда.

Результат: при стрельбе снаряд пробивал грунт и уходил в землю, образуя ствол диаметром один метр и глубиной 12 метров, на дне которого в результате взрыва образовывалась

каплеобразная полость диаметром три метра.

И это все. Мощи (вернее — немощи) заряда не хватало даже для того, чтобы обеспечить выброс грунта. Потому вреда от этих снарядов было немного. Это вроде как бросать снаряды в бездонное болото: он погружается в трясину, чвак — и ничего более. Ни осколков, ни земляных глыб, ни ударной волны. И даже звук разрыва какой-то неприличный получается.

Представим, что в нас бросили гранату, а она попала в колодец, и там где-то глубоко что-то грохнуло, но нам вреда не причинило. Мы-то — на поверхности.

Ущерб был бы огромным, если бы снаряд «Доры» попадал в железобетонное перекрытие какого-нибудь очень важного объекта. Но в том-то и дело, что держать такую пушку вблизи линии фронта нельзя. Она чрезвычайно уязвима. Эта пушка — открытое, ничем не защищенное, гигантское сооружение видом и количеством персонала сравнимая с нефтеперерабатывающим заводом. Минимальная дальность стрельбы — 25 километров. В любом случае, это стрельба за горизонт. А стрельба за горизонт — это (в те времена) стрельба не по конкретным целям, а по площадям. Попасть в какую-то конкретную цель можно лишь при большом везении, это все равно что выиграть лотерею.

На создание этого орудия были потрачены совершенно невероятные ресурсы, на несколько лет были заняты лучшие производственные мощности, от первоочередных дел отвлечены лучшие артиллерийские конструкторы, инженеры, технологи, тысячи рабочих самой высокой квалификации. Каждая технологическая операция — уникальна.

Попробуйте отлить 32-метровый ствол. Попробуйте его просверлить и нарезать. Для каждой операции разрабатывался уникальный инструмент, который после проведения этой операции больше никому не нужен. Что вы предлагаете делать с алмазным инструментом для сверления в сверхпрочной стали дырки диаметром почти метр?

Генерал-полковник Ф. Гальдер в служебном дневнике 7 декабря 1941 года записал:

«Дора» (орудие большой мощности) калибром 800 мм. Вес снаряда — 7 тонн. Настоящее произведение искусства, однако, бесполезное.

Уроки в прок не шли. Опыт показал, что самоходное орудие «Элефант» (он же — «Фердинанд») весом в 65 тонн на мягком грунте развернуться не может. При развороте одна гусеница идет, а вторую притормаживаем. При таком весе машины и узких гусеницах та гусеница, которую притормаживаем, зарывается в землю, и весь «Фердинанд» садится брюхом в пашню, в грязь или в песок. Потому «Элефанты» в Восточной Европе (да и в Западной тоже) из-за своего огромного веса практически не применимы. После катастрофического дебюта на Курской дуге их пришлось перебросить в Италию на каменистый грунт.

Тем временем по личному приказу Гитлера германские конструкторы работали над танком Е-100 весом в 140 тонн, а доктор Порше, опять же по личному приказу Гитлера, создавал свой «Маус», то есть «Мышь» — танк весом в 188 тонн.

Проблем было множество. Прежде всего, где взять столь мощные двигатели? На Е-100 поставили двигатель «Майбах 234» мощностью 800 лошадиных сил. По тем временам — огромная сила. Но вес-то у танка невероятный. Потому на тонну веса приходилось всего лишь по пять с небольшим лошадиных сил. На «Мышь» поставили двигатель МВ-509 мощностью 1050 л. с., и опять получилась удельная мощность пять с половиной лошадиных сил на тонну веса. Это то, чем они занимались в конце войны и завершить не успели.

Для сравнения: у нашего «устаревшего» БТ-2, принятого на вооружение еще до прихода Гитлера к власти, удельная мощность была в ШЕСТЬ С ПОЛОВИНОЙ РАЗ выше. Двигатель — сердце танка. У гитлеровской «Мыши» было слабенькое сердечко в сравнении с ее непомерным весом, и лучше в данном случае говорить не об удельной мощи, а об удельной немощи. Но главное в другом: эти танки можно было строить малыми сериями, а то и вообще единичными экземплярами.

И еще: европейские мосты того времени редко имели грузоподъемность свыше 40 тонн. Вес в 140, а тем более 188 тонн не выдерживал ни один мост. Вопрос: зачем вам танк, который, выйдя из ворот завода, может дойти только до первой речки, но не дальше?

Генерал-лейтенант Эрих Шнейдер так характеризовал гитлеровский супертанк «Маус»:

В военном отношении он не представлял собой никакой ценности. Конструкция его была разработана Порше и Крупном. Но на испытаниях оказалось, что он не мог пройти ни по одному мосту, служил удобной мишенью и имел недостаточно толстую броню, чтобы без риска подставлять лоб любому противотанковому орудию. На создание экспериментальной модели и на подготовку серийного производства этого танка ушло много ценнейших материалов и труда, которые могли быть использованы для решения других, более срочных задач (Итоги Второй мировой войны. С. 306).

В этом отрывке поражает фраза: «...На испытаниях оказалось, что он не мог пройти ни по одному мосту». Неужто создатели 188-тонной махины не задумывались об этом до испытаний?

Но и это не все. В июне 1942 года выдающийся танковый конструктор Эдвард Гротте получил заказ на разработку танка P1000 Ratte («Крыса»). Основные параметры (вы сидите?):

Вес: 1800 тонн.

Длина корпуса: 35 метров.

Ширина: 14 метров.

Высота по крыше башни: 11 метров.

Оценим. Ради этого соорудим панельный дом хрущевского стиля. Площадь фундамента его составит 35 м х 14 м = 490 квадратных метров. Это дом на два полноценных подъезда. Квартиры в «хрущевках» имели высоту потолков 2,48 м. Учитывая фундамент, перекрытия и плоскую крышу, 11

метров — как раз четыре этажа.

Вот таких размеров строился танк. Перемещать это чудо с завода на театр военных действий было невозможно никаким транспортным средством. Ни один мост выдержать такого веса не мог. Да и где вы видели мосты, по которым ходят танки шириной в 14 метров? И где вы видели тоннели, сквозь которые пролезает четырехэтажный дом?

Если бы он пошел своим ходом, то весьма скоро израсходовал бы ресурс. И как его прикажете возвращать в ремонт? **А как ему** менять гусеницы?

Танк этот — из разряда железных дорог гитлеровской мечты с невероятной широкой колеей и трехэтажными вагонами.

Разработкой танка Р1000 великий танковый конструктор и его коллектив были заняты до самого конца войны. Эти люди знали, что «Фердинанд» весом в 65 тонн — перебор. Из-за своего веса он не пригоден для войны на Восточном фронте. Ему подавай особый театр военных действий и только каменистый грунт. И вот они выполняют приказ — создают танк почти в 30 раз большего веса и невероятных размеров. Неужели им не было ясно, что дальше заводского двора он никуда уехать не сможет?

Думаю, что им все было ясно. Это были люди высочайшей технической квалификации. Это были люди куда более умные, чем я и, быть может, вы.

Но у нас с вами преимущество. Мы — разгильдяи. И у нас хватило бы глупости усомниться в целесообразности такой затеи. А они люди дисциплинированные. У них — приказ. Они приказ выполняли, понимая, что его выполнение вредит разработке других куда более важных и насущных проектов, и это ведет Германию к разгрому.

Заставь дисциплинированною человека богам молиться, конструировать танки или вербовать агентуру...

ГЛАВА 15. О практике управления войсками

Система высшего командования немецкими вооруженными силами вообще была странной.

Генерал-лейтенант Б. Циммерман. Роковые решения. С. 237

1

Гитлеровская армия и государство отличалась от других армий и государств запредельной точностью и аккуратностью. И в то же самое время в германской армии и государстве процветали хаос и разгильдяйство, которых не видывал свет с момента сотворения. Начнем с самого верха.

Гитлер часто необдуманно подписывал указы, противоречащие ранее изданным, создавая тем самым невообразимую сумятицу (Шпеер А. Воспоминания. С. 348).

Он постоянно стремился к тому, чтобы ввести себя и окружающих в заблуждение относительно истинного положения вещей... Он не отдавал себе никакого отчета в том, что говорил и какие решения принимал (Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 613).

Глубоко чуждая его натуре дисциплина отнюдь не способствовала принятию им разумных и взвешенных решений (Шпеер А. Воспоминания. С. 401).

Итак, во главе Германии стоял путаник. Уже одного этого было достаточно для полной анархии. Но кроме этого Гитлер занимал множество должностей: партийных, государственных, военных: он — лидер партии, рейхсканцлер, президент Германии, военный министр, Верховный главнокомандующий вермахта, главнокомандующий сухопутными войсками.

Так было и у Сталина, правда, должностей у него было меньше. Но разница не в количестве должностей. Коренная разница в другом: в каком бы качестве Сталин ни представал — Генеральным секретарем ЦК, председателем Совнаркома, Верховным главнокомандующим, — механизм власти оставался единым. Он скромно именовался «секретариатом т. Сталина».

В любом случае все доклады, доносы, рапорты, донесения, все звонки, все письма на имя Сталина, от посланий Черчилля, Гитлера или Рузвельта и до странных записок от никому не известных людей сходились именно в этот центр и в конечном итоге — к одному человеку. Был это товарищ Поскребышев, который докладывал Сталину и получал от него указания.

У Гитлера каждой должности соответствовала отдельная канцелярия. Личность Гитлера представляли четыре разных структуры. Каждая из них считала себя главной и основной, и от имени фюрера отдавала приказы и распоряжения, не интересуясь тем, что пишут ребята за стеной. Более того, каждая из этих структур считала себя главной, то она старалась действовать вопреки трем остальным: ах, вы такую линию гнете, чихать мы на вас хотели и поступим как раз наоборот.

Но хаос этим не кончался, а только начинался. Непосредственное окружение Гитлера — адъютанты и их жены, секретарши, врачи, пилоты, водители, фотограф, охранники — оказывало определенное влияние на Гитлера, и каждый из них занимался государственными делами, каждый тянул в свою сторону.

Мечту Ленина о кухарках, управляющих государством, немецкие социалисты не сумели осуществить до конца, но в этом направлении они весьма далеко продвинулись. Старший адъютант Гитлера Шмундт, например, одновременно занимал должность начальника главного управления кадров сухопутных войск.

Казалось бы, пусть адъютант занимается своим делом — носит портфель шефа, точит карандаши, а начальник главного управления кадров пусть руководит своим многосложным и чрезвычайно ответственным хозяйством. Но нет — адъютант получает и сдает оперативные карты, носит их за Гитлером в черном портфеле, выполняет мелкие поручения, а между делом назначает и смещает генералов с их постов, присваивает воинские звания, распределяет кадры в войсках, ведет учет выслуги лет, наград и потерь в многомиллионной армии. А еще — ведет свою собственную политику.

Гитлер часами просиживал со своими адъютантами и секретаршами, обсуждая до рассвета свои планы (Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 612).

С секретаршами можно обсуждать множество проблем. И все же они — не стратеги. Стратегические проблемы надо обсуждать в другом кругу.

Постоянный заместитель Гиммлера бригаденфюрер СС Фегелейн, который, женившись на сестре Евы Браун, стал свояком Гитлера, начал бестактно использовать свою близость к фюреру. Личный врач Гитлера Морель, занимавшийся сомнительными гешефтами, и, к сожалению, генерал Бургдорф, ставший после смерти Шмундта начальником управления личного состава сухопутных войск, также не отличались благородством своих поступков.

Эти люди образовали клику интриганов и окружили Гитлера кольцом, которое мешало фюреру узнать всю правду о событиях. Они предавались безудержному пьянству (там же. С. 625).

Министр вооружений и боеприпасов Шпеер сообщает, что в окружении Гитлера его, Шпеера, поддерживали адъютанты и лечащий врач Гитлера Карл Брандт (Шпеер А. Воспоминания. С. 379).

Министру вооружений для того, чтобы решить какие-то свои вопросы, нужна поддержка влиятельных лиц, и он находит ее у врача Гитлера. Но что может знать врач о производстве подкалиберных снарядов, о разработке систем управления баллистических ракет, о силовой передаче и подвеске танка «Тигр-Б»?

А вот в борьбу за влияние на Гитлера включился генерал-полковник А. Йодль:

Для осуществления своего замысла он выбрал полковника авиации Кристиана. Этот сравнительно молодой человек на оперативных совещаниях имел лишь право совещательного голоса, но зато обладал одним неоспоримым достоинством: его жена была непременной участницей устраиваемых Гитлером ночных чаепитий (там же. С. 415).

Ловко задумано: жена полковника ночами пьет чай с Верховным главнокомандующим и выгибает стратегическую линию Третьего рейха в нужную сторону. Сей замысел, конечно, провалился — Гитлер упивался своей болтовней и никого, включая и жену полковника, не слушал. Фраза «обсуждал планы с секретаршами» вовсе не означает, что Гитлер слушал советы секретарш: он просто выбалтывал им свои планы.

Идею влиять на Гитлера через чужую жену осуществить не удалось, но интересен сам подход. Генерал-полковник Йодль — начальник штаба оперативного руководства вермахта, то есть главный создатель гитлеровских стратегических планов. Если он не может убедить Гитлера в своей правоте, то следовало действовать честно и прямо: мой фюрер, моих советов вы все равно не слушаете, потому отправьте меня на фронт, а себе подберите другого советника, которому вы будете доверять и к советам которого будете прислушиваться.

Ан нет — Йодль на фронт не просится и своего места, как и Кейтель, никому не уступает. Ближайший военный советник Гитлера пытается убеждать своего фюрера не блеском аргументов и неотразимой логикой, а окольным путем через чужую жену. Ай да стратегия! А ведь для того, чтобы эта баба (или фрау, если хотите) могла влиять на принятие важных решений, ее следовало посвятить в самые сокровенные стратегические планы вермахта.

Чтобы влиять, она должна быть в курсе самых последних веяний в самом высшем стратегическом руководстве, она должна многое понимать, вникнуть в нюансы. Если бы план удался, то ее, несомненно, посвятили бы в стратегические замыслы, в детали и подробности.

Вот вам уровень разгильдяйства, который нам не снился и в пьяном бреду. Бывало, что гитлеровские планы (например, план операции «Цитадель») попадали на сталинский стол быстрее, чем в штабы германских армий, которым этот план предстояло осуществлять.

За такие достижения надо благодарить не только могущественную сталинскую разведку, но и Гитлера, который рассказывал о своих планах всем подряд. Благодарить надо и всех окружающих Гитлера генералов и фельдмаршалов, которые были готовы доверить высшие военные тайны женам молодых полковников.

В связи с этим еще одно замечание: когда гитлеровские планы ложились на сталинский стол, Сталин не всегда им верил. И мы должны понять сталинское сомнение: легко ли было поверить, что в окружении Гитлера царят преступная халатность и вопиющая безответственность?

Впрочем, в Берлине случались ситуации и более веселые. Доходило до того, что никакой

злопыхатель придумать бы не смог. Сядьте и держитесь за стул; я расскажу нечто более интересное, чем история о запрете на содержание удава.

Итак, личный гитлеровский фотограф Генрих Гофман подробно докладывает фюреру... о ходе ядерных исследований. Но откуда фотографу знать о положении дел в области создания ядерного оружия? (Держитесь крепче!) Оказывается, личный фотограф Гитлера «был дружен с министром почт Онезорге. Тот проявлял большой интерес к проблемам расщепления атомного ядра и — подобно СС — также имел под своим началом научно-исследовательскую лабораторию» (Шпеер А. Воспоминания. С. 379).

Гитлеру следовало хорошенько подумать о том, способен ли министр почт создать ядерный заряд или не способен. Если способен, то следовало освободить его от контроля над сортировщиками писем и приказать заниматься только созданием ядерного оружия. Если не способен, следовало влепить ему выговор с предупреждением, чтобы народные деньги зря не тратил и почтальонов от дел не отрывал. А ядерные исследования проводить не на главном почтамте Берлина, а в подходящем для такого дела месте и поставить на это людей более сведущих, чем главный почтмейстер.

Если бы стало известно, что у Сталина каждый, кому не лень, начиная с народного комиссара связи, создает свое собственное ядерное оружие, что министр докладывает фотографу, который, в свою очередь, подробно излагает суть возникающих проблем Верховному главнокомандующему, то над нами смеялось бы все прогрессивное человечество. Этот анекдот переписывали бы из одной диссертации в другую.

Но вот загадка: мемуары Шпеера переведены на все языки, примеры вроде этого — почти на каждой странице, один смешнее другого. И никто не смеется. И все повторяют, что Гитлер был к войне готов, что был он умен и страшен, а Сталин — не готов, потому что глуп и труслив, что все у немцев было отработано и отлажено, что у них — порядок, а у нас — сплошная дурь и глупость.

2

Пока руководители органов высшей военной власти Германии, начиная с начальников Генеральных штабов, лично подписывали инструкции о соблюдении образцового порядка в бардаках, в органах высшей военной, политической и административной власти свирепствовал небывалый, невиданный нигде в мире бардак.

Я не ошибся, когда о Генеральном штабе написал во множественном числе: у Гитлера их было три. Вооруженные силы Германии были разделены на три вида вооруженных сил, каждый из которых имел свое главное командование:

• Верховное командование сухопутными войсками — ОКХ (нем. Oberkommando des Heeres),

- Верховное командование люфтваффе (военно-воздушными силами) ОКЛ (нем. Oberkommando der Luftwaffe),
- Верховное командование кригсмарине (военно-морским флотом) ОКМ (нем. Oberkommando der Marine).

Каждый из трех главнокомандующих имел свой собственный Генеральный штаб и сам планировал войну. Кроме того, было независимое от всех командование войск СС со своим собственным штабом. Каждый видел ситуацию со своей колокольни, каждый отдавал свои приказы. И не надо иметь буйной фантазии, чтобы представить последствия. Вот результат, один из многих тысяч. Вот какую историю рассказал бывший командующий 3-й танковой группы генерал-полковник Г. Гот (Танковые операции. С. 69).

22 июня 1941 года. Внезапный всесокрушающий удар германских войск. 19-я танковая дивизия 57-го танкового корпуса 3-й танковой группы пересекла советскую границу и стремительно уходит вперед. Вслед за 19-й танковой дивизией идут колонны 8-го авиационного корпуса — две тысячи автомашин, в том числе — тяжелые грузовики с телеграфными столбами.

Через несколько часов движения танковым подразделениям требуется привал: дозаправка, проверка двигателей, радиаторов, масляных фильтров и так далее. Танковая дивизия остановилась на обочинах лесных дорог. Этим воспользовались транспортные подразделения авиации — они обогнали танковые колонны и рванули вперед на противоположный берег Немана. (У них-то свои планы!)

Вскоре они попали на плохой участок дороги и застряли. Дороги — песок. Обойти нельзя — кругом лес. Сидят в песке по самые оси машины с телеграфными столбами, а все, кто позади, включая танковую дивизию, загорают на солнышке. И весь блицкриг застопорило. Прямо 22 июня.

Говорят, песок виноват. Тут не возразишь. Но, черт побери, действие происходит на территории, которая совсем недавно была единым государством — независимой Польшей. Условия по обе стороны границы одинаковые. Что по ту сторону границы, что по эту — тот же лес, та же дорога и тот же песок. Неужто трудно провести до начала войны маневры и посмотреть, что будет, если тыловые подразделения авиации попрут вперед танковых дивизий? Неужто трудно это сообразить без маневров? Неужто непонятно, что колонны тыловых подразделений не могут, не должны, не имеют права лезть вперед танковых частей?

И нужно ли объяснять, что вооруженные силы не могут иметь сразу ТРИ Генеральных штаба? Разве трудно понять, что если войну одновременно планируют ТРИ разных штаба, то последствия такого планирования неизбежно приведут к хаосу, путанице и поражению?

вынуждена вести одновременно четыре разных войны. Три разных Генеральных штаба и командование СС не координировали свои действия. Каждый для себя разворачивал свои собственные системы управления и связи. Образно говоря, каждый для себя тащил телеграфные столбы.

Мы подробно обсудили негативные последствия поспешных и плохо продуманных оперативных приказов и пришли к выводу, что штаб Верховного главнокомандования в значительной степени утратил контроль над ситуацией. Генерал Фельгибель рассказал, что наличие у каждого из родов войск собственной системы связи требует использования неимоверного количества обслуживающих их солдат и огромных дополнительных расходов. Он пытался доказать Гитлеру, что, даже если отбросить заботу об экономии, все равно гораздо разумнее было бы проложить, скажем, от Афин или Лапландии не две линии связи, соединяющие дислоцированные там соединения Сухопутных войск и Военно-воздушных сил с их высшими командными инстанциями, а одну, но гораздо более мощную и способную выдержать любую перегрузку. Гитлер категорически отверг его предложение (Шпеер А. Воспоминания. С. 506).

Но дело даже не в том, что у каждого вида вооруженных сил были собственные системы и органы управления, связи, снабжения, обеспечения, начиная от Генерального штаба и кончая внутриведомственными походно-полевыми бардаками. Комедия состояла в том, что «каждый вид вооруженных сил действовал самостоятельно» (Генерал-лейтенант Циммерман Б. Роковые решения. С. 254).

Каждый, кто изучает историю вермахта, неизбежно в основу своих изысканий должен был положить капитальный трехтомный труд «Сухопутная армия Германии 1933–1945», который написал генерал-майор Мюллер-Гиллебранд. Это основа основ. Это классика. И начинается этот свой труд с уничтожающей критики структуры высшего военного руководства, которая попросту не позволяла эффективно руководить страной и ее вооруженными силами.

Жесткое руководство в связи с наличием множества независимых друг от друга властей (начальники корпусных округов, начальники военно-воздушных округов, председатели правительств земель, гаулейтеры, областные представители генерального уполномоченного фюрера, начальники органов СС и т.д.) было очень затруднено (Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933-1945. Т. 1. С. 30).

Неразбериха в высших органах государственной власти (там же. Т. 1. С. 31).

Коренные ошибки в сотрудничестве высшего политического и военного руководства привели к катастрофическим последствиям. Они были вызваны совершенно недопустимой организацией высших органов руководства Германией и крайне нечетким разграничением ответственности внутри них. Эти тяжелые ошибки не могли быть компенсированы ни еще большими усилиями в строительстве вооруженных сил, ни способностями командного состава, ни боевыми качествами войск (там же. Т. 1. С. 162).

4

У Сталина система управления была простой, понятой, эффективной. Организационная единица — фронт. Против Германии в начале войны действовало пять советских фронтов, в конце войны — десять. Во главе каждого фронта — командующий и штаб. В составе фронта — несколько общевойсковых и танковых армий и своя собственная авиация: несколько авиационных дивизий и корпусов или целая воздушная армия.

Командующий фронтом и его штаб планируют и направляют боевые действия как общевойсковых и танковых армий, так и своей авиации. Каждый советский фронт — это единый механизм, состоящий из объединений сухопутных войск и авиации. Поэтому и авиация, и сухопутные войска действуют по единому замыслу и плану. Фронт имеет единую систему управления и боевого обеспечения. Война — это перманентный кризис. Вам все время чего-то не хватает: солдат, офицеров, средств связи, боеприпасов, топлива, транспорта и так далее. Всего в избытке бывает только в день победы. А до того дня надо постоянно покрывать нехватку за чей-то счет. Советская система управления войсками позволяла это делать, ибо все находилось под контролем одного командующего и его штаба.

Если танкисты, пехота и артиллерия стоят в глухой обороне, а авиация ведет напряженные воздушные бои, значит командующий фронта все свои средства направляет на обеспечение действий авиации: на нее будут работать системы связи, транспорт и все остальное. А если стрелковые и танковые корпуса пошли вперед, а погода не позволяет авиации работать, как было в первый день Сталинградской стратегической наступательной операции, значит все средства фронта — танкистам, пехоте, артиллерии.

Ничего подобного в гитлеровской армии не было. Если в данный момент в каком-то месте у летчиков горючего в избытке, а танкистам его не хватает (или, наоборот, у танкистов — избыток, у летчиков — недостаток), то не существовало никакого механизма, который позволял бы об этом узнать, а тем более этот ресурс перераспределить: сухопутные войска воюют под одним командованием, авиация — под другим.

И все же главное в другом. В Красной Армии взаимодействие разных видов вооруженных сил осуществлялось ПРИКАЗОМ.

Пример: 15-16 июля 1944 года войска 1-го Украинского фронта прорвали оборону противника в

районе Тернополя. Образовалась брешь в немецкой обороне — так называемый Колтовский коридор шириной 4-6 километров и длиной 18 километров. Это «чистый» прорыв, но слишком узкий и длинный. Коридор насквозь простреливается германской артиллерией с двух сторон. Расширить коридор не удается. Командующий 1-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза Конев принимает решение ввести в прорыв 3-ю гвардейскую танковую армию.

Номер смертельный — танковая армия на одном маршруте под перекрестным артиллерийским огнем с двух сторон. Для обеспечения ввода танковой армии в прорыв командующий фронтом дополнительно бросает в сражение два танковых корпуса, крупные силы артиллерии и поднимает в небо 2-ю воздушную армию.

Воздушной армии приказ: обеспечить полное господство в воздухе в районе прорыва и подавить фланговые группировки противника. 16 июля 1944 года в небе над Колтовским коридором одновременно работали шесть советских авиационных корпусов и три отдельных авиационных дивизии.

Главный принцип стратегии— концентрация. Концентрация мощи против слабости. Вот применение принципа концентрации в чистом виде!

3-я гвардейская танковая армия прошла через коридор и вырвалась на оперативный простор. И тогда Маршал Советского Союза Конев принимает решение вводить через Колтовский коридор еще одну танковую армию, 4-ю. Две танковые армии, одна за другой, двигаются по одному маршруту. Такого история войн еще не знала. Риск чрезвычайный, но и результат соответствующий.

Через 13 дней, 29 июля 1944 года, Маршал Советского Союза Конев Иван Степанович был удостоен звания Героя Советского Союза, получил свою первую Золотую Звезду и свой первый орден Ленина. Через игольное ушко, гласит народная мудрость, невозможно протащить даже одного тощего верблюда. Конев протащил две танковые армии! Это настоящий героизм! Своей звезды маршал был полностью достоин.

Маневр Конева стал возможен только потому, что командование сосредоточено в одних руках. Один человек решает все, и он же несет полную ответственность за свои решения.

Речь, однако, не о нем. Речь о германской армии. Организационная единица сухопутных войск вермахта — группа армий, авиации вермахта — воздушный флот. Воздушные флоты взаимодействовали с группами армий, поддерживали их. Повторяю: взаимодействовали и поддерживали.

Группы армий подчинялись Гитлеру, воздушные флоты — Герингу. Воздушный флот поддерживал группу армий, но не входил в ее состав. Командующий группой армий не имел никакой власти над воздушным флотом, который действовал в данном районе. Он не мог ПРИКАЗАТЬ. Он мог ДОГОВОРИТЬСЯ.

Вернемся к нашему примеру — прорыву двух советских танковых армий через Колтовский

коридор. Коневу противостояла германская группа армий «Северная Украина», которую поддерживал 4-й воздушный флот. Задача Конева — вывести две танковые армии на оперативный простор¹⁰. Он ПРИКАЗЫВАЕТ командующему 2-й воздушной армии прорыв обеспечить. Тот отвечает «Есть!» и действует.

Коневу противостоит генерал-полковник Йозеф Гарпе, командующий группой армий «Северная Украина». Его задача прямо противоположная: не позволить советским танковым армиям вырваться на оперативный простор. Он должен остановить их в Колтовском коридоре. Единственная возможность — поднять в воздух 4-й воздушный флот. Но власти над воздушным флотом у него нет. Он может ПРОСИТЬ, УГОВОРИВАТЬ, может ДОГОВОРИТЬСЯ. Но не может ПРИКАЗАТЬ.

Командующий 4-м воздушным флотом имеет полное право командующего группой армий попросту послать. Отношения между командующим группой армий и командующим воздушным флотом — это отношения посторонних людей на улице. На просьбу о помощи можно ответить. Но можно и не ответить.

Если командующий воздушным флотом не захочет выполнить ПРОСЬБУ командующего группой армий «Северная Украина» (что и случилось в данном случае), тогда цепочка коммуникаций значительно удлиняется: генерал-полковник Гарпе должен звонить Гитлеру и объяснять ситуацию. Гитлер должен приказать Герингу. Геринг своей властью отдает приказ 4-му воздушному флоту действовать.

Пока командующий группой армий «Северная Украина» из Львова звонил Гитлеру в «Волчье логово» (а Гитлер приказал его не тревожить), пока Гитлер связался с Герингом (а тот был не в себе), пока приказ Теринга возвращался во Львов к командующему 4-м воздушным флотом, Львов был окружен и взят.

Теперь события развиваются в обратном порядке. Самолеты 4-го воздушного флота поднялись в воздух и улетели. Но воздушный флот имеет огромные запасы и столь же огромные наземные тыловые подразделения. Они беззащитны. Их надо спасать. Командующий 4-м воздушным флотом обращается к командующему группой армий «Северная Украина»: спасай, соседушка! А тот ему вежливо: дозвонись до Геринга, пусть он разбудит Гитлера, Гитлер мне прикажет, и я тебе непременно помогу!

Оттого, что в Красной Армии воздушные армии были составной частью фронтов, командующий фронтом при отступлении был обязан спасать тыловые части авиации — это ЕГО авиация. Собственная. Он ею командовал и он за нее отвечал. А в германской армии командующие группами армий воздушными флотами не командовали и за них не отвечали: спасайтесь, ребятки, сами.

В германской армии сухопутные, авиационные и флотские командиры, а также командиры

¹⁰ Выход на оперативный простор — развитие наступления в тыл противника и по его флангам в зоне прорыва. — Примеч. ред.

войск СС должны были между собой СГОВАРИВАТЬСЯ. Как на базаре. Это не военный подход. И такая армия победить не могла.

5

В Красной Армии над всеми фронтами и флотами — Ставка Верховного Главнокомандующего (СВГК). Это сам Сталин и группа выдающихся (это действительно так) полководцев, с которыми Сталин держит совет и которых может послать туда, где в данный момент решается судьба войны.

Ничего равного этому органу у Гитлера не было. Рядом с ним не было талантливых полководцев, и их не могли заменить адъютанты и секретарши. Теоретически только они могли подсказать Гитлеру гениальное решение, и только они могли его поправить. На практике этого не делал никто.

Рабочим органом сталинской Ставки является Генеральный штаб, который собирал и анализировал все сведения, готовил решения для Ставки ВГК и после их утверждения контролировал исполнение.

Маленький нюанс — в Красной Армии существовал командующий ВВС, который имел свой штаб. Однако его положение и круг ответственности были четко определены. Командующий ВВС, его управление и штаб занимались подготовкой кадров, формированием и укомплектованием авиационных соединений, обобщением боевого опыта и еще множеством самых разнообразных задач и вопросов, кроме одного — они не занимались планированием боевых действий. Все боевое планирование шло по прямой и четкой линии: Ставка ВГК и Генеральный штаб передают приказы командующим фронтам и их штабам.

А у Гитлера — три главнокомандующих видами вооруженных сил и три разных Генеральных штаба.

Было явной ошибкой ставить во главе каждого вида вооруженных сил командующего. Деление вооруженных сил на составные части (сухопутные войска, военно-морские и военно-воздушные силы) является целесообразным лишь с точки зрения организации боевой подготовки, оснащения их вооружением и техническими средствами и т.д. и не вызывается необходимостью их раздельного оперативного использования (Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933-1945. Т. 1. С. 129).

Результат: в Норвегии находятся соединения германской авиации, флота и сухопутных войск. Всем им, работающим вместе и выполняющим в принципе единую боевую задачу, поступают из Берлина разные указания из трех разных Генеральных штабов. А войскам СС, находящимся там же, поступают приказы из того же Берлина, но только совсем из другого штаба. То же самое происходит в Африке. И в Греции. И в Италии. И в Советском Союзе, и во Франции. Далее — везде.

Как же организовать взаимодействие трех независимых Генеральных штабов и командования войск СС? Гитлер придумал: поставить над ними еще два штаба, но так, чтобы они тоже друг другу не подчинялись, а были бы независимыми. И великую идею претворяли в жизнь.

Так родился штаб Верховного главнокомандования вермахта, во главе которого стоял генералфельдмаршал Вильгельм Кейтель, и штаб оперативного руководства вермахта, во главе которого стоял генерал-полковник Альфред Йодль.

Именно Йодль как начальник штаба оперативного руководства Вермахта должен был координировать военные действия на всех фронтах. Но Гитлер демонстративно взял эту задачу на себя, однако так толком и не занимался ее выполнением. В сущности, Йодль не обладал четко определенными полномочиями. Желая вообще получить хоть какое-то поле деятельности, его штаб взял на себя руководство операциями на отдельных фронтах. В результате Гитлер оказался как бы между двумя конкурирующими генеральными штабами... Чем хуже становилось положение, тем ожесточеннее эти штабы спорили между собой (Шпеер А. Воспоминания. С. 336).

Система управления вооруженными силами Германии, а также наукой, экономикой, внешней и внутренней политикой, захваченными территориями и так далее была воистину удивительной.

Именно это слово используют германские генералы и фельдмаршалы.

Прямо-таки удивительная организация управления войсками на южном крыле Восточного фронта германской армии. Группа армий «А» вообще не имела своего собственного командующего. Ею командовал «по совместительству» Гитлер (Манштейн Э. Утерянные победы. С. 353).

Между некоторыми штабами систему подчинения установить было вообще невозможно потому, что они подчинялись одному человеку.

Вот ситуация в 1942 году. Штаб группы армий «А» выполняет приказы своего командующего, которым является Адольф Гитлер.

Выше находится Генеральный штаб сухопутных войск. Он выполняет приказы главнокомандующего сухопутными войсками, которым является Адольф Гитлер.

Еще выше — штаб оперативного руководства вермахта. Он выполняет приказы Верховного главнокомандующего, которым является Адольф Гитлер.

А над ними— штаб Верховного главнокомандования вермахта, который тоже выполняет приказы Верховного главнокомандующего, которым является Адольф Гитлер.

Все эти штабы получали указания непосредственно от Гитлера, и это обстоятельство делало их примерно одинаковыми по значению. Начальник каждого из этих штабов получает приказы от Гитлера, потому просто не может и не должен подчиняться какому-то Кейтелю или Йодлю.

Когда Адольф Гитлер находится в роли главнокомандующего сухопутными войсками, то он отдает приказы, не считаясь с мнением Верховного главнокомандующего, того же самого Адольфа Гитлера. А когда опускается на ступень ниже, превращаясь в командующего группой армий «А», то перед ним открывается вид с более низкой колокольни, и он отдает другие приказы, теперь уже игнорируя самого себя и как Верховного главнокомандующего, и как главнокомандующего сухопутными войсками. Нижестоящие штабы, получая указания непосредственно от Гитлера, игнорировали указания более высоких штабов и были совершенно правы.

В течение дня, а то и часа, Гитлер, не выходя из своего бункера, превращался то в командующего группой армий «А», то в Верховного главнокомандующего, то в главнокомандующего сухопутными войсками. Каждый раз он смотрел на ситуацию как бы с другой колокольни: то с высокой, то с низкой, то со средней. Беда (для Германии) состояла в том, что разным штабам Гитлер давал разные указания в зависимости от высоты колокольни, на которой находился в данный момент. И между штабами возникала грызня, которую Гитлер остановить не мог потому, что был вынужден спорить с самим собой, ибо разные штабы выполняли не чьи-то, а его собственные указания.

Гитлер проявил полнейшую беспомощность, ибо никак не мог выбрать один из двух вариантов. Он поддерживал то одну, то другую сторону и издавал противоречащие друг другу приказы (Шпеер А. Воспоминания. С. 531).

Гудериан эту организацию называет «нагромождением штабов». Любые его попытки сделать систему высшего военного руководства простой, понятной и работоспособной провалились. Навести хоть какой-то порядок в этом сумасшедшем доме пытались Манштейн, Браухич и другие. Но порядка не получалось, хаос усиливался.

Плохая организация наших верховных военных органов и еще более плохой подбор людей на руководящие посты... существование различных инстанций — Верховного командования вооруженных сил, штаба оперативного руководства вооруженными силами, главного командования сухопутных войск, главного командования военно-морских сил, командования войск СС, министерства вооружения и боеприпасов — создает путаницу в руководстве вооруженными силами (Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 405).

Гитлеру было мало всего этого безобразия, и он вмешивался в управление войсками и на более низком уровне. В Сталинграде воюет 6-я германская армия. Она подчинена группе армий «Б».

В результате вмешательства Гитлера штаб группы армий оказался в значительной мере отстраненным от руководства действиями 6-й армии (Манштейн Э. Утерянные победы. С. 354).

Полная анархия и неразбериха в органах высшего военного руководства вела к неизбежному поражению.

Отсутствие четкой субординации приводит к полнейшей безответственности (Шпеер А. Воспоминания. С. 529).

Потому в войска поступали удивительные приказы. Манштейн идет на Ленинград, а ему передают множество самых разных приказов, которые противоречат друг другу и отменяют ранее поступившие распоряжения.

Даже я как командир корпуса не мог ничего понять в этих вечных переменах... Не было ясно, какую оперативную цель мы преследуем, в чем заключается смысл всех этих боев (Манштейн Э. Утерянные победы. С. 211).

А Гудериан идет на Москву. 10 октября 1941 года в штаб 2-й танковой группы, которой он командует, приходит приказ: овладеть Курском; очистить котел в районе Трубачевска; завершить окружение котла, образовавшегося северо-восточнее Брянска; нанести удар по Туле. Все выполнить одновременно и немедленно. Начальник штаба танковой группы запросил вышестоящий штаб о степени срочности выполнения этих указаний: что важнее — удар на Курск, на Тулу, на Брянск или котел в районе Трубачевска? Ответа на запрос не поступило: в вышестоящих штабах сидели генералы, которые не задумывались над приказами, которые сами отдавали войскам.

Но ведь и это не все. Помимо штабов и правительства существовал еще и Совет министров по обороне государства, созданный 30 августа 1939 года. Председатель — Геринг. Это еще одна из его многочисленных должностей — и еще одна бюрократическая опухоль на теле государства, еще один источник ценнейших указаний, еще один центр, создающий хаос и неразбериху. Появление этого органа привело к тому, что «Верховное командование вооруженных сил в значительной мере утратило свое влияние на высший орган руководства страны» (Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945. Т. 2. С. 31).

5

Сухопутные войска, авиация и флот вели войну на свой лад. Каждый считал себя важнее других и тянул одеяло на себя, как мог. Геринг набрал в авиацию столько людей, что им попросту было нечего делать. Самолетов мало, а бездельников много. Потому организацию военновоздушных сил многие гитлеровцы, начиная с Геббельса, называли ублюдочной и рахитической. Но Геринг упорно не желал отдавать этих офицеров и солдат сухопутным войскам, где людей катастрофически не хватало.

Гитлер по своему слабоволию и малодушию приказывать Герингу не смел. Война требовала крови, мяса и жизней, а сотни тысяч отборных откормленных геринговских лентяев расслаблялись на тыловых аэродромах. Но вот пропели жареные петухи, и этих людей все равно пришлось посылать в

бой. Но Геринг упирается.

Что может сделать Гитлер? Не может же он приказать.

Было подсчитано, что бездельников в BBC — миллион двести тысяч. Армия требовала передать их в свои ряды. Геринг упрямился. Он сумел снизить число передаваемых в сухопутные войска до миллиона, затем — до семиста тысяч. Когда с этим согласились, он решил торговаться дальше и снизил это число до полумиллиона, затем до трехсот и, наконец, до двухсот тысяч.

В ВВС больше миллиона тунеядцев, но попадет на фронт только один из шести. Но и тут Геринг продолжал упорствовать. И своего добился. Гитлер пошел на уступки. Получился компромисс под названием «авиаполевые дивизии».

Напрашивалось простое, понятное, логичное решение: двести тысяч солдат и офицеров передать в состав сухопутных войск и распределить по боевым дивизиям. В этом случае никогда не воевавшие люди попадут в крепкие сколоченные коллективы фронтовиков под командование опытных командиров. Если пехотное отделение пополнили двумя-тремя ранее не воевавшими солдатами из авиации, то они быстро освоятся в новой обстановке и вскоре станут настоящими бойцами.

Но этот вариант Геринга не устраивал. В этом случае двести тысяч солдат выходили из-под его командования. А Геринг их отпускать не хотел: если отдашь их сухопутным войскам, как же с них после этого деньги на подарки Герингу собирать?

Вот и возникли двадцать авиаполевых дивизий. Что это такое? Это Геринг решил самостоятельно вести войну на сухопутных театрах военных действий. Созданные дивизии — пехота, но они укомплектованы личным составом авиации. В каждой из этих дивизий все, от командира и начальника штаба дивизии до самого последнего рядового, не имели никакого опыта войны, а учиться им было не у кого: в каждой дивизии все десять тысяч человек — неопытные люди, которые не знают, чем отличается основная огневая позиция от запасной.

В январе 1943 года, когда под Сталинградом была потеряна 6-я армия, на южный участок Восточного фронта были направлены три такие злосчастные дивизии, из которых две после их прибытия по железной дороге в пункт выгрузки оказались не в состоянии ни сосредоточиться, ни вступить в бой, потому что их командование не было обучено выполнению этих тактических задач. Дивизии исчезли (там же. Т. 3. С. 101).

Но это — присказка. Главное заключалось в том, что авиаполевые дивизии вели боевые действия вместе с обычными дивизиями сухопутных войск, но оставались в подчинении ВВС. И до этого ВВС вели свою войну, флот — другую, сухопутные войска — третью. Это могло кончиться только катастрофой. Но теперь ситуация еще более усложнилась — теперь на сухопутных фронтах воевали дивизии сухопутных войск, которые подчинялись своему Генеральному штабу, имели свои линии

связи и системы снабжения и комплектования, а между ними воевали дивизии Геринга, которые выполняли совсем другие приказы и инструкции, имели свои линии подчинения и боевого обеспечения.

Жареные петухи пели свою песню, и Герингу приходилось переводить в авиаполевые дивизии новые десятки и сотни тысяч людей, которым в ВВС было решительно нечего делать. Количество пехотных дивизий Геринга возросло до 32. Некоторые из этих дивизий шли на фронт под названием парашютных, но они таковыми не являлись. Это был просто наземный персонал аэродромов. Для управления таким количеством дивизий пришлось создавать корпуса. И их создали. Пример: парашютно-танковый корпус «Герман Геринг». Он состоял из парашютно-танковой дивизии «Герман Геринг» и парашютно-моторизованной дивизии. Догадайтесь, как она называлась? Правильно: тоже «Герман Геринг» (там же. Т. 3. С. 402).

Парашютно-танковый корпус — это бред. Танковые части легко сочетаются с подразделениями боевых вертолетов и десантно-штурмовыми частями, которые вертолетами перебрасываются. Но в то время не было ни боевых, ни транспортных вертолетов, а объединять танковую мощь и парашютно-десантную легкость в единую организационную структуру просто нет смысла — это помесь дикого гуся с носорогом.

И во флоте людей тоже было в избытке. К 1944 году флот был практически уничтожен, и тысячам немецких матросов делать было нечего. Их отправляют на фронт, объединив в морские пехотные дивизии. У нас было нечто подобное: флоты, особенно Тихоокеанский, фактически бездействовали, потому в критический момент по приказу Сталина моряков снимали с кораблей, формировали морские стрелковые бригады и бросали в бой.

Разница в том, что это все-таки бригады, но не дивизии. Кроме того, командный состав этих бригад еще при формировании разбавляли сухопутными офицерами, в основном — фронтовиками из госпиталей. Но главное в другом: советские морские стрелковые бригады сразу, полностью и навсегда передавались в состав сухопутных войск. А у Гитлера морские пехотные дивизии, как и авиаполевые, формировались полностью однородными и комплектовались совершенно неопытным составом. И что самое главное, морские пехотные дивизии воевали на сухопутных фронтах, но оставались в подчинении флота.

Описать всю глупость гитлеровской структуры управления войсками мне не дано — это бесконечная, бездонная, неисчерпаемая тема. Еще только один пример. Помимо всех прочих существовали еще и войска СС. Они имели собственное командование, свою структуру, свою форму одежды, свою систему комплектования, управления, снабжения, свою систему воинских званий и собственные знаки различия, собственный штаб войск СС. Это была особая организация, которая вооруженным силам не подчинялась.

Рейхсфюрер СС постоянно стремился к показному обособлению войск СС от

вооруженных сил (там же. Т. 3. С. 217).

Войска СС были разнообразными и огромными. Общее количество корпусов СС — 18, включая четыре танковых корпуса СС и два горноегерских корпуса СС. Общее количество дивизий СС — 43. В их числе — танковые, гренадерские, егерские, кавалерийские, горнострелковые, пехотные, полицейские и другие дивизии, в том числе:

- 8-я кавалерийская дивизия СС «Флориан Гейер»,
- дивизия личной охраны СС «Адольф Гитлер»,
- 21-я горнострелковая дивизия СС «Скандербег»,
- 16-я моторизованная дивизия СС «Рейхсфюрер СС»,
- дивизия СС «Мертвая голова»,
- 36-я гренадерская дивизия СС.

Гиммлер даже имел в своем подчинении 6-ю танковую армию СС. Кроме войск СС под дисциплинарным контролем рейхсфюрера СС (то есть под управлением СС) находились 50 дивизий фольксштурма¹¹ (там же. Т. 3. С. 262). Всего в прямом подчинении Гиммлера было 93 дивизии. Для сравнения: в разгар «холодной войны» в Центральной Европе все страны НАТО имели 22 дивизии.

50 дивизий фольксштурма — это пародия на воинские формирования. Но дивизии СС, корпуса СС и 6-я танковая армия СС — это элита вермахта. Солдаты этих дивизий вышли ростом и лицом, красиво смотрелись в черной форме с серебряными кантами и нашивками. Но были и проблемы. Будущий генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн вступил на советскую территорию командиром корпуса, в составе которого находилась лучшая дивизия СС «Мертвая голова». Манштейн характеризует ее положительно и продолжает:

Но все эти качества не могли возместить отсутствия военной подготовки командного состава. Дивизия имела колоссальные потери, так как она и ее командиры должны были учиться в бою тому, чему полки сухопутной армии давно научились. Эти потери, а также и недостаточный опыт приводили в свою очередь к тому, что она упускала благоприятные возможности и неизбежно должна была вести новые бои, ибо нет ничего труднее, как научиться пользоваться моментом, когда ослабление силы сопротивления противника дает наступающему наилучший шанс на решающий успех. В ходе боев я все время должен был оказывать помощь дивизии, но не мог предотвратить ее сильно возраставших потерь. После десяти дней боев три полка дивизии пришлось свести в два.

¹¹ Фольксштурм (нем. Volkssturm) — отряды народного ополчения Третьего рейха, созданные в последние месяцы Второй мировой войны для отражения наступления союзников на территории Германии по приказу Адольфа Гитлера от 18 октября 1944 года о тотальной мобилизации всего мужского населения в возрасте от 16 до 60 лет, не состоящего на военной службе. — Примеч. ред.

Как бы храбро ни сражались дивизии войск СС, каких бы прекрасных успехов они ни достигли, все же не подлежит никакому сомнению, что создание этих особых военных формирований было непростительной ошибкой. Отличное пополнение, которое могло бы в армии занять должности унтер-офицеров, в войсках СС так быстро выбывало из строя, что с этим никак нельзя было мириться. Пролитая ими кровь ни в коей мере не окупалась достигнутыми успехами. Понятно, что нельзя в этом упрекать войска. Вину за эти ненужные потери несут те, кто формировал эти особые соединения из политических соображений вопреки возражениям всех авторитетных инстанций сухопутной армии... Несомненно, большая часть состава войск СС приветствовала бы выход их из подчинения Гиммлера и включение в состав сухопутной армии (Манштейн Э. Утерянные победы. С. 197).

6

Любые сравнения с советской практикой управления войсками не в пользу Германии. У нас — войска НКВД, у них — войска СС. Между ними много общего: это карательные войска, их задача — массовое истребление людей, охрана концлагерей, конвоирование пленных, охрана правительства и важнейших объектов государственного управления, охрана тылов действующей армии.

Разница состояла в том, что во время войны войска НКВД стояли позади частей Красной Армии, не позволяя отходить без приказа или подбадривая наступающие части пулеметными очередями в спину. В боях части НКВД участия практически не принимали. Есть несколько исключений, когда фронт Красной Армии был прорван, и частям НКВД, которые стояли в тылах, приходилось вынужденно вступать в бой, но при первой возможности этих тыловых героев отводили с фронта на выполнение свойственных им задач — на борьбу с врагами внутренними.

А войска СС активно воевали на фронте. Это были самые лучшие войска Германии. Но именно это и создавало проблемы. Вот рядом воюют три немецкие танковые дивизии: одна из сухопутных войск, другая из ВВС, а третья из СС. Три дивизии получают приказы и инструкции не из единого центра, а из трех разных центров.

У нас танковые войска — единый род войск. Сидел в Москве товарищ Федоренко со своими ребятами, изучал опыт боевого применения танковых войск, обобщал его, собирал сведения об их запросах и потребностях, вырабатывал рекомендации и инструкции, совершенствовал структуру и систему боевой подготовки.

А в Германии были не единые танковые войска, а три враждебных друг другу танковых племени. И отношение между ними — как между гвардейцами кардинала и мушкетерами короля. Каждое из этих племен изучало только свой опыт, готовило кадры для себя, снабжало лишь себя.

И было на войне четыре разных германских пехоты: пехота сухопутных войск Гитлера,

авиаполевая пехота Геринга, пехота СС Гиммлера, да еще и пехота из моряков, подчиненная Дёницу. И четыре разных артиллерии. И две разных кавалерии. И так далее и так далее.

Ситуация: во-первых, вооруженные силы искусственно разделены на три составляющих, что мешает их эффективному использованию.

Во-вторых, сухопутные войска, в свою очередь, разделены на четыре составляющих. Летописец организационного развития германских вооруженных сил генерал-майор Мюллер-Гиллебранд неоднократно в своем исследовании такое положение вещей характеризует одним словом: распад.

Для управления всеми этими силами создавались и плодились штабы невероятных размеров в невероятных количествах. Только два штаба — один под управлением Кейтеля, другой — Гудериана, — это 54 тысячи генералов и старших офицеров, не считая охраны и обслуги. Штабы множились и становились раковыми опухолями на теле вермахта:

Едва только была восстановлена норм**альная связь, как на нас обрушился** бумажный поток (там же. С. 206).

И чем больше приказов, инструкций и распоряжений писали штабы, тем быстрее распространялась анархия. Помимо штабов, инструкции писали партийные канцелярии, гауляйтеры, министры, уполномоченные и еще многие и многие другие. Эффект был обратным:

На приказы и директивы из *Берлина все чаще и чаще не обращали внимания* (Шпеер А. Воспоминания. С. 558).

Летом 1944 года Шпеер писал Гитлеру:

Американцы и русские добились таких поразительных результатов именно благодаря предельно упрощенным формам организации своей хозяйственной жизни, в то время как мы сильно отстаем от них из-за чрезмерно сложной системы государственного регулирования экономики. Эта война является одновременно борьбой двух систем. Если МЫ V себя ввели систему чрезмерной заорганизованности, противник отдал предпочтение искусству mo наш импровизации. И если мы не найдем ей замену, то потомству придется только констатировать: мы проиграли войну, ибо наша изжившая себя, скованная традициями и потерявшая гибкость система потерпела полный крах (Шпеер А. Воспоминания. С. 298).

Под конец войны даже Геббельс признал превосходство советской системы управления над немецкими пирамидами распоряжений, приказов и инструкций:

Для оккупации Румынии нам потребовалось в свое время 240 тысяч человек, в то время как Советы, как достоверно сообщают, довольствуются четырьмя дивизиями НКВД. Этого вполне достаточно. Мы, немцы, всегда совершаем на оккупированных территориях ошибку, стремясь все делать сами. С одной стороны,

мы потратили на это слишком много сил, а с другой — лишь настроили против себя население оккупированных районов (Геббельс Й. Последние записи. 15 марта 1945 г.).

ГЛАВА 16. Уроки географии для германской разведки

Большевики сильнее нас только в одном: в области шпионажа.

Адольф Гитлер. 17 мая 1942 г.

1

Гитлер не имел аттестата об окончании средней школы. Гитлеровские генералы и фельдмаршалы имели аттестаты и дипломы, но по уровню умственного развития, казалось, были никак не выше бесноватого ефрейтора. Прочитаем директиву №21 на проведение операции «Барбаросса», которую Гитлер подписал 18 декабря 1940 года:

Конечной целью операции является создание заградительного барьера против азиатской России по общей линии Волга-Архангельск. Таким образом, в случае необходимости последний индустриальный район, остающийся у русских на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации.

Маленькая загвоздка состояла в следующем: с 22 июня и до осенних дождей, до наступления распутицы, выйти на линию Волги невозможно. Причина: немецкие танки имели малый ресурс, потому на пути к Москве неизбежно требовалась остановка всех германских войск на две-три недели для капитального ремонта танков с заменой двигателей, коробок передач, фрикционов и так далее. Для захвата Москвы требовалась еще одна такая остановка для капитального ремонта танков и восстановления боеспособности войск.

Так что в сентябре до Волги никак не добраться. В октябре — дождь и грязь. **А** после дождя и грязи известно что бывает.

Если бы и удалось в сентябре выйти на линию Волги, то бомбить Урал с этого рубежа было бы невозможно: на правом берегу Волги аэродромов практически нет. Их сначала надо построить. Это не так просто сделать в октябре в голой раскисшей степи и в ноябре в голой промерзшей степи.

Если бы даже аэродромы и построили, то и тогда бомбить промышленность Урала с них было бы невозможно. Немецкие бомбардировщики До-17, Ю-88 и Хе-111 создавались совсем для другой работы. Эти бомбардировщики были созданы для полетов на короткие расстояния с небольшим запасом бомб, для действий с небольших и средних высот; их задачей было уничтожение малоразмерных, в основном подвижных целей в районе боевых действий и в ближнем тылу противника.

Чтобы долететь до Урала и вернуться, бомбардировщики, которые были у Гитлера в 1941 году, должны были брать много топлива, но вовсе не брать бомбы. Или они должны были брать бомбы, лететь в один конец, бомбить, но обратно не возвращаться.

Но даже если бы гитлеровские бомбардировщики и имели достаточный радиус действия, то все равно бомбить Урал не получилось бы. У Гитлера проблемы с бензином: уже в августе 1941 года

бензина было так мало, что проведение крупных операций пришлось приостановить.

Если бы бензин и был в достатке, то в октябре, ноябре и далее его было бы невозможно подать на приволжские аэродромы, которые еще только предстояло построить. На железнодорожный транспорт гитлеровские стратеги не должны были рассчитывать, потому что отступающие войска Красной Армии могли уничтожить ключевые объекты инфраструктуры железнодорожной сети (пути, мосты, водокачки, средства связи, стрелочные переходы, тоннели, железнодорожные станции), а доставка 100 тонн бензина автомобильным транспортом по бездорожью на расстояние 1 000 километров требует расхода колоссального количества горюче-смазочных материалов. Бензовозы тоже ведь заправлять нужно, их нужно тащить трактором через степь.

Если бы надо было двигаться в одну строну, если бы в конечной точке маршрута было бы чем заправиться, то это одна ситуация. Но ситуация была в корне иной: сотни тысяч машин должны доставить сотни тысяч тонн грузов на тысячи километров и теперь возвращаться назад за новыми сотнями тысяч тонн грузов. Но в конечной точке для них нет ни запчастей, ни топлива. Как от Сталинграда, Саратова и Куйбышева вернуться к Бресту и Львову?

Если бы бензин и подали на несуществующие еще аэродромы, то надо было подать и бомбы. Сотней тысяч тонн в таком деле никак не обойдешься. Кстати, и одного миллиона тонн бомб для разгрома промышленности Урала не хватило бы. Доставка даже одной сотни тысяч тонн бомб на несуществующие волжские аэродромы потребовала бы невероятного количества топлива для грузовых машин. А грузовых машин, кстати, не хватало даже для того, чтобы обеспечить ими танковые дивизии. А если бы машины и были, не было резины для производства шин...

Если бы миллионы тонн топлива, бомб, запасных частей, масел и еще великое множество всякой всячины подали (на верблюдах, волах, ишаках), то и тогда бомбардировка Урала была бы невозможна. Бомбовая нагрузка германских бомбардировщиков была слишком малой. А булавочные уколы Уралу не страшны.

2

В момент подписания директивы №21 в декабре 1940 года было совершенно ясно, что легкие одномоторные и двухмоторные бомбардировщики имеют слишком малый радиус действия и ничтожную бомбовую нагрузку, потому для уничтожения промышленных объектов в глубоком тылу противника не годятся.

В тот момент германские бомбардировщики летали с великолепных аэродромов Северной Франции через пролив в Великобританию и бомбили промышленные и военные объекты Лондона, Бристоля, Ковентри, Плимута, Саутгемптона. Подача топлива и боеприпасов из Германии на аэродромы Северной Франции проблемы не представляла: железные дороги действовали бесперебойно. Цели — рядом, только пролив перелететь, потому можно было брать меньше бензина

и больше бомб. Плотность населения в Британии высокая (даже очень высокая), страна перенасыщена промышленными объектами. Бей — не промахнешься. Куда бы бомба ни упала, она везде несет разрушение и смерть.

И все равно, даже в этой самой благоприятной ситуации, за девять месяцев интенсивных бомбардировок (с 12 августа 1940 года по 12 мая 1941 года) ВСЯ германская авиация не смогла «выбомбить из войны» британскую промышленность.

И вот в разгар этой затянувшейся почти на год воздушной операции, которая изначально не сулила ничего хорошего, Гитлер планирует бросить ЧАСТЬ этой авиации на разгром далекого недосягаемого Урала. И в короткий срок его разгромить. Гитлер планирует это, зная, что там, у Волги, у него нет аэродромов, что подвоз даже одного миллиона тонн необходимых запасов на несуществующие аэродромы полностью исключен. Он надеется «вы-бомбить из войны» далекий Урал, где промышленные объекты распластаны на огромных пространствах и площадях.

Если бы и удалось за три месяца дойти до Волги, если бы и удалось построить на волжских берегах аэродромы и подать на них необходимое количество всего необходимого для бомбардировки Урала, то все равно эта воздушная операция явно выпадала из планов блицкрига. Эту операцию все равно никак не удавалось впихнуть в рамки молниеносной войны. В любом случае воздушная война против Урала должна была вестись после сентября 1941 года.

Гитлер планирует разгром уральской промышленности на осень и зиму, явно не понимая, что такое уральская осень и зима. Если всей германской авиации не удалось за девять месяцев разгромить промышленность соседней Великобритании, то за сколько месяцев Гитлер планировал разгромить недосягаемый Урал?

Для разгрома промышленных районов, расположенных в глубоком тылу, нужны дальние бомбардировщики с радиусом действия в несколько тысяч километров и с бомбовой нагрузкой пять тонн и больше. Дальний бомбардировщик к тому же должен быть высотным, иначе он будет уязвим для огня зенитной артиллерии и для истребителей противника. Таких бомбардировщиков надо иметь никак не меньше тысячи. У Гитлера их не было вовсе.

Но если бы у Гитлера и были дальние бомбардировщики, то использовать их все равно было бы невозможно. Четырехмоторный бомбардировщик, который несет пять тонн бомб на многокилометровой высоте на несколько тысяч километров, удивительно прожорлив. Ему надо много топлива. А где его взять, если не хватает даже истребителям и легким бомбардировщикам?

Но во всей этой истории есть и более удивительный аспект.

3

Что это за постановка вопроса: Урал «в случае необходимости можно будет парализовать»? Гитлер исходит из того, что промышленность Урала вообще-то парализовывать не нужно, что Урал

угрозы не представляет, что Урал сам собой прекратит производство оружия. Ну а если, вопреки ожиданиям, он будет что-то там производить, тогда «можно будет» его и парализовать.

Откуда этот оптимизм? И откуда взято, что Урал — это «последний промышленный район» Советского Союза? Какой неуч вписал эти слова в гитлеровскую директиву?

В ходе первых пятилеток Сталин развернул поистине гигантское строительство промышленных объектов за Уралом: в Сибири, Казахстане, на Алтае, на Дальнем Востоке. Чего стоил один только Кузнецкий бассейн: Кемерово, Сталинск, Ленинск-Кузнецкий, Прокопьевск, Темир-Тау. Никто этих гигантов индустрии не прятал — напротив, их воспевали. Помните у Маяковского: «Я знаю — город будет!»

Кроме Кузбасса есть Омск, Новосибирск, Красноярск, Иркутск, Хабаровск, Комсомольск. И опять же — никто секрета не делал. О Комсомольске пели песни, ему посвящали оды: «чудный город в безлюдной тайге поднялся!» О Комсомольске писали статьи и книги, о нем снимали киножурналы и полнометражные фильмы. Комсомольск попал в германский школьный учебник географии, а гитлеровские разведчики и стратеги, похоже, ничего о нем не слышали, они ничего не знали ни об Иркутске, ни о Красноярске, ни о Сталинске, ни о Барнауле.

И вот, ничего не зная о нашей стране и ее экономике, германские стратеги планируют разгром «последнего промышленного района на Урале...» с помощью авиации, которая заведомо не приспособлена для выполнения этой задачи.

Всю директиву №21 на проведение операции «Барбаросса» легко объяснить так: собралась группа совершенно неграмотных людей, которые никогда в армии не служили, о войне и армии никакого представления не имели, они напились до полного безумия и в пьяном бреду писали совершенную чепуху. Это было бы ясное и понятное всем объяснение, но вот проблема: Гитлер был мужиком непьющим. И фельдмаршалы в его окружении в хроническом алкоголизме не замечены. Потому никаких других объяснений появления такой директивы у меня нет. Составить и подписать такой документ мог только невероятно глупый человек или человек, страдающий шизофренией.

4

Шерлок Холмс не зря обращал внимание на разные незаметные детали — ворсинки, царапинки, пятнышки: маленькие ключики открывают большие сейфы. Заявление о том, что Урал — последний промышленный район Советского Союза, изобличает Гитлера, его фельдмаршалов и генералов, его разведывательные службы в полном невежестве.

Разведка — глаза и уши армии и государства. Чтобы оценить германскую разведку, обратимся к мелочи, к пустячку, к пылинке, к капельке, в которой отразилось плачевное состояние германских спецслужб.

Сын Сталина старший лейтенант Яков Джугашвили был захвачен в плен. 18 июля 1941 года его

допрашивают. Тем, кто не знает, сообщаю: допрос пленных — один из самых важных источников разведывательной информации. Этим делом во все времена занимались не какие-нибудь, а именно разведывательные органы.

Сын Сталина— не простой старший лейтенант. Потому его допрашивали не простые разведчику. И вот вопрос сыну Сталина: «Известно ли вам, что вторая жена вашего отца тоже еврейка?»

Яков Джугашвили отрицает: Сталин — вдовец, нет у него никакой жены, ни еврейки, ни русской, ни грузинки.

Тогда — ехидный вопрос на засыпку: «А разве Кагановичи не евреи?»

Старший лейтенант Джугашвили возразил, но не убедил. Стороны остались при своих мнениях. Старший лейтенант спорить не стал: вам из погреба виднее.

О Сталине болтали всякое. В том числе и то, что он еврей: если Советским Союзом, как рассказывают, правят евреи, кто же на вершине должен быть? Фамилию Джугашвили переводили как «сын еврея». А чтобы никаких сомнений не оставалось, придумали Сталину еще и двух женевреек. Кто там главный еврей в Кремле? Каганович? Ясно. Значит, жену Сталина зовут Роза Каганович. Мифической Розе приписали уйму омерзительных деяний, и она ожила в сознании болтунов.

Сплетник опасен тем, что заражает вымыслами не только окружающих, но прежде всего себя самого. Тот, кто повторяет сплетни, сам начинает в них верить.

Вот это — уровень гитлеровской разведки. Германская разведка жила в мире сплетен, которые было легко проверить и опровергнуть. Но никто ничего не проверял и не опровергал. Гитлеровцы верили в то, во что хотели верить, верили в то, что болтали длинные языки.

Яркие подробности делают сплетню живучей. Но сплетни делают разведку мертвой. Давно установлена неразрывная связь между государством, разведкой и сплетнями. Нерушимое правило: как только разведка начинает верить сплетням, государство гибнет. Из этого правила нет исключений.

Случай с «Розой Каганович» — пустячок, мелочь. Но за мелочами кроются весьма печальные (для Германии) обстоятельства. Закон разведки прочен и тверд, как закон советского уголовного лагеря: не знаешь — не болтай, за каждое слово отвечаешь головой и всем прочим. Короче: фильтруй базар.

В разведке проверка добытых сведений важнее, чем их добывание. Повторю: разведчик имеет право оперировать только теми сведениями, происхождение которых точно установлено. Если разведчик, даже самого низкого ранга, повторяет сплетни, значит данная разведывательная организация смертельно больна.

Кстати, об этом допросе. Советские солдаты и офицеры готовились к победоносному походу на Берлин, Париж и Мадрид. К этому их подготовили. Но их не готовили к отражению германского вторжения, к упорной обороне. «Устав внутренней службы» и другие уставы не регламентировали действия советских военнослужащих при угрозе пленения и в плену. Считалось, что вероятность попасть в плен была близкой к нулю.

Это действительно так, если мы наступаем. Так было в 1945 году, когда Красная Армия нанесла внезапный удар чудовищной силы по японским войскам в Китае и Маньчжурии. Так замышлялось и в 1941 году, только против Германии.

Но война с Гитлером получилась не такой, какой ее замышляли. В результате в момент пленения в полевых сумках советских командиров немцы находили весьма интересные карты, любопытные приказы, удивительные письменные распоряжения. У многих тысяч солдат за голенищами были те самые русско-немецкие и русско-румынские разговорники, а в карманах — личные письма, которым бы лучше в руки врага не попадать.

Не был исключением и Яков Джугашвили. Он находился некоторое время в плену, но поначалу не был опознан. В эти драгоценные минуты, часы и дни следовало «самому себя обыскать» и уничтожить все улики и компрометирующие документы. Он этого не сделал. Якова выдали подчиненные.

Всех советских людей воспитывали в духе стукачества и предательства. Для всех Павлик Морозов был примером. Стукачество — становой хребет социализма. Без стукачества социализм невозможен ни в одной стране и ни в каком виде. Социализм стоит на страхе, страх — на стукачах. В 1991 году русскому народу следовало ликвидировать стукачество как класс. Этого не было сделано, и потому Россия буксует.

Стукачи — тайная армия социалистического государства, главная его сила. Но в оборонительной войне полчища советских стукачей вдруг оказались по ту сторону фронта, в плену, где они продолжали свою кипучую деятельность — только теперь уже не на Сталина, а на Гитлера. Вся столь долго и тщательно создаваемая система советского стукачества обернулась против Советского Союза.

Сын Сталина был опознан, обыскан и допрошен. В его карманах нашли письмо от некого младшего лейтенанта запаса по имени Виктор: «Я на сборах, хотел бы попасть осенью домой, но этому может помешать намечаемая прогулка в Берлин». На письме дата — 11 июня 1941 года. Об этом письме было доложено лично Гитлеру, и он упоминает о нем 18 мая 1942 года (Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера).

А тогда, в июле 1941 года, немецкие разведчики, которые вели допрос, предъявили Якову Джугашвили письмо и попросили объяснить фразу о «намечаемой прогулке в Берлин». Протокол допроса фиксирует реакцию сына Сталина. Он читает найденное у него письмо и тихо бормочет: «Черт возьми!»

В свете этого письма, особенно даты на нем — 11 июня 1941 года, становится более ясным содержание сообщения ТАСС от 13 июня 1941 года. Вся страна, вся армия, все, начиная с младших лейтенантов запаса, открыто болтали о предстоящей прогулке в Берлин. Поэтому Сталин через ТАСС рыкнул на всю страну и на весь мир: «СССР, как это вытекает из его миролюбивой политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются ложными и провокационными...»

Но мы отвлеклись. Мы сейчас о другом: о германской разведке, которая жила мифами и сплетнями. Это была больная организация. Смертельно больная.

6

Вот вам еще история. Великий германский разведчик Вальтер Шелленберг, бахвалившийся, что он якобы обманул самого Сталина и в 1937 году сталинской рукой якобы «обезглавил» Красную Армию, сообщает изумительные сведения в своих мемуарах:

Канарис утверждал, что у него есть безупречные данные, согласно которым Москва, являющаяся крупным индустриальным центром, связана с Уралом, богатым сырьевыми ресурсами, всего лишь одной одноколейной железной дорогой (Шелленберг В. Мемуары. С. 204).

Вот и все. И больше о германской разведке ничего не надо рассказывать. Главный немецкий шпион выразил все в одном предложении. Железные дороги России были в основном построены при Александре Третьем и Николае Втором. В строительстве этих дорог принимали участие иностранные инженеры. Прежде всего — немцы. В 1941 году многие из них были живы, занимали высокие посты, жили в Берлине. Потому немецкой разведке не надо было проводить секретных операций, не надо вербовать агентов, не надо тайников и явок — найдите старого инженера, который строил Александровский мост через Волгу и расспросите.

После падения монархии русская техническая интеллигенция многомиллионным потоком ушла в изгнание. Одним из центров русского зарубежья был Берлин, потому немецкой разведке следовало найти старикашку в железнодорожной фуражке с черным бархатным околышем и серебряными молоточками — он бы с гордостью рассказал о железных дорогах России.

Весной 1941 года вся континентальная Европа была в руках Гитлера. Бежавшие от коммунистов старые русские инженеры жили в Париже, Варне, Праге, Софии, Белграде. Найдите их. Поговорите с ними. Материал никак не секретный. Никто запираться не станет. Любой с гордостью расскажет о железных дорогах.

При двух последних русских царях немцы трижды занимали должность министра путей

сообщения. А должность инспектора Министерства путей сообщения России занимал фаворит Николая Второго полковник А. А. фон Вендрих. Потому у разведки кайзера не было никаких проблем с добыванием сведений о железных дорогах России. Да никто эти сведения и не прятал.

Так вот: великие разведчики Гитлера даже не разгребли завалы информации, которые остались в Берлине от их предшественников — разведчиков кайзера.

Перед Второй мировой войной был построен Турксиб — магистраль из Средней Азии в Сибирь. Но секрета из этого опять же не делали; наоборот, вокруг строительства — щебет и соловьиные трели пропаганды. Строительство Турксиба описано даже у Ильфа и Петрова. Помните разговорник для общения строителей с местным населением? Шайтан — черт. Арба — телега. Шайтан-арба — Туркестанско-Сибирская железнодорожная магистраль.

Все индустриальные гиганты первых пятилеток возводились при участии иностранных, в том числе немецких инженеров. Они по несколько лет работали на Магнитке, на Челябинском Тракторном, на Уралмаше, в Нижнем Тагиле и так далее. Они не только изъездили всю страну до Комсомольска включительно, но и прямо участвовали в работах по повышению пропускной способности магистралей, которые вели к новым гигантам индустрии, — то есть знали, какие дороги куда ведут, какова их пропускная способность.

Мало того, прямо из гитлеровской Германии крупнейшие германские фирмы поставляли очень тяжелое оборудование на возводимые советские военные заводы. Для того, чтобы доставлять огромные машины, немецким инженерам требовалась информация, отражающая грузоподъемность железнодорожных мостов, ширину и высоту железнодорожных тоннелей и многое другое. Все эти документы осели где-то в Берлине. Их следовало найти, господа гитлеровские разведчики.

Кроме всего прочего, волжские города Казань, Саратов, Вольск — это тайные учебные центры подготовки немецких офицеров, которых в нарушение международных договоров Сталин готовил для сокрушения Европы. Достаточно было Шелленбергу или Канарису поговорить с немецкими офицерами, которых Сталин подготовил для Гитлера за Волгой и которые теперь вернулись в Германию и служат в вермахте. Эти немецкие офицеры видели мосты через Волгу в районах Ярославля, Горького, Казани, Сызрани, Саратова, они знали, что через мосты железнодорожные магистрали тянутся куда-то на восток. Куда им тянуться, кроме Урала? Неужто германским разведчикам не пришло в голову опросить своих, немецких офицеров и узнать: одна железнодорожная магистраль ведет из Москвы на Урал или больше. Одна колея или две?

Плюс ко всему, перед войной немецкие дипломаты, бизнесмены, разведчики и просто бездельники ездили в Китай, Японию, Корею, Маньчжурию, Монголию через советскую территорию. А японские дипломаты ездили из Москвы через весь Советский Союз во Владивосток и далее в Японию и во время войны, вплоть до весны 1945 года. Великим лидерам разведки Канарису и Шелленбергу следовало только расспросить своих подчиненных о том, что они видели в пути. Или запросить

В Британском музее — библиотека. Найти в ней можно все что угодно. Я искал школьные учебники истории. В каждой стране детям в школах историю преподают совершенно особым, уникальным образом. Одни и те же события в двух соседних странах могут описываться одинаково или по-разному, но все учебники в каждой стране написаны в едином стиле: «Наша мама лучше всех!»

Я рылся в учебниках истории и вдруг мне пришло в голову: хотя учебники истории так различны в разных странах, учебники географии должны быть похожими.

Я, конечно, ошибся. Учебники географии в разных странах пишутся в том же стиле, что и учебники истории. География подчинена идеологии ничуть не меньше истории. Итак, листаю учебники географии: британские, русские, французские. И вот — немецкие: 1893 года, 1909-го, 1938-го. Что-то внутри сжалось и напряглось.

Географические карты, много карт. Вот Европа до Урала. И на карте — красные ниточки железных дорог. От Москвы на Ярославль и далее на Вологду, Вятку и Пермь. От Москвы — на Казань и Самару. От Москвы — на Саратов и Царицын. А от волжских городов — на Нижний Тагил, Екатеринбург, Челябинск, Оренбург, на Уфу и Златоуст. Чем ближе к началу Второй мировой войны выпущен учебник, тем сеть железных дорог гуще. Новых коммунистических названий немцы не признавали, так и продолжали писать: Оренбург, Самара.

Но вот на школьной карте появляются новые города: Магнитогорск, Караганда, Акмолинск, и к ним потянулись новые красные ниточки. В немецком школьном учебнике 1938 года показаны самые новые железные дороги от Казани на Первоуральск, от Уральска на Орск, далее на Челябинск.

Если великие разведчики Канарис с Шелленбергом не додумались опросить старых русских и немецких инженеров, которые строили железные дороги в России, если не сообразили опросить немецких офицеров, которые совсем недавно учились в Поволжье, то нужно было взять НЕМЕЦКИЙ школьный учебник географии выпуска 1938 года и посмотреть.

Случилось то, что лежит за пределами человеческого понимания: знания, доступные составителям немецких школьных учебников, а за ними — учителям и школьникам, оказались недоступными германской разведке.

Итак, во главе германской разведки накануне Второй мировой войны стояли умственно неполноценные люди, которые, казалось, никогда нигде не учились, и такие же люди занимались в гитлеровской Германии стратегическим планированием. И пусть Вальтер Шелленберг себя не выгораживает: он-то, мол, знал, что дорог на Урал идет несколько, это, мол, глупый Канарис

возражал. Если лидеры германской разведки спорили о таких пустяках, то гроша истертого за всю гитлеровскую разведку давать нельзя. И за всю Германию тоже.

Если в стране была ТАКАЯ разведка, значит страна ничего не стоила, она ни на что не способна.

ГЛАВА 17. Как немцы русских своими танками удивляли

Если бы я знал, что у русских действительно имеется такое количество танков... я бы, пожалуй, не начинал эту войну.

Адольф Гитлер. 4 августа 1941 г. (цитируется по источнику: Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 256).

1

Весной 1941 года германская разведка провела коварную операцию. В Германию была приглашена группа весьма высокопоставленных советских танковых экспертов. Гитлер лично дал обещание показать все германские достижения в области бронетанковой техники, ничего не утаивая. Обещание выполнил: нашим экспертам были показаны лучшие немецкие танки.

Незадолго до советской делегации на германских танковых заводах побывала американская делегация. Американцы были шокированы германскими достижениями.

И вот появляется делегация советская. Наши инженеры безучастно скользнули глазами по боевым машинам и потребовали допотопную технику убрать, а вместо нее показать то, что обещали, — современные танки.

Немцы уверяли, что показывают лучшее, что у них есть. Советские инженеры отказались этому верить. Но немцы не хитрили — они действительно показали самое лучшее. Наши эксперты, конечно, знали, что Германия катастрофически не готова к войне, что Германия отстает от СССР и в количестве, и в качестве вооружений, причем весьма сильно, но поверить в такую значительную отсталость они не могли.

Этот показ танков описан у многих немецких мемуаристов, ибо у этой истории была другая сторона. Весь этот показ был коварной западней. Операция проводилась по инициативе германской разведки. Замысел: покажем русским лучшее, что есть, и посмотрим, как будут реагировать.

Немцы раскрыли все карты, а в этот момент за советскими конструкторами и руководителями танковой промышленности наблюдали профессиональные разведчики. Они ждали такой же реакции, как и у американцев, но реакция была противоположной. На этой основе один из самых проницательных гитлеровских разведчиков Вальтер Шелленберг сделал правильный вывод: у русских есть нечто гораздо лучшее, чем у немцев.

2

Эта история — образец германской хитрости и коварства. Согласимся, ловко придумано. Но.... У этой истории есть и еще одна сторона, на которую не обращают внимания.

Никакой хитрости, никакого коварства германской разведкой в данном случае проявлено не было. Была проявлена дурь бездонной глубины.

В 1933 году, когда в Германии вообще никаких танков не было, Советский Союз начал массовое производство плавающих танков. Это ни для кого не секрет. Об этом знает весь мир сейчас и знал тогда. Плавающие танки показывали на всех учениях и маневрах, плавающие танки ходили на парадах стройными рядами, огромными массами, снимки были во всех газетах и журналах, в кинохронике. А в Германии и в 1941 году не было плавающего танка даже в замыслах. И за весь ХХ век Германии создать плавающий танк не удалось.

И без коварной разведывательной операции всему миру было известно, что в Советском Союзе есть плавающие танки, а в Германии их нет. Так в чем же заключалось коварство? В чем смысл операции? Зачем эту операцию проводить? Неужели без нее не было ясно, что Германия не готова к войне? И чем германская разведка хотела удивить советских танковых экспертов? На какую реакцию рассчитывал великий разведчик Вальтер Шелленберг?

Чем собирался сразить воображение русских «недочеловеков»? Наверное, думал: объявлю, что в Германии плавающего танка нет, и пусть они лопнут от зависти.

В 1932 году на вооружение Красной **Армии был принят танк БТ-2. Удельная мощность** — 36,4 лошадиных сил на тонну веса (Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны. Статистический сборник №1. С. 235). До таких высот ни один зарубежный танк того времени не дотягивал, и в начале нового тысячелетия тоже не дотягивает.

Через девять лет, после того как Красная **Армия получила БТ-2**, в апреле 1941 года в Германии пошел в серию танк Pz-III-J. Во всей германской армии он имел самую высокую удельную мощность — 13,9 лошадиных сил на тонну веса.

Характеристики БТ-2 никто не скрывал. Эти характеристики были известны всем, прежде всею германским генералам, например, Гудериану, которого в свое время приглашали даже на наши танковые заводы, на учения, на испытания танков.

Вернувшись из Советского Союза, потрясенный Гудериан написал книгу, в которой расписал и советские танки во всех деталях и подробностях, и мощь Харьковского завода, на котором они выпускались. Гудериан знал, что танки выпускаются и на Кировском заводе в Ленинграде. Предполагал, что на Сталинградском тракторном без проблем может быть налажено танковое производство, и еще на ряде заводов, которые, по его предположению, возводились где-то на Урале и за Уралом. Книга Гудериана стала бестселлером, ее перевели на несколько языков.

Так вот, не нужно было доблестной германской разведке даже агентов вербовать. Надо было просто пригласить Гудериана на шнапс и расспросить о том, что он видел в СССР. Если германским разведчикам лень Гудериана приглашать и денег на шнапс жалко, тогда можно было взять в любой библиотеке книгу Гудериана и полистать ее. Эта книга была издана на понятном германской разведке НЕМЕЦКОМ языке.

И следовало сравнить: самая высокая удельная мощность германского танка в 1941 году не

дотягивает до 14 л. с. на тонну веса, а в Советском Союзе девять лет назад был танк, который имел удельную мощность в два с половиной раза более высокую. После этого незачем было Гитлеру и его великим разведчикам позориться и приглашать советскую делегацию на демонстрацию немецкой технической отсталости. Зачем советских конструкторов тревожить, если Германии нечего показать? Если гордиться нечем? А уж если и приглашать, то не надо ожидать от советских инженеровтанкистов восторга и священного трепета.

Выбирайте один из двух выводов. Или Шелленберг с Канарисом и все их разведывательные структуры не могли сравнить цифры 13,9 и 36,4 и определить, какая из них больше, или они вообще ничего не знали о Красной Армии даже в объеме той информации, которую Советский Союз не скрывал, которая была открыто опубликована, в том числе и в Германии.

3

В 1933 году на вооружение Красной Армии был принят средний танк Т-28. Ничего равного ему за рубежами нашего отечества не было. В 1937 году был создан вариант этого танка Т-28ПХ («ПХ» означало «подводный ход»). Испытания показали, что при необходимости все серийные Т-28 можно переоборудовать для форсирования по дну водных преград глубиной до 4.5 метров.

По два раза в год танки Т-28 показывали на парадах, и не только в Москве, но еще и в Ленинграде, Минске и Харькове. Их любили показывать мощными группами по несколько десятков, чтобы ими запрудить сразу всю площадь. Т-28 принимал участие в многочисленных маневрах, и на некоторых из них присутствовали зарубежные военные эксперты. Любой военный человек даже по виду мог бы определить его примерные характеристики.

Ни один германский танк не мог сравниться с T-28 ни по вооружению, ни по бронированию, ни по мощности двигателя. И во всем мире не было создано ничего подобного нашему T-28. Но вот в конце 1937 года немцы начали выпуск танка Pz-IVA. Это был самый мощный германский танк, имевший броню толщиной 15 мм (Encyclopaedia of German Tanks of World War Two. C. 89). На T-28 — броня лучшего качества и вдвое более толстая — 30 мм.

Этот самый мощный немецкий танк имел двигатель мощностью 250 л. с., а мощность двигателя T-28 была вдвое больше — 500 л. с.

Немецкий танк имел два пулемета. Т-28 — пять.

Но пушка на этом немецком танке была примерно равна нашей. На T-28 стояла 76-мм пушка КТ-28. Длина ствола — 16,5 калибров. Начальная скорость снаряда — 381 м/с. У немцев на Pz-IV калибр чуть меньше — 75 мм, потому снаряд чуть легче. Но длина ствола чуть больше, потому и скорость снаряда чуть выше — 385 м/с. Дульная энергия обоих пушек одинаковая.

Наши конструкторы не могли мириться с тем, что хотя бы по одному параметру немцы нас догнали. В ответ наши конструкторы совершают рывок: с 1938 года T-28 выпускались с новой пушкой

Л-10. Длина ствола — 26 калибров. Начальная скорость снаряда 555 м/с. Немцы до 1941 года рывка не совершили. Нашей пушке Л-10 в 1941 году не было равных ни в Германии, ни в любой другой стране мира.

По вооружению T-28 абсолютно превосходил все немецкие танки. Пушка Л-10 (как, впрочем, и КТ-28) могла эффективно поражать «панцеры» вермахта на дистанциях для их орудий запредельной (Барятинский М. и др. Средний танк Т-28).

На следующих моделях своего самого мощного танка Pz-IV немцы поставили двигатель HL-120TR мощностью 300 л. с., но до наших 500 л. с. они так и не дотянули. Немцы усилили броню до 30 мм. Наш ответ — танк T-28Э с максимальной толщиной брони 80 мм.

Т-28 имел достаточный конструктивный задел, чтобы поставить на нем 85-мм пушку Ф-39 с длиной ствола 52 калибра. Танк успешно прошел испытания с такой пушкой, но в это время советское танкостроение совершило еще один почти невероятный рывок вперед: были созданы танки Т-34 и КВ, потому дальнейшая модернизация Т-28 была признана нецелесообразной.

И вот вопрос: зачем немецкой разведке весной 1941 года приглашать в Германию советских танковых экспертов и показывать им свои допотопные танки? Допустим, что о танках Т-34, КВ, КВ-2, Т-40, Т-50 они ничего не знают. Но должна же была немецкая разведка понимать, что лучший германский танк 1941 года никак не дотягивал по своим характеристикам даже до самых первых Т-28, поступивших на вооружение в 1933 году! Зачем весь этот огород городить? Ведь и так ясно, что Германия безнадежно отстала.

Вся затея с показом немецких «достижений» — свидетельство того, что германская разведка о советских танках не имела представления. Даже смутного.

А война-то готовилась танковая.

4

По советским стандартам, танк T-28 — устаревший: последние такие машины выпущены с заводов в 1940 году. Если танк год назад вышел из заводских ворот, лубянские историки его уже танком не считают и в статистику не включают. Но T-28 устаревший только по нашим меркам, только в сравнении с нашими новейшими танками.

Если бы летом 1941 года какой-нибудь иностранный танк имел 76-мм пушку с начальной скоростью снаряда 555 м/с и пять пулеметов, то был бы предметом национальной гордости и считался бы одним из лучших в мире. Но такого танка ни в одной стране, кроме СССР, не было.

Если бы какой-нибудь иностранный танк имел лобовую броню толщиной 80 мм, то он тоже считался бы одним из лучших в мире. Но и такого танка ни у кого не было. Нюанс: в то время в Британии поступил на вооружение танк «Матильда». Толщина его брони — 78 мм, но вооружение предельно слабое — пушка калибром 40 мм и один пулемет. Двигателей — два, по 95 л. с. каждый, и

потому свой вес этот танк — гордость британского танкостроения — мог нести только на ровной местности и на спусках. Каждую колонну танков «Матильда» сопровождала группа тяжелых грузовиков. Их задача — брать танки на буксир и вытягивать на подъемах. Атаковать противника «Матильда» могла только на ровной местности или спускаясь на врагов с горочки. Каждому, кто интересуется этой темой, настоятельно рекомендую потрясающую книгу Дэвида Флетчера «Великий танковый скандал» В этой книге вы найдете еще более яркие подробности о «готовности» Британии и ее союзников к войне.

Если бы у кого-нибудь в мире в 1941 году был танковый двигатель мощностью 500 л. с., это считалось бы выдающимся мировым достижением. «Устаревший» советский Т-28 — это сочетание трех рекордных для остального мира характеристик, каждая из которых даже в отдельности была бы предметом зависти для врагов.

После войны красная пропаганда исключила все танки Т-28 (и многие другие) из статистики и вынесла их в разряд устаревших и изношенных. Однако захваченные финнами в 1939–1941 годах «устаревшие» Т-28 были приняты на вооружение Финляндии, служили до самого конца войны и успешно применялись против Красной Армии. Один «изношенный» Т-28 был переоборудован в эвакуационную машину и использовался до 1951 года. А ведь в Финляндии не было запасных частей для этих танков. Но Т-28 был так сработан, что даже без запасных частей служил несколько лет на войне в ужасном климате на ужасной местности против сверхмощных противников — советских КВ и Т-34. Еще и после войны шесть лет отслужил.

Кстати, однажды я сказал, что на Т-28 стояла мощная пушка, и в ответ получил целый вал гневных писем: пушка КТ-28 имела длину ствола всего лишь 16,5 калибров! Меня высмеивали российские газеты, меня клеймили в интернете, а я не перестаю удивляться: о том, что изначально на Т-28 стояла короткоствольная пушка КТ-28, помнят сотни моих критиков. Но о том, что танк был модернизирован и с 1937 года выпускался с пушкой Л-10, ни один из моих разоблачителей почему-то не помнит.

Всех злобствующих критиков сбил с толку музей Вооруженных Сил России. Но, дорогие товарищи, вы же должны понимать, что музей-то этот — коммунистическое идеологическое учреждение. Главное для эгого музея, как и для наших мемуаристов, как для наших официальных историков, — гнуть линию преступного XX съезда КПСС, линию Хрущёва — Жукова, выставлять нас хилыми и немощными, доказывать, что враг был сильнее. Потому очернители нашего прошлого сохранили и выставили Т-28 самого первого образца с подчеркнуто коротким стволом: любуйтесь на нашу отсталость. Но если любопытствующий побывает в Финляндии, в городе Парола, то увидит настоящий Т-28 с броней 80 мм и пушкой Л-10.

Все это я рассказываю вот к чему. В Зимней войне 1939— 1940 года армия Финляндии

¹² The Great Tank Scandal: Part 1: British Armour in the Second World War.

захватила несколько советских танков Т-28, включая самые последние образцы — Т-283. Финляндия — союзник Германии. Мудрейшим главарям немецкой разведки следовало бы послать в Финляндию одного ефрейтора, чтобы он на советский танк посмотрел. Если лень ефрейтора посылать, напишите письмо в Финляндию и получите телеграфный ответ: калибр пушки — 76 мм, пять пулеметов, толщина брони 80 мм, ширина и опорная площадь гусениц такая-то.

Вот и все. Сравните со своими позорными «достижениями», и не надо будет советских товарищей звать в Германию, попусту от дела отрывая. Сравните характеристики «устаревшего» советского Т-28 с лучшими своими «рекордами» и, может быть, в Россию не полезете — сами зря время терять не будете.

5

В том же 1933 году одновременно со средним Т-28 на вооружение Красной Армии был принят тяжелый танк Т-35. Это был единственный в мире пятибашенный танк, принятый на вооружение войск. Он имел три пушки и 6-7 пулеметов. Секрета из этого никто не делал. По два раза в год эти танки с грохотом прокатывались через Красную площадь на парадах. Они были «гвоздем программы».

Для пущего блеска гиганты Т–35 выплывали на Красную площадь в сопровождении малых плавающих танков Т–37А или Т–38. Контраст был разительным: огромные броневые чудовища с эскортом малых зубастых хищников. Т–35 появлялись на учениях, военные атташе всех стран их видели, эксперты примерно представляли их характеристики.

В 1941 году ни один немецкий танк и ни один танк в мире по своим возможностям не дотягивал до нашего среднего танка Т-28. Тем более ни один не мог даже примерно сравниться с нашим тяжелым Т-35. Еще раз оценим мудрость Шелленберга и германской разведки. Если немецкие разведчики не читали «Правду» и «Красную звезду», а просто просматривали картинки в этих газетах, то они должны были знать: в Красной Армии есть тяжелые танки. И уже давно, с 1933 года. А в Германии весной 1941 года тяжелого танка не было даже в эскизных проектах. Немецкой разведке нечего было показать.

6

В 1941 году германские конструкторы не сумели создать танк, характеристики которого даже отдаленно приблизились бы к характеристикам танков, созданных в Советском Союзе в первой половине тридцатых годов. Если бы немецкие разведчики предположили, что начиная с 1932–1933 годов в Советском Союзе не сделано ничего, то и тогда советскую делегацию незачем было приглашать.

Но Советский Союз не стоял на месте. В декабре 1939 года в Финляндии Красная Армия в

боевой обстановке испытывала новейшие тяжелые танки СМК, Т-100, КВ. Чуть позже — и КВ-2. Финская войсковая разведка имела снимки всех этих танков. Были определены их примерные характеристики. Было установлено, что они имеют мощные пушки, широкие гусеницы и непробиваемую броню. Ни одна противотанковая пушка их не брала. Финской разведке повезло: на участке обороны, где активных боевых действий не велось, экспериментальный танк СМК нарвался на мощный фугас. Взрыв повредил гусеницу и вывернул каток. Тяжелый танк осел в воронку и никакие попытки советских ремонтников вытащить его оттуда до окончания боевых действий не имели успеха. СМК так всю зиму и простоял на нейтральной полосе.

Финские разведывательные группы неоднократно в нем бывали, благо ночи зимой темные и длинные. Танк был внимательно (насколько это возможно) изучен. С него были сняты оптические приборы и крышка люка. Все это дало весьма полное представление об этом танке и о советском танкостроении в целом.

Снова напомню: Финляндия — союзник Германии. Следовало послать в Финляндию младшего лейтенанта, чтобы поинтересовался новинками советской техники. И ему бы рассказали, что появились в малом количестве четыре разных типа советских танков, весьма тяжелых, непробиваемых, с хорошими ходовыми качествами, с огромной огневой мощью.

Если такие чудовища уже воевали в конце 1939 года, то германской разведке следовало делать выводы. Эти выводы не могли быть утешительными: вся немецкая противотанковая артиллерия была против них бессильна. Но никто в Германии Красной Армией не интересовался и выводов не делал.

Тем временем в декабре 1939 года танки Т-40, Т-34 и КВ были приняты на вооружение Красной Армии и начали поступать в войска. Чуть позже был поставлен на вооружение и КВ-2. К лету 1941 года в Красной Армии было более двух тысяч новейших танков Т-40, Т-34, КВ и КВ-2, а советская промышленность уже перешла на режим военного времени и могла выпускать эти танки в невероятных для остального мира количествах. Куда же смотрела германская разведка?

1 мая 1941 года танки Т-34 и КВ были показаны всему миру на параде (Военные парады на Красной площади. С. 108. Ордена Ленина Московский военный округ. С. 179). Советское руководство уже не делало из существования этих танков никакого секрета. Не надо немцам агентуры, микропленок, тайников и явок — 1 мая 1941 года германскому военному атташе следовало только протереть глаза и увидеть боевые машины, которые двигались по Красной площади.

7

Смотреть и видеть — разные вещи. Германская разведка не увидела эти танки даже и на параде. В начале июня 1941 года в Германии были изданы книжки для солдат с силуэтами и характеристиками советской боевой техники. О Т-34 и КВ в них не сказано ни слова, не дано ни

намека. Вот это — их уровень. Они не увидели даже того, что уже секретом не является, не увидели то, что им показали.

И вот грянула война, и германские войска ворвались на советскую территорию. 24 июня 1941 года Гальдеру поступают сообщения о том, что встречены новейшие советские танки. Реакция Гальдера:

Появился русский тяжелый танк нового типа, который, видимо, имеет орудие калибра 80 мм (согласно донесению штаба группы армий «Север» — даже 150 мм, что, впрочем, маловероятно).

Германские войска уже встретили на поле брани КВ (калибр орудия 76 мм) и КВ-2 (калибр 152 мм) и докладывают, Гальдер верит первой новости, но не верит второй. Это показатель того, что до

24 июня 1941 года германское высшее стратегическое руководство и военная разведка о советском танке КВ-2 не имело вообще никаких сведений. Даже туманных. А этот танк уже полтора года состоял на вооружении войск. До того он проходил испытания, в том числе и в боевой обстановке. Его принимала государственная комиссия. Еще раньше этот танк проектировали, организовывали серийное производство, строили. Но о нем в Германии никто ничего не знал, пока он своими широкими гусеницами не начал давить немецкую пехоту и противотанковые пушки. Чем же занималась вездесущая германская разведка?

И о количестве советских танков германская разведка не имела ни малейшего представления. 4 августа 1941 года Гитлер заявил Гудериану: ах, если бы я знал, что у них столько танков. Это заявление слышал не один Гудериан. В мае 1945 года пленный германский подполковник Георг Зольдан поделился с офицерами особого отдела «Смерш» 1-й гвардейской танковой армии своими впечатлениями о войне:

Во время быстрого продвижения центральной армейской группировки фельдмаршала фон Бока, когда последняя вторглась глубоко в Россию, Гитлер посетил ее штаб и, выступая перед штабными офицерами, произнес слова, которые всех заставили задуматься: «Если бы я знал, что Россия так сильно вооружена, мне было бы куда труднее решиться на этот поход». Иначе говоря, он признался, что его надежды оказались иллюзорными... Россия развернула свой потенциал с такой энергией, которая заслуживает восхищения. И все же немецкая военная печать, черпая информацию из хорошо осведомленных американских источников, продолжала недооценивать силу России (Красная звезда. 9 мая 1991 г.).

В момент, когда подполковник говорил это, мемуары Гудериана еще не были написаны. И не до мемуаров тогда было Гудериану — ему в тот момент впору было думать о самоубийстве.

В свою очередь, Гудериан не мог знать, что сообщает какой-то подполковник офицерам сталинской контрразведки. Но слова обоих свидетелей по смыслу полностью совпадают: Гитлер

ничего не знал о мощи Красной Армии.

ГЛАВА 18. Что они знали о Красной Армии

Первой причиной проигрыша войны, несомненно, была неожиданно большая сила сопротивления Красной Армии под сильным руководством Сталина.

Иоахим фон Риббентроп. Между Лондоном и Москвой. С. 202

1

Знание (или незнание) противника — важнейший показатель готовности к войне. Вот начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Франц Гальдер оценивает состояние советской артиллерии. Сведения о противнике начальнику Генерального штаба поставляет разведка. Кто же еще? Что германские разведчики сообщили начальнику Генерального штаба о Красной Армии, то он и занес в свой дневник, то он и положил в фундамент своего анализа и в основу стратегического планирования. Итак, «Военный дневник» Гальдера, запись от 2 февраля 1941 года о советской артиллерии:

Матчасть устарела. По опыту боев в Финляндии, артиллерия непригодна к ведению эффективного огня на поражение.

Сколько спеси и наглости в этом безграмотном, тупом прусском солдафоне! На себя бы посмотрел! Германская полевая артиллерия ни в какое сравнение с советской идти не могла: самые массовые полевые орудия, с которыми вермахт вступил на территорию СССР, были разработаны в конце 1920-х — начале 1930-х годов (в нарушение Версальского договора, запрещавшего Германии разработку артиллерийских систем), при этом за основу были взяты конструктивные решения орудий Первой мировой войны.

Полевая артиллерия Германии была собрана из покоренных стран — Австрии, Чехословакии, Польши, Бельгии, Голландии, Дании, Норвегии, Франции, Югославии, Греции. Эти страны, в свою очередь, также имели орудия не только собственного производства, но и приобретенные на стороне. Поэтому на вооружение гитлеровской армии попали шведские, британские, американские, японские и даже российские орудия, например, русская 76-мм полевая пушка 1902 года и 122-мм полевая гаубица 1910 года.

Всего на вооружении гитлеровской армии стояли орудия 28 разных калибров. Орудия начала века не были большой редкостью; встречались старушки и более почтенного возраста, 50 лет и более, а это означало, что пришли они из предшествующего XIX века.

Все это вместе взятое никак по количеству с нашей артиллерией сравняться не могло. Все эти собранные с мира по нитке артиллерийские орудия надо было как-то снабжать запасными частями и снарядами. Но для 75-мм немецкой пушки образца 1918 года требуются одни снаряды, а для трофейной французской пушки образца 1922 года при таком же калибре снаряды требовались другие.

Вдобавок ко всему остро стояла проблема с тягой. Основа германской артиллерийской тяги — лошадка. Но пушку к лошадиному хвосту не прицепишь. Между пушкой и лошадьми должен находиться передок — двухколесная повозка, в которую с одной стороны впрягают лошадей, а с другой цепляют станины орудия. И здесь начинались проблемы. Слово генерал-полковнику Гальдеру:

Конные упряжки для противотанковых орудий...

У нас нет передков (Военный дневник. 26 ноября 1940 г.).

И это не все. Они вступили на советскую территорию и вдруг сообразили:

Положение с конским составом плохое. Артиллерия испытывает недостаток в лошадях (там же. 19 августа 1941 г.).

Перед Второй мировой войной в Германии создавалась специальная артиллерия — железнодорожная, зенитная, противотанковая (никуда не годная), но в области чисто полевой артиллерии, то есть артиллерии, которая решает основные огневые задачи на поле боя, начиная с 1918 года не было создано НИ ОДНОЙ новой пушки, ни одной новой гаубицы. И вот горе-стратег Гальдер пишет, что в Красной Армии материальная часть артиллерии устарела.

Между тем в Советском Союзе были созданы лучшие в мире артиллерийские системы, в конце 30-х годов началось их массовое производство и насыщение ими Красной Армии. Германская разведка об этом ничего не знала. Потому германскую армию ждали сюрпризы.

Тот же генерал-полковник Гальдер после 22 июня 1941 года протрезвел и изменил свое мнение о советской артиллерии. Записи в служебном дневнике пошли совсем другие:

Эффективность снарядов хорошая, моральное действие сильное. Много новейших, неизвестных нам до сих пор артсистем (12 июля 1941 г.).

Огонь артиллерии противника невыносим, так как наша артиллерия из-за недостатка боеприпасов не оказывает противодействия (3 августа 1941 г.).

Артиллерия противника действует хорошо (4 августа 1941 г.).

Русская артиллерия обладает большой подвижностью благодаря применению тракторов (11 августа 1941 г.).

Русские 76,2-мм пушки с пятитонными тягачами.

Их можно очень хорошо использовать в Африке. Снаряды этих пушек пробивают танковую броню толщиной 60 мм даже при стрельбе на дистанции свыше 1 000 метров. Возможно, что они могут быть использованы в войсках в качестве тяжелых противотанковых пушек (28 августа 1941 г.).

Советская полевая артиллерия была лучшей в мире по качеству орудий и снарядов, а по

количеству стволов и снарядов превосходила все армии мира того времени вместе взятые. Кроме того, она превосходила германскую артиллерию по маневренности. Трактор в роли артиллерийского тягача все же лучше лошадки. А еще лучше — советский пятитонный гусеничный артиллерийский тягач, на который не может налюбоваться Гальдер.

И вот вопрос: перед войной практически вся Красная Армия находилась за пределами старых государственных границ на враждебных ей территориях Бессарабии, Северной Буковины. Западной Украины, Западной Белоруссии, оккупированных государств Прибалтики. Для немецкой разведки — раздолье: вербуй любого, он расскажет, какие в Красной Армии пушки и гаубицы, он сделает снимки, он подберет осколки на полигоне, он с пьяными советскими артиллеристами потолкует.

Но ничего немецкая разведка не делала и ничего не знала, десятки тысяч новейших советских орудий она не разглядела. А ведь их было столько, что спрятать невозможно.

3

Германская разведка ничего не знала о советской авиации.

Перед войной гитлеровская разведка доложила, что в Советском Союзе 5 тысяч боевых самолетов. Гитлер этому не поверил — уж больно много. Не поверил, но как вспоминает генерал Гальдер, был столь высокой цифрой смущен. Он все время спрашивал, не ошиблись ли разведчики?

Ну, конечно, они ошиблись. 1 июля 1941 года Гальдер пишет в дневнике:

Наше командование BBC серьезно недооценивало силы авиации противника в отношении численности.

Русские, очевидно, имели в своем распоряжении значительно больше, чем 8 000 самолетов.

Да, это так. У Сталина было 23 тысячи боевых самолетов.

Гитлеровцы думали, что в Советском Союзе самолеты плохого качества. Они просто поверить не могли, что МиГ-3 по всему комплексу летно-тактических характеристик превосходит Мессершмитт Bf-109. Особо ощутимым было превосходство в скорости.

Германская разведка считала, что новейших самолетов в Красной Армии мало. Однако в одном только Западном особом военном округе одних только МиГ-3 было больше, чем всех Мессершмитт Bf-109 на всем советско-германском фронте.

Германская разведка ничего не знала о самолетах Як-1 и ЛаГГ-3. И не будем вслед за маршалом Жуковым повторять, что их было мало. Прочитайте все издания так называемых «мемуаров Жукова» — люди, писавшие эту странную книгу, сообщают общее (взятое с потолка) количество германских самолетов, но почему-то не сообщают, сколько среди них самолетов более или менее новых типов, а сколько устаревших.

Появление Ил-2 было для германских разведчиков сюрпризом. И опять же не будем повторять,

что их было мало, — в Германии ни одного такого самолета не было, и до конца войны германским конструкторам ничего равного создать не удалось. И бомбардировщик Пе-2 — сюрприз для германской разведки. Он превосходил любой германский бомбардировщик, прежде всего — в скорости. Ничего равного нашим ДБ-3ф и ТБ-7 в Германии не было. Не было ничего равного и нашему Ер-2. Германская разведка ничего не знала о новейших советских самолетах Ар-2, Як-2 и Як-4.

Кстати, наши мемуаристы и официальные историки тоже о таких самолетах по какой-то причине не вспоминают и в статистику их не включают. Или, может быть, Жуков Георгий Константинович находился на высоком посту начальника Генерального штаба и понятия не имел, что в Советском Союзе есть самолет Ep-2?

4

Германская разведка ничего не знала о советских воздушно-десантных войсках. Наслушавшись своих премудрых разведчиков, 22 февраля 1941 года Гальдер заносит в свой дневник вывод о советских десантниках: «Парашютисты — в незначительном количестве».

Это в Советском Союзе парашютисты в незначительном количестве!? Только с апреля 1934 по февраль 1936 года на одной только Украине было подготовлено 427 тысяч парашютистов (Киевский Краснознаменный. С. 122).

В настоящее время общеизвестно, что перед Второй мировой войной Советский Союз подготовил в 250 раз больше парашютистов, чем все остальные страны мира вместе взятые (смотрите, например, в этом источнике: Gregory B., Batchelor J. Airborne Warfare 1918–1941. С. 21-22). Советский Союз вступил в войну, имея пять полностью укомплектованных воздушно-десантных корпусов и еще пять в стадии формирования. Но избыток подготовленных парашютистов был столь огромным, что в ходе войны ими укомплектовали 1-ю, 4-ю, 5-ю и 9-ю гвардейские армии, 10-й, 11-й и 33-й гвардейские стрелковые корпуса и несколько отдельных гвардейских стрелковых дивизий.

Подготовку всей этой миллионной массы парашютистов никто перед войной не скрывал. Наоборот, эту подготовку показывали всему миру. Немецкому шпиону перед войной следовало зайти в городской парк самого захудалого районного центра и посмотреть, с какой интенсивностью работает парашютная вышка. А без нее ни один городской парк не обходился. Немецкому шпиону следовало сходить на танцы под гармошку в любой заводской клуб и посмотреть на значки парашютистов на потертых пиджачках. С кавалерами, у которых не было такого значка, девки не шли фокстрот танцевать. Как всего этого немецкая разведка ухитрилась не заметить? В какую разведывательную голову мысль пришла, что в Советском Союзе мало парашютистов?

А чтобы последние сомнения о советской десантной мощи развеять, Красная Армия проводила грандиозные маневры, выбрасывая на глазах изумленных военных атташе ведущих стран Запада

небывалые, невиданные нигде в мире воздушные десанты.

Пример тому — Киевские маневры 1935 года и Белорусские 1936-го. Когда ни у кого в мире не было вообще никаких воздушно-десантных войск, Красная Армия поражала военных представителей зарубежных стран многотысячными парашютными и посадочными десантами с выгрузкой тяжелого вооружения, включая артиллерию, минометы, бронемашины и даже плавающие танки. Военные атташе США, Великобритании и Франции писали восторженные отчеты своим правительствам. На тех маневрах был и военный атташе Германии. Неужто он ничего не увидел? Наверное, бедняга пьяным в кустах лежал.

Для тех, кто лично не мог видеть всей этой красоты и мощи, советской пропагандой был выпущен фильм «Борьба за Киев»: на огромной высоте бесстрашные десантники через люки выползают на крылья бомбардировщиков, висят на них гроздьями и вдруг по команде все разом скользят по крыльям и срываются вниз. В небе становится тесно от парашютов, которые переполняют его от горизонта до горизонта. Приземлившиеся парашютисты захватывают аэродром, и тут же на него нескончаемым потоком садятся транспортные самолеты, выгружая новые эшелоны бойцов и боевой техники¹³.

Вся мировая пресса от лондонской «Таймс» до «Нью-Йорк Таймс», от «Фигаро» до «Чикаго трибюн» отозвались на эти учения и на этот фильм. А германская разведка строчит отчеты: парашютистов в Советском Союзе мало.

Но вот время учений завершилось, и Жуков в конце июня 1940 года осуществляет «освободительный поход» в Бессарабию. Захват румынских аэродромов осуществлен — как и отрабатывалось на учениях — внезапной выброской двух воздушно-десантных бригад. И это снято на пленку и показано не только Советскому Союзу, но и всему миру.

Но германская разведка газет не читала. Но германские шпионы в кино не ходили, хронику не смотрели. Но великие руководители германской разведки спали богатырским сном и, продрав глаза, докладывали в Генеральный штаб, что ничего существенного не обнаружено, что если у русских и есть парашютисты, то в минимальном количестве. И мудрейшие германские генералы (которые тоже газет не читали и хронику не смотрели) заносили в свои дневники удивительные сведения о том, что парашютистов в Красной Армии мало.

Да что там парашютисты. Германские генералы объявили, что их победила не Красная Армия, а бескрайние просторы и ужасный климат. Пусть будет так. Но из этого факта следует печальный вывод: доблестные германские стратеги, собираясь в поход, ничего не знали о размерах Советского Союза и о его климате, а германская разведка была укомплектована выдающимися аналитиками, которые однако не сумели добыть сведения о том, что Россия — огромная страна и что в России

¹³ Фрагменты фильма можно посмотреть на веб-сайте YouTube.com на канале издательства «Добрая книга» (DobrayaKniga) или найдя видео с названием «Учения войск Киевского военного округа 1935». — *Примеч. ред.*

иногда бывает зима с морозом и снегом.

ГЛАВА 19. Почему Сталин не верил своей разведке

Помню, когда Англия осталась один на один с Гитлером, в Ленинградском физико-техническом институте говорили, что положение Гитлера блестяще и... безнадежно.

Виктор Коган, ветеран войны. Вести¹⁴. 8 июня 1998 г.

1

У Сталина три независимых друг от друга разведки:

- Первое управление НКГБ;
- Разведывательное управление Генерального штаба;
- личная сталинская разведка, спрятанная под двумя вывесками «Секретариат т. Сталина» и «Особый сектор ЦК ВКП(б)».

Между этими структурами — жестокая конкуренция.

Какова суммарная мощь этих структур? Мощь колоссальная. Примеры про атомную бомбу повторять не буду, каждый знает — некоторые американские ученые, делавшие бомбу для Рузвельта, работали на Сталина.

Вот другой пример: Сталин, опираясь на могущество своей разведки, держал Рузвельта за горло или за что-то еще. Держал цепко. Рузвельт (хотя и был парализован) выплясывал под сталинскую дудку все те номера, которые требовал его кремлевский хозяин. Рузвельт был обложен сталинскими шпионами и знал это. Перед войной и в ходе нее Рузвельт своим умением угадывать, улавливать и удовлетворять сталинские желания доводил мир до полного изумления. Да и сейчас не перестаешь поражаться, мягко скажем, уступчивости, податливости и стремлению Президента США угодить Генеральному секретарю ЦК ВКП(б).

У Сталина не было ни военных (Америку не достать), ни экономических (Америка сильнее и богаче) рычагов давления на Рузвельта. Но у Сталина была разведка.

2

0 проникновении сталинской разведки в государственные секреты Великобритании написаны целые библиотеки книг. Однако это проникновение было глубже и шире, чем принято считать.

О проникновении в руководящие военные и политические органы гитлеровской Германии известно достаточно много. В штабе Верховного командования вермахта (ОКВ) работала группа «Викинг» — семь германских высших офицеров и генералов передавали сталинской агентуре информацию прямо из кабинета Гитлера.

Помимо этого кто-то из самых высших руководителей Третьего рейха работал на РУ ГШ. О нем

¹⁴ Израильская ежедневная газета на русском языке. — Примеч. ред.

иногда вскользь вспоминают благодарные советские рыцари плаща и кинжала:

В Германии советской военной разведке удалось получить доступ к секретнейшей информации из самых верхних эшелонов власти (Красная звезда. 23 декабря 1989 г.).

Подчеркну: тут речь не о Бормане, а о ком-то другом. О Бормане мы уже говорили, а тем, кто особо интересуется похождениями этого сталинского осведомителя, рекомендую эту книгу: Hugo Beer. Moskaus As im Kampf der Geheimdienste: Die Rolle Martin Bormanns in der deutschen Führungsspitze.

На Сталина одновременно работали совершенно независимые друг от друга агентурные сети. Вранье одного немедленно высвечивалось на фоне других сообщений.

В немецком посольстве в Москве работала группа «Альта»: Герхард Кегель, Эльза Штебе и сотоварищи. Все посольство было оплетено паутиной сталинского шпионажа. Эта агентурная группа «пополнилась человеком, имевшим, по существу, неограниченный доступ к государственным тайнам Германии» (Красная звезда. 1 октября 1987 г.).

От немецкого посольства в Москве тянулись нити в штаб Геринга, в научно-исследовательские учреждения Третьего рейха и, конечно, в Министерство иностранных дел:

В числе этих разведчиков был даже один из приближенных министра иностранных дел Риббентропа. Его завербовали в Польше для работы на англичан, и по своим убеждениям он был ярым врагом Советского Союза (ВИЖ. 1992. №4. С. 30). Думал дядя, что работает против Сталина, но работал на Сталина.

Следует вспомнить и подругу Евы Браун, звезду первой величины нацистского кино Ольгу Чехову. Эта женщина сверкала на небосводе Берлина ослепительной красотой. В 1936 году по распоряжению Гитлера Ольга Чехова была удостоена звания народной актрисы Германии. (У них — все как у нас.) На приемах она часто была рядом с Гитлером. В ноябре 1940 года во время визита товарища Молотова в Берлин Гитлер представил ему Ольгу Константиновну, причем самой первой. А в 1945 году народная актриса Третьего рейха почему-то была обласкана товарищем Сталиным и удостоена высших советских степеней отличия.

Представим подобную ситуацию, только наоборот. Гитлер взял Москву: кто тут самая сверкающая звезда советского кино? Любовь Орлова? Вот тебе, Любовь Петровна, Железный крест с дубовыми листьями! Трудно представить? Для подобного отношения должна быть веская причина. А ведь товарищ Сталин зря никого не жаловал.

Гитлер, как и Рузвельт, понимал, что советский шпионаж — могущественная сила:

Когда русские специалисты приезжали к нам, чтобы купить станок, и им на заводе показывали буквально все, они заявляли, что в таком-то и таком-то углу такого-то цеха находятся образцы станков, которые им хотелось бы посмотреть,

и очень точно описывали их. С помощью коммунистических организаций они в свое время создали систему шпионажа, которая и поныне превосходно работает (Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. 5 апреля 1942 г.).

3

Сети сталинской разведки простирались далеко за пределы великих держав. У болгарского царя Бориса был советник — генерал Константин Лукаш. Перед каждой встречей с царем генерал готовился отвечать на любые вопросы, которые царь мог бы ему задать. В ходе подготовки брат генерала Любен Лукаш играл роль царя и задавал царскому советнику самые каверзные вопросы. Генерал должен был отвечать точно и быстро. Получалось, что степень информированности младшего брата была никак не меньше царской. Нюанс заключался в том, что младший брат работал на Разведывательное управление Генерального штаба и задавал своему брату — царскому советнику — все те вопросы, которые интересовали товарища Сталина.

Чехословакия до введения советского социализма была в десятке богатейших и наиболее развитых стран мира. Заводы «Шкода» производили оружие на уровне высших мировых стандартов, в первую очередь — артиллерию. Дочь директора завода Бланка Карликова сумела вынести чертежи 210-мм пушки и передать их кому следует. Она работала на ту же агентурную группу, которая опекала болгарского царя (Красная звезда. 21 августа 1986 г.).

Свидетельств мощи сталинской разведки много. Вот генерал-майор авиации П. М. Стефановский как о чем-то совершенно несущественном сообщает одной фразой, что в июле 1941 года его вызвал Сталин и сказал: «Через три дня немцы будут бомбить Москву» (Триста неизвестных. С. 206). Не задерживаясь на этом эпизоде, Стефановский рассказывает о том, какие меры были приняты и как через три дня был отражен первый массированный воздушный налет на Москву. Но мы остановимся на этом, казалось бы, незначительном эпизоде.

Как Сталин мог знать, что именно через три дня немцы будут бомбить Москву? Летчики на аэродромах не знают, что они будут делать завтра. Это величайший секрет. От сохранения этого секрета зависит успех предстоящей операции, безопасность летчиков и их жизнь. План воздушной войны известен предельно узкому кругу лиц. Командиры подразделений и летчики узнают о целях, которые предстоит бомбить, только в самый последний момент. А товарищ Сталин знает не только о том, что германские летчики будут делать завтра, но и о том, что они будут делать через три дня.

Свидетельствует Анастас Микоян: 27 марта 1943 года во втором часу ночи его вызвали на ближнюю дачу Сталина, в Волынское. Сталин сообщил, что по данным разведки немцы готовят летнее наступление в районе Курского выступа (ВИЖ. 1976. № 6. С. 62).

Только что отгремела Сталинградская битва. Красная Армия рванулась вперед, но в районах Харькова, Орла и Белгорода была остановлена. Возникло равновесие сил. Ни одна из сторон не способна больше наступать. Обе стороны перешли к обороне и начали интенсивную подготовку к летнему сражению, которое развернется в этих районах через четыре месяца. Это будет одно из самых кровопролитных сражений в истории человечества, оно войдет в историю как Курская битва.

Сражение началось 5 июля 1943 года. Но германские генералы начали штрихами набрасывать замысел операции еще 13 марта 1943 года. 27 марта Сталин об этом сообщил Микояну и приказал тайно готовить к оборонительному сражению и к последующим наступательным операциям стратегический резерв — Степной военный округ. Этот округ в составе восьми армий, включая одну воздушную и одну гвардейскую танковую армии, разворачивался позади основной группировки советских войск. В критический момент битвы округ был преобразован в Степной фронт и введен в сражение.

В каждом деле Сталин постоянно заглядывал в карты Гитлера. По мере развития плана германской операции в районе Курска все детали, все изменения в плане немедленно докладывались Сталину. Перед началом операции германские генералы, которые были непосредственными исполнителями, получили соответствующие директивы и окончательный вариант плана. Сталин этот вариант получил на шесть дней раньше.

Говоря о готовности к войне, мы не можем не сравнить и качество разведывательной информации обеих сторон:

- слепая гитлеровская разведка не знала Советский Союз даже в объеме немецкого школьного учебника;
- сверхмощная сталинская разведка проникала в самые сокровенные тайны как сталинских врагов, так и союзников.

Можно привести еще множество примеров, но не будем забывать: это только то, что было рассекречено, то, что не представлялось важным. Главные тайны сталинской разведки никогда не будут раскрыты.

4

Но вот странная вещь: разведка докладывает Сталину, что Гитлер собирается нападать, а Сталин не верит своей разведке. Может быть, Сталин не сознавал мощи своей разведки?

Надоели (надеюсь, не мне одному) неисчислимые изыскания на тему того, кто и когда предупреждал Сталина.

Но Сталин все равно не верит.

Нам предлагали на выбор одно из двух объяснений или оба сразу:

- 1. Сталин был настолько глуп, что не понимал грозящей опасности;
- 2. Сталин был настолько труслив, что боялся и не хотел смотреть правде в глаза.

Из этого делается вывод: Гитлер — могуществен, мудр и смел, Сталин — забит и запуган.

И еще вывод, более общий: там — готовая к войне великая раса, а тут прячут головы в песок отсталые, трусливые придурки.

5

А теперь давайте посмотрим на ситуацию из-под кремлевских звезд, из сталинского кабинета.

Застегнитесь на все пуговицы, если у вас нет трубки, возьмите в рот карандаш и представьте себя Сталиным. Вот в ваш кабинет входит товарищ Голиков. Филипп Иванович. Генерал-лейтенант. Начальник Разведуправления Генерального штаба. Он расстилает карты обстановки на зеленом сукне огромного стола, выкладывает шифровки и копии добытых документов: вот, мол, товарищ Сталин, они нападать собираются.

А товарищ Сталин, помолчав и подумав, тихо спрашивает: зачем?

Хорошо товарищу Сталину такие вопросы задавать. А что ответить Голикову? Действительно, ЗАЧЕМ ГИТЛЕРУ НАПАДАТЬ?

Говорят, что Гитлеру земля на Востоке потребовалась. Сталин этому не верил. И мы не поверим. В начале 1941 года Гитлер имел столько земли, что уже не знал, что с ней делать. В его подчинении были: Австрия, Чехословакия, большая часть Польши, Дания, Норвегия, Бельгия, Голландия, Люксембург, половина Франции, Нормандские острова Великобритании, Югославия, Греция. Под влиянием Германии находились Финляндия, Венгрия, Румыния и Болгария. Кроме того, германские войска вели боевые действия в Северной Африке.

Ему мало земли?

12 ноября 1940 года в Берлине Гитлер заявил Молотову:

Из-за неимоверного расширения театра военных действий Германия была вынуждена, с целью противостояния Англии, вторгнуться в отдаленные от Германии территории, в которых она, в общем, не заинтересована ни политически, ни экономически (СССР — Германия 1939–1941. С. 104).

Если посмотреть на карту, то мы вынуждены согласиться: какой толк Германии от того, что ее войска находятся на севере Норвегии, в Югославии или на Нормандских островах? Гитлер продолжал:

Необходимость жизненного пространства. Во время войны Германия приобрела такие огромные пространства, что ей потребуется сто лет, чтобы использовать их полностью (там же. С. 105).

И тут следует с бесноватым фюрером согласиться. Нахватав столько за полтора года, нужно думать не о новых захватах, а об удержании захваченного. И уж если Гитлеру нужны новые земли, то перед ним лежит прекрасная Франция. Гитлер разгромил Францию в войне, но захватил только половину территории. Юг Франции беззащитен — бери его! Ведь это лучшая часть Франции — Лазурный берег, пальмы, курорты, виноградники, коньяк и вина, сыры в подвалах и лимоны на

деревьях! И за все это не надо воевать. Франция капитулировала, так забирай же ее всю!

Кроме того, Франция в тот момент — великая колониальная держава. Франция разгромлена, а ее колонии на это никак не отреагировали. Десятки миллионов людей во французских колониях все также подчиняются французским колониальным властям, хотя за спиной этих властей никого нет — за ними звенящая пустота. Стоит объявить французские колонии германскими, и территорий будет столько, что хватит всем немцам на веки вечные.

Но если этого мало, то и Бельгия — великая колониальная держава. И Голландия тоже. Берите даром Бельгийское Конго и Индонезию которая тогда называлась Нидерландской Индией. За все это тоже не надо воевать.

6

Давайте представим себя советскими разведчиками-аналитиками. Нам завтра на доклад к товарищу Сталину идти, и Сталин задаст все тот же вопрос: ЗАЧЕМ ГИТЛЕРУ НАПАДАТЬ НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ?

И что мы Сталину ответим? Что Гитлеру Марсель, Тулон, Ницца и Канны даром не нужны, а вот за Алатырь, Кувакино и Колуево он готов поставить на карту судьбу своей страны и собственную жизнь?

Каждый знает: Германия на два фронта воевать не может. Об этом сам Гитлер писал «Майн Кампф». Причина: нехватка ресурсов. Но не только это волновало Гитлера. Когда страна окружена врагами со всех сторон, у народа появляется сомнение в правоте своего дела: может ли так быть, что мы правы, а все вокруг ошибаются и воюют против нас? Гитлер писал:

Искусство истинно великого народного вождя вообще во все времена заключается прежде всего в том, чтобы не дробить внимания народа, а концентрировать его всегда против одного единственного противника... Когда народ видит себя окруженным различными врагами, то для более слабых и не стойких характеров это только дает повод колебаниям и сомнениям в правоте собственного дела (Майн Кампф. Часть І. Глава III).

Под истинно великим народным вождем Гитлер, понятно, имел в виду себя самого и высказывал в данном случае здравую мысль: если врагов много, то народ в такой ситуации начинает колебаться и терять веру в вождя и его идеи.

Сталин читал «Майн Кампф» и явно соглашался с Гитлером в данном вопросе: воевать на два фронта Германия не может. Что же толкнуло Гитлера на гибельный путь, против которого он сам так резко выступал?

Иногда задают вопрос: а разве в 1941 году у Гитлера было два фронта? Ведь война против Британии затихла.

Это не так. На самом деле в начале июня 1941 года Гитлер уже имел три фронта. Нападением на Советский Союз он открывал не второй фронт против себя, а четвертый.

Первый из них — война против Великобритании; второй и третий мы рассмотрим в следующей главе. Если смотреть с нашей колокольни и считать дивизии, вовлеченные в боевые действия, то война между Британией и гитлеровской Германией действительно представляется вялотекущей. Но Британия в тот момент — величайшая колониальная империя и великая океанская держава. В 1940 году Гитлер выбил британские войска с континента, но война продолжалась на морях и в небе. Эта война охватила огромные пространства. Она велась все более яростно и интенсивно. Район боевых действий британского и германского флотов — от Северной Норвегии до Уругвая, от Гренландии и Исландии до Мадагаскара.

С самого первого дня эта война высветила полную неготовность Германии противостоять Британии на морях и океанах. В сентябре 1939 года Британия имела 15 линейных кораблей в строю и 9 в постройке. Германия — два в строю, восемь в постройке. Однако те два в строю из-за слабого вооружения полноценными линкорами не были. Многие специалисты относят эти корабли к разряду тяжелых крейсеров.

Из восьми линкоров, которые находились в постройке, в строй вступили только два. Из них один, «Бисмарк», был введен в состав флота в апреле 1941 года, а в мае утоплен британским флотом в самом первом своем походе. После этого второй из них, «Тирпиц», практически всю войну прятался в норвежских фьордах. Лишь иногда он осторожно выходил оттуда как мышка из норки, и тут же в этой норке быстро прятался, пока там его и не утопили.

В сентябре 1939 года Британия имела шесть авианосцев в строю и шесть в постройке. Германия — ноль в строю, один в постройке. Он так никогда и не вступил в строй. По остальным классам кораблей соотношение было примерно таким же. Это означало, что высадка германских войск в Британии была не более чем мечтой самоубийцы. При попытке форсирования Ла-Манша германские войска либо были бы утоплены, либо получили бы возможность высадиться на пляжах Британии и тут же были бы отрезаны британским флотом от своих главных сил и баз снабжения на континенте.

В 1941 году строительство германского флота только разворачивалось. Германская кораблестроительная программа «Z» предусматривала строительство шести линкоров к 1944 году, четырех тяжелых крейсеров к 1943 году и еще четырех — к 1945 году, двух авианосцев к 1947 году и 13 легких крейсеров к 1948 году.

Часто слышу: не все мехкорпуса Сталина были полностью готовы в 1941 году, некоторые из них должны были быть полностью вооружены только в следующем году. Потому, говорят мне, Сталин не мог напасть на Гитлера в 1941 году, надо было ждать до 1942 года.

С этим согласен. Только давайте тот же аргумент распространим и на Гитлера: его флот был к войне не готов. В войне против океанской державы это имеет первостепенное значение. В момент начала Второй мировой войны кораблестроительная программа Гитлера была не завершена, ее планировали завершить в 1948 году. Потому Вторую мировую войну Гитлер не должен был начинать в сентябре 1939 года. Он должен был серьезно готовиться к войне, ждать девять лет и только в 1948 году подписывать пакт Молотова-Риббентропа.

Но если бы Гитлер и дожидался еще девять лет, то и тогда война с Британией для него была бы самоубийственной: Британия развивала свой флот быстрее и вкладывала в его строительство гораздо больше средств. Все равно и в 1948 году Гитлер не мог бы сравниться с Британией в мощи военно-морских сил.

Война на море уносила мало (по нашим понятиям) жизней. Вот 27 мая 1941 года британским флотом утоплен самый мощный германский линкор «Бисмарк». Это всего лишь 1600 человек экипажа, из которых полторы тысячи погибли, а 110 попали в плен. Человеческих жертв сравнительно немного. Но линкор — это 50 тысяч тонн самой лучшей стали. Из этой стали можно было бы построить 2 500 самых мощных немецких танков того времени Pz-IVD (боевой вес — 20 тонн).

А если считать не расход стали и других материалов, а затраты энергии, времени и труда, то постройка одного линкора обходилась дороже постройки даже 5 тысяч танков. Таким образом, потеря линкора, если считать с точки зрения потерь личного состава, — это потеря одного полка, но если считать с точки зрения стоимости производства, это потеря сразу нескольких полнокровных танковых армий. Один «Бисмарк» стоил больше, чем все танки, которые Гитлер имел в 1941 году. Поэтому давайте не будем говорить, что война между Британией и Германией в 1941 году утихла, что начиная войну против Сталина, Гитлер открывал только один фронт, а второй в это время якобы бездействовал.

На допросе 17 июня 1945 года гроссадмирал Карл Дёниц показал: «Гибель «Бисмарка» положила конец наступательной деятельности тяжелых немецких кораблей в Атлантике». 27 мая 1941 года, после гибели «Бисмарка», всем стало ясно: никаких надежд покорить Британию у Гитлера нет.

И вот представьте: вы — товарищ Сталин. У вас в руках все сведения, все доклады. Ситуация: Гитлер в безвыходном положении, победить Британию он не может, нет никаких на это возможностей, добром война с Британией для Гитлера уже кончиться не может. Но разведка докладывает: чтобы облегчить свое положение, Гитлер решил напасть еще и на Советский Союз. На одном фронте он справиться не может, потому решил воевать сразу на двух фронтах. Авось так ему будет легче.

Сталин такой чепухе не поверил. А вы бы поверили? Гитлер не может справиться с Британским львом, поэтому он решил одновременно растерзать и Русского медведя.

ГЛАВА 20. Четыре фронта Гитлера

В США действовали крупные и могущественные силы, которые издавна стремились к войне против Германии.

Иоахим фон Риббентроп. Между Лондоном и Москвой. С. 129

1

Война на море против Британии и после 22 июня 1941 года пожирала поистине невероятные ресурсы Третьего рейха. Гитлер не мог блокировать Британию надводными кораблями, потому развернул самую мощную в истории всех флотов программу строительства подводных лодок.

В 1940 году в состав германского флота вошли 54 новые подводные лодки. В 1941 году — 202. В 1942 году — 238.

Далее — по нарастающей.

Выполнение такой программы требовало огромных затрат труда, энергии, материалов. В своем большинстве германские подводные лодки действовали в Атлантике против британского и американского флотов. Строительство каждой подводной лодки означало, что не будет построено десять, двадцать, а то и пятьдесят танков.

Помимо войны на море между Германией и Британией шла ожесточенная воздушная война. И тут неготовность Германии проявилась особенно явно. В 1940 году германская авиация высыпала на британские города 36844 тонны бомб. Этого оказалось недостаточно для того, чтобы Британия сдалась. Но этого оказалось достаточно, чтобы пробудить холодную британскую ярость.

В том же году Британия ответила: 14631 тонна бомб упала на германские города. Сил германской авиации было недостаточно, чтобы британское воздушное наступление остановить. В 1941 году Германия высыпала на Британию 21 858 тонн бомб, ответ Британии — 35 509 тонн (Briekhill P. The Dam Busters. C. 47, 117, 166, 249).

Война в воздухе требовала от Германии огромных расходов. Первым следствием налетов британских ночных бомбардировок было то, что миллионы немцев проводили ночи в бомбоубежищах и утром шли на работу злыми и невыспавшимися. Вторым следствием были разрушения жилых кварталов и промышленных объектов с соответствующими побочными эффектами. В-третьих, на борьбу с британскими самолетами надо было отвлекать значительные силы. Шпеер это выразил так: «Десять тысяч орудий вместо того, чтобы воевать на Востоке, смотрели в небо». Эти орудия пожирали огромное количество боеприпасов. Кроме того, половина германской авиации была выделена для продолжения воздушной войны против Британии.

Перед тем как начинать войну против Советского Союза, гитлеровские стратеги должны были подумать о том, что британская авиационная промышленность сильнее германской.

В 1941 году британская промышленность выпустила 20100 самолетов; еще 2 400 было получено из США. Германская промышленность в 1941 году выпустила 11030 самолетов.

Но самолет самолету рознь. Одно дело — построить самолетик на одного человека с одним двигателем, другое дело — четырехмоторный стратегический бомбардировщик. Британия строила стратегические бомбардировщики, и много. Германия их не строила. В перспективе воздушная война не сулила Германии ничего радостного.

В ноябре 1940 года товарищ Молотов побывал в Берлине, говорил с Гитлером и Риббентропом. Британская авиация в эти ночи особенно яростно бомбила столицу Третьего рейха. И вот представьте себе: возвращается Молотов в Москву и товарищу Сталину докладывает ситуацию: Гитлер не способен защитить небо Германии, даже Берлин, неужели можно предположить, что в данный момент ему нужны земли на востоке?

3

Но война между Германией и Британией шла не только в воздухе и на море. Шла жестокая война и на земле. В 1940 году германские войска захватили Нормандские острова — Джерси, Гернси и ряд более мелких. Острова британские, но лежат они у самой Франции. Даже с Гернси, самого далекого из них, в хорошую погоду виден французский берег. Полосочкой.

С точки зрения военной, острова надо было захватывать. С точки зрения политической — нет. Захват этих островов означал, что впервые за тысячу лет британские острова топчет враг. При мысли об этом у гордых британцев раздувались ноздри от гнева. Ярость благородная распирала британцев с такой силой, что лучше бы Гитлер с ними не связывался. Захват этих островов означал, что мира с Британией быть не может: Британия не простила бы ни одному своему лидеру попытку договориться с Гитлером до тех пор, пока германские солдаты находятся на земле Британии. А Гитлер не мог забрать эти войска с островов так, чтобы не потерять лицо.

Получался тупик для обеих сторон. И пока германские войска сидели на Нормандских островах, Сталин был спокоен: война между Британией и Германией прекратиться не может, а воевать на два фронта для Германии — самоубийство.

Кроме того, германский африканский корпус воевал в Африке против британских дивизий. Ничем хорошим эта затея для гитлеровцев кончиться не могла: снабжение германских войск осуществлялось только через Средиземное море, а в нем господствовал британский флот.

4

Итак, фронт против Британии существовал, и у Гитлера не было никаких перспектив победить

на этом фронте — тут война уже была проиграна.

Но у Гитлера был и еще один фронт. Гитлера почему-то повлекло в Югославию. А там как в России: вход — рубль, выход — два. Легко войти, трудно выйти. А тут еще и Греция.

Нападение Италии на Грецию было не только легкомысленно, но и вообще излишне... В результате самовольных действий итальянцев и ошибки на Балканах крупные немецкие силы были скованы в Африке, затем и в Болгарии, Греции и Югославии (Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 190-191).

Победить в Югославии было невозможно: горы и леса, много воды и чудесный климат. Для партизанской войны это лучшее место на земле. А народ там суровый. И чем больше крови местного населения проливали германские войска, тем хуже становилось их положение.

Введение войск в Югославию и бессмысленная война в горах ничего не давали Германии, кроме траты времени, сил и средств. Вступлением в Югославию Гитлер открыл новый фронт, и тут не приходилось рассчитывать на победу, тем более — на победу молниеносную. Четыре года германский Генеральный штаб был вынужден держать в этой стране отборные дивизии, которые вели войну без надежды победить. Ни один аналитик не смог бы предсказать столь глупого хода германского командования.

Да ведь не одна Югославия сопротивлялась. В Польше у Гитлера проблем было никак не меньше. А были еще Болгария, Греция, Франция, Норвегия, где далеко не все приветствовали приход оккупантов.

Оккупация огромной территории требовала чудовищной траты сил. Просто расстелите большую карту Европы, очень большую — на весь стол — и прикиньте, сколько нужно иметь солдат, чтобы организовать патрулирование во всех городах Европы хотя бы по ночам. Задумайтесь над тем, сколько нужно солдат, чтобы организовать охрану всех мостов, тоннелей, водонапорных сооружений, дамб, заводов, шахт, портов, железнодорожных депо и вокзалов, дорог обыкновенных и железных, аэродромов, складов, электростанций, концлагерей, штабов, мест расквартирования оккупационных войск. Сколько надо солдат для организации обороны береговой линии и оккупации всевозможных островов. Сколько их нужно для прочесывания гор, лесов, холмов, кустарников, брошенных карьеров, штолен и так далее, чтобы выловить всех недовольных.

5

Если бы даже Европа не сопротивлялась, у Гитлера все равно не было сил всю ее контролировать. Кто бы мог поверить, что его еще и в Россию потянет? Но ведь немцы не просто пытались ее контролировать, они еще и взяли на себя местное управление во всех оккупированных странах. Здесь бюрократия плодилась с невиданной скоростью. Под маской образцового немецкого порядка скрывалась анархия невероятных масштабов.

Генерал-майор Мюллер-Гиллебранд рассказывает только о важнейших руководящих инстанциях, которые находились в одном только Париже.

Во-первых, штаб командующего войсками на Западе. Он подчинялся Гитлеру.

Во-вторых, штаб начальника германской военной администрации Франции. Он являлся высшим политическим и административным органом. Одновременно начальник военной администрации был начальником всех оккупационных войск во Франции. При нем находился начальник войск СС и полиции во Франции.

Вследствие того, что последний получал указания по своей службе непосредственно от рейхсфюрера СС, стала серьезно страдать согласованность в военном управлении Франции, так как рейхсфюрер СС использовал свой орган для самовольного вмешательства в мероприятия военной администрации.

В-третьих и в-четвертых— *«Военно-морские и военно-воздушные силы были представлены во Франции своими штабами, которые, однако, не подчинялись командующему войсками на Западе»*.

В-пятых, посольство Германии в Париже. Оно подчинялось Риббентропу и гнуло свою линию.

В-шестых, военно-экономический и промышленный штаб во Франции, который являлся органом, представлявшим управление военной экономики и промышленности вооруженных сил.

В-седьмых, «непрерывно появлялось большое количество специальных представителей от разных инстанций, например, от государственного уполномоченного по четырехлетнему плану, от министра вооружений и боеприпасов, генерального уполномоченного по рабочей силе, министерства транспорта, от организации Тодта и т.д. и т.п.» (Мюллер-ГиллебрандГ. Сухопутная армия Германии 1933-1945. Т. 2. С. 78-79).

Все это германский генерал называет «хаосом, существовавшим в отношениях между высшими государственными органами». И чем больше плодилось бюрократов, чем больше указаний они писали, тем хуже работала экономика. С такой организацией покоренная Европа не могла долго жить.

Вдобавок ко всему эти огромные территории были лишены стратегического сырья, необходимого для жизни общества и продолжения войны. Если на гигантский завод не поставлять хотя бы один необходимый в производстве компонент, все производство остановится. Война оборвала все связи Европы с остальным миром, потому если огромные колеса европейской экономики и крутились, то вхолостую. Европа беднела и нищала на глазах. Голод уже ухватил Европу цепкой костлявой рукой. Все это должно было взорваться и рухнуть. В ближайшем будущем.

Потому покоренная Европа, даже если бы гитлеровцы не творили своих чудовищных злодеяний, была пороховой бочкой, короткий шнур которой уже горел и искрился.

Покоренная Европа была вторым фронтом Гитлера.

Но был у Гитлера и третий фронт — Соединенные Штаты Америки. Тут вполне подходят слова Геринга: «Война уже идет, хотя пушки еще не стреляют». Рузвельт уже оказывал военную помощь титанического размаха как воюющему Черчиллю, так и «нейтральному» Сталину. Но этим дело не ограничивается. Уже летом 1940 года Соединенные Штаты Америки считались «невоюющим союзником» Британии. В любой момент приставка «не» могла отвалиться за ненадобностью.

В сентябре Британия получила от США 50 эсминцев. Про эти корабли принято говорить, что они были «устаревшими». Пусть будет так. Но Германия ни от кого такого подарка не получила. Ей бы сошли и устаревшие, но таких союзников у нее не оказалось.

11 марта 1941 года Конгресс США принял закон о «ленд-лизе». Немцы этот шаг Америки расценивали как объявление войны.

24 марта 1941 года правительство США предоставило британскому флоту право использовать судоремонтные мощности американского флота.

30 марта 1941 года все германские и итальянские суда в американских портах были конфискованы. Это уже было актом войны. Дело в том, что в соответствии с международным правом корабль под флагом своего государства является частью территории своего государства. Если вы захватываете корабль под флагом Германии, вы захватываете часть германской территории, что американским правительством и было сделано.

10 апреля 1941 года правительство США объявило Красное море «невоенной зоной» и заявило о своей решимости не пускать туда «чужие» (то есть немецкие и итальянские) корабли. Красное море становилось как бы территориальными водами США. Это делалось для того, чтобы беспрепятственно снабжать британскую армию в Африке и на Ближнем востоке и британский флот в Средиземном море.

Гитлер захватил Данию, но не захватил Гренландию, которая принадлежит Дании. И вот 13 апреля 1941 года американские войска высаживаются в Гренландии. С этого момента война между США и Германией, хотя и не была объявлена, уже вступила в некую критическую фазу.

24 апреля 1941 года «зона безопасности» США была расширена до меридиана 30 градусов западной долготы. Половину Атлантического океана Америка объявляла своим внутренним морем с правом топить любые германские корабли, если они осмелятся тут появиться.

27 мая 1941 года Рузвельт объявляет чрезвычайное положение в стране.

14 июня 1941 года была «заморожена» вся немецкая и итальянская собственность в США.

16 июня 1941 года были закрыты немецкие консульства в США.

Это война. Гитлер понимал это лучше других. 21 июня 1941 года он писал Муссолини:

Вступит ли Америка в войну или нет — это безразлично, так как она уже

поддерживает наших врагов всеми силами, которые способна мобилизовать.

Так давайте же согласимся: объяснение о том, что Гитлер напал на Советский Союз ради завоевания жизненного пространства, мягко говоря, странное. В тот момент Гитлер уже терял контроль над Атлантикой, британский флот блокировал морские коммуникации Германии, что неизбежно вело Германию к катастрофе, и Америка уже замахнулась чудовищным замахом. Неужто Гитлеру в этой обстановке нечем больше заниматься, кроме как воевать за Гусь-Хрустальный?

ГЛАВА 21. Кого бы нам повесить?

Немецкие войска были недостаточно подготовлены и оснащены, а также не имели полноценного руководства.

Эйке Миддельдорф. Тактика в русской кампании. С. 25

1

Хорошо, пусть на верхних этажах власти гитлеровской Германии находились не самые умные люди. Но ступенькой ниже — какие имена! Генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн, генерал-полковник Гейнц Гудериан, генерал-фельдмаршал Эрвин Роммель!

Вокруг выдающихся гитлеровских полководцев созданы целые науки. Ученые-роммелеведы собирают свои конференции и присваивают друг другу премии, а гудериановеды собирают свои симпозиумы.

Нас давно приучили к мысли: у Сталина — тупые кавалеристы-рубаки, у Гитлера — блистательные полководцы, мыслители, теоретики и практики. Деяния гитлеровских генералов воспевают, как подвиги Геракла. Эта мода давно перекинулась и на нашу страну. Вот выступает «соловей вермахта» Иван Стаднюк, один из главных певцов гитлеровской мудрости и мощи:

У немецких генералов была академическая выучка. Они воспитаны на старой прусской военной системе, хорошо знали стратегию, законы ведения войны и были вышколены по высшему классу военной науки (ВИЖ. 1989. №6. С. 6).

Это тот самый Стаднюк, который опозорил свое имя трехтомным сочинением: гитлеровские генералы умны, образованны, инициативны. Вслед за Стаднюком ватага подражателей пошла строчить романы о мудрейших германских полководцах. Всех этих сочинителей наши вожди венчают лаврами. Жаждущим триумфа рекомендую рецепт неувядаемой славы, немедленного и шумного успеха: напишите роман про умного, чуть усталого Гудериана.

На Западе — и того хуже. Зайдите в книжный магазин Лондона, Вашингтона, Парижа и вы обнаружите не просто полку книг о великих гитлеровских стратегах — под такие книги будет отведен целый отдел. Вам покажут каталоги объемом с хороший телефонный справочник с названиями книг о каждом из них. О германских стратегах рангом ниже — тоже неразгребаемые завалы литературы.

Если открыть книгу не о Роммеле, Манштейне или Гудериане персонально, а просто книгу о войне, то и там тигриная доля — о них же, о даровитых германских стратегах и о тех, кто их сокрушил: американских и британских генералах.

Вот британский школьный учебник. Издание Оксфордского университета: история XX века. В учебнике из 380 страниц 78 о том, как британская армия по африканским пустыням Роммеля гоняла и его таки разгромила, правда, захватить не сумела. А о том, что германская армия воевала еще и на Востоке, в том же учебнике ОДНА страница. Но какая! Наглядность — главный принцип обучения.

Лучше раз увидеть, чем сто раз услышать. Потому на всю страницу — мастерски выполненный рисунок: Сталин у глобуса. Оттого, что рисунок почти фотографического качества, создается впечатление полной реалистичности. Увидев его, мне нестерпимо захотелось сокрушить в руины книжный магазин на Чаринг Кросс.

Но спохватился. Не магазин виноват, да и не Оксфордский университет пустил в оборот историю о сталинском глобусе. Эта история на длинных и тонких ногах пошла в свет из исторического доклада, которым наш дорогой Никита Сергеевич услаждал XX съезд КПСС. Хрущёв с упоением рассказывал о сталинской слепоте и трусости, а съезд бурно реагировал на хрущевские откровения. Лучшие люди страны одиночными воплями и дружным отлаженным хором выражали возмущение сталинской глупостью.

Со времен того съезда история о глобусе прижилась и укоренилась. Человек мыслит образами. Вот тебе, человечество, яркий немеркнущий образ: придурковатый Сталин обстановки не знал, в детали не вникал, руководил войной по глобусу!

Кстати, существует довольно много снимков как сталинского кабинета, так и кабинета Гитлера в имперской канцелярии. Так вот, у Гитлера в кабинете стоял огромный глобус, а в кабинете Сталина глобуса не было. Кроме того, глобусы стояли и в других резиденциях Гитлера. Существует достаточно свидетельств, что именно Гитлер руководил войной по глобусу. Вот одно из них:

В гостиной «Бергхофа» стоял большой глобус... Один из военных адъютантов многозначительно показал мне обычную карандашную черту— с севера на юг, по Уралу. Так Гитлер пометил, где будет кончаться область государственных интересов Германии и начинаться сфера интересов Японии (Шпеер А. Воспоминания. С. 257).

И почему-то никто не изображает Гитлера, рисующего свои будущие границы на глобусе. И почему-то Хрущёв и многочисленные его прихлебатели, начиная с Некрича, приписывали и продолжают приписывать Сталину гитлеровскую дурь.

На той единственной странице в британском школьном учебнике, под тем рисунком — семь (СЕМЬ!) строк о нашей войне. В эти семь строк оксфордские мудрецы втиснули всю хрущевско-жуковскую грязь: неготовность Советского Союза, неспособность, тупоумие, обезглавленная армия, одна винтовка на троих и горе-полководец Сталин у глобуса.

Выходит (и не только из оксфордского учебника), что у нас — горе-полководцы, а британские генералы самого Роммеля сокрушили.

Чем же он знаменит, этот самый Роммель? Чем знамениты Гудериан и Манштейн? Прежде чем разбираться с заслугами гитлеровских стратегов, зададим вопрос:

ПОЧЕМУ ПОСЛЕ ВОЙНЫ ИХ НЕ ПОВЕСИЛИ?

Если нельзя было повесить всех, то следовало повесить хотя бы главных. С Роммелем все ясно — он то ли выбрал самоубийство, то ли ему помогли словом и делом самоубийство совершить. Но Гудериан и Манштейн отделались легким испугом.

Может быть, были овечками невинными? Не очень они на тупорылых овечек похожи.

Агрессивная война стала возможной потому, что было создано орудие агрессии — германские танковые войска. Отец и создатель германских танковых войск — Гудериан. Без него никакие захваты были бы невозможны. Не было бы германских танковых войск — не было бы и захваченных территорий, не было бы и Освенцима, не было бы и других лагерей смерти и множества преступлений, которые гитлеровцы сотворили в чужих странах. Гудериан виновен не только, так сказать, вообще, но виновен в конкретных военных преступлениях.

19 сентября 1941 года пал Киев. Причина в том, что 2-я танковая группа Гудериана обошла Киев огромным крюком. А через десять дней, 29 сентября 1941 года, начались массовые казни в Бабьем Яре. Это в Киеве.

В 1945 году Гудериан попал в плен. Советским обвинителям ничего не стоило связать Гудериана и Бабий Яр одной веревочкой и на той веревочке Гудериана повесить. Но советские обвинители, которыми руководил Андрей Януарьевич (в народе — «Ягуарьевич») Вышинский, почему-то Гудериана к ответу не призвали.

Защитники нацизма говорят: во всем виноват Гитлер и СС, а доблестная германская армия преступлений не творила. Бабий Яр — работа СС, честный солдат Гудериан тут ни при чем. Ладно. Допустим, Гудериан за Бабий Яр ответа не несет. Но в киевском котле в руки Гудериана попали сотни тысяч солдат и офицеров Красной Армии. Многие тысячи офицеров и комиссаров были истреблены в первые дни, когда еще находились под конвоем солдат Гудериана, то есть у него в плену. Вот бы ему обвинительное заключение предъявить! Но нет.

С июля 1944 года Гудериан — начальник Генерального штаба сухопутных войск. За все, что творилось на фронте и в тылах, он нес полную ответственность. На его шею можно вешать все, что нравится, и эту шею сунуть в петлю. Его можно было судить хотя бы за «выжженную землю» при отступлении, за разрушенную до фундаментов Варшаву, за истребление ее жителей, за подготовку к полному уничтожению Кракова. Гудериану можно было ставить в вину уничтоженные города и взорванные мосты, снесенные заводы и сожженные деревни, расстрелянных заложников и любое количество невинно убиенных. Но на Нюрнбергском процессе Гудериан был свидетелем. Жертвы нацизма тоже были свидетелями. К ним приравняли «невинного» Гудериана.

дело его рук. Это он предложил план операции. Это он лично настоял перед Гитлером на том, чтобы другие варианты были отвергнуты, а его план осуществлен.

Франция пала, а британская армия бросила все свое вооружение в Дюнкерке и унесла ноги с континента только по счастливому стечению обстоятельств. И не сидел Манштейн в кабинете, а вместе с Гудерианом и прочими генералами претворял свой план в жизнь (точнее — в смерть), проявив изрядное злодейство.

Повесить его!

Но советские товарищи рассудили иначе: подумаешь, разгром Франции! Это не преступление. И французские судьи покорно поддакивали.

С 22 июня 1941 года Манштейн воевал в Прибалтике. Что там творилось, напоминать не буду. Там творились вещи, мягко говоря, жуткие. В прямом и непосредственном подчинении Манштейна была самая свирепая из всех дивизий СС — «Мертвая голова». За похождения этой дивизии Манштейна следовало на цепи тащить в суд: он голова над «Мертвой головой». Советские обвинители могли (и должны были!) выставить Манштейну счет за Прибалтику. Не выставили.

В 1942 году Манштейн воевал в Крыму. Там он учинил кровавую резню, сравнимую по масштабам с той, которую Пятаков, Бела Кун и Землячка в том же Крыму устроили по окончании Гражданской войны. И за Крым Манштейну можно было выставить счет. Были и другие с ним счеты. Но советские обвинители проявили удивительный гуманизм. За ту резню Сталин вывез всех крымских татар из Крыма, вместе с дряхлыми старухами, которые никого не резали, и грудными младенцами, которые появились на свет уже после тех событий. Но Манштейна, который руководил резней, или, по крайней мере, попустительствовал ей, почему-то в Казахстан не увезли.

Манштейн — военный преступник. Он был осужден... британским судом за преступления, совершенные в 1940 году во Франции. Не за подготовку и планирование агрессивной войны, а за расстрел военнопленных. (Его, правда, пожалели и быстро выпустили.)

А Советский Союз к Манштейну претензий не имел.

4

На Нюрнбергский процесс советская сторона вызывала удивительных свидетелей. Пример: генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс. Это он, Паулюс, планировал агрессивную войну против Советского Союза. Именно его вариант нападения был принят и осуществлен.

Вдобавок он еще и на советской территории воевал. И очень даже преуспел. За год проскочил воинские звания от генерал-лейтенанта до генерал-фельдмаршала. Паулюс прорвался на восток очень далеко — аж до Сталинграда. Там он стал первым за всю историю германским генералфельдмаршалом, попавшим в плен. Паулюс командовал 6-й армией с января 1942 по январь 1943 года. Любые преступления солдат и офицеров 6-й армии можно было ставить в вину Паулюсу.

Вот бы кого в петельку!

Но наши компетентные органы решили: Паулюс — не преступник. Он — свидетель преступлений.

Может быть, британские и американские судьи несговорчивыми были, не согласились Паулюса повесить? Прежде всего, они были сговорчивыми. Но если бы они и были несговорчивыми, то Паулюса можно было бы повесить и без Нюрнбергского процесса. У Сталина был выбор: пытками загнать Паулюса в смерть, объявив о естественной кончине, или судить его открытым или закрытым судом в Советском Союзе. А можно было бы его в железной клетке и в Нюрнберг доставить не как свидетеля, а как обвиняемого в чудовищных преступлениях: вот он — главный архитектор вторжения и один из главных исполнителей. Не хотите Паулюса в Нюрнберге вешать? Черт с вами, он наш пленник, вернем в Лефортово и открутим голову и все остальное, что откручивается.

Но Паулюсу голову не открутили. Его даже не судили.

Так, может быть, вообще никого из германских стратегов после войны не судили?

Нет, судили. И казнили. В Нюрнберге были осуждены и повешены генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель и генерал-полковник Альфред Йодль. Вина: они планировали агрессивную войну.

Тут самое время издать вопль удивления.

5

Мы помним, что в гитлеровской Германии штабы громоздились над штабами. Казалось бы, самые высокопоставленные штабы должны заниматься планированием войны против Советского Союза. Но все было не так.

Оттого, что война против Советского Союза представлялась простой, короткой и легкой, большие штабы и величайшие стратеги — Кейтель и Йодль — не утруждали себя планированием боевых действий на Восточном фронте. Они в такие мелочи не вникали. У них полет выше. Потому замысел войны против СССР разрабатывался не на уровне главного командования вермахта, а ниже — в Генеральном штабе сухопутных войск. «Барбаросса» вызревала не в ОКБ, а ниже — в ОКХ. Указания о разработке директивы №21 на проведение операции «Барбаросса» шли по следующей цепи:

- верховный главнокомандующий Гитлер;
- главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал фон Браухич;
- начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Гальдер.

По приказу Гальдера предварительные расчеты проводил полковник фон Грейфенберг. Первые наброски делал генерал-майор Маркс. Маркса сменил генерал-майор Фридрих Паулюс.

С сентября 1940 года по январь 1942 Паулюс был первым обер-квартирмейстером Генерального штаба сухопутных войск. В переводе на понятный нам язык — начальник оперативного

управления, то есть творец всех планов. Стрелки, указывающие направления ударов по СССР в плане «Барбаросса», нарисованы его рукой.

5 декабря 1940 года соображения Паулюса были доложены Гитлеру. Докладчик — Гальдер. Доклад — в присутствии фон Браухича и генерал-майора Бранда. Вот их-то и следовало вешать за подготовку агрессивной войны — Браухича, Гальдера, Маркса, Паулюса. И Грейфенберга с Брандтом — за компанию.

По мере вызревания замысла круг посвященных расширялся: сначала к подготовке были привлечены командующие группами армий, затем — командующие армиями и танковыми группами, потом — командиры корпусов и дивизий. Все они включались в дело и тоже рисовали стрелки на картах. И вот в феврале 1941 года Паулюс в штабе 2-й танковой группы Гудериана отрабатывает на картах варианты действий.

28 февраля 1941 года Паулюс докладывал Гальдеру, что Гудериан задачу понял, военная игра на картах показала, что план Паулюса, по мнению Гудериана, осуществим. Потому и Гудериана следовало вешать в числе авторов плана, как и всех командующих группами армий, полевыми армиями и танковыми группами. Не мешало бы и командиров корпусов с командирами дивизий.

Почему же советские обвинители потребовали казнить Кейтеля и Йодля, если знали, что «Барбаросса» — не их творение?

6

Чем же занимались Кейтель и Йодль?

Кейтель и Йодль — штабные крысы. На советской территории они не воевали. И на других территориях — тоже. Они просидели всю войну в берлинских кабинетах и бункерах. Они занимались проблемами поистине стратегическими. Кейтель и Йодль смотрели шире, дальше. Для них разгром Советского Союза — дело решенное еще до того, как появились первые стрелочки на картах. Войну против Советского Союза они мысленно пропускали как проблему уже решенную и смотрели далеко вперед в стратегическую перспективу.

Повседневным планированием — то есть такими мелочами, такой рутиной, как разгром Красной Армии, — пусть занимаются исполнители рангом пониже. Кейтель и Йодль руководили войной в мировом масштабе. Подозреваю, что руководили по глобусу.

17 февраля 1941 года Гитлер приказал генерал-полковнику Альфреду Йодлю разработать план вторжения через Афганистан в Индию (ВИЖ. 1961. №6. С. 88). Афганистан они мыслили взять наскоком и, не задерживаясь, пройти триумфом через Индию. Уж очень им не терпелось вымыть сапоги в Индийском океане.

11 июня 1941 года Йодль под руководством Кейтеля завершил разработку знаменитой директивы №32 о том. что делать после победоносного разгрома Красной Армии: осенью 1941 года

нанести удары из Ливии через Египет в Иран и далее— в Индию; из Болгарии через Турцию на Ближний Восток.

И вот советские обвинители требуют смерти для Кейтеля и Йодля за то, что они хотели сапоги в океане вымыть. Вот это преступление! Американские, британские, французские судьи кивали головами: это чудовищно! Повесить Кейтеля и Йодля за намерения! И суд выносит смертные приговоры.

Кейтеля и Йодля, авторов фантастических, никогда не осуществленных планов покорения Афганистана, Ирана, Турции, Индии и Египта, повесили.

Итак, одних судят и вешают. Других не судят и не вешают. По каким же критериям выбирают?

Только не подумайте, что я противник сурового наказания нацистам. Вовсе нет. Я очень даже большой энтузиаст. Но у меня вопрос: почему составление фантастических прожектов — преступление, а разработка и *осуществление* планов разгрома всех армий Европы и захват всех европейских государств — не преступление? Да черт с ними, со всеми Франциями, Бельгиями, Голландиями и Грециями, — но почему за разработку и осуществление «Барбароссы» наши обвинители никого к ответу не требуют?

Кстати, Красная Армия и британская армия в августе 1941 года оккупировали Иран, а наши компетентные вездесущие органы еще и устроили там государственный переворот. Если оккупация Ирана — преступление, то надо было в Нюрнберге советских и британских генералов вешать: они Иран захватили, а Кейтель с Йодлем только замышляли захват.

И если разработка плана покорения Афганистана — преступление, то что прикажете делать с нашими доблестными покорителями Афганистана? У нас-то опыт афганский куда как шире и глубже, чем у Йодля и Кейтеля. И не два человека у нас этой проблемой занимались. И не только теоретически. У нас полководцев, терзавших Афганистан, целый табун. А имена-то какие: генерал-полковник Тухаринов, маршал Советского Союза Ахромеев, генерал-полковник Кривошеев, маршал Советского Союза Устинов, генерал армии Грачев, генерал-полковник Громов, генерал-лейтенант Лебедь, генерал армии Гареев, генерал-майор Руцкой.

Их тоже вешать прикажете? Чем, скажите, они хуже Кейтеля и Йодля? Кейтель с Йодлем на землю Афганистана ни разу не вступили. А наши генералы и маршалы почти десять лет там проливали чужую кровь без причины, без повода, без толку и без пользы.

7

В Нюрнберге повесили не только Кейтеля и Йодля. Там же был осужден и повешен министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп.

А ведь странно. С 1934 года Риббентроп — специальный уполномоченный по вопросам РАЗОРУЖЕНИЯ. С 1936 года — посол в Великобритании. Британию он любил, был убежденным

англофилом, сделал все для того, чтобы между Германией и Британией не было войны.

С 1938 года Риббентроп — министр иностранных дел. Мюнхенские соглашения? Но их подписывали не министры, а главы правительств, в том числе — правительств Британии и Франции. За Мюнхен Даладье и Чемберлена надо вешать — они под соглашением подписались, а подписи Риббентропа там нет.

Далее Риббентроп прославился только одним — подписанием в присутствии Сталина московского пакта Риббентропа-Молотова. Этот пакт был ключом к началу Второй мировой войны. За это преступление Риббентропа следовало повесить. Но только и Вячеслава Михайловича Молотова следовало бы на той же перекладине вздернуть. Ради равновесия. И товарища Сталина не мешало бы — между ними.

Что за суд такой: Риббентроп подписал пакт о начале Второй мировой войны — и вперед на дощатый помост с люком, который вдруг обрывается под ногами, открывая путь в царство мертвых, а Молотов подписал ту же бумагу — и вот он из-за кулис вместе с товарищем Сталиным руководит Нюрнбергским процессом.

Вторая мировая война начата разделом Польши. Карту раздела подписал и сам Сталин. Размер сталинской подписи — 58 сантиметров. Уж очень был рад наш великий вождь тому, что открывает Гитлеру путь в капкан. Почему же Молотова со Сталиным не вешают за те же деяния, за которые вешают Риббентропа?

Подписав московский пакт о начале Второй мировой войны, Риббентроп по существу отключил германскую дипломатическую машину. Дальше говорили пушки, а не германские дипломаты.

Риббентропа повесили. Но разве не было более достойных кандидатов? Риббентроп не имел прямого отношения ни к Бабьему Яру, ни к блокаде Ленинграда, ни к лагерям военнопленных, в своем подчинении он не имел дивизию СС «Мертвая голова».

Если кто-то виноват, мы бьем виновного, а не первого попавшегося. Неужели Сталин в Нюрнберге вешал просто так, без разбора?

Любое непонятное действие Сталина официальные историки Запада объясняют просто: все от глупости, что с дурака возьмешь?

Это объяснение и тут бы прошло: Паулюса, который войну против СССР планировал и сам в Советском Союзе воевал, Сталин-дурак не тронул, а Кейтеля с Йодлем, которые всю войну в берлинских кабинетах просидели за составлением плана фантастического похода на Индию, повесил. Дурак Сталин, да и только!

Но в данном случае объяснить случившееся сталинской глупостью не выйдет. В Нюрнберге советские судьи делали то, что им нравилось, но все же они были в меньшинстве. Советский обвинитель — один, а западных обвинителей — трое: от США, Британии и Франции. Как же, господа великие юристы демократического Запада, получилось, что вешали не самых достойных? Вы-то куда

смотрели?

Каждый советский человек слышал, что был какой-то там процесс в Нюрнберге, знал наши обвинения и помнил результат: кого надо — того повесили.

Так ли?

Вот тут меня и прижмут к стенке: так ты гитлеровцев защищаешь!

Нет, граждане, я обвиняю сталинский режим в том, что он мало вешал гитлеровцев. А если и вешал, то почему-то не тех, кого следовало.

Интересно, почему?

ГЛАВА 22. Зачем Сталину Бессарабия?

Зашедший в тупик и полный страха Гитлер решился в июне 1941 года повернуть на восток и напасть на Советский Союз.

Бэзил Лиддел Гарт. Стратегия непрямых действий. С. 336

1

Между Балтийским и Черным морями — непроходимые болота Полесья Эти болота рассекают весь театр военных действий на два русла, на два стратегических направления. Противник, который идет на Россию с Запада, должен выбирать направление главного удара: севернее Полесья или южнее. Традиционно завоеватели с Запада шли севернее Полесья: Варшава — Брест — Минск — Смоленск — прямой путь на Москву. Перед стратегами Гитлера тоже стоял вопрос: нанести главный удар севернее болот или южнее?

Стратеги Гитлера решили: нанести главный удар севернее, вспомогательный — южнее. В 1941 году у Гитлера было четыре танковых группы. Из них для действий севернее Полесья выделялись три, южнее — одна.

Советская разведка знала о сосредоточении германских войск, знала, что против Прибалтики и Белоруссии будут действовать три танковые группы, против Украины — только одна. Что надо было делать советскому командованию?

Раз главный удар немцы готовят севернее болот, значит и главные силы Красной Армии надо иметь там же — на Западном направлении. Если бы даже советская разведка ничего не знала о планах Гитлера, то и тогда следовало держать главные силы на Западном направлении. Даже не самому умному ефрейтору ясно: через Белоруссию и Смоленск — прямая дорога на Москву.

Группировка войск — это, образно говоря, положение шахматных фигур на доске. Генеральный штаб — мозг армии. Начальник Генерального штаба — это самый толковый и умный генерал во всей армии. Это он расставляет фигуры так, чтобы партию не проиграть.

С февраля 1941 года Жуков — начальник Генерального штаба. И вот ситуация: 22 июня немцы нанесли главный удар севернее Полесья, разгромили советские армии в Белостокском выступе, и теперь германские танковые группы могут рвануть на Смоленск и Москву, а у Жукова главные силы не тут, а южнее Полесья.

Вопрос: где же хваленая гениальность Жукова? Наиболее угрожаемое направление — севернее болот, завоеватели с Запада всегда шли севернее, а Жуков главную группировку развернул южнее. Последствия такой расстановки сил были катастрофическими. Для отражения удара на Москву пришлось дивизии, корпуса и армии под бомбежкой срочно грузить в эшелоны и гнать с Юго-Западного на Западное направление. Там, опять же под бомбежкой, эшелоны приходилось разгружать и с колес бросать в сражение.

Получалось так: штаб 16-й армии прибыл из-под Шепетовки под Смоленск и разгружается, а батальон связи — неизвестно где. Без связи нет управления войсками. Целая армия осталась без управления. Такая армия называется обезглавленной. И виноват в этом не Сталин, очистивший армию от Седякиных и Алкснисов, Тухачевских и Блюхеров, а Жуков, который в мае и начале июня 1941 года большую часть армий Второго стратегического эшелона двинул не в Белоруссию, а на Украину.

Это только один пример. Таких примеров — уйма. В 19-й армии, которую перебрасывали из района Черкасс под тот же Смоленск, такая же картина: артиллерия разгружается, а снаряды в эшелонах еще не прибыли. Танкисты прибыли, а ремонтники едут. Штаб дивизии — тут, а полки далеко отстали.

Вопрос: о чем же думал гениальный Жуков перед немецким вторжением? Почему самым сильным военным округом Советского Союза перед войной был и оставался не Западный, который стоял на самом опасном направлении, а Киевский?

2

Дело вот в чем. Если бы Жуков думал об обороне, то он, понятно, самую мощную группировку советских войск развернул бы на самом угрожаемом направлении — севернее Полесья. Но Жуков не думал об обороне и ее не планировал.

Направление сосредоточения основных усилий советским командованием выбиралось не в интересах стратегический оборонительной операции (такая операция просто не предусматривалась и не планировалась...), а применительно совсем к другим способам действий.

Это заявил заместитель начальника Генерального штаба ВС СССР генерал армии М. А. Гареев в центральном органе Министерства обороны СССР (Красная звезда. 27 июля 1991 г.).

Советское военное искусство и военное искусство всех времен и народов знает только два основных вида боевых действий: наступление и оборона (Краткий словарь оперативно-тактических и общевоенных слов. М: Воениздат, 1958. С. 61). Все остальные способы боевых действий — только производные от двух главных. По своим целям операции могут быть только наступательными или оборонительными (Советская военная энциклопедия. Т. 6. С. 64). Можно выделить множество других типов операций, но все они будут лишь вариациями наступательных или оборонительных действий.

Так вот, советское командование перед германским вторжением разрабатывало какие-то операции — это факт. Есть множество свидетельств тому, что Жуков, Ватутин, Василевский и многие другие генералы и офицеры Генерального штаба накануне войны работали по 16-17 часов в сутки без выходных и праздников. Они что-то планировали, и это «что-то», по заявлению генерала армии Гареева, не было обороной. Жуков оборонительную операцию не предусматривал и не планировал.

Вот вам задача на сообразительность. Готовилась стратегическая операция. Эта операция могла быть или оборонительной, или наступательной. Оборона отпадает.

А что остается?

3

Если мы готовим внезапный всесокрушающий удар по Германии и ее союзникам, то нам тоже приходится выбирать направление главного удара: севернее Полесья или южнее.

Если ударим севернее, то попадем в Восточную Пруссию, а она сильно укреплена и населена немцами, которые будут сопротивляться. На этом направлении мы идем вперед вдоль берега Балтийского моря, поэтому все реки и речушки мы вынуждены форсировать в их нижнем течении, почти у самого их устья. Среди этих рек — две мощные водные преграды — Висла и Одер. В своем среднем и особенно нижнем течении это предельно трудные для форсирования реки.

Если же мы ударим южнее Полесья, то картина меняется. Мы попадаем в район Кракова. Тут живут поляки, которые после двух лет германской оккупации встретят нас цветами и помогут нам в нашем благородном деле. Тут, на равнинах Польши, нет сверхмощных современных укрепленных районов. Нам не надо тратить огромные усилия на форсирование рек. В своем верхнем течении они серьезными преградами не являются.

Мы наносим удар южнее Полесья, идем вперед, и наш правый фланг защищен горами Чехословакии. Наступающим войскам надо будет беспокоиться об обеспечении только одного своего фланга, а другой прикрыт.

Удар из района Львова на Краков рассекает гитлеровскую коалицию, отрубает от Германии всех ее восточных союзников: Словакию, Венгрию, Румынию, Болгарию.

Удар южнее Полесья— и это главное— отрезает Германию от ее единственного источника нефти в Румынии. Один этот удар сразу приводит к победе Советского Союза во Второй мировой войне.

Далее из района Кракова лучше всего повернуть на север. В этом случае наши войска пойдут к Балтийскому морю, отсекая всю германскую армию от Берлина и внутренних районов Германии. Мы пойдем по коридору, в котором нам никто не страшен: справа наши войска до самого моря прикрыты Одером, слева — Вислой. Контрудары противника тут невозможны. Замысел такой операции — картина дьявольской стратегической красоты.

Только не подумайте, что это я такую красивую операцию придумал. Вовсе нет. Еще в 1920 году Красная Армия шла в Западную Европу. По выражению Бухарина — «непосредственно к стенам Берлина и Парижа». И уже тогда Сталин понимал, что на Берлин надо идти не через Варшаву, а через Львов. Но доказать этого он не смог ни Троцкому, ни Тухачевскому, которые решили бить растопыренными пальцами — и севернее Полесья, и южнее. При этом Тухачевский, который

действовал севернее болот, операцию бездарно провалил и тем сорвал операцию Юго-Западного фронта, который действовал южнее.

В 1941 году Сталин, как и 21 год назад, весьма четко понимал преимущества удара южнее Полесья. Потому самым мощным военным округом Советского Союза был не Западный, который находился на самом опасном направлении, а Киевский, с территории которого удобнее всего нанести смертельный удар по Германии.

План такой операции был найден и впервые опубликован храбрым полковником советского Генерального штаба Даниловым Валерием Дмитриевичем¹⁵. Проведение такой операции позволяло одновременно с ней нанести удар из Белостокского выступа, а также удары двух советских горных армий через Трансильванские Альпы и удар сверхмощной 9-й армии на Плоешти через Галацкий проход. Каждый из этих ударов сам по себе мог быть смертельным для Германии. Наш Генеральный штаб и ведущие военные историки полностью со всем этим согласны:

Нанесение главного удара на краковском направлении во фланг основной группировке противника позволяло в самом начале войны отрезать Германию от балканских стран, лишить ее румынской нефти и разобщить союзников.

Нанесение же главного удара на смежных флангах Западного и Северо-Западного фронтов приводило к лобовому наступлению в сложных условиях местности против сильно укрепленных оборонительных позиций в Восточной Пруссии, где германская армия могла оказать более ожесточенное сопротивление.

И совсем другие условия, а, следовательно, и соображения могли возникнуть, если бы стратегическим замыслам предусматривалось проведение в начале войны оборонительных операций по отражению агрессии. В этом случае, безусловно, было выгоднее основные усилия иметь в полосе Западного фронта. Но такой способ стратегических действий тогда не предполагался (Генерал армии Гареев. Сборник «Мужество». 1991. С. 253).

Все слышали? Проведение оборонительных операций по отражению агрессии в начале войны не предполагалось. А предполагалась операция с целью отсечь Германию от основных источников нефти.

4

В сентябре 1939 года в результате «освободительного похода» Красной Армии в Польшу новая западная граница Советского Союза пролегла так, что в Белоруссии образовался так называемый Белостокский выступ — мощный клин, который, как нос «Титаника», врезался в территорию,

¹⁵ Данилов В. Д. Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность. Отечественная история. 1995. №3. — *Прим. автора*.

оккупированную Германией. То же самое произошло и в районе Львова — получился могучий выступ советской территории. Белостокский и Львовский выступы — это как бы два советских полуострова в немецком море.

В мае — июне 1940 года Гитлер громил армии Британии, Бельгии, Голландии, Франции. Практически вся германская армия воевала на Западе. Там были все лучшие германские генералы, все до последнего германские танки, практически вся авиация и артиллерия. На границе с Советским Союзом оставались только десять предельно слабых германских пехотных дивизий без единого танка и практически без авиационного прикрытия.

В это время Жуков по приказу Сталина совершает новый «освободительный поход» — присоединяет Бессарабию и Северную Буковину. За счет Северной Буковины Львовский выступ был расширен. Его принято называть Львовским, хотя после присоединения Северной Буковины его правильно было бы называть Львовско-Черновицким.

Именно этот шаг Сталина напугал Гитлера. Именно с этого момента и началась разработка замысла разгрома Советского Союза. Исторической наукой установлено, и никто с этим не спорит: до советского «освобождения» Бессарабии и Северной Буковины никаких планов войны против Советского Союза у Гитлера не было.

Зачем же Сталину и Жукову потребовалась эта самая Бессарабия и Северная Буковина? И если без них нам никак не прожить, то неужели нельзя было найти более подходящий момент для «освобождения»? Гитлер воюет против Франции и Британии, его тыл ничем не защищен, а Сталин с Жуковым в этот момент вознесли булатный нож над единственным для Гитлера источником нефти, над нефтяным сердцем Германии.

Было от чего Гитлеру перепугаться.

5

Вот официальный советский ответ на вопрос, зачем нам Бессарабия и Северная Буковина:

С территории Бессарабии советская авиация могла держать под угрозой нефтяные промыслы Румынии, которая была главным поставщиком нефти для Германии. Северная Буковина нужна была потому, что через ее территорию проходила рокадная железная дорога стратегического значения от Одессы через Кишинев, Черновцы на Львов, имеющая европейскую колею и позволявшая использовать подвижный состав по железным дорогам Европы.

Это написал один из наших ведущих военных историков, блестящий знаток начального периода войны полковник А. С. Орлов в «Военно-историческом журнале» (ВИЖ. 1991. № 10. С. 17). А вот что по этому же поводу говорил Гитлер за полвека до полковника Орлова:

Совершенно очевидно, что Советы намеревались направить развитие

событий на Балканах в нужном для них направлении и тем самым превратить их в плацдарм, весьма удобный для нападения на нас и остальные страны Европы. И, делая все для достижения этой цели, они одновременно изъявляли готовность заключить торговые договора на самых, казалось бы, выгодных для нас условиях, чтобы, как только приготовление к нанесению решающего удара будут закончены, отрезать нас от нефтяных источников. Летом 1941 года они намеревались нанести сокрушительное поражение Румынии, ибо это была единственная страна, кроме России, которая поставляла нам нефть (Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. 27 июля 1942 г.).

Сопоставим слова Орлова и Гитлера: один к одному. Восстановим хронологию: Гитлер воюет на Западе, планов нападения на Советский Союз не вынашивает. В это время Красная Армия захватывает Бессарабию, чтобы «держать под угрозой нефтяные промыслы Румынии». Гитлеру это не нравится и он приказывает начать разработку планов разгрома Советского Союза, чтобы не попасть под советский удар.

Гитлер и Орлов приводят те же аргументы и даже говорят тем же языком. Слова Гитлера и Орлова никогда никем не были опровергнуты. Министерство обороны России и Генеральный штаб не уличили ни Гитлера, ни Орлова в искажении фактов.

Одно из двух:

- или в Министерстве обороны России и в Генеральном штабе засели гитлеровцы;
- или в данном случае Гитлер и Орлов сказали правду, которую невозможно и незачем опровергать.

Полковник Орлов пошел дальше Гитлера. Он говорит не только о реальной советской угрозе единственному для Германии источнику нефти, но и о подвижном составе для европейских железных дорог.

В Советском Союзе широкая колея. В Центральной и Западной Европе — узкая. В сентябре 1939 года при разделе Польши Красная Армия захватила половину польских паровозов и вагонов. На территории Советского Союза они не нужны, ибо колея на «освобожденных» территориях срочно перешивается на широкий советский стандарт.

Но Сталин готовил «освобождение» Германии и всей остальной Европы. В ходе первых операций, пока германская колея не перешита на советский стандарт, требовалось много паровозов и вагонов с узкой колеей для снабжения стремительно уходящих на запад советских войск. Захваченных в Польше паровозов и вагонов для подачи миллионов тонн вооружения, боеприпасов, жидкого топлива, запасных частей и прочего было явно недостаточно. Вот еще одна цель захвата Бессарабии и Буковины — увеличение парка паровозов и вагонов для дорог с узкой колеей. А в оборонительной войне паровозы и вагоны, захваченные в Польше, Бессарабии и Северной Буковине,

были совершенно не нужны.

Итак, Сталину Бессарабия и Северная Буковина потребовались вовсе не для обороны, не затем, чтобы сюда «народам счастье принести». Замысел Сталина шире и глубже: взять Адольфа за горло (нефтяное) и «осчастливить» всю Европу.

6

Элементарная военная логика подсказывала: если мы намерены обороняться, то в Белостокском и Львовском выступах войска держать нельзя. Наши войска в выступах уже в мирное время с трех сторон окружены противником. Их фланги открыты и уязвимы. Внезапный стремительный немецкий удар по флангам этих выступов отсекает лучшие части Красной Армии от главных сил и баз снабжения. Такая группировка советских войск в случае нападения противника неизбежно и немедленно вела к катастрофе.

Именно это и случилось в 1941 году. На территории Киевского военного округа до германского вторжения был тайно развернут самый мощный советский фронт — Юго-Западный. В его составе — четыре армии. Три из них — во Львовском выступе. Уже в мирное время эти три армии почти окружены. Гитлеровцам осталось захлопнуть мышеловку.

22 июня очень слабая 1-я немецкая танковая группа ударом на Луцк, Ровно и Бердичев отсекала сразу все три советских армии в Львовском выступе: 12-ю (горную), 6-ю и 26-ю. 1-я танковая группа сразу же вышла на оперативный простор и пошла по советским тылам, опрокидывая и давя аэродромы, штабы, госпитали. Тут, в тылах, — невиданные запасы советского вооружения, бензина, боеприпасов, продовольствия, медицинского имущества и так далее. Любопытствующим рекомендую читать дневник Гальдера: немцами захвачены трофеи воистину небывалые.

А перед тремя советскими армиями в Львовском выступе стоит задача с двумя решениями, каждое из которых означало катастрофу: оставаться в мышеловке и ждать, когда 1-я танковая группа окончательно замкнет кольцо окружения, или бежать на восток, бросив все, что нельзя унести на себе. Они побежали. Вскоре остались без бензина и без боеприпасов.

В итоге от одного весьма слабого удара весь советский Юго-Западный фронт рухнул. Но это не все. Этот же удар ставил под угрозу и весь Южный фронт. Вырвавшись на простор, 1-я танковая группа могла выбирать любое направление: все пути открыты. Можно ударить в тыл Южному фронту. Можно ударить на Киев. Если Киев защищают, можно, не ввязываясь в сражения, ударить по металлургической базе Украины — по Днепропетровску, Днепродзержинску, Запорожью. Или ударить в Крым. Можно выйти к базам Черноморского флота и захватить их. Можно взять Днепрогэс. Можно переправиться через Днепр и взять Донбасс.

Но Гитлер к войне не готовился: столько открытых направлений, а у него против всей Украины, Молдавии, Крыма, Донбасса, Дона, Северного Кавказа всего только одна танковая группа, в которой

В Белоруссии Красной Армии пришлось хуже. Западный фронт тоже имел в своем составе четыре армии. Основные силы фронта — в Белостокском выступе. Две германские танковые группы нанесли удары по незащищенным флангам и сомкнулись восточнее Минска. В котле оказались 3-я, 10-я и 13-я армии. Западный фронт рухнул так же стремительно, как и Юго-Западный, как и Южный.

Шахматы — это самая примитивная модель войны. Любители шахмат не дадут соврать: сила любой фигуры резко меняется в зависимости от занимаемого положения. На одной клетке конь силен и страшен, а на соседней он уязвим и немощен. Случается, что даже ферзь попадает в дурацкое положение. Случается, что пешка находится в таком положении, когда одним ее ходом можно выиграть всю партию.

Работа начальника Генерального штаба заключается в том, чтобы расставить свое воинство с максимальной пользой. И вот вопрос: неужто перед войной великому Жукову было не ясно, что загонять огромное количество войск в выступы-мышеловки нельзя? Зачем же гениальный Жуков столько сил, причем лучших, подставлял под удар и сгубил?

Ответ на эти вопросы дал один из самых блистательных советских полководцев, заместитель командующего Волховским фронтом, командующий 2-й Ударной армией генерал-лейтенант Андрей Андреевич Власов. 22 июня 1941 года он был генерал-майором, командиром 4-го механизированного корпуса в Львовском выступе. В 1942 году он был предан командованием Ленинградского и Волховского фронтов и в результате их предательства попал в плен. В протоколе его допроса 8 августа 1942 года записано:

По вопросу о намерении Сталина напасть на Германию Власов заявил, что такие намерения, несомненно, существовали. Концентрация войск в районе Львова указывает на то, что удар против Румынии намечался в направлении нефтяных источников... К немецкому наступлению Красная Армия подготовлена не была. Несмотря на все слухи о проводимых Германией соответствующих мероприятиях, в Советском Союзе никто не верил в такую возможность. При подготовке русские имели в виду только собственное наступление (Красная звезда. 27 октября 1992 г.).

Тут самое время издать вопль возмущения. **Издадим же его! Мерзкий предатель** Власов клевещет на Красную Армию, на миролюбивый Советский Союз. Пусть будет проклято в веках его имя!

Давайте накричимся до слез, а накричавшись и успокоившись, задумаемся вот над чем: другого объяснения концентрации советских войск в Львовском и Белостокском выступах нет. Другого объяснения пока никто придумать не смог. И то, что говорил Власов на допросе в немецком

плену, через 50 лет повторили полковник Орлов и генерал армии Гареев. И не они одни.

Что же получается? Орлов и Гареев — тоже власовцы? Или гитлеровцы?

В этой главе мы говорим не о румынской нефти, а о группировке советских войск, которая была почти самоубийственной для Красной Армии и совершенно непригодной для обороны страны, но такая группировка позволяла нанести Германии поражение в ходе внезапной скоротечной наступательной операции в очень короткое время.

Уяснив это, мы вернемся в 1946 год на Нюрнбергский процесс.

ГЛАВА 23. Нюрнбергский выбор

Коммунизм и фашизм— во многом явления одного порядка с той существенной разницей, что последний раздавлен и проклят, тогда как коммунизм куда более коварен и потому живуч.

Эдуард Кузнецов. Выступление в парижском Дворце Конгрессов 2 октября 1985 г.

1

Изучение материалов Нюрнбергского процесса в Советском Союзе решительно и жестко пресекалось. На английском языке материалы процесса выпущены в 116 томах. А у нас при Сталине материалы процесса не публиковались вообще. При Хрущёве выпустили... семь томов. На том дело и заглохло. Казалось бы, Советский Союз вел войну святую и освободительную, мы — самая пострадавшая сторона, нам бы громче всех трубить о возмездии, настигшем нацистских агрессоров. Неужто британцам или американцам в 16 раз больнее, чем нам?

Почему же нашему народу наши вожди, мягко говоря, не рекомендовали вникать в детали? Любопытных ласково успокаивали тем, что лет через сто, через двести, «когда придет время», материалы Нюрнбергского процесса будут частично рассекречены. А сейчас, говорили нам, время еще не пришло. Между тем даже при самом поверхностном взгляде на ход процесса выплывают изумительные факты. Интересующимся настоятельно рекомендую найти и три раза прочитать блестящую статью А. Плутника «Тайны Нюрнбергского процесса не раскрыты и 50 лет спустя» (Известия. 13 октября 1995 г.).

А мы с вами снова оказались у той же самой печки. Мы снова столкнулись с удивительным парадоксом: история-то у нас секретная, изучение истории почему-то запрещено и преследуется. И все тот же вопрос на повестке дня: если война была святой и освободительной, если суд над гитлеровцами был праведным, то почему материалы процесса спрятаны от народа? Что это вы там, кремлевские товарищи, от нас прячете?

2

Нюрнбергский процесс с советской стороны направлял товарищ Вышинский Андрей Януарьевич. Но и за Вышинским кто-то стоял. И дергал за веревочки. И был это — товарищ Сталин. Это он выдвинул идею и настоял на проведении процесса. Сталин был главным режиссером Нюрнберга, хотя в то время еще не все это понимали.

Нюрнбергский процесс готовился Сталиным с такой же тщательностью, как и Маньчжурская стратегическая наступательная операция. Интересы Советского Союза на процессе защищались так же яростно, как и руины Сталинграда. Все, что делал Сталин, особенно в таком деле, имело смысл и железную логику. Эта логика понятна, когда вешают Розенберга: он руководил германскими

оккупационными органами на территории Советского Союза. Мы знаем, чем он занимался. Но была железная сталинская логика и в приговорах Риббентропу, Кейтелю и Йодлю.

Собака вот где зарыта. Министр иностранных дел Риббентроп заявил на процессе, что война Советскому Союзу была объявлена. Советские обвинители это категорически отрицали. Доказательство у советских обвинителей стандартное: а где документ?

Риббентроп: так ведь наш посол в Москве фон дер Шуленбург ранним утром 22 июня 1941 года вручил Молотову соответствующие документы!

Наши: не было такого!

Риббентроп: а я, кроме того, лично в тот же момент в Берлине вручил такие же документы вашему послу Деканозову.

Наши — свое: не было такого. Не можем мы никакого документа найти, а раз не можем найти, значит нам его не вручали, а раз не вручали, значит война не была объявлена.

Судьи США, Британии и Франции в знак одобрения покорно головами качали: раз советская сторона не может найти документы об объявлении войны, значит немецкая сторона их не вручала. И в приговор вписали: «22 июня 1941 года Германия без объявления войны...» (Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Т. 5. С. 569).

И — конец Риббентропу.

3

И нам десятилетиями вбивали в головы: без объявления войны! А потом вышли мемуары Маршала Советского Союза Жукова:

В кабинет быстро вошел В. М. Молотов:

— Германское правительство объявило нам войну.

И. В. Сталин опустился на стул и глубоко задумался

(Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. С. 248).

В том далеком 1969 году меня, совсем зеленого лейтенанта, эти строки сразили наповал. Тогда в первый раз шевельнулось у меня подозрение: что-то неладно с этим самым Жуковым и его мемуарами. В каждой книге о войне сказано: без объявления. И в каждой советской газете раз в год 22 июня: без объявления. Одно из двух: или Жуков не читал ни газет, ни книг про войну, или он не читал своих мемуаров.

Но вот что интересно. Вся красная пропаганда, все эксперты, а за ними и сотни миллионов людей во всем мире продолжают повторять: без объявления войны. И эти же миллионы людей читают Жукова: «Германское правительство объявило нам войну».

Откровения Жукова переведены на все мыслимые языки. Неужели всем читающим не ясно, что у кремлевских агитаторов не стыкуются самые простые вещи? Неужели не понятно, что наши

пригэбленные историки, идеологи и мемуаристы не способны увязать самые основные моменты?

Кто же прав — Риббентроп и Жуков, которые утверждали, что война была объявлена, или обвинители и судьи Международного трибунала в Нюрнберге, которые записали в смертный приговор Риббентропу, что война не была объявлена?

Прав был Риббентроп. И Жуков. Война была объявлена. И теперь это признано даже официальной советской исторической наукой:

В том же духе был составлен меморандум, врученный И. Риббентропом 22 июня советскому послу в Берлине. В нем утверждалось, что Советское правительство стремилось взорвать Германию изнутри и готово в любой момент осуществить агрессию против нее. Столь «опасное положение» будто бы и вынудило нацистское правительство начать войну (История Второй мировой войны. Т. 4. С. 31).

Почему же советские обвинители в Нюрнберге отрицали факт объявления войны? Почему наши обвинители врали, что Риббентроп 22 июня 1941 года не вручал никакого документа советскому послу в Берлине? Почему обвинители, мягко говоря, совершали преступление против правосудия, почему шили Риббентропу явно вымышленное обвинение?

Дело вот в чем. Молотову в Москве и Деканозову в Берлине помимо ноты Министерства иностранных дел Германии советскому правительству были вручены три приложения к этой ноте:

- 1. Доклад министра внутренних дел Германии, рейхсфюрера СС и шефа германской полиции германскому правительству о диверсионной работе СССР, направленной против Германии и национал-социализма.
- 2. Доклад Министерства иностранных дел Германии о пропаганде и политической агитации советского правительства.
- 3. Доклад Верховного командования германской армии германскому правительству о сосредоточении советских войск против Германии.

В тот же день, 22 июня 1941 года, через несколько часов после получения этих документов, заместитель председателя СНК и Нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов выступил по радио с обращением к советскому народу. Слово не воробей — Молотов на весь мир сообщил, что Германское правительство предъявило претензии, и эти претензии Молотовым получены. Более того, Молотов сообщил, какие именно претензии предъявлены:

Германское правительство решило выступить с войной против СССР в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы (Известия. № 147. 24 июня 1941 г.).

Молотов должен был бы сказать: вранье, нет никакого сосредоточения! Но он этого не сказал. Нота германского Министерства иностранных дел правительству СССР и три приложения к ней ни Молотовым тогда, и вообще НИКЕМ НИКОГДА не были опровергнуты.

И опровергнуть германские претензии нечем.

Советская разведка действительно вела активную разведывательную и подрывную работу против Германии и ее союзников. Теперь мы этого не скрываем, мы этим гордимся. Советское правительство действительно проводило скрытую кампанию неслыханной интенсивности по подготовке советского населения и армии к неизбежному и скорому — в ближайшие недели — всесокрушающему удару по Германии и Румынии. Тем, кто интересуется подробностями, настоятельно рекомендую книгу В. А. Невежина «Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев» 1939–1941» (М.: АИРО–ХХ, 1997).

Советское командование действительно концентрировало небывалое в мировой истории количество войск на границах Германии и Румынии. Интереса ради возьмите подшивки «Военно-исторического журнала» и начните листать. Как только пойдет речь о начале войны, ищите номера дивизий, корпусов и армий. Встретился номер советской дивизии, например 86-й стрелковой, — возьмите карточку и впишите главное, что сказано о ней: командир — Герой Советского Союза полковник М. А. Зашибалов; численность дивизии на 1 июня 1941 года — 10258 человек; 13 июня 1941 года в момент передачи по радио знаменитого сообщения ТАСС дивизия дополнительно приняла в свой состав 4000 резервистов; управление и штаб дивизии — в имении графов Стажевских в городе Цехановец (граница — рядом).

Если не лень, в карточку впишите номера трех стрелковых и Двух артиллерийских полков в составе этой дивизии. И не забудьте главного: дивизия не готовилась к обороне, не рыла окопов и траншей, не строила блиндажей и огневых точек. Первые снаряды войны попали в штаб, где сгорели все документы и боевое знамя дивизии.

Такие подробности с удивительным постоянством вам будут попадаться и дальше. В Прибалтике, в штабе 125-й стрелковой дивизии, случилось то же самое происшествие. И в Бресте, в штабе 22-й танковой дивизии, — то же.

Вернемся к 86-й стрелковой дивизии. Она входила в 5-й стрелковый корпус 10-й армии. Заводите карточку на 5-й стрелковый корпус, которым командовал генерал-майор А. В. Гарнов, и еще одну карточку на 10-ю армию. Напишите на маленьком флажке «86 сд» и воткните в карту. Воткните еще два флажка рядом: «5 ск» и «10 А». Занятие удивительно увлекательное. Большого ума не надо. Нужен интерес.

Картина возникает как изображение на листе фотобумаги, опущенной в проявитель: вначале неясно и расплывчато, потом — контрастно и четко. Весьма скоро на вашей карте возникнет частокол флажков на советских западных границах, и вы с удивлением отметите, что новые флажки в приграничной полосе просто некуда втыкать.

А если вы будете отмечать еще и аэродромы, госпиталя, склады, командные пункты фронтов и

узлы связи, то весьма скоро потребуется клеить огромную карту на всю стену— на обыкновенной вам всех этих дивизий не уместить. И карточек на дивизии, корпуса и армии у вас наберется очень много.

Сведения, которыми вы руководствовались, — не из ноты гитлеровца Риббентропа, а из официального органа Министерства обороны СССР (теперь — РФ). Так что не врал Риббентроп, вручая ноту о небывалой концентрации советских войск.

Так может быть, все эти дивизии, корпуса и армии выдвигались к границам для обороны? Опять же нет. Гэбучие агитаторы повторяют, что сосредоточение советских войск на границах осуществлялось в целях оборонительных, в предвидении германской агрессии. Ответ им простой: пусть назовут номер хотя бы ОДНОЙ советской дивизии, которая перед германским вторжением отрыла окопы полного профиля и встала в оборону, как это было сделано летом 1943 года на Курской дуге. Так вот: ни одна из двухсот советских дивизий на западной границе в обороне не стояла.

22 июня 1941 года в первый момент войны Молотову не пришло в голову отрицать факт поистине чудовищной концентрации советских войск на границах Германии и Румынии. Но 3 июля 1941 года по радио выступил Сталин. Он уже не вспоминал о том, что Красная Армия всей своей массой была для чего-то сосредоточена на границе. Сталин не говорил о германских претензиях и причинах войны. Он выразился просто: братья и сестры, враги напали, нам надо обороняться.

Вскоре была пущена в оборот формула: «вероломно без объявления войны». Зачем такая формула нужна? Затем, что германские претензии были обоснованными и отрицать их было невозможно. Потому и решили в Кремле: раз возразить на немецкие претензии нечем, значит объявим, что нам претензии не были предъявлены, не было причин для германского нападения и войну нам никто не объявлял.

В Нюрнберге советские следователи требовали от Риббентропа только одного: скажи, что Советский Союз нападать не собирался; скажи, что Советский Союз был к войне не готов и угрозы не представлял; скажи, что война не была объявлена и никаких документов ты нам не вручал.

Если бы Риббентроп на предварительном следствии принял советские предложения, то немедленно был бы переведен из подсудимых в разряд свидетелей обвинения. Но Риббентроп стоял на своем. В тюремной камере он писал заметки, которые впоследствии были опубликованы:

Крупная концентрация советских войск в Бессарабии вызвала у Адольфа Гитлера серьезные опасения с точки зрения дальнейшего ведения войны против Англии: мы ни при каких обстоятельствах не могли отказаться от жизненно важной для нас румынской нефти. Продвинься здесь Россия дальше, и мы оказались бы в дальнейшем ведении войны зависящими от доброй воли Сталина. Такие перспективы, естественно, должны были побудить у Гитлера недоверие к русской

политике. Он высказал мне, что со своей стороны обдумывает военные меры, ибо не хочет быть застигнутым Востоком врасплох.

Врет проклятый фашист? Может быть и врет. Риббентроп говорил о том, что Советский Союз мог нанести удар по Румынии, угрожая источникам румынской нефти. Орлов с Гареевым о том же говорили, что и Гитлер в тесном кругу, что и Риббентроп на процессе. Но никто Гарееву и Орлову ни в Советском Союзе, ни в России не возразил и смертного приговора не вынес. И если человека, который настаивал на истинности того утверждения, Советский Союз готов вешать, то почему не повесили министра обороны России и начальника Генерального штаба, которые с мнением Гитлера-Гареева и Рибентропа-Орлова согласны?

4

0 том же на предварительном следствии говорил и генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель. Он стоял на своем:

Нападение на Советский Союз было совершено с целью предупредить нападение России на Германию.. Я утверждаю, что все подготовительные мероприятия, проводившиеся нами до весны 1941 года, носили характер оборонительных приготовлений на случай возможного нападения Красной Армии. Таким образом, всю войну на Востоке в известной мере можно назвать превентивной. Конечно, при подготовке этих мероприятий мы решили избрать более эффективный способ, а именно: предупредить нападение Советской России и неожиданным ударом разгромить ее вооруженные силы. К весне 1941 года у меня сложилось определенное мнение, что сильное сосредоточение русских войск и их последующее нападение на Германию может поставить нас в стратегическом и экономическом отношениях в исключительно критическое положение. Особо угрожаемыми являлись две выдвинутые на восток фланговые базы — Восточная Пруссия и Верхняя Силезия. В первые же недели нападение со стороны России поставило бы Германию в крайне невыгодные условия. Наше нападение явилось непосредственным следствием этой угрозы (Протокол допроса 17 июня 1945 года. ВИЖ. 1961. №9. С. 77-87).

Об этом же говорил и генерал-полковник А. Йодль:

Существовало политическое мнение, что положение усложнится в том случае, если Россия первая нападет на нас (Протокол допроса 18 июля 1945 года. ВИЖ. 1961. **Nº**4. C. 84-91).

Вот за эти слова их и вешали. Даже не за эти слова, а за нежелание от них отказаться.

Мы привыкли гордиться тем, что именно Советский Союз был инициатором проведения Нюрнбергского процесса. Англия и США полагали, что нацистских главарей надо казнить без суда и следствия. Однако Советский Союз — страна большая. Много в ней лесов, полей и рек. И не думается мне, что чабаны с заоблачных пастбищ выдвинули идею проведения Нюрнбергского процесса. Сомневаюсь я и в том, что жители Вышнего Волочка или Усмани были инициаторами. Инициатива, конечно, исходила от товарища Сталина. Во всяком случае, если бы идея Сталину не понравилась, то Советский Союз не стал бы инициатором этого дела.

Вот и прикинем: зачем Сталину процесс, если Британия и США предлагают казнить гитлеровцев без суда и следствия? Может быть, воспитанный на уважении к законам, товарищ Сталин не мог себе позволить бессудной расправы, как это могли позволить себе лидеры США и Британии, которые не привыкли считаться с законами и юристами?

6 марта 1946 года Международный трибунал в Нюрнберге принял решение об официальном издании всех документов процесса, в том числе и стенограмм судебных заседаний на четырех рабочих языках. Проголосовали единогласно. Но на трех рабочих языках документы были опубликованы, а на русском — нет. А ведь это уже не вольная воля: хочу — публикую, хочу — нет. Это официальное решение трибунала, за которое голосовал и представитель Советского Союза.

Снова загадка: сначала требуем проведения процесса, а потом не публикуем его материалов. Зачем же такой процесс был нужен товарищу Сталину?

6

Десятилетия подряд нам рассказывали, что Сталин организовал Нюрнбергский процесс ради того, чтобы в законном порядке наказать злодеев, которые уничтожили миллионы невинных людей. Иными словами, сталинский мотив — благородное стремление к справедливости.

Звучит красиво. Но из этого гладкого объяснения выпирает острый царапающий угол: зачем Сталину наказывать злодеев, если он сам такой? Сталин — верный ученик Ленина, который истреблял людей миллионами. И сам товарищ Сталин от Ленина в этом деле не отставал. И сам товарищ Сталин истребил столько, что Гитлер мог позавидовать, причем Сталин истребил миллионы задолго до прихода Гитлера к власти.

Удивительно: Сталин решил гитлеровцев наказать, но не сам ли Сталин открыл Гитлеру дорогу к власти и преступлениям? И если Сталин руководствовался благородными мотивами наказания злодеев, то ему следовало самому приехать в Нюрнберг и повеситься.

Еще нам рассказывали, что Сталин организовал Нюрнбергский процесс, чтобы судить нацистов за концлагеря. Этот рассказ смешнее первого. В деле организации концлагерей Гитлер был всего лишь верным ленинцем, учеником Антонова-Овсеенко, Бухарина, Троцкого, Сталина. Когда нацистов

судили и вешали в Нюрнберге, нацистские концлагеря на захваченных Красной Армией территориях вовсе не пустовали и еще не были превращены в музеи. Они были включены в систему ГУЛАГа и процветали, только теперь уже не под красным флагом национал-социализма, а под красным флагом интернационал-социализма.

И давайте не будем верить, что Сталин организовал Нюрнбергский процесс ради того, чтобы наказать поджигателей войны. Он сам эту войну организовал. Он — единственный государственный лидер, который присутствовал при подписании московского пакта о начале Второй мировой войны. Если вешать поджигателей войны, то начинать следовало со Сталина.

Удивительно поведение США, Британии и Франции. Представители этих стран сели за судейский стол вместе со сталинскими людоедами, чтобы судить гитлеровских людоедов за людоедство. Так может быть, лидеры западных стран не знали, с кем за судейский стол садятся? Если они этого не знали — значит они идиоты. Если знали — преступники.

Запад предавал демократию не только в Ялте, но и в Нюрнберге. Сев за один судейский стол вместе с коммунистическими палачами, Запад тем самым списал все преступления коммунизма и отдал Центральную Европу на изнасилование Сталину, обосновав это тем, что Сталин ее спас и теперь имеет полное право ею пользоваться по своему усмотрению.

Ах, воскликнут либерально настроенные граждане, да ты решения Международного трибунала в Нюрнберге пересматривать вздумал? Товарищи дорогие, не надо меня обвинять в ваших собственных грехах. Советский Союз игнорировал решения Международного трибунала уже в ходе процесса. Дальше — больше. В Нюрнберге решили, что Вторая мировая война начата гитлеровской Германией, и советские представители под этим подписались. А через четыре десятка лет было заявлено: «Виновниками войны были не только империалисты Германии, но и всего мира» (Красная звезда. 24 сентября 1985 г.). Вот это и есть коренной пересмотр решений Нюрнберга.

Западные лидеры сели за один стол со сталинскими людоедами творить правосудие, и в результате мы имеем полное право их самих зачислить в людоеды.

7

Идея хорошая: главных гитлеровских преступников истреблять без суда и следствия. Так сказать, мочить в сортире. Но не преступники интересовали Сталина и не их преступления. Сталину надо было уничтожить тех, кто обвинял Советский Союз в подготовке агрессии против Европы. Но всех не уничтожишь, ведь многие из таких людей находятся на территориях, не подконтрольных Сталину. Как заткнуть им рты? Ответ: страхом.

Для того Сталин и затеял Нюрнбергский процесс. Сталин показал всем бывшим гитлеровским генералам, адмиралам, офицерам, дипломатам: вот Риббентроп, передо мной он ни в чем не виноват. Наоборот, он привез в Москву такую бумагу, которую я на радостях утвердил подписью

размером в 58 сантиметров. Но я вешаю Риббентропа, чтобы не болтал лишнего.

Вот Кейтель и Йодль, они на моей территории не воевали, планов против моей страны не составляли, а выдумывали фантастические прожекты похода на Индию. Я их тоже вешаю. По той же причине — чтоб не болтали.

А вот преступников Манштейна, Гудериана, Паулюса, Гальдера, Цейтцлера и еще тысячи таких же— милую.

Если мне легко вешать тех, кто на моей территории не воевал, то на любого, кто на советской территории был, я дело состряпаю. Болтните лишнее — и сотни моих свидетелей уличат лично вас во всем, что требуется для вынесения смертного приговора. А писать мемуары так: русские дурачки к захвату Европы не готовились и по причине слабоумия замышлять такого не могли.

Германские генералы правила игры поняли и приняли. Вот образец поведения понятливого генерал-фельдмаршала:

9 января 1946 года Ф. Паулюс обратился с письменным заявлением к Советскому правительству, в котором разоблачал конкретных виновников развязывания Второй мировой войны, рассказывал о допущенных ими зверствах и злодеяниях на оккупированных территориях (ВИЖ. 1990. №3. С. 52–53).

Вот это — именно то, что надо товарищу Сталину. **И** вот свидетель Паулюс появляется в Нюрнберге:

Все присутствующие в зале ожидали, что войдет германский генерал фельдмаршал в истрепанной военной форме с сорванными погонами. Но Паулюс появился в черном костюме при белой рубашке с бабочкой, в лакированных туфлях (там же. С. 53).

В этом эффектном выходе — точнее, выходке, — двойная мерзость. Ты — пленный германский генерал-фельдмаршал. Ты взят в плен в ходе сражения. Сохрани же достоинство. Появись в своем мундире, пусть рваном и истрепанном. Не принимай лакированные штиблеты из рук бериевского вертухая. Прикинь, за какие заслуги тебе выписали заграничный костюм со склада НКВД. Ты же Гитлеру служил. До генерал-фельдмаршала дослужился. Маршальский жезл тебя не смущал. Широкие лампасы на штанах носил — не краснел. А теперь стесняешься? Из Нюрнберга тебя вернут в советский лагерь военнопленных мотать срок. Ты и в лагере среди других пленных генералов в белой рубахе с бабочкой красоваться будешь?

И тут же — наша советская мерзость: за какие заслуги фашиста наряжаем? Какие такие подвиги во славу советской Родины совершил военнопленный Паулюс, что ему штаны новые выписали? А заодно и пиджак. За какую доблесть военнопленный Паулюс сверкающими штиблетами поскрипывает?

Вот сидит на скамье подсудимых Вильгельм Кейтель, такой же генерал-фельдмаршал. Он — в

старом мундире со споротыми погонами, без знаков различия и наград. Почему Кейтеля советские товарищи не обули в лакированные штиблеты? И Геринг в своем мундире. И Йодль. Почему бы и их в новые штаны не нарядить?

А потому их не наряжают, а потому их судят, что они говорят не то, что товарищу Сталину требуется.

На следующей странице «Военно-исторический журнал» описывает, не стесняясь, как после судебного заседания главный советский обвинитель на Нюрнбергском процессе, будущий Генеральный прокурор СССР товарищ Руденко Роман Андреевич в своем рабочем кабинете кормит Паулюса обедом: жри, сука, заслужил!

А к обеду сами знаете что полагается. В той статье, написанной свидетелем происходящего, про водочку не забыто. Правда, сказано, что Паулюс водку сам себе наливал и пил стаканами, а про товарища Руденко и других товарищей ничего не сказано. Знать, непьющие подобрались.

Картиночка — краше не изобразишь. Товарищ Руденко, главный советский обвинитель на Нюрнбергском процессе, товарища Паулюса, того самого, который «Барбароссу» придумал, в своем рабочем кабинете водочкой поит: будешь правильную линию гнуть — лет через пять еще одни штиблеты выпишем.

Если бы мы и не знали этой закулисной гадости, то все равно появление генералфельдмаршала Паулюса на процессе и его речи говорили о том же: крепко перековался товарищ. Или, точнее, по-русски — ссучился.

И ссучились все остальные гитлеровские генералы и фельдмаршалы. До них Сталин ломал хребет старому русскому уголовному миру. Сталин в массовом порядке ссучивал воров. Но ссучились не все. Многие тысячи шли на смерть, не изменив воровскому закону.

А гитлеровские генералы и фельдмаршалы в подавляющем большинстве приняли принцип: лучше ссучиться, чем мучиться. Они писали воспоминания с ясным ощущением прохлады, которая веяла от занесенного над ними топора. Они знали: на каждого заведено дело и, если потребуется, советские товарищи выставят свидетелей сотнями. И свидетели подтвердят все, что им прикажут. Поэтому германские генералы писали мемуары так, чтобы советским идеологам (а также следователям МГБ и палачам) не досаждать.

Вскоре гитлеровцы и сами вошли во вкус, оценив прелести ссучивания. Они и сами поняли: такая игра им на руку — пиши о своих гениальных способностях и о русской неполноценности, тебя тут же на весь мир прославят и в Москве издадут, на тебя коммунистические историки ссылаться будут как на величайший авторитет. Худо ли?

И вот нам рекомендуют ссылаться на те авторитеты: Гудериан, мол, ничего не писал о подготовке Красной Армии к нападению. И Манштейн заявлял, что не готова была Красная Армия наступать.

Но мы в данном вопросе на этих господ ссылаться не будем. Мы пойдем другим путем. Мы скажем: перепачканный кровью и перепуганный до смерти мерзавец Гудериан в угоду советским исполнителям приговоров писал то-то и то-то; спасая свою шкуру и задницу, трусливый садист и палач Манштейн по подсказке коммунистов умолчал о некоторых подробностях и кое-что, мягко говоря, извратил.

Вы думаете, в этой главе я доказываю, что Сталин готовился к нападению? Нет. Эта глава о другом.

22 июня 1941 года Гитлер обратился к германскому народу и объявил, что война против Советского Союза вынужденная, превентивная, ради спасения Германии от неизбежной советской агрессии.

Не возразил никто.

После разгрома Германии Сталин объявил, что Советский Союз— невинная жертва, что никакой агрессии против Германии не замышлялось. Возразили трое: один германский министр, один фельдмаршал и один генерал. И были повешены. Остальные гитлеровцы не возражали. Остальные не протестовали.

Вывод: гитлеровские полководцы в подавляющем своем большинстве были трусливыми, бесхарактерными, беспринципными приспособленцами. С такими полководцами Германия победить не могла.

ГЛАВА 24. Телега как основное орудие блицкрига

Большая часть германской армии передвигалась пешком с обозами на конной тяге.

Генерал-лейтенант Гюнтер Блюментрит. Роковые решения. С. 91

1

Известный израильский журналист Ярон Лондон в статье «О чем не хотел знать Сталин» пишет:

Недоверие, идеология и непроверенные слухи действовали на Сталина сильнее, чем сотни танковых дивизий, готовых к нападению на его страну (Газета «Едиот ахронот». Перевод статьи на русский язык опубликован в журнале «22». 1995. № 96. С. 122).

Итак, на границе Советского Союза сосредоточены сотни гитлеровских танковых дивизий, а глупый Сталин не хочет об этом знать. Сталин верит непроверенным слухам и сплетням, а реальную угрозу не видит и видеть не желает. Он, уверяют нас, боялся смотреть правде в глаза.

А нам бояться нечего. Потому давайте этой правде в глаза посмотрим.

К затяжной войне Германия была совершенно не готова. С этим не спорит никто. Оставался только один вариант: блицкриг.

Для всякой работы нужны соответствующие инструменты. Если мы решили варить сталь, нам нужна мартеновская печь. Если решили запустить спутник, нужна ракета. А если решили завоевать мир молниеносной войной, нам нужны танки и самолеты.

И тут мы видим главное несовпадение во взглядах на ведение войны: советские командиры считали, что танки должны быть хорошими и их должно быть много, а германские генералы Гудериан, Манштейн, Роммель, Клейст, Гёпнер считали, что германские танки должны быть плохими и их должно быть мало.

Мне возражают: они тоже в какой-то мере понимали, что танков должно быть много и они должны быть хорошими.

Это удивительное заявление. Оно заводит нас в тупик.

Если действительно гитлеровские генералы понимали значение и роль танков, то как же случилось, что они вступили во Вторую мировую войну, не имея даже трех тысяч танков?

1 сентября 1939 года в Германии танков было всего лишь 2 980. Как случилось, что из этого количества почти половина (1445 танков Pz-I) вообще не имели пушек? Как случилось, что вторая половина (1226 танков Pz-II) имела лишь жалкие 20-мм пушки? Как случилось, что танков Pz-III с никуда не годными 37-мм пушками было всего только 98, а танков Pz-VI с 75-мм короткоствольными пушками, которые для борьбы с танками не годились и не предназначались, было только 211?

Среди танков, с которыми Гитлер вступил в Польшу (то есть во Вторую мировую войну), не было ни одного тяжелого танка, как не было и ни одного среднего. Все танки Гитлера на тот момент находились в весовой категории до 20 тонн, то есть являлись легкими танками.

Получалось, что в момент начала Второй мировой войны боевой вес всех германских танков был всего только 27 тысяч тонн? Для сравнения: Франция, которая явных стремлений к мировому господству не проявляла, на строительство одного только линкора «Ришелье» выделила в полтора раза больше броневой стали, чем гитлеровские стратеги на строительство всех своих танков, которые они сумели построить к началу Второй мировой войны. И в Германии в тот момент строились линкоры «Бисмарк» и «Тирпиц»; на их строительство потребовалось более 80 тысяч тонн стали. А помимо этого строились крейсера, эсминцы, подводные лодки.

В момент начала Второй мировой войны флот Германии уступал по боевой мощи флотам США, Британии, Японии, Франции, Италии и Советского Союза. А на создание танков германские стратеги тратили ничтожную долю материальных, трудовых и интеллектуальных ресурсов в сравнении с тем, что выделялось на развитие флота.

Как же случилась, что страна, которая объявила блицкриг основой своей военной стратегии, тратила на создание танков гораздо меньше средств, чем на развитие своего отнюдь не самого мощного флота? Как случилось, что германская армия 22 июня 1941 года вступила на советскую территорию, имея всего 3 410 танков (История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 1. С. 384)? По немецким сведениям танков было еще меньше — 3200 (Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 193).

Противоречия в этих цифрах нет. Гудериан считает танками только те машины, которые имели хоть какую-нибудь пушку, пусть даже калибром 20 мм. А советские историки к числу германских танков относят и те машины, которые вообще пушек не имели.

И если германские генералы понимали, что нужны хорошие танки, то как случилось, что они вступили на советскую территорию, не имея ни одного танка с дизельным двигателем?

Как случилось, что они вступили в войну, не имея ни одного танка с противоснарядным бронированием?

Как вышло, что они начали войну, не имея тяжелого танка даже в проекте?

Как получилось, что они не имели плавающих танков даже в эскизах?

Как случилось, что у них не было ни одного танка с мощной пушкой?

Как случилось, что самая мощная германская танковая пушка была не способна пробивать советский танк КВ, в то время как КВ пробивал любой германский танк насквозь?

И если немецкие генералы теоретически понимали, что нужны хорошие танки, как случилось, что все немецкие танки 1941 года были не только устаревшими, но и изношенными?

Удивительно: если теоретически они понимали роль танков, то почему ничего не сделали для

того, чтобы хорошие танки создать? И если нет хороших танков, то почему бы не вооружить армию достаточным количеством плохих танков? Почему даже плохих устаревших оказалось так мало?

Выдающийся теоретик стратегии Б. Х. Лиддел Гарт так оценивает отношение германских генералов к танкам:

Немцам пришлось расплачиваться за то, что на практике они оказались на двадцать лет позади теории, которую сами же считали ключом к успеху (Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 153).

2

Но для проведения успешных операций простого наличия танков мало. Надо создать мощные танковые соединения. В Германии были созданы танковые дивизии. Но они, мягко говоря, были неполноценными. В 1939 году у Гитлера было шесть танковых дивизий.

Давайте отложим книгу, закроем глаза и оценим факт: Германия вступила во Вторую мировую войну, имея ШЕСТЬ танковых дивизий! И вот какие-то недобитые прохвосты теперь утверждают, что германские генералы понимали, что такое блицкриг! И вот, имея ШЕСТЬ танковых дивизий, они вознамерились расширять свое жизненное пространство!

В 1940 году танковых дивизий у Гитлера стало десять. А в следующем 1941-м — 21. Можно подумать: вот теперь-то они начинают понемногу понимать роль танков в войне. Но это иллюзия. Рост числа танковых дивизий был достигнут не за счет производства танков, а за счет, так сказать, их перераспределения. Практически одно и то же количество танков делилось сначала на шесть дивизий, потом — на десять, потом — на двадцать одну.

Литр водки можно разлить в две пол-литровых бутылки, а можно в десять. И добавить воды. Так Гитлер разбавлял свои танковые дивизии пехотой. Образно говоря, не самый лучший игрок садится играть в карты в надежде обыграть весь мир. Он явно не понимает, что можно не только выиграть, но и проиграть. А ставка стандартная: его подлая жизнь. У него шесть тощих пачек денег. И вот из шести денежных пачек он делает сначала десять, потом еще одиннадцать. Способ простой: между настоящих хрустящих бумажек он кладет простую бумагу. Никого этим он не обманет. Но сам себя он чувствует богаче. Лиддел Гарт комментирует это так:

Это удвоение численности бронетанковых войск оказалось чисто иллюзорным, так как было достигнуто главным образом за счет уменьшения количества танков в дивизиях .. Кое-кто из квалифицированных экспертовтанкистов возражать против подобного решения, поскольку пытался действительным результатом этой меры было умножение числа штабов и вспомогательных войск в так называемых бронетанковых войсках... Из 17 тысяч человек в составе дивизии только около 2600 были в этом случае танкистами. Но Гитлер был упрям. Видя перед собой огромные пространства России, он хотел чувствовать, что у него больше дивизий, способных наносить удары в глубину, и рассчитывал на то, что техническое превосходство над русскими войсками послужит достаточной компенсацией за «разжижение» его бронетанковых войск.... Однако сокращение числа танков в дивизиях усугубило главный недостаток «немецкой танковой дивизии» — то, что в основном ее части и подразделения, по сути дела, были пехотными и не могли передвигаться по пересеченной местности... (там же. С. 152–153).

Термин «немецкая танковая дивизия» Лиддел Гарт берет в кавычки. Он объясняет свою точку зрения:

Танки могли бы продолжать наступление, но они, как и другие гусеничные машины, составляли лишь небольшую часть каждой так называемой танковой дивизии (там же. С. 158).

3

Блицкриг — это тайная концентрация танковой мощи на узких участках фронта и внезапный стремительный удар в глубину. Высшей организационной единицей германских танковых войск в июне 1941 года была танковая группа. Во всей германской армии было четыре таких группы.

Каждая танковая группа состояла из корпусов, а корпуса — из дивизий. Но мы уже установили, что танковые дивизии Гитлера были неполноценными. Кроме танковых дивизий в составе танковых групп были моторизованные дивизии. Их можно охарактеризовать одним штрихом: во всех вместе взятых германских моторизованных дивизиях общее количество танков — ноль.

Чтобы добавить ударной мощи танковым группам, в их состав, помимо так называемых танковых и моторизованных дивизий, которые и так были перенасыщены пехотой, включили еще и... пехотные дивизии. В водку, уже разбавленную водой без всякой меры, добавили еще ведро водички. Для крепости.

- В 1-й танковой группе 14 дивизий, в том числе 7 пехотных.
- Во 2-й танковой группе 13 дивизий, в том числе 1 кавалерийская и 4 пехотных.
- В 3-й танковой группе 11 дивизий, в том числе 4 пехотных.
- В 4-й танковой группе 8 дивизий, в том числе 2 пехотных.

Каждая немецкая пехотная дивизия— это 16859 человек и 6 358 лошадей, запряженных в телеги. Пехотные дивизии объединялись в корпуса, а каждый корпус имел свои гужевые обозы помимо тех, что были в составе дивизий.

Получилось, что инструмент блицкрига— танковые группы, громоздкие образования, основной состав которых— пехота. Танковая группа— это 150-250 тысяч человек, от 15 до 45 тысяч лошадей в

обозах, 10–20 тысяч автомашин очень низкой проходимости и... 600–1000 устаревших танков. Надо быть большими фантазерами, чтобы такие орды называть танковыми группами. И пусть не клевещут продажные гитлеровцы, что Красная Армия копировала эту организацию. Нечего тут копировать. Ничего подобного этому позору в Красной Армии никогда не было.

Вот вам и разница: советские генералы понимали, что такое маневренная война, потому советские механизированные корпуса 1941 года, а впоследствии — танковые армии, были однородными соединениями. Они состояли только из подвижных войск — танковых, мотострелковых, артиллерийских на механической тяге. Были среди них укомплектованные и не укомплектованные (как, впрочем, и у немцев), но никто не додумался разбавлять советские механизированные и танковые корпуса стрелковыми дивизиями.

4

Пехотные соединения германских танковых групп передвигались так же, как египетская пехота четыре тысячи лет назад, — ножками.

Давно известно, что скорость эскадры ограничена скоростью самого тихоходного корабля в ее составе. Скорость подвижной группы ограничена скоростью самого неповоротливого ее подразделения. Суммарная скорость так называемых немецких танковых групп не могла быть выше скорости пехотных дивизий, которые входили в их состав. Чем в стратегическом плане мог отличаться этот так называемый блицкриг от действий ассирийской, карфагенской, римской, спартанской или македонской пехоты?

О каком блицкриге может идти речь, если командующий танковой группой двинул танки вперед в оперативную глубину, а позади пылит пехота и скрипят осями телеги пехотных обозов? И командующий танковой группой, тот же Гот или Клейст, вынужден одновременно управлять и «подвижными» соединениями, и пехотой, которая просто не способна все время бежать за танками. И куда это они с таким блицкригом намеревались добежать?

5

Это мы говорим о четырех танковых группах— «подвижных» германских группировках. Вся остальная армия была малоподвижной.

Вся остальная германская армия не имела НИ ОДНОЙ моторизованной дивизии — все так называемые моторизованные дивизии были включены в состав танковых групп.

Вся остальная германская армия не имела НИ ОДНОЙ кавалерийской дивизии. Единственная кавалерийская дивизия была включена во 2-ю танковую группу Гудериана.

Во всей остальной германской армии, действовавшей против Советского Союза, не было НИ ЕДИНОГО танка. Все 3410 были разделены между четырьмя танковыми группами.

Вся остальная германская армия на Восточном фронте— это пехота, пехота, пехота и 750 тысяч лошадей в обозах. Вот как генерал-полковник Лотар Рендулич описывает свою 20-ю горную армию:

За исключением транспортных тыловых частей, армия состояла сплошь из пеших войск — 200 тысяч солдат и 70 тысяч лошадей (Рендулич Л. Управление войсками. С. 60).

Однажды журнал «Шпигель» (1996. №6) поместил статью, в которой, мягко говоря, не лучшим образом отозвался о моей книге «День М». Статью для наглядности усилили снимками глубокомысленного Гитлера, склонившегося над картой, финских лыжников, которые показали всему миру, «насколько слаба Красная Армия». А в начале статьи, на целый разворот — огромная фотография смеющихся германских солдат¹⁶. И одна эта фотография сказала больше правды о войне, чем вся статья и множество таких же статей и целые библиотеки книг. На фотографии — 1941 год, блицкриг, германские солдаты идут по советской земле. Их много. Все — пешком. У них — ни одного автомата. Вооружение — винтовки образца 1898 года и несколько пулеметов. А на заднем плане — телеги, телеги. Вот это и есть блицкриг.

Нам рисуют Сталина, «который верил сплетням и непроверенным слухам», который боялся смотреть правде в глаза, который отказывался видеть «сотни танковых дивизий, готовых к нападению на его страну». Между тем, Сталин отказывался видеть «сотни танковых дивизий» не потому, что их боялся, а потому, что их просто не было. «Сотни танковых дивизий» придумал Ярон Лондон. При всем своем фанфаронстве, ни Гитлер, ни Геббельс не похвалялись тем, что у них есть «сотни танковых дивизий». Ярон Лондон добавил им недостающие.

Между тем разоблачить выдумки Ярона Лондона весьма просто. У Гитлера против Советского Союза 3410 танков. Если представить, что у Гитлера только одна сотня танковых дивизий, то получится, что в каждой дивизии по 34 танка. Это не дивизии, не бригады и даже не полки. Это батальоны. Но если представить, что танковых дивизий у Гитлера не одна сотня, а несколько сот, тогда эти «дивизии» превратятся в роты и взводы.

Печально то, что представления о гитлеровской мощи и сталинской слабости укоренились настолько прочно, что заявления о том, что у Гитлера были «сотни танковых дивизий» никого не удивляют и никого не возмущают. Никто безответственных болтунов не останавливает и не спрашивает о мотивах их поведения. Никто им вопрос не задаст: а откуда у вас, гражданин Лондон, эти симпатии к Гитлеру?

6

Только движение приносит победу. Это сказал Гудериан. За две с половиной тысячи лет до него это же самое изрек Сунь Цзы. Блицкриг — это маневренная война. Основа германской маневренности

¹⁶ Эту фотографию читатель может увидеть в разделе фотоматериалов.

во Второй мировой войне — пара лошадей, впряженных в телегу. И тут мы должны сказать правду хотя бы самим себе: если дело обстояло так, то блицкриг был невозможен. Допустим, что так называемые германские танковые дивизии ушли вперед, но без пехоты и артиллерии они беззащитны и бесполезны. Потому они вынуждены остановиться и ждать, пока подойдет пехота и артиллерия. А это уже не блицкриг.

И если конягу сделали ключевой фигурой блицкрига, то следовало иметь лошадей в достатке. Гальдер, 17 сентября 1941 года:

Положение с конским составом. **Рейхсмаршал не разрешил более вывозить из** Германии ни одной лошади.

Рейхсмаршал — это Геринг. Он коман**довал авиацией. А заодно** — **и всеми лошадьми. Он** повелел: лошадей из Германии не вывозить. И это — конец блицкригу.

Но винить толстого в данном случае нельзя. Без лошадей замирала хозяйственная жизнь Германии. Отдай лошадей на проведение блицкрига, и это будет самоубийством, но только с другого конца — наступит крах экономики. В Германии мало бензина. Практически все отдано армии, авиации и флоту. Отдай в армию еще и лошадей — и голода не миновать, и промышленность остановится. Генерал-майор Мюллер-Гиллебранд пишет:

Поскольку потребность в лошадях также нельзя было удовлетворить, то нельзя было восстановить подвижность войск за счет использования конной тяги (Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933-1945. Т. 3. С. 67).

7

Первая мировая война поставила перед всеми воюющими армиями почти неразрешимую задачу: если противник встал в глухую оборону, как прорвать его фронт?

Британская армия эту задачу в ходе Первой мировой войны решить не сумела. Французская — тоже. Прорыв стратегического фронта был впервые осуществлен русским генералом А. А. Брусиловым в мае 1916 года. Попытки германской армии прорвать стратегический фронт к успеху не привели. Самое успешное германское наступление в марте 1918 года завершилась тем, что фронт удалось не прорвать, а выгнуть в сторону противника.

После Первой мировой войны во многих странах развернулось строительство долговременных оборонительных полос с применением броневой стали и фортификационного бетона. Такие полосы возводили на своих границах Германия, Франция, Финляндия, Чехословакия, Бельгия, Маньчжурия, Польша, Голландия.

Командование Красной Армии весьма четко понимало: наносить удар на огромную глубину— дело нужное и важное; такой удар сильно деморализует противника. Но для этого прежде всего надо прорвать фронт противника. И здесь возникала одна проблема. Оборона в Первой мировой войне—

это траншеи в грязи, колючая проволока, пулеметы и блиндажи в три наката. Такая оборона была практически непробиваемой, не прогрызаемой. Брусиловский прорыв — исключение, а не правило. В новой войне ко всему этому оборона будет усилена железобетонными казематами, противотанковыми рвами, бетонированными перекрытыми окопами, стальными ежами, сваренными из рельсов, бетонными тетраэдрами, эскарпами и контрэскарпами, стальными, бетонными и гранитными надолбами, противотанковой артиллерией, бескрайними минными полями. Красивое дело блицкриг. Да только как через такую оборону вырваться на простор?

Вот и еще разница: теория и практика советской глубокой операции состояла из двух частей — прорыв и действия в глубине обороны противника.

Немецкий блицкриг подразумевал и предусматривал только действия в глубине вражеской обороны. Теория прорыва в Германии не разрабатывалась, проблема прорыва не ставилась. Считалось, что прорыв может быть осуществлен за счет внезапности нападения.

Иными словами, советские теоретики и практики военной стратегии считали, что нужно уметь и взломать сейф, и обчистить его. А германские считали, что достаточно уметь его обчистить. Но как в него попасть? Ответ: нахрапом, внезапным нападением, когда сейф не заперт.

Германский подход срабатывал в начальном периоде войны, если противник не стоял в глухой обороне, если удавалось застать его врасплох. Но если противник переходил к обороне и относился к ней серьезно (например, как Красная Армия на Курской дуге), то немецкая военная машина буксовала.

Танки сами по себе прорвать оборону не могут. Танк вооружен пушкой. У пушки настильная траектория. Пушечный снаряд летит над окопами и траншеями, пехота пригнет головы — и все.

Танки при прорыве глубоко эшелонированной обороны уязвимы. Они не должны прорывать оборону противника в одиночку. Массированные удары авиации помогали танкам прорваться, когда оборона противника была слабой или ее не было вовсе, но когда перед танками километры минных полей и полосы траншей десятками одна за другой, когда в окопах ждет противотанковая артиллерия, то прорыв одними танками невозможен. Этого немцы не осознали даже после войны.

Непонимание тактики прорыва и важности взаимодействия различных видов войск в нем влекло за собой последствия.

Главным инструментом прорыва обороны в Красной Армии была признана полевая артиллерия. Прежде всего — гаубичная. Гаубица в сравнении с пушкой при том же весе имеет меньшую начальную скорость снаряда и меньшую дальность стрельбы, зато ее снаряды более мощные и траектория стрельбы навесная¹⁷, что и требуется для стрельбы по зарывшемуся в землю противнику.

¹⁷ Навесная стрельба — стрельба при углах возвышения ствола более 20 градусов, при этом ее эффективность увеличивается по мере увеличения углов возвышения, так как при этом увеличиваются углы падения снарядов и, следовательно, их осколочное или фугасное действие. — Примеч. ред.

Артиллерией Красной Армии долгие годы руководил Маршал Советского Союза Григорий Иванович Кулик. В пору его руководства были созданы лучшие в мире артиллерийские системы, прежде всего — гаубицы. Выпущены они были в количествах, превосходящих суммарное количество орудий в полевой артиллерии всех остальных стран мира. Для их обеспечения боеприпасами были возведены самые мощные заводы.

Нас приучили Григория Ивановича Кулика считать идиотом. Мы не гордые: пусть будет идиотом.

А у Гитлера таких «идиотов» не нашлось. Там — одни гении. Потому в области полевой артиллерии не было сделано ничего. А как оборону без гаубиц проламывать? Ответ стандартный: авось сама как-нибудь проломается.

Командование Красной Армии считало, что после артиллерийской подготовки огромной мощи оборону противника взламывает пехота. Для этого было решено разработать и дать советской пехоте собственные танки. Каждая советская стрелковая дивизия имела собственный танковый батальон, укомплектованный танками Т-26. Нас приучили над этим танком смеяться. Но у немецкой пехоты собственного танка вообще не было. У нас — плохой. У них — никакого.

И вот это воинство решило сотворить блицкриг, не имея на то соответствующего инструмента.

Сталин знал, что Германия имеет слишком мало танков, что все германские танки устаревшие и изношенные. Из этого он делал правильный вывод: с такой, неготовой к войне армией начинать войну нельзя.

Защитники Гитлера признают, что танков у Гитлера действительно было мало и все они были устаревшими. Однако, возражают они, не на танки гитлеровские стратеги делали ставку в молниеносной войне, а на телеги. Немецкая же телега, утверждают они, была лучшей в мире. Можно ли с этим спорить? Я с этим не спорю. У меня другое возражение: если даже немецкие телеги и были лучшими в мире, то их наличия было совершенно не достаточно для осуществления молниеносной войны. Потому германская армия была вынуждена использовать для блицкрига не только немецкие телеги, но мобилизовать их со всей покоренной Европы. Дневник Гальдера, запись 2 мая 1941 года:

Распределение крестьянских подвод, прибывших из генерал-губернаторства. Примерно по 200 подвод на дивизию.

Генерал-губернаторство — это оккупированная немцами Польша. У польских мужиков отняли телеги всех видов, всех размеров, возрастов и расцветок. Своих (лучших в мире) телег было недостаточно, потому сто семь германских пехотных дивизий перед началом блицкрига в Советском Союзе были пополнены телегами, конфискованными в Польше, Словакии, Бельгии, Голландии, Сербии и Франции.

Сталин не учел одной вещи: действия дурака предсказать нельзя. _

Дурак непредсказуем.

Некоторым не нравится история такой, какая она есть. Пошла мода историю переписывать. В пользу Гитлера. Пример с «сотнями танковых дивизий» — один из множества.

Если этим вымыслам верить, то Сталин выглядит полным идиотом. Но если вспомнить действительное положение вещей, то поведение Сталина понятно: перед ним — орды пехоты с телегами и лошадями, а среди них кое-где мелькают устаревшие танки в удивительно малых количествах.

Если смотреть правде в глаза, то идиотами надо считать Гитлера и его доблестных стратегов. Их мечты о блицкриге подобны мечте импотента об изнасиловании.

Но для любого дела требуется соответствующий инструмент.

ГЛАВА 25. О боевом опыте

Фюрер высказал ряд мыслей, в серьезности и последовательности которых я сомневаюсь.

Генерал-полковник Франц Гальдер. Военный дневник. 30 августа 1941 г.

1

Мало иметь подходящий инструмент — надо уметь им работать. Нужен опыт. В 1941 году боевой опыт Красной Армии в ведении современной войны резко превосходил опыт германской армии. На это защитники Гитлера презрительно отвечают: подумаешь, боевой опыт! Он не имеет никакого значения! А некоторые гитлеровские горлопаны идут дальше: они утверждают, что в 1941 году боевой опыт армии Гитлера практически соответствовал боевому опыту Красной Армии. Жуков Георгий Константинович договорился до того, что германская армия на 22 июня 1941 года якобы имела почти двухлетний опыт ведения современной войны.

Такие заявления почему-то никто не разоблачает.

Давайте разберемся. 1939 год. Война против Польши. Польша уже практически окружена германскими войсками с трех сторон. С четвертой — Красная Армия и НКВД в готовности ударить топором в спину Польше и беспощадно истреблять ее граждан. Польша отрезана от всего мира, и ждать ей помощи неоткуда. Обещания Британии и Франции остались болтовней.

Представьте: мы — на ярко освещенной арене цирка, нас мало. Вокруг наши враги. Они сильны, их много. Организовать круговую оборону невозможно, да это и противоречит элементарным принципам стратегии, ибо тот, кто обороняет все, не обороняет ничего. И как бы польское командование не расположило свои дивизии, всегда оставалась возможность ударить им в тыл.

На языке моего хулиганского отрочества такая ситуация называлась пятым углом. Один в кругу, вокруг — озверевшая кодла. Оружие разное, самое ходовое — цепь с висячим замком на конце и заточенная велосипедная спица. В какую бы сторону ни развернулся человек, попавший в круг, ему все равно достанется замком между ушей. Или в задницу ему спицу воткнут. Хорошо, если не в печень.

В принципе, Сталину и Гитлеру в Польше никакой блицкриг и не требовался. Можно было просто перекрыто все каналы снабжения, удавить польскую экономику и разделить страну на зоны оккупации. Но Гитлеру надо было продемонстрировать свою мощь. А Сталину надо было, чтобы Гитлер вляпался в грязное дело. В сентябре 1939 года для гитлеровцев сложились просто великолепные условия для проведения молниеносной войны. Сплошная оборона польской армии по периметру страны была невозможна.

Польша, к ее несчастью, являлась идеальным местом для демонстрации таких действий. Ее граница с Германией тянулась на две тысячи километров; после

оккупации немцами Чехословакии германо-польская граница увеличилась еще на 800 километров. В результате этого южный фланг Польши, как и северный, примыкавший к Восточной Пруссии, оказался неприкрытым. Таким образом, Западная Польша представляла собой обширный выступ, охваченный с трех сторон немецкой территорией (Лиддел Гарт Б. Стратегия непрямых действий. С. 314).

Потому германской армии не надо было прорывать оборону. Впереди — ровная местность, идеально подходящая для наступления и совершенно непригодная для обороны. Через Польшу течет Висла, но ее форсировать не надо: войска Гитлера находились по обе стороны Вислы и шли к ней с разных сторон. Других серьезных водных преград нет.

Удар по Варшаве можно наносить с любой стороны. От границы основной территории Германии до Варшавы — 230 километров. От границы Восточной Пруссии до Варшавы — 110 километров. Это означает, что базы снабжения переносить не надо. Можно снабжать войска со стационарных складов мирного времени. Никакие сотни тысяч тонн боеприпасов, горюче-смазочных материалов и прочих предметов снабжения не надо никуда перемещать. В принципе рывок к Варшаве можно совершить без дозаправки танков. Заправились в Германии — и вперед! Обороны-то впереди нет. Она невозможна.

И не надо разворачивать полевых госпиталей — можно раненых вывозить в стационарные госпитали мирного времени. И авиацию никуда перебазировать не надо — она ведет боевые действия со своих постоянных аэродромов. И командные пункты с узлами связи остаются на месте в подземных бункерах. Вперед можно выдвинуть только небольшие оперативные группы управления.

Война началась 1 сентября 1939 года. Весь блицкриг— одна неделя. Через неделю начались бои за Варшаву. Это уже не блицкриг. Это штурм города продолжительностью в три недели.

И вот эту бандитскую расправу гитлеровские агитаторы возвели в ранг выдающейся стратегической операции: они, мол, в совершенстве освоили искусство ведения современной войны!

Но не все было так гладко, как это сейчас представляется. Об этом было не принято говорить, но ведь германский блицкриг в Польше провалился. 15 сентября 1939 года, через две недели после начала Второй мировой войны, резко снизилась активность германской авиации и началась массовая остановка германских танковых и автомобильных колонн. Мне посчастливилось говорить с польскими военными историками, которые показывали совершенно потрясающие документы, свидетельствующие о том, что в германской армии закончился бензин!

Я не обсуждаю этот вопрос подробно потому, что в Польше над этой темой давно и упорно работают мои польские коллеги, которым я от всей души желаю успеха. Считаю, что разработка этой темы заставит нас посмотреть на историю всей Второй мировой войны с совершенно иной точки зрения, которую можно считать сенсационной: вторжением Красной Армии в Польшу 17 сентября 1939 года Сталин протянул руку помощи своему бесноватому другу и спас его от позорного поражения в

этой стране. Без этой помощи весь блицкриг захлебнулся бы еще на второй неделе войны.

Перед тем, как иссяк бензин, в германских военно-воздушных силах случился другой конфуз:

За первые 14 дней войны с Польшей немецкая бомбардировочная авиация истратила весь запас бомб (статья Керля Г. в сборнике «Итоги Второй мировой войны». С. 364).

Они готовились покорить Европу и мир, а у них бомбы кончились уже в Польше. Вот таким был их уровень стратегического планирования. Такой была их готовность к мировой войне. Такова глубина их понимания искусства ведения современной войны.

И пусть не рассказывают наши заслуженные мемуаристы, что Красная Армия вошла в Польшу, опасаясь того, что германская армия после оккупации Польши сразу пойдет походом на Москву. Не было у Гитлера таких сил. И если бы он пошел на Москву в октябре 1939 года, то с его доблестной армией случилось бы именно то, что случилось в октябре 41-го: она бы увязла в грязи.

В сентябре 1939 года Красная Армия шла в Польшу, опасаясь другого: как бы гитлеровский блицкриг не застопорился. А он уже замедлялся. Представьте ситуацию: стоят все немецкие танки и машины, не летают самолеты. Лошадей в германской армии много, но это обозные лошади, а не кавалерийские. Вот в этой ситуации польская кавалерия могла показать, что значит преимущество в стратегической мобильности.

Но Гитлера снова спас товарищ Сталин.

2

С точки зрения большой стратегии¹⁸ операция в Польше — это полный провал Гитлера и его генералов. Это прелюдия к самоубийству гитлеровской Германии: вступили в войну, имея одного противника, Польшу, а через месяц блистательно завершили войну, имея врагами Британию, Францию, Индию, Австралию. Новую Зеландию, ЮАР, Канаду и, потенциально, США. Войну против всех этих стран блицкригом выиграть нельзя, а затяжная война означала верное поражение Германии.

В результате блицкрига в Польше у Гитлера появилась общая граница с «нейтральным» Советским Союзом. Согласитесь: в обстановке войны против всех Гитлеру лучше было бы иметь границу с Польшей, чем с Советским Союзом. От товарища Сталина можно было ожидать чего угодно.

И еще: а ведь Польша отнюдь не была разгромлена блицкригом. Немедленно после падения правительства в Варшаве было создано Польское правительство в Лондоне, которое было признано большинством стран мира и Лигой Наций. По давней польской традиции на оккупированной

¹⁸ В некоторых странах военная стратегия как наука о ведении войны разделяется на так называемую «большую стратегию» (стратегия войны в целом) и «малую стратегию» (планирование, подготовка и ведение отдельных военных операций). В российской традиции малая стратегия называется оперативным искусством. — *Примеч. ред*.

территории Польши возникло подпольное государство и тайное подпольное местное самоуправление, возродились вооруженные силы. По самым осторожным оценкам, Армия Крайова¹⁹ насчитывала 350 тысяч солдат и офицеров, спаянных железной дисциплиной, хорошо подготовленных, организованных и вооруженных.

Кроме того, поляки воевали против Гитлера на всех фронтах: в Британии, Франции, Италии. Африке, Голландии, Советском Союзе. Начиная с 1939 года численность польских формирований, воевавших против Гитлера, постоянно находилась на уровне миллиона человек. Блицкриг начался в 1939 году в Польше, а завершился в 1945 году штурмом Берлина, в котором принимали участие 1-я и 2-я армии Войска Польского.

3

В октябре 1939 года германские и советские дивизии в Польше прекратили боевые действия. На оккупированных территориях Польши работали гитлеровские и сталинские палачи и каратели, шли массовые чистки, уничтожались тысячи людей. Но это уже не из области боевого опыта. Эти действия не могли дать вермахту дополнительного опыта ведения современной войны.

А на Западе шла «странная война», то есть никаких военных действий не велось. Всю осень и зиму германская армия и армии западных союзников простояли друг против друга, ничего не предпринимая.

В апреле 1940 года германская армия захватила Данию и Норвегию. Захватила быстро. Но считать это блицкригом нельзя — тут не было использовано сколько-нибудь значительное количество танков, артиллерии и авиации. В смысле наработки боевого опыта эти операции не дали ничего нового.

10 мая 1940 года начинается настоящая война против Франции. Германские войска нанесли массированный удар через Арденнские горы в обход «линии Мажино». 20 мая германские танковые колонны вышли к проливу Па-де-Кале, самой узкой части Ла-Манша. Операция была блистательной в замысле и исполнении. Германские генералы нашли слабое место в обороне противника и двинули вперед танковые дивизии, которые стремительно вышли к морю. «Немецкий танковый поток промчался в обход громоздких скоплений союзников» (Лиддел Гарт Б. Стратегия непрямых действий. С. 307).

Все это великолепно. Но это только 300 километров пути и десять дней боевых действий. Никакого особого опыта войска от таких действий не получают. Войска идут в колоннах. Каждый танковый экипаж видит перед собой только корму танка, которой идет впереди. Никому, до

¹⁹ Армия Крайова (польск. Armia Krajowa, буквально — Отечественная армия) — вооруженные формирования польского подполья во время Второй мировой войны, подчинявшиеся польскому правительству в изгнании, основная организация польского Сопротивления. — *Примеч. ред*.

командиров батальонов и полков включительно, ни о чем думать не надо, не надо принимать никаких решений: только держи скорость и дистанцию.

Выход к морю означал поражение западных союзников. После этого германские танковые дивизии были повернуты на юг и совершили бросок на 400, а некоторые — на 500 километров. В принципе, им уже никто не мешал. Действия гитлеровских генералов были выше всяких похвал. И все-таки...

И все-таки именно французское верховное командование в наибольшей степени способствовало успеху Гитлера... Французские военачальники, привыкшие к медлительным методам времен Первой мировой войны, оказались морально неспособными справиться с танковым прорывом. И это обстоятельство парализовало все их действия (Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 78–81).

С точки зрения большой стратегии молниеносный разгром Франции был еще одним позорным провалом Гитлера и его генералов. Самым тупым курсантам-первокурсникам известны слова Клаузевица: ЛЮБОЕ НАСТУПЛЕНИЕ, КОТОРОЕ НЕ ВЕДЕТ К МИРУ, КОНЧАЕТСЯ ОБОРОНОЙ.

Перед Гитлером — коалиция Британии и Франции. Францию разгромили, но Британия — на неприступных островах. «К моменту падения Франции немецкая армия совершенно не была готова к вторжению в Англию» (там же. С. 95). Францию разгромили молниеносным ударом, но война все равно становится затяжной. Потому неправомерно использовать сам термин «молниеносная война». Война с самого начала, с 3 сентября 1939 года, стала затяжной и иной быть не могла. Надо говорить не о блицкриге, а об отдельных блиц-операциях.

Я утверждаю: разгром Франции— не блицкриг. Это— эпизод. Это короткая красивая операция в ходе длительной войны на истощение.

1

После разгрома Франции война на континенте снова утихла. Продолжалась война на море против Британии, но ничего нового в действиях флотов не было: через океан шли конвои, подводные лодки топили транспортные корабли, надводные боевые корабли охотились за подводными лодками, линкоры гонялись за линкорами. Все это никак не могло прибавить боевого опыта немецким танкистам, пехоте, артиллеристам, мотоциклистам, велосипедистам, саперам, войсковым разведчикам и погонщикам гужевых обозов.

Продолжалась воздушная война против Британии: бомбардировщики бомбили города, заводы, порты, аэродромы, а истребители их отгоняли. Ничего нового и революционного в этих действиях не было; они давали опыт летчикам, но никак не обогащали теорию блицкрига, ибо авиация действовала самостоятельно, а германские сухопутные войска бездействовали. И если эти налеты и воздушные бои продолжались месяц за месяцем, то это уже никакой не блицкриг. Точно такой же

опыт имели и сотни советских летчиков, которые воевали в Испании и Китае: долгие месяцы воздушных боев, удары по городам, коммуникациям, аэродромам.

Так кто же первым сделал глупый вывод о том, что германская армия вступила на советскую территорию, имея двухлетний опыт ведения современной войны?

Я насчитал 17 дней: 7 в Польше и 10 во Франции. В апреле 1941 года последовало вторжение в Югославию и Грецию. Тут все прошло быстро и успешно. Как введение советских войск в Афганистан: прошли через всю страну без сопротивления и расположились гарнизонами. Потом понемногу началось. Победа на Балканах была хуже поражения. Блицкриг обернулся затяжной войной. В этой войне вероятность победы Германии (как и на других фронтах) равнялась нулю.

5

О том, что в 1941 году германская армия уже имела двухлетний опыт ведения современной войны, я узнал в 1961 году. В те далекие, почти былинные времена вышел первый том «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза». Мне было 14 лет. Смотрю — стоит в библиотеке тяжеловесный том объемом в 530 страниц большого формата. Никто его не читает. А я решился.

Вообще-то я хотел только картинки посмотреть. Раскрыл том где-то на средине. Страница 200. А тут цветная карта: «Война Германии против Польши. 1 сентября — 5 октября 1939 г.».

Том раскрылся именно на этой странице потому, что здесь цветная карта вклеена. Красивая карта. Красочная. Смотрю в карту и ничего не понимаю: проклятые немцы захватили только половину Польши, а вторая половина осталась нетронутой: Вильно, Гродно, Барановичи, Пинск, Луцк, Ровно, Львов, Тернополь, Станислав.

Отчего же немцы вторую половину не тронули? И отчего поляки с этой второй половины по немцам не ударили? Вспоминаю: так ведь в ту восточную часть Польши 17 сентября 1939 года вошла Красная Армия. Отчего же на карте не показаны действия Красной Армии? Почему бы не показать: вот ведь тянутся синие немецкие стрелы — с севера, с запада, с юга. А где красные советские с востока? Но нет на карте моей любимой армии-освободительницы.

Выходит, с 1 сентября по 5 октября в западной части Польши действовала германская армия, а в это время в восточной части Польши вообще ничего не происходило. Эге, думаю, эту книжку надо читать. И очень внимательно. Читаю:

В поражении Польши в сентябре 1939 года сыграло свою роль предательское поведение правящих кругов Англии и Франции по отношению к польскому народу... Определенную роль в поражении Польши сыграли и США, которые ничего не сделали для обуздания фашистских агрессоров (История Великой Отечественной войны Советского Союза. С. 211).

Красная Армия вместе с нацистами терзала Польшу, снабжала их горюче-смазочными

материалами, немецкие бомбардировщики использовали наши радиомаяки в Минске, потом победители провели совместный советско-фашистский парад в Бресте. А виновата во всем Америка, которая агрессора не обуздала.

Со следующей страницы начинается глава о «странной войне» в Западной Европе. Вместо того, чтобы помочь Польше и разгромить Германию, французские дивизии бездействовали, и никакой войны на Западе не было. И доказательств — на много страниц: «Война была объявлена, а активных действий не велось…» И вопиющие примеры: французские офицеры получали нагоняй за перестрелки, которые иногда возникали по недоразумению. Для наглядности — фотографии: французский генерал раздает солдатам футбольные мячи. Читаю дальше. Вот гитлеровцы начали тайную подготовку к нападению на Советский Союз:

Немецко-фашистская армия, заблаговременно отмобилизованная и всесторонне оснащенная военной техникой, обладала почти двухлетним опытом ведения крупных боевых операций (там же. С. 387).

Вот такая у нас история. Сначала нам рассказывают, что французская армия играла в футбол и никакой войны на Западе не было, потом французская армия из-за тупости военного командования и предательства политического руководства была разгромлена за десять дней. А через 176 страниц в той же книге те же люди нам рассказывают, что у германской армии было почти два года опыта ведения современных боевых операций. Против кого? Против французов, которые военных действий не вели?

Могла ли германская армия набраться боевого опыта за время «странной войны», пока французы играли в футбол?

6

А теперь вспомним об опыте, которого так не хватало германской армии.

Командование Красной Армии уделяло огромное внимание тщательной разработке операций по прорыву обороны. В Красной Армии эти операции были отработаны теоретически и многократно проверены на учениях. Красная Армия имела специальные виды оружия для боевых действий такого рода: 120-мм минометы, 203-мм гаубицы Б-4 с фугасными и бетонобойными снарядами весом по 100 кг каждый. Красная Армия, единственная в мире, имела специальные танки прорыва Т-28, Т-35, КВ и КВ-2.

Кроме того, Красная Армия в 1939 году получила уникальный и бесценный опыт прорыва мощной полевой обороны японской армии в Монголии и долговременной оборонительной полосы в Финляндии. В то время ни одна армия мира такого опыта не имела. Из полученного опыта были сделаны правильные выводы: тактике прорыва надо уделять еще больше внимания и создавать еще более совершенные образцы вооружения специально для прорыва обороны.

Опыт Халхин-Гола показал: если противник прочно зарылся в землю, то авиация не способна проломать такую оборону даже при плотности бомбометания 80 тонн на квадратный километр. Нужна артиллерия. Она и так была самой мощной в мире, но с сентября 1939 года началось развертывание все новых и новых артиллерийских полков и строительство новых заводов боеприпасов.

Германская армия никакого внимания подготовке к прорывам не уделяла. Считалось (ошибочно), что оборону может сокрушить авиация и массированная атака легких танков. И опыта прорыва обороны германская армия не имела: в Польше оборону не надо было прорывать, так как оборонять 2 800 километров границ было просто невозможно, а во Франции германская армия обошла французскую оборону стороной.

Последствия: германская армия могла вести наступательные операции только тогда, когда Красная Армия не оборонялась, только тогда, когда Красная Армия наступала или готовилась к наступлению, например:

- летом 1941 года на всем советско-германском фронте;
- весной 1942 года против войск **Крымского фронта, которые готовились к переходу в** наступление;
- в то же время под Харьковом против наступающих советских войск;
- против 2-й ударной армии Власова, которая успешно наступала, в то время как ее соседи и наступающие навстречу войска были остановлены и своих задач не выполнили.

Но как только Красная Армия становилась в оборону, германская армия эту оборону прорвать не могла, например:

- под Тулой, Москвой и Ленинградом в 1941 году;
- под Сталинградом в 1942 году;
- на Курской дуге в 1943 году.

У германской армии не было теории, не было опыта, не было специального оружия прорыва.

Зачем немцам опыт блицкрига, если немецкие танки не могут прорваться через фронт противника?

7

Красная Армия не готовилась воевать зимой, но в Финляндии получила бесценный опыт ведения наступательных операций одновременно несколькими армиями против мощной обороны противника в условиях очень сильных морозов и глубокого снежного покрова. Опыт был исключительно важным и уникальным. Ни одна армия мира такого опыта не имела ни до того, ни после.

Руководством Советского Союза и командованием Красной Армии были сделаны правильные выводы, недостатки устранены быстро и решительно. Учитывая наш климат и привычку народа к таким погодным условиям, внедрить этот опыт было легко, его внедрили и правильно использовали.

Никакого опыта зимней войны германская армия не имела и иметь не желала. Этот опыт и не нужен, если весь год — сплошное лето. А если нет, тогда как? На последствиях недостатка такого опыта я не останавливаюсь.

Бонапарт учил: прежде чем воевать, надо научиться снабжать. Сам он снабжать не научился, потому его кавалеристы на обратном пути из Москвы ели собственных лошадей.

У Гитлера проблемы со снабжением начались не при отходе, а еще на пути к Москве. Даже очень небольшое количество танков германское командование не смогло обеспечить всем необходимым для ведения боевых действий. Удивительно: если в Польше у вас закончился бензин и бомбы, ну так в следующий раз запасите их в достатке. Тем более что перед вами Советский Союз — страна не самая маленькая. Ничего подобного. У них и в Советском Союзе те же проблемы: нехватка бензина, бомб, снарядов.

Командование Красной Армии уделяло первостепенное внимание вопросам снабжения войск. Впервые теория глубокой операции была изложена в книгах Владимира Триандафиллова «Размах операций современных армий» и «Характер операций современных армий», опубликованных в 1926 и 1929 годах соответственно. Найдите эти книги. Почитайте их. Выкладки Триандафиллова просты, логичны, лаконичны и прекрасны, как теоремы геометрии. И главный упор — на снабжение войск. Триандафиллов рассчитывает операции, исходя прежде всего из возможностей подать наступающим войскам нужное количество боеприпасов, топлива, продовольствия, запасных частей, инженерного, медицинского и другого имущества. Он рассчитывает степень трудности подачи сотен тысяч тонн грузов в ситуациях, когда миллионные армии стремительно уходят вперед в условиях массового разрушения противником мостов, дорог и населенных пунктов.

Кстати, рождение теории глубокой операции коммунисты приписывали Тухачевскому. Но в трудах Тухачевского никаких теорий не содержится; Триандафиллов писал свои труды, не опираясь на опыт и знания Тухачевского, а опровергая их и низвергая. Триандафиллов, не называя Тухачевского по имени, зло и едко высмеивал «таранную стратегию» и показал, что разгром войск Тухачевского под Варшавой в 1920 году был не случайным. Использование методов Тухачевского автоматически вело к катастрофе, и если бы от них не отказались, то война против Германии была бы проиграна так же, как война против Польши в 1920 году.

После таких откровений Триандафиллов не мог прожить долго. Он погиб в странной авиационной катастрофе, и за дымящимися обломками самолета всем современникам были видны уши Тухачевского.

Но сейчас мы не об этом. Мы о снабжении. Командование Красной Армии не только понимало

первостепенную важность этой проблемы, но и имело опять же уникальный опыт тылового обеспечения войск в экстремальных условиях.

1939 год. Халхин-Гол. Группировка советских войск численностью 57 тысяч человек, 500 танков, 500 орудий, почти 400 бронемашин, а также артиллерийские тягачи, автомашины и прочее. Если подвозить все необходимое со складов Забайкальского военного округа, надо проделать путь в полторы тысячи километров. Но в Забайкалье есть не все. Если везти с заводов и центральных складов, то расстояние доставки грузов составит 7-8 тысяч километров. Последний участок железнодорожного пути имеет очень небольшую пропускную способность и обрывается в глухой степи.

Дальше — 650-700 километров на машинах. Основная машина того времени — полуторка. Один рейс с возвращением — 1 300-1400 километров по бездорожью. Если все хорошо — машина проходит это расстояние и возвращается за пять суток.

Испепеляющая жара. Пыль. Воды нет. Люди обойдутся, но нужна вода в радиаторы. Везти войскам надо все, вплоть до дров для полевых кухонь. Износ техники колоссальный, расход топлива — тоже. Машину в пути надо заправлять несколько раз. Вот она доставила свой груз на Халгин-Гол, и ей надо возвращаться. Ее снова надо заправлять. Получалось, что, возвращаясь, машины увозят обратно топливо, которое только что сами доставили.

И вот сюда автотранспортом надо доставить 25 тысяч тонн боеприпасов, 15 тысяч тонн горючесмазочных материалов, 4 тысячи тонн продовольствия, 7 тысяч тонн топлива и множество других грузов. Все это было доставлено так, что противник не заподозрил подготовку к внезапному сокрушительному удару: был проведен целый комплекс мероприятий по маскировке и дезинформации противника, включая распространение слухов о подготовке к длительной обороне и имитацию строительства оборонительных сооружений. После такой сложной операции советское командование могло весьма четко организовать снабжение больших военных группировок, ведущих боевые действия на значительном удалении от основных коммуникаций.

Но это не все. Через три месяца советское командование получило куда более суровый и нужный опыт: снабжение одновременно шести армий и двух флотов в экстремальных условиях полярной зимы. Все базы снабжения находились на одной железнодорожной линии, забитой грузами. Иногда между базами снабжения и войсками простирались 200-300 километров тундры и непроходимых лесов. К концу февраля 1940 года в составе шести советских армий, которые вели боевые действия против Финляндии, было более 760 тысяч солдат и офицеров (Гриф секретности снят. С. 96). Всех их надо было кормить, снабжать патронами, снарядами и всем прочим. В это число не входят два флота и войска НКВД. Таким образом, тыловые органы Красной Армии прямо накануне войны с Германией получили опыт снабжения миллионной армии в обстановке войны и полярной зимы.

Ничего равного этому опыту германская армия не имела. Никто не задумывался над вопросом о том, как же обеспечивать миллионные армии, которые вторгнутся в Советский Союз.

Проблемы возникли сразу. Снабжение германских войск на тактическом уровне осуществлялось автомашинами и гужевым транспортом. Однако подать сотни тысяч и миллионы тонн грузов хотя бы на одну тысячу километров способен только железнодорожный транспорт. Германские паровозы к нашим условиям не подходили: из-за слабой теплоизоляции котла на морозе в них замерзала вода.

В любом случае, даже если бы Красную Армию разбили за три месяца, оккупационные войска в России надо было как-то снабжать. Тем подвижным железнодорожным составом, которым Гитлер располагал в 1941 году, сделать это было невозможно.

Но и до зимы возникли непреодолимые проблемы с транспортом. Запас воды и угля в немецких паровозах был рассчитан на короткие европейские перегоны, а на наших просторах они зачастую просто не дотягивали от одной станции до другой. Кроме того, на нашем угле немецкие паровозы работать не могли, так как их небольшие топки были сконструированы для работы на высококалорийных углях²⁰. Было еще множество других проблем, которые не позволяли обеспечивать наступающие войска всем необходимым даже в самых благоприятных погодных условиях и даже тогда, когда подавать грузы требовалось на очень короткое расстояние. В дневнике Гальдера (25 июля 1941 г.) читаем:

Количество железнодорожных эшелонов до сих пор не соответствует требованиям, предъявляемым крупной наступательной операцией... Даже если работа железных дорог улучшится, проблема снабжения будет доставлять нам серьезные неприятности. В особенности это касается предстоящего наступления 3-й танковой группы в северо-восточном направлении на Валдайскую возвышенность. Организация снабжения в этом случае будет почти неразрешимой проблемой.

Легко стрелки на карте рисовать, если не думать о том, как все это обеспечить. Но ведь и рисовать стрелки надо уметь. В истории Второй мировой войны нет более авантюрного и необдуманного решения, чем гитлеровская директива на проведение операции «Барбаросса». Гитлеровские стратеги разделили свои силы на три примерно равные части и направили их в разные стороны, не поставив конкретных задач. Одна группа армий — на север, вторая — на восток, третья — на юг.

Представьте ротного командира, который послал три своих взвода по трем расходящимся

²⁰ Немецкие паровозы, рассчитанные на узкую европейскую колею, не могли использоваться на советских железных дорогах, но нацисты, рассчитывая остаться в СССР навсегда, при наступлении перешивали широкую русскую колею на оккупированных территориях на европейский стандарт. — Примеч. ред.

направлениям без четко сформулированной задачи. Когда советские разведчики изучали этот план, они не могли поверить своим глазам. И Сталин в это не мог поверить. Советские разведчики считали немецких генералов умными людьми и предполагали, что те будут совершать обдуманные поступки. Но германские генералы принимали решения, которые ставили в тупик и Сталина, и его разведку. Они сами это признают:

Разделение сил между тремя примерно равными группами армий, которые должны продвигаться по расходящимся направлениям вглубь территории России, не имея ясной оперативной цели, с точки зрения военного специалиста не могло казаться правильным (Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 192).

Сам Гудериан считает это решение мягко говоря неправильным. Тогда возникает вопрос: а почему он молчал, когда ему приказали выполнять дурацкий приказ, который не мог привести к победе? Почему он не проявил принципиальности и не сказал своим начальникам, что план «Барбаросса» — идиотский?

И если даже Гудериан считает план войны против Советского Союза неправильным, как могли советские военные специалисты всерьез принимать то, что сами германские стратеги всерьез не принимали?

Защитники гитлеровской «военной мудрости» говорят, что германские генералы знали, как надо воевать. А у меня такое мнение: если они знали, как надо воевать, то должны были войну выиграть. Они сами выбирали время, место и способ боевых действий, но почему-то их блицкриг растянулся на шесть лет. Их знания привели к тому, что Германия завершила войну в дымящихся руинах, а ее доблестные стратеги подписали акт о Безоговорочной капитуляции.

Они заимствовали идеи Триандафиллова, но главного не поняли.

А главное заключается в том, что в войне против Советского Союза блицкриг был невозможен.

ГЛАВА 26. Если бы не зима!

Будущий историк придет к заключению, что если учитывать военную обстановку, то нападение на Россию было политической ошибкой и что поэтому все военные усилия с самого начала были обречены на провал.

Генерал-полковник Герман Гот. Танковые операции. С. 163

1

Хрущевско-жуковско-гитлеровские выдумки про «неготовность» Советского Союза к войне опровергла сама история.

Если Советский Союз был к войне не готов, то Гитлер в конце концов должен был поймать Сталина и повесить его на Троицкой башне Кремля, а вместе с ним развесить на зубцах кремлевских стен всю сталинскую номенклатуру так, как Пётр вешал стрельцов: что ни зубец, то стрелец. Если, как нас уверяют марксисты и гитлеровцы, наша страна была к войне не готова, то Гитлер должен был в итоге загнать население Советского Союза в трудовые армии и заставить работать на Германию.

Почему же гитлеровцы не поймали Сталина и не повесили? Почему гитлеровцы парадным маршем по Москве не прошли? В чем дело? Если наша страна к войне не готова, так берите же ее! Рвите на части!

В ответ на это гитлеровцы ненадолго умолкают, но быстро находят лазейку: во всем виновата зима! Во всем виноваты огромные просторы, неисчерпаемые людские ресурсы Советского Союза, ужасное бездорожье и не менее ужасный климат. Если бы не грязь, не мороз, не снег, уж мы бы тогда..! Если бы не было зимы, то Гитлер бы вас... Хо-хо!

Еще во время войны министерство Геббельса затопило страницы газет и журналов тысячами фотографий: немецкие машины увязают в русской грязи, погонщик хлещет плетью несчастную лошадь, которой не вытянуть телегу из жидкого месива, метель заносит танки метровым слоем снега, снежный вихрь рвет летнюю пилотку с головы бедного немецкого солдата.

Главный принцип пропаганды — наглядность. Потому подручные Геббельса демонстрировали обалдевшим тыловым бюргерам километры хроники: грязь, грязь, грязь, непролазная грязь, бескрайние поля, беспредельные равнины, снег, поземка и ураганный ветер, который сбивает солдата с ног. (Иногда такие фотографии снимались прямо на немецком аэродроме, где стоящий за кадром трехмоторный Ю-52 заменяет стихию, нагоняя пропеллерами на будущих героев фотохроники сильный поток воздуха, чтобы сюжет выглядел более драматичным.)

После разгрома и падения гитлеровской Германии недобитые гитлеровцы решили: погиб наш Геббельс, но песня его не умрет. И завыли волчьим воем: ах, если бы не зима!.. К фокусам геббельсовской пропаганды после войны добавились документы германских штабов и генеральские мемуары с описаниями ужасов русской зимы, непроходимой грязи и невообразимого бездорожья.

Казалось бы, задача историков-марксистов состояла в том, чтобы дать отпор этим вымыслам, чтобы никому не повадно было повторять доводы гитлеровских трепачей. Казалось бы, красная пропаганда должна раз и навсегда разоблачить выдумки гитлеровцев. Но нет — историки-марксисты не только не дали отпора, но и подключились к нацистскому хору. Марксистские пропагандисты объявили, что Иваны-дураки были глупы и неполноценны, к войне совершенно не готовы, и вовсе не они победили Гитлера — это само пространство победило, просторы бескрайние, грязь и зима.

Спрашивается: зачем коммунистам нацистские вымыслы повторять?

Ответ простой: им нужно доказать, что Советский Союз не мог совершить вторжение в Европу. Им надо нашу слабость демонстрировать. Вот и повторяют они сплетни о советской неготовности и отсталости: мол, армия у Сталина была хилая, командиры глупые, зима и мороз — единственная им защита. Вот ария из этой оперы:

Артиллерийские орудия, мотоциклы, грузовики и даже танки застревали в непролазной грязи, колеса самолетов увязали в грунте полевых аэродромов, недопустимо сократился подвоз на фронт боеприпасов, горючего и продовольствия. На смену необычно дождливой осени пришла неожиданно ранняя зима. Когда в ноябре землю сковал мороз, многие пушки и транспортные средства так и остались там, где засели в грязи несколькими неделями раньше.

Так описывает причины поражения Германии защитник Гитлера Иосиф Косинский в газете «Новое русское слово»²¹ 20 мая 1990 года. Косинскому подпевают М. Штейнберг, Ю.Финкельштейн, Л. Квальвассер, Л. Розенберг и еще целая орава историков.

Старая песня. Но не Косинский и Штейнберг первыми ее запели, не они придумали слова о бескрайних пространствах и плохой погоде. И даже не Геббельс. Автор песни — бесноватый фюрер. Первоисточник — «Застольные разговоры Гитлера» (запись 29 апреля 1942 года):

Той зимой, когда Наполеон уходил из России, самая низкая температура была 25 градусов, этой же зимой она достигла 52 градусов по Цельсию.

Так что, товарищи Косинский и Штейнберг, не мните себя авторами: вот, мол, мы новую теорию выдвинули. Вы даже не соавторы гитлеровской песни. Вы только ее исполнители, вы — гитлеровские подпевалы. Вы рассказываете басни, которые до вас рассказывал бесноватый.

Жаль, что много у Гитлера подпевал нашлось. Совместный напор марксистской и гитлеровской пропаганды оказался столь мощным, что вслед за марксистами и гитлеровцами легенды о морозе и зиме, о бездорожье и огромных пространствах стали повторять люди вполне умные, далекие от пропаганды Геббельса. Неудивительно, что на вопрос о причинах поражения Гитлера современные германские школьники все как один отвечают: зима, мороз, пространство.

²¹ Газета на русском языке, издававшаяся в Нью-Йорке в 1910-2010 гг. — Примеч. ред.

Да что там школьники. Я лекции британским офицерам читаю, а мне — гитлеровский аргумент: если бы не такие пространства, так Гитлер бы вас... Разве не так? Ведь действительно, в России бескрайние пространства, бездорожье, зима, снег и мороз. Ну согласись же!

И я вынужден согласиться. Правильно, говорю, господа. Так оно и было. Если бы не зима, если бы не мороз, если бы не такие пространства, так Гитлер разгромил бы Красную Армию и захватил Советский Союз.

На такие слова зал отвечает одобрительным ропотом. А я продолжаю: если так, то давайте согласимся и с другим допущением. Если бы Британия была не на островах, если бы не была прикрыта противотанковым рвом под названием Ла-Манш, то Гитлер бы и Британию придушил.

Это заявление гордые британцы воспринимают как национальное оскорбление. Но и мне злости не занимать: если бы в африканской пустыне не было песка и жары, если бы под Средиземным морем был тоннель для снабжения германских войск топливом и боеприпасами, то Гитлер вышиб бы британскую армию из Ливии и Египта и захватил бы Африку. А если бы Америка была не за океаном, а в Европе, под боком у Гитлера, и если бы Америка была маленькой страной, размером с Бельгию, то Гитлер и Америку раздавил бы. Без проблем. А если бы в Антарктиде был климат как во Франции, то Гитлер устроил бы там для своих гениальных генералов курорты под пальмами...

Таким образом я могу выиграть любую войну: вот если бы во Вьетнаме не было джунглей, рисовых полей и болот, если бы Советский Союз не снабжал коммунистов автоматами АК-47 и патронами, если бы не давал танки Т-54, истребители МИГ-21 и зенитные ракеты С-75, то тогда Америка вышла бы победителем. А если бы в Афганистане не было гор да народ помягче, то тогда...

Легко завоевать мир, если бы все было так, как нам хочется. Но в том-то и проблема, что в Афганистане — горы, во Вьетнаме — джунгли, в Финляндии — снег, в России — грязь. И когда гитлеровские прихвостни рассказывают про грязь и снег, мы спросим: а знал ли Гитлер об этом до нападения? Вопли про грязь, снег и огромные пространства как раз и есть доказательство умственной неполноценности всяких Манштейнов, Гудерианов и прочих гитлеровских стратегов.

Перефразируя Бисмарка, можно сказать, что войну с СССР проиграл немецкий школьный учитель²². Надо было на уроках истории объяснить: деточки, не лезьте туда. Многие до вас лезли и поломали шеи. Всем Россия кажется рыхлой, аморфной, глупой и пьяной. Не обольщайтесь. А на уроках географии следовало объяснить, что Россия — большая страна, даже немножко больше Греции, что климат там не очень мягкий, что иногда бывает мороз, что дороги несколько отличаются

²² Бисмарк сказал, что битву при Седане (самая знаменитая битва Франко-прусской войны 1870 года) выиграл немецкий школьный учитель, подчеркивая превосходство германской системы образования над французской. — *Примеч. ред.*

от германских.

Но никто этого немецким недорослям не объяснил, и выросли из них генералы-придурки, которые вообще ничего не понимали, которые представления не имели ни о размерах России, ни о природных условиях.

Мудрый китаец Сунь Цзы две с половиной тысячи лет назад учил, что подготовка войны начинается с изучения территорий, на которых предстоит действовать: надо знать все о местности, на которой собираешься воевать, — о ветре и дожде, об источниках воды, о мостах и дорогах, о реках и островах, о городах и деревнях, о восходах и закатах, о приливах и отливах, о горах, пустынях и перевалах.

Когда гитлеровцы пеняют на мороз и снег, они тем самым сообщают миру, что ничего об этом не знали. Они кричат об огромных пространствах, тем самым признавая, что понятия не имели о размерах Советского Союза.

Тут и германской разведке счет пора выставить. Перед войной следовало в Россию заслать хотя бы одного шпиона с задачей определить, велика ли Россия или это нечто вроде Люксембурга. Следовало определить, бывает в России мороз или не бывает. Было ли это сделано? Куда, простите, немецкая разведка смотрела и о чем докладывала? Выполнила ли она свои задачи? Согласен, немецкие стратеги были кретинами, они ничего не знали о нашем климате и наших дорогах, но ведь разведка должна была их предупредить.

Не пора ли посмеяться над великими немецкими разведчиками?

Вопросы Штейнбергу, Косинскому, Городецкому и другим поклонникам германской мудрости: знали ли Гитлер, его гениальные генералы и вездесущая германская разведка о том, что Россия большая страна? Если знали, то какие меры были приняты, чтобы победить бескрайние пространства, ужасающее бездорожье, грязь, снег и мороз? Никаких мер никто не принимал.

Допустим, я — Ванька-взводный, я полез вперед, не разведав местность, и утопил танки в болоте. Кто виноват — я или болото? Кого следует расстрелять — меня или болото? Допустим, ротный Петька полез в горы, а веревки забыл. Кого тащить в трибунал за срыв операции — Петьку-дурака или горный массив?

Если мы с вами, Иосиф Косинский и Марк Штейнберг, пошли в Сахару, не захватив воды, кого винить— нас, дураков, или бедную Сахару?

Если бесноватый вознамерился переплыть Ла-Манш, но по немощи своей не переплыл, то виноват ли в этом Ла-Манш? Если бесноватый полез на Эверест без веревок и ледоруба, то виноват ли Эверест в том, что высок и скользок? Если Гитлер вознамерился покорить бесконечную Россию, в которой, мягко говоря, зверский климат, то следовало создавать боевую технику, соответствующую реально существующим условиям, следовало строить танки, которые могли бы действовать в таких условиях.

Или в такую страну не лезть.

И если действительно во всем виноваты наша осень и наша зима, то следовало осень расстрелять, а зиму повесить.

Германские танки создавались специально для парадов, так следовало их только на парадах и применять. Если они хороши в курортном климате Франции, и только летом, то следовало их против Франции и использовать. Если они для русских дорог не годятся, то надо было с Россией жить в мире.

Раз уж Германия к войне катастрофически не готова, то надо было московский пакт с Молотовым не подписывать и в войну не лезть. Кто Гитлера за хвост в Россию тянул? Он же сам выбирал и место, и время, и способ действий. Бесноватый полез в Россию, не захватив теплых кальсон, так кто же в этом виноват — сам недоумок и его гениальные полководцы или Россия?

Нам говорят: вот если бы Россия была поменьше... Это воровской прием. Почему ни один наемный историк-гитлеровец не использует этот прием против Америки и Британии: вот была бы Америка поменьше, так он бы вас...

Когда Косинский кричит о танках, которые увязали в грязи, я советую вспомнить, какая у немецких танков была удельная мощность и каково удельное давление на грунт. Лучший немецкий танк 1941-го года Pz-IIIA имел массу 0,94 кг на каждый квадратный сантиметр опорной поверхности. Почти килограмм! На квадратный сантиметр! Конечно, он провалится в грязь. А удельная мощность у него всего только 13,9 лошадиных сил на тонну веса. Это не удельная мощь, а удельная немощь.

Остальные германские танки были еще хуже. Эти танки делали дураки ради показухи. Это типичная немецкая халтура. На таких танках можно было воевать только в опереточной войне против французских, британских и американских танков. Для настоящей войны они не годились. Эти танки не соответствовали ни уровню советского танкостроения, ни природным условиям, в которые бесноватый их бросил. И вот нам объявляют, что грязь виновата. У гитлеровцев сознание, как у пьяного агронома: крыша течет — осень виновата, картошка в поле померзла — виновата зима.

Самый «мудрый» из германских фельдмаршалов Эрих фон Манштейн постоянно жалуется в своих мемуарах, озаглавленных «Утерянные победы», на «местность, не приспособленную для действий танковых войск». Я думал, опять наши переводчики напутали, но в английском переводе и в немецком оригинале тот же смысл: местность не приспособленная. Доля правды в этом есть, местность и вправду не самая лучшая, но кто под кого должен приспосабливаться: полярный исследователь под Антарктиду или Антарктида под исследователя? Альпинист под Эверест или Эверест под альпиниста? Глупая русская местность не приспособилась под мудрейшего Манштейна, и потому он, бедный, утерял все победы. А если бы местность приспособилась, уж он бы показал образцы полководческого гения. И тысячи глоток прославляют гениального Манштейна: о великий, о мудрейший!

А между тем, танки впервые были использованы 15 сентября 1916 года. Уже самый первый бой показал, что танки можно использовать только на доступной для них местности. А ведь это было во Франции и, повторяю, в сентябре. После того первого боя в штабах стали выделять на картах участки местности, на которых танкам лучше не появляться. Это и нужно было сделать перед нападением на Советский Союз: германская разведка должна была составить карты и огромными красными пятнами на этих картах выделить «местность, не приспособленную для действия танковых войск». Мудрейшим Манштейнам следовало взглянуть на такие карты и присвистнуть: да как же я там воевать буду?

3

В Германии, на границе с Францией, примерно в тех районах, где в 1916 году впервые были применены танки, осенью 1939 года Манштейн готовил новое вторжение. В своих воспоминаниях он описывает непролазную французскую грязь, французский мороз и снегопад. Гитлер требовал от своих генералов готовности к сокрушению Франции, а те отвечали: погода не та. «Генерал Шперрле заявил, что его соединения не могут стартовать с размытых дождями аэродромов» (Манштейн Э. Утерянные победы. С. 90).

Вот она, немецкая готовность к войне. Это речь об аэродромах не на каких-то завоеванных варварских территориях России. Речь о стационарных аэродромах в Германии вблизи французской границы. Гитлер много раз заявлял о том, что Ілавный враг Германии — Франция. Об этом — вся его книга «Майн Кампф». Об этом Гитлер не забыл и перед своей смертью. В свое политическое завещание он вписал: «Франция продолжает быть смертельным врагом немецкого народа».

И вот вам картиночка. Гитлер пришел к власти под флагом борьбы против Версальского договора, то есть против Франции, которая, по словам Гитлера, являлась единственным врагом Германии и лишала Германию права на существование. Коль так, будь готов к войне с этой проклятой Францией. Но на германской территории в приграничных с Францией районах аэродромы грунтовые: чуть дождик, летать невозможно.

Гитлер ликвидировал безработицу тем, что безработных бросил на строительство автобанов. Отчего тех же безработных не бросить на бетонирование взлетных полос? Вместо сотни километров автобана забетонируй несколько десятков взлетно-посадочных полос, и сразу готовность к войне с Францией резко возрастет. Но никто в Германии этим не озаботился, никто к войне не готовился. И вот в сентябре 1939 года Британия и Франция объявляют Германии войну, но боевых действий пока нет. Казалось бы: Гитлер должен бетонировать взлетно-посадочные полосы! Рабсила дармовая — народу по концлагерям уже сидит достаточно. И трудовую повинность в Германии ввели — бросай молодых балбесов бетон укладывать.

Но нет, ничего подобного не делается: будет хорошая погода — сокрушим Францию. Не будет

погоды — будем сидеть на раскисших аэродромах. Тут вопрос напрашивается: если бы Франция и Британия сами нанесли удар по Германии осенью 1939 года, что бы германская армия делала без авиационной поддержки?

Манштейн продолжает свои рассуждения о невозможности германского нападения на Францию осенью 1939 года:

Важнейшей причиной было время года. Осенью и зимой германская армия могла лишь в очень ограниченных масштабах использовать два своих главных козыря: подвижные танковые соединения и авиацию. Кроме того, непродолжительность дня в это время года, как правило, не допускает достижения в течение одного дня даже тактического успеха и тем самым мешает быстрому проведению операций (там же. С. 100).

Как известно, Гитлер собирался вести наступление поздней осенью. Проливные дожди делали местность непроходимой, либо сильный мороз и снегопад ставили под вопрос возможность успешных действий танков и авиации...

Когда штаб группы армий послал очередное донесение о том, что длительные дожди в настоящее время делают начало наступления невозможным, Гитлер послал к нам своего адъютанта Шмундта с заданием проверить состояние местности. Тут Тресков оказался как раз на месте. Он безжалостно таскал целый день своего бывшего товарища по полку, Шмундта, по почти непроходимым дорогам, по размякшим распаханным полям, мокрым лугам и скользким склонам гор, пока тот, совершенно обессилевший, вечером снова не появился в нашем штабе. С тех пор Гитлер отказался от подобного неуместного контроля наших донесений о погоде (там же. С. 75).

Все это — о подготовке к вторжению во Францию: зима, сильный мороз и снегопад, грязь, почти непроходимые дороги, дождь, размытые аэродромы, с которых не смогут взлететь самолеты. Манштейн пишет правду: во Франции действительно жуткая осень и невероятно свирепая зима. Каждый знает, какая там грязь, какой мороз, снегопады и как ужасно французское бездорожье. Воевать на таких танках, какие были у Гитлера, во Франции ни зимой, ни весной, ни осенью нельзя. Только летом.

Но неужто гениальные гитлеровские стратеги верили, что в России будет лучше?

4

Теперь обратим внимание на время и место действия. Ноябрь 1939 года. Манштейн готовит вторжение во Францию. Но он пока еще в Германии. Германский штабной офицер целый день таскал гитлеровского адъютанта по ГЕРМАНСКОМУ бездорожью, по НЕМЕЦКОЙ грязи. Это делалось затем,

чтобы убедить не адъютанта, а пославшего его Гитлера в простой мысли Манштейна: «Осенью и зимой германская армия могла лишь в очень ограниченных масштабах использовать два своих главных козыря: подвижные танковые соединения и авиацию».

Речь не о России! Никаких намеков на разработку планов против Советского Союза в ноябре 1939 года не было. Манштейн старался убедить Гитлера (и убедил!) в том, что германские танковые войска и авиация не способны действовать зимой и осенью на ГЕРМАНСКОМ бездорожье, в ГЕРМАНСКОЙ грязи, в ГЕРМАНСКОМ снегу.

Так стоит ли винить РУССКУЮ грязь и РУССКУЮ зиму в поражении Гитлера, если изнеженные германские танковые войска были не способны преодолеть даже немецкое бездорожье, если немецкий дождик делал их небоеспособными, если они не переносили даже немецких морозов?

Германские войска были не готовы воевать в ужасающем климате Германии и Франции. Вот бы великим стратегам сравнить: пока мы сидим на границе с Францией и воевать не можем, Красная Армия взламывает неприступные укрепления в Финляндии. В том климате. А мы топчемся перед французской границей, нам грязь и снегопады мешают. Так кто же из нас к войне готов, а кто нет? Но об этом никто не думает и никто над гитлеровцами не смеется.

И боевые действия Красной Армии в Финляндии Гитлера ничему не научили. Гитлер никаких уроков из той войны не вынес. Потому под Москвой он и вляпался в грязь и снег.

Гитлер полез в Россию, и поломал шею, и сгорел. Но никто умственные способности Гитлера и его генералов под вопрос не ставит, никто над ними не смеется. Из боевых действий в Финляндии гитлеровские агитаторы делают вывод о неготовности Красной Армии к войне, они твердят о нашей глупости, об обезглавленной армии. Ни Гитлер, ни Косинский, ни Штейнберг, ни примкнувшие к ним не вспоминают о природных условиях, в которых воевала Красная Армия в Финляндии. Никаких скидок на природные условия нам никто не делает: природные условия роли не играют.

Но вот Гитлер увяз в снегах России, и вывод Косинских и Штейнбергов таков: Гитлер — мудрейший полководец, только, знаете ли, ему природные условия помешали. Ах, если бы не было природных условий! А я напомню о природных условиях в Финляндии:

Деревья лесисто-скалистой зоны растут на беспорядочных нагромождениях скальных обломков, часто достигающих высоты человеческого роста и выше. Во время первых рекогносцировок я иногда пытался сойти с дороги и проникнуть в лес, но это удавалось мне крайне редко. Чаще всего это можно было сделать только на четвереньках... Движение через скалы и между ними дело крайне утомительное. Лишь в очень редких случаях их можно обойти. О движении машин, даже после вырубки деревьев, не может быть и речи. Не проходят там и вьючные животные... Передвижение и ведение боевых действий в построениях, обычных в нормальных условиях местности, здесь исключены. Район заболоченных лесов также густо

покрыт деревьями. Передвигаться там еще труднее, чем по лесисто-скалистой местности.

Я специально привожу впечатления о Финляндии не советского генерала, а германского. Генерал-полковник Лотар Рендулич в 1944 году воевал в тех краях против Красной Армии и поделился своими впечатлениями (Рендулич Л. Управление войсками. С. 189).

Вот в таких условиях однажды наступала Красная Армия и прорвала «Линию Маннергейма». К таким природным условиям добавьте снежный покров, снайперов, мины и все прочее. К этому добавьте мороз. В феврале 1940 года Красная Армия прорвала даже теоретически непреодолимую «Линию Маннергейма». А нам марксисты-гитлеровцы говорят: вот она, неготовность Красной Армии к войне, вот она, глупость Сталина.

В то же самое время германская армия просто отказывалась воевать во Франции. Германские генералы откровенно саботировали приказы высшего командования о наступлении по причине плохой погоды во Франции.

Тут, к счастью, вмешался бог погоды и вынудил к переносу этого срока, который только до конца января 1940 года изменялся пятнадцать раз (Манштейн Э. Утерянные победы. С. 95).

Приказ о наступлении переносился множество раз и после января 1940 года. Германские генералы были не готовы воевать во Франции даже в апреле, потому как в апреле во Франции страшные холода.

И вот находятся люди, которые упрекают Красную Армию в неумении воевать зимой. А в 1941 году Гитлер воевал под Москвой. Тут не было ни полярных морозов, ни снегов по горло, ни болот, и леса под Москвой — не карельские чащобы, и грунт — не трясина, и валуны путь не преграждают, и нет тысячи озер, рельеф под Москвой — мечта для наступающего: ни тебе каменистых речек, ни берегов крутизны отвесной. И советская оборона под Москвой — не «Линии Маннергейма». Но Гитлер увяз.

Вот тут бы и объявить: любуйтесь, вот она, хваленая «готовность» Гитлера к войне, вот она. гитлеровская «мудрость». Но так историки-марксисты не сказали. Логика: если Красной Армии трудно в Финляндии на полярном морозе воевать, значит она к войне не готова, а если гитлеровским войскам трудно воевать на мягком морозце, значит они к войне готовы, но только мороз им побеждать мешает.

В XIII веке на Русь пришли монголы, и пространства не стали им помехой, и климат оказался чудесным, и дороги были хорошими, и ни мороз, ни грязь, ни снег, ни ветер не стали им преградой, и зима их не остановила. Для монголов местность оказалась приспособленной, это только под мудрейшего Манштейна она не приспособилась.

А ведь у Гитлера и его полководцев решение было. Если все дело в местности и погоде, то

следовало сажать солдат не на танки, машины и мотоциклы, а на монгольских лошадок. Было еще решение. Советские ЗИС и ГАЗ, американские «Студебеккеры», «Доджи» и «Виллисы» вполне для наших дорог годились. Если проблема в дорогах, то проблему следовало предусмотреть, следовало с американцами не ссориться, следовало у них получить в качестве помощи 400 тысяч великолепных грузовиков (как их получил Сталин), и тогда никаких проблем не возникло бы.

Или выпускать машины хотя бы приблизительно равные по качеству советскому ЗИС-5.

5

Снова откроем служебный дневник генерал-полковника Гальдера. В первые дни войны он бахвалился тем, что разгромил Советский Союз за 14 дней. Потом постепенно автор дневника начинает терять задор. Потом появляются записи о нехватке резервов, снарядов, топлива для танков и машин, запасных частей и так далее. Фанфары более не гремят, и не звенят победно колокола. Пошли записи об упорном сопротивлении Красной Армии, о внезапных контрударах, о мудрости и твердости советского военного руководства, о тяжелых невосполнимых потерях германских войск. Запись в дневнике Гальдера 10 августа 1941 года:

Этим попыткам противника измученная немецкая пехота не сможет противопоставить решительных наступательных действий... в данный момент наши войска сильно измотаны и несут большие потери.

11 августа 1941 года:

Войска измотаны. То, что мы сейчас предпринимаем, является последней и в тоже время сомнительной попыткой предотвратить переход к позиционной войне. Командование обладает крайне ограниченными средствами... В сражение брошены наши последние силы.

Блицкриг захлебнулся уже в августе! Сил нет. Вот причина остановки. Германские войска вынуждены перейти к обороне, то есть к позиционной войне. И вот наглые гитлеровские агитаторы объявляют, что во всем виновата грязь в октябре. Нет, герр Косинский. Нет, герр Штейнберг. Ни при чем грязь в октябре. Надо было готовиться к войне настоящим образом и в августе вводить в сражение Второй стратегический эшелон германских войск. Почему его не ввели в сражение?

Да просто потому, что его не было. Нечего было вводить в сражение. Армия Гитлера была настолько слаба и в такой степени не готова к войне, что ровно через два месяца после ее начала встал вопрос не о наступлении, а о том, хватит ли сил на оборону. Кроме того, во главе этой армии стояли не самые умные люди. 22 августа 1941 года Гальдер пишет в своем дневнике:

Записка фюрера полна противоречий... Положение ОКХ стало нетерпимым изза нападок и вмешательства фюрера. Никто другой не может нести ответственность за противоречивые приказы фюрера, кроме него самого... Во второй половине дня наши споры и дискуссии были прерваны телефонным разговором с фельдмаршалом фон Боком, который вновь подчеркнул, что его войска на том рубеже, который был достигнут ими в расчете на наступление на Москву, не смогут обороняться в течение долгого времени.

Не о наступлении речь. Не о блицкриге. Не до жиру, кабы захваченное удержать. Запись 5 сентября 1941 года:

Наши части сдали противнику дугу фронта под Ельней. На главном стратегическом направлении войны войска группы армий «Центр» не выдержали ударов 24-й армии и сдали плацдарм, который был необходим для удара на Москву.

6

Итак, во всем виноваты зима, мороз, снег, грязь и огромные пространства. Согласимся. Но в этом случае надо просто уйти из этого проклятого места. Объявить войну 22 июня 1941 года и отойти к Берлину на линию Одера и Варты. Уйти туда, где нет снега, грязи и мороза, где нет этих бескрайних просторов, где есть прекрасные автострады, где мягкий климат. Вот там и разбить этих глупых низколобых Иванов. Зачем лезть туда, где грязь и холод?

Ну хорошо, поначалу свою неготовую к войне армию переоценили, лихо шли вперед, дошли до Смоленска и Орши, но вот кончается август, а за ним, как нас в школе учили, должен наступить сентябрь и все, что следует за сентябрем. И тут надо было гениальным гитлеровским стратегам думать головами: дальше-то что? В 1812 году войска Бонапарта попали под первый снег 13 октября. А до того была грязь. Из этого следовало исходить. Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский пишет:

При здравой оценке создавшегося положения и в предвидении надвигавшейся зимы у врага оставался только один выход — немедленный отход на большое расстояние (ВИЖ. 1991. №7. С. 9).

Решение не лучшее, но другого не было. Вопрос: почему не отошли? Ответ находим все в том же дневнике Гальдера. 13 сентября 1941 года в нем появляется следующая запись:

В настоящий момент нельзя предусмотреть, какое количество сил сможет быть высвобождено с Восточного фронта с наступлением зимы и какое потребуется для ведения операций в будущем году.

Заговорил: в будущем году! Нет еще морозов. Нет еще грязи. А они вспомнили про будущий год. Это признание того малозаметного факта, что блицкриг кончился. До грязи. До снега. До мороза. Война уже превратилась в затяжную, то есть гибельную для Германии. Потому не надо на грязь и мороз пенять.

Не менее важным является и замечание о том, что с началом зимы германские войска будут высвобождаться. Гениальные стратеги с Гитлером во главе думали так: ударит мороз и Красная

Армия разбежится:

Верховное командование было так уверенно в успехе своей безумной затеи, что важнейшие отрасли военной промышленности уже осенью 1941 года были переключены на производство другой продукции. Думали даже с началом зимы вывести из России 60-80 дивизий, решив, что оставшихся дивизий будет достаточно для того, чтобы в течение зимы подавить Россию (Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 206).

5 ноября 1941 года Гальдер пишет: «Положение может улучшиться только с наступлением морозов». Во как! Они ждали зимы как спасения. 5 ноября 1941 года они уже в безвыходном положении. Последняя надежда гитлеровцев — на природные условия: вот ударят морозы, и мы сразу победим! А отсутствие мороза — оправдание: нет победы, потому как нет мороза. Но вот ударил мороз, и это опять им оправдание: нет победы, потому что мороз мешает.

И пошли звонари трубить об ужасных условиях. И заговорил Гитлер о температуре минус 52 градуса. Удивляться есть чему: Гитлер врал про минус 52, а Косинский, Штейнберг, Лондон, Черняк, Финкельштейн и Городецкий его почему-то не разоблачают. Наоборот, поддакивают: ужасная в России погода, просто ужасная.

29 мая 1942 года Гитлер смотрит знаменитый советский фильм «Разгром немцев под Москвой». Фильм убеждающий и впечатляющий. В «Застольных разговорах» в этот день зафиксирован следующий комментарий Гитлера:

Этой зимой на нашу долю выпали особенно тяжкие испытания еще и потому, что одежда наших солдат, уровень их оснащения и моторизации ни в коей мере не соответствовал условиям той зимы, когда температура понизилась до минус 50... Первые немецкие пленные, вот их уже толпы без шинелей, без перчаток, без зимней одежды, пританцовывающие от холода, с глубоко засунутыми в карманы руками, которые они время от времени вынимали оттуда, чтобы растереть уши и нос!.. И, наконец, потянулись бесконечной чередой обледенелые немецкие танки, цистерны, грузовики, орудия; все брошено потому, что генеральный штаб сухопутных войск не заготовил в свое время запасы морозостойкого горючего и зимней одежды.

Слушайте, защитники Гитлера, что фюрер глаголит: не зима виновата, а неготовность к зиме. Себя бесноватый, понятно, виновным не считает, но своих генералов обвиняет: готовили блицкриг, но уровень моторизации войск совершенно не удовлетворительный. Готовили блицкриг на лето, но почему-то воевали зимой, не заготовив морозостойкого горючего и зимней одежды.

Эти откровения современным гитлеровцам весьма не нравятся. В своей защите нацизма они пошли дальше самого Гитлера. Гитлер обвиняет своих генералов в безалаберности, а наши умники их защищают: не виноваты гитлеровские стратеги, зима виновата!

Товарищи дорогие, если ваши писания не бессовестная апологетика нацизма, то как их тогда называть?

7

Самое интересное состоит в следующем: гитлеровцы полезли в Россию, в 1941-м году обожглись морозом, так зачем оставаться в этой ужасной стране на вторую зиму? Так нет же, не ушел Гитлер. На следующий год — Сталинград. Москва 1941 года ничему Гитлера не научила. И под Сталинградом немецкие вояки снова остались без теплых кальсон. И вот нам снова рассказывают о мудрости германских генералов и ужасной русской зиме, которая под гитлеровцев не приспособилась.

В 1941 году Гитлеру времени не хватило разбить Советский Союз, а чего ему не хватило в 1942 году? И главный вопрос: какие выводы сделал Гитлер и его мудрейшие генералы из первой катастрофической зимы в Советском Союзе? В 1941 году никаких мер для обеспечения боевых действий зимой не было принято. А что было сделано для подготовки к новой зиме? Думал ли о ней Гитлер?

Он думал. И нашел гениальное решение. «Застольные разговоры», запись 5 апреля 1942 года:

В центральной полосе первым делом нужно засадить все бескрайние заболоченные земли камышом и т.д., чтобы с наступлением следующей зимы легче можно было перенести страшный русский холод.

Вот оно, решение! Пересидим следующую зиму на бескрайних заболоченных землях в камышах. Как тигры уссурийские. Этот перл вполне в духе бетонных паровозов и собак в безвоздушном пространстве. Но не будем смеяться. Плохое решение или хорошее, но оно найдено. Коль так, вызывай министра восточных территорий и ставь боевую задачу: сажать камыши на заболоченных землях. Советский Союз — страна не маленькая. Уже идет апрель 1942 года. Если немедленно отдать приказ сажать камыши, то и тогда успеют ли засадить болота на многих сотнях тысяч квадратных километрах оккупированной территории? И где взять семена? И сколько людей на это потребуется? И успеют ли те камыши подняться до осени и защитить доблестных германских воинов от снега и мороза?

Я не определяю и не оцениваю глубину гитлеровского идиотизма. Речь о другом: нашел решение (пусть и трижды идиотское) — действуй. Но у Гитлера нет механизма исполнения его решений. Он брякнул нечто, его слова прозвенели эхом под сводами бетонного бункера и затихли. Его слова вписаны секретаршами и историками-летописцами в толстые черные тетради, чернила высохли, и гитлеровские слова остались в тех тетрадях навеки, не вызвав никаких последствий. Произошло сотрясение воздуха, и на этом подготовка к следующей зиме завершилась. Его слова — собачья брехня в безвоздушном пространстве. Никто брешущего пса не слышит, никто не реагирует.

После тех слов о новой зиме никто в Германии не вспомнил, пока 19 ноября 1942 года не пропела певчая сталинградская птичка — жареный петушок.

Вопрос всем защитникам Гитлера, всем, кто утверждает, что в поражении Германии виновата зима, грязь, снег и мороз, а мудрейший Гитлер и его гениальные полководцы не виноваты: товарищи фашисты, а сами вы не пробовали по рекомендации вашего мудрейшего фюрера перезимовать хотя бы одну русскую зиму на болотистой местности в камышах?

ГЛАВА 27. В какой момент Гитлер проиграл войну?

Сталин понимает, конечно, то, что понял даже экс-кайзер Вильгельм: именно, что при затяжной войне Гитлер идет на встречу величайшей катастрофе.

Лев Троцкий. 11 сентября 1939 года. Бюллетень Оппозиции. №79-80. С. 18

1

Оказалось, что Германия была подготовлена к войне настолько слабо, что сумела в самых благоприятных условиях противостоять Советскому Союзу всего лишь пять с половиной месяцев. Германские войска вступили на советскую территорию 22 июня 1941 года, а 5 декабря началось советское контрнаступление под Москвой, и это означало конец гитлеровской Германии.

Конечно, после этого был еще Сталинград, Курск, была Белорусская стратегическая наступательная операция. Но все это — лишь новые удары зверю, который был смертельно ранен под Москвой. Именно этой точки зрения придерживаются многие гитлеровские генералы, например Фридрих Вильгельм фон Меллентин:

Битва под Москвой была поворотным пунктом войны, начиная с этого момента победа для нас была уже недостижима (Mellenthin F. W. Panzer Battles. C. 429).

Однако не является ли эта точка зрения чересчур оптимистичной? Могла ли не готовая к войне Германия продержаться пять с половиной месяцев против могущественной Красной Армии? Ясно, не могла. Она должна была проиграть войну гораздо раньше. И проиграла.

На этот счет есть более авторитетные мнения. 29 ноября 1941 года, еще до начала внезапного советского контрнаступления, когда германские генералы считали, что сил у Сталина больше нет, министр вооружения и боеприпасов Германии Фриц Тодт рекомендовал Гитлеру войну против Советского Союза прекратить. Тодт считал, что «в военном и экономическом отношении Германия войну уже проиграла» (Reinhardt K. Die Wende vor Moskau. С. 184). Германия, по мнению министра вооружения и боеприпасов, сумела продержаться не пять с половиной месяцев, а пять месяцев и одну неделю.

Но министр вооружения и боеприпасов видел ситуацию из далекого уютного Берлина. Смысл происходящего тут осознавался не сразу. Фронтовики сообразили раньше него. Вот запись от 24 ноября 1941 года в служебном дневнике генерал-полковника Франца Гальдера:

Подполковник Кальден (офицер связи при штабе 2-й танковой армии) доложил об обстановке и состоянии войск армии... Наступать дальше командование армии считает невозможным... Генерал-полковник Фромм: обрисовал общее военно-экономическое положение. Падающая кривая!

Он полагает, что необходимо перемирие.

Это заявлено через пять месяцев и два дня после вступления на советскую территорию: НЕОБХОДИМО ПЕРЕМИРИЕ!

2

Однако и эти оценки завышены. Некоторые весьма авторитетные германские генералы считают, что поражением Германии во Второй мировой войне следует считать дату 21 августа 1941 года. В этот день Гитлер отдал приказ временно отложить наступление на Москву, а вместо этого — развернуть танки Гудериана и нанести удар на юг с целью окружения советских войск под Киевом. Операция была проведена успешно. В киевском котле немцы захватили 665 тысяч советских солдат и офицеров, 884 танка, 3 178 орудий, сотни тысяч тонн боеприпасов, топлива, запасных частей, продовольствия.

Однако победа под Киевом была тактической. Это для какой-нибудь армии, например, для британской, которая в тот момент доблестно воевала в Африке против двух немецких дивизий, такие потери могли показаться высокими. Для Красной Армии такие потери неприятны, но переносимы. Это вынужден был признать и сам Гудериан:

Бои за Киев, несомненно, означали собой крупный тактический успех. Однако вопрос о том, имел ли этот тактический успех и крупное стратегическое значение, остается под сомнением (Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 305).

Действительно, немцы захватили пленных и трофеи. Но! Но потеряли целый месяц. И какой! Сентябрь! Последний месяц, в котором их неготовая к войне армия могла воевать в Советском Союзе. Дальше — октябрь и распутица, ноябрь и мороз.

Бои за Киев (сколько бы гитлеровцы ни захватили пленных и трофеев) означали переход к затяжной войне, которая для Германии была гибельной. Другими словами, решение Гитлера от 21 августа о повороте на Киев означало проигрыш в войне против Советского Союза.

Так и слышу голоса недобитых гитлеровцев: а вот если бы не повернул Гитлер на Киев... Если бы не повернул, если бы шел прямо на Москву, то ничего от этого не изменилось бы. Все равно война становилась затяжной, а следовательно, для Германии смертельной. И не могло это кончиться добром — бросить на Москву главные силы и снабжать их конными упряжками через ни кем не защищенные территории.

Представим: войска германской группы армий «Центр» наносят удар на Москву. Фланги открыты. Тыл не прикрыт. Резервов нет. Снабжение наступающих германских войск возможно только по единственной весьма уязвимой и достаточно поврежденной железнодорожной линии Минск — Смоленск — Вязьма — Москва и гужевым транспортом.

С севера над этими никем не защищенными территориями, по которым бредут гужевые обозы, нависают войска советского Северо-Западного фронта численностью около полумиллиона солдат с

сотнями танков и тысячами орудий. Сами они практически неуязвимы, так как находятся на непроходимых для немецких танков Валдайских высотах. Запись в дневнике Гальдера 25 июля 1941 года:

Нам докладывают, что местность для нас непроходима, а противник оттуда постоянно ведет контратаки...

С юга, из районов Киева, Конотопа, Брянска, единственной линии снабжения и гужевым обозам угрожают войска советских Юго-Западного и Брянского фронтов, численностью более миллиона солдат с тысячей танков и пятью тысячами орудий.

В этих условиях рывок на Москву был рывком в мышеловку. Если бы Гитлер пошел на Москву, оставив открытыми фланги, он бы наверняка проиграл, а недобитые гитлеровцы потом сказали бы: а ведь мы советовали идти на Киев, захватывать Украину.

Гитлер пошел на Киев, захватил Украину и проиграл. Недобитые гитлеровцы говорят: а ведь мы советовали идти на Москву.

А между тем, никакого выбора у Гитлера не было. И это сами гитлеровцы понимали вполне четко. Запись в дневнике генерал-полковника Гальдера от 7 августа 1941 года:

На вопрос о том, что должно быть нами захвачено:

Москва или Украина или Москва и Украина, следует отвечать— и Москва, и Украина. Мы должны это сделать, ибо в противном случае мы не сможем разгромить противника до наступления осени.

Уже идет август. До сентября осталось три недели. Сама постановка вопроса в августе о том, куда идти, — свидетельство полного провала германской стратегии.

Если идти на Москву, то до распутицы не будет захвачена Украина и тогда за Украину придется воевать осенью и зимой. Если идти на Украину, то до наступления распутицы не будет захвачена Москва. Тогда сражение за Москву падает на осень и зиму.

Можно выбрать одно, можно другое — при любом выборе от грязи, мороза и снега им уже не увернуться. В любом случае война уже получилась затяжной без перспективы германской победы.

Но еще надо и Ленинград захватить. Нельзя Крым оставлять Сталину. Крым — это базы советской авиации для разгрома нефтяной промышленности Румынии. Гитлер и это понимал. Еще одна запись в дневнике Гальдера, 22 августа 1941 года:

Важнейшей задачей до наступления зимы является не захват Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на реке Донец и блокирование путей подвоза русскими нефти с Кавказа. На севере такой задачей является окружение Ленинграда и содействие финским войскам... Захват Крымского полуострова имеет первостепенное значение для обеспечения подвоза нефти из Румынии.

Перед германскими войсками множество стратегических целей, и все — первостепенные.

Если не захватишь Крым — проиграешь войну.

Не захватишь Ленинград — проиграешь войну.

Не захватишь Донецкий бассейн — проиграешь войну.

Не захватишь Кавказ — проиграешь войну.

Не захватишь Москву — проиграешь войну.

Постоянная гонка за множеством зайцев.

Но если захватишь Москву, надо будет еще дойти до Казани, Куйбышева, Саратова, Астрахани. Еще надо на Волге аэродромы построить и задавить «последний промышленный район» на Урале.

Как это сделать за оставшиеся три недели августа?

3

Мы можем сколько угодно спорить о том, что было бы, если бы главные силы германской армии не повернули в августе на Киев, а пошли бы на Москву. Однако сама постановка этого вопроса выдает полное военное невежество — как некоторых знаменитых германских генералов, так и их защитников.

С доисторических времен известно, что географический пункт, каким бы важным он ни казался, не может являться целью операции. Такой целью может являться только армия противника:

Ни одна из войн, в том числе и Вторая мировая, не опровергли правильности основного принципа: целью стратегии должно являться уничтожение вооруженных сил противника. Этот принцип остается неизменным, он должен быть основным лейтмотивом для действий на войне (Рендулич Л. Управление войсками. С. 37).

Разгромите вражескую армию, и тогда все ваше — и беззащитная столица противника, и его промышленность, и население. А воевать против столицы противника — это идиотизм на уровне Бонапарта. Разгроми Кутузова, тогда Москва будет твоей. И Петербург тоже. Брать Москву, не уничтожив армию Кутузова, — все равно что, бросив оружие, насиловать чужую жену, зная, что ее разъяренный супруг заряжает дробовик.

Захватывать чужую столицу, не разгромив армию противника, — это глупость на уровне Тухачевского. Тот тоже рвался в Варшаву в 1920 году, понятия не имея, где находятся польские войска. Надо сначала найти армию противника, навязать ей сражение, разгромить, тогда столица сама падет к ногам победителя. А рваться в столицу противника, не разбив его армию, — все равно что забраться в сокровищницу султана и набивать мешки драгоценными камнями, зная, что где-то тут, за занавеской, спрятались лиловые негры с секирами. Было бы умнее сначала с ними разобраться.

Когда Тухачевский рвался в Варшаву, он знал, что армия Пилсудского рядом, но не знал, где

именно. Тухачевский эту опасность игнорировал. И получили удар сокрушительной силы в левый бок. Войска Тухачевского были разбиты, пленены, интернированы в Восточной Пруссии или позорно бежали. Сам Тухачевский спасся только потому, что трусливо прятался в Минске, когда его войска были под Варшавой.

Если бы гитлеровские войска шли на Москву, то получили бы из района Киева такой же удар, как Тухачевский под Варшавой, и именно в левый бок. Да еще и в правый — с Валдайских высот.

4

Казалось бы, зачем гитлеровцам спорить о том, куда идти, на Москву или на Киев? Нужно просто действовать по плану. Что там в гитлеровских планах записано? Прямо на Москву или повернуть на юг?

Раскопаем гитлеровскую директиву №21 и обнаружим, что там на этот счет ничего не сказано. Перед войной ни Гитлер, ни его гениальные полководцы об этом просто не думали. Более того, они такую ситуацию начисто исключали. Вся гитлеровская директива о том, что «отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено». Предполагалось разгромить Красную Армию на правобережной Украине, не допустив отхода за Днепр. А за Днепром, считало гитлеровское руководство, никаких советских войск нет и быть не может.

Ни Гитлер, ни его генералы, ни его разведка ничего не знали о семи армиях Второго стратегического эшелона Красной Армии, которые тайно сосредотачивались позади Первого стратегического эшелона. Они понятия не имели о том, что позади — еще и Третий стратегический эшелон. Они не принимали в расчет того, что помимо трех стратегических эшелонов практически мгновенно могут быть созданы сотни новых дивизий и десятки корпусов, что разбитые у границ армии могут быть столь же быстро восстановлены.

По гитлеровскому замыслу за Днепром советских войск не должно было быть, но они там оказались. И в миллионных количествах. В августе 1941 года приграничные сражения завершились блистательными победами германской армии, но все равно война вышла на «широкие просторы русской территории», что гитлеровскими планами не предусматривалось.

Проще говоря, уже в августе война пошла своим путем — совсем не тем, который намечался Гитлером в его директиве.

Но даже и это не главное. В августе непредусмотренный поворот на Киев был возможен, а вот движение на Москву в августе было невозможно. Просто из-за неготовности германской армии к войне.

В середине августа топливо для танков и самолетов было на исходе. На короткий рывок 2-й танковой группы из-под Конотопа на Лохвицу и 1-й танковой группы из-под Кременчуга на ту же

Лохвицу бензин был. А для движения на Москву всей германской армии бензина не было. И это зафиксировано в документах и даже в дневнике Гальдера. Вот запись от 17 августа 1941 года:

Серьезность положения с горючим известна всем... Можно удовлетворить только самые насущные потребности. Проведение каких-либо новых операций, требующих больше горючего, невозможно.

Вот оно: невозможно! Не прошло и двух месяцев войны, а проведение крупных операций невозможно. Да как же они к войне готовились!

Наступление на Москву — это сверхмощная операция. А захват Москвы — еще одна. Кое-как наскребли топливо для двух танковых групп, которые наносили удары в тыл киевской группировке советских войск. Но обеспечить всю германскую армию топливом для удара на Москву, для окружения Москвы, для ее захвата, для отражения возможных контрударов в августе было невозможно.

Так что у Гитлера в августе 1941 года не было выбора: на Москву или на Киев. Было возможно только на Киев. На Москву керосину не хватило. Потому приказ Гитлера от 21 августа 1941 года о повороте на Киев ничего не решал. Поход на Москву и при хорошей погоде из-за нехватки топлива был невозможен. А в октябре и далее он не мог быть успешным из-за погоды. Иными словами, уже 21 августа 1941 года Гитлеру надеяться было не на что.

Был бы в августе бензин, можно было бы рассуждать: на Москву или на Киев? Но бензина не было. Потому, если бы не повернули на Киев, то и тогда все равно надо было остановиться и ждать, пока в Румынии накачают достаточно нефти, превратят ее в топливо для самолетов, танков и машин и доставят в районы Могилёва, Витебска и Полоцка.

Это могло случиться только в последней декаде сентября. Без этого поход на Москву невозможен. Потому нет смысла спорить о том, следовало ли в августе идти на Москву. Незачем спорить о том, чего не могло быть.

Проблемы с бензином возникли не 17 августа, а раньше. Запись в дневнике Гальдера 4 августа 1941 года:

Положение с горючим в данный момент не позволяет использовать моторизованные части для наступления в южном направлении. Для пополнения и отдыха танковых частей потребуется 14 дней.

Трудно понять, зачем пополнять танковые части, если раньше Гальдер писал в дневнике, что советские войска разбиты и не способны создать сплошной фронт. Вот запись 3 июля: «*Не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней*». А через месяц выясняется, что немецкие танкисты не могут дальше воевать, если им не дать 14 дней отдыха.

Они планировали блицкриг за три летних месяца. Но в августе им надо отдыхать.

И не только о бензине речь. Дневник Гальдера, запись от 11 августа 1941 года:

Верховное командование очень ограничено в ресурсах... израсходованы наши последние силы...

Они планировали блицкриг. Но у них кончились силы. Еще в первой половине августа. Еще не прошло и двух месяцев войны. Они еще только в Белоруссии и на Украине. Причем пока еще на Правобережной Украине. Они вступили лишь на самый краешек территории России, а у них уже израсходованы последние силы. Это ли не признание полного провала и поражения!

Провал блицкрига виден невооруженным глазом и до этой даты. Запись в дневнике Гальдера от 5 августа 1941 года:

Войска физически устали. Фюрер заявил (и это ему внушили мы, но закулисным образом), что нынешнее развитие обстановки приведет, как и в прошлую мировую войну, к стабилизации фронтов.

Днем раньше, 4 августа 1941 года, в Борисове, в штабе группы армий «Центр», состоялось совещание высшего командного состава. Присутствовал Гитлер.

Генерал-полковник Г. Гудериан: докладывает обстановку на фронте 2-й танковой группы, включая потребности восполнения потерь в офицерах, унтерофицерах и солдатах, а также в технике. В случае подвоза необходимого количества новых двигателей можно на 70 процентов восстановить боеспособность танков для ведения глубоких операций, а в случае подвоза только запасных частей — лишь для ведения ограниченных операций.

Генерал-полковник Гот: докладывает обстановку на фронте 3-й танковой группы и особенно подчеркивает, что дальнейшие операции можно вести лишь с ограниченной целью, если не будут подвезены новые двигатели (Совершенно секретно! Только для командования! С. 303).

Вот она — готовность к войне. Они планировали блицкриг. Они дошли до Смоленска. Они прошли 670 километров по советской территории, и танковые двигатели больше не тянут. Понятно, танки на войне идут не по прямой линии. Это надо учитывать. Это называется коэффициентом маневра.

У хороших командиров коэффициент маневра равен 1,3. Если коэффициент выше, значит командиров надо снимать, судить, а на их место ставить грамотных людей. Блицкриг — это прорыв и стремительный бросок массы танков вперед к намеченной цели. Как бросок советских танковых бригад в тыл 6-й японской армии в августе 1939 года: никакого маневрирования! Как бросок германских танковых дивизий к морю в мае 1940 года. Как удар советских танковых корпусов под Сталинградом: опять же — никакого маневрирования. Две танковые лавины на максимальной

скорости рвутся навстречу друг другу, чтобы замкнуть кольцо окружения. Как удар 6-й гвардейской танковой армии в августе 1945 года: никаких маневров, вперед к океану!

Если основная масса германских танков бесполезно маневрировала, значит это уже не блицкриг.

Ладно, добавим великим германским стратегам 300 километров на бесполезные маневры. Получается, что на 4 августа 1941 года основная масса танков 2-й танковой группы Гудериана и 3-й танковой группы Гота прошли никак не больше 1000 километров. Если они шли со скоростью 25-30 километров в час, значит расход моторесурсов на каждый танк составил 33-40 моточасов.

И вот после 30-40 часов движения немецким танковым двигателям уже не помогает ремонт. Танковые двигатели надо менять! Да как же они, имея такую технику, могли мечтать о блицкриге! А лубянская пропаганда скалит зубы: Красная Армия была не готова к войне, советский БТ-7 имел ресурс всего лишь 700 моточасов, а Т-34 — и того меньше — всего 500!

Поправим наших агитаторов. 500 и 700 моточасов — это на наших дорогах. На европейских автострадах этот ресурс был бы выше. Но вот вы на гениальных творцов блицкрига посмотрите. Как они войну планировали? Учили ли их в школе арифметике? Проводили ли они самые элементарные расчеты?

Перед ними страна протяженностью 10 тысяч километров с запада на восток. Они прошли 700 километров, и им уже надо менять двигатели на танках. Но двигателей в запасе нет. О чем великие стратеги думали, как войну планировали? И о чем они думают, пройдя несколько сот километров по советской территории?

Они требуют двигатели, Гитлер двигателей не дает. Не от хорошей жизни. Долго спорили, на чем-то сошлись:

После некоторых колебаний Гитлер обещал выделить на весь Восточный фронт 300 танковых двигателей — количество, которое меня нисколько не могло удовлетворить. В получении новых танков нам было вообще отказано (Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 256).

Ну хорошо, подвезут двигатели, Гудериан и Гот пройдут еще 700 километров. А дальше что?

6

Вопрос о том, что германские танковые войска исчерпали наступательные возможности и не способны идти вперед, обсуждается в присутствии Гитлера 4 августа, но кризис возник раньше. Гудериан описывает конец июля:

В районе Ельни продолжались тяжелые бои, требовавшие большого расхода боеприпасов. Здесь был брошен в бой наш последний резерв — рота, охранявшая командный пункт нашей танковой группы (там же. С. 254).

Дневник Гальдера, запись 30 июля 1941 года:

На центральном участке фронта следует перейти к обороне. На рубеже озера Ильмень, Холм, Торопец²³ оставить только небольшие заслоны! Танковые войска следует отвести с фронта для ремонта и пополнения.

Танк создан так, что ремонт практически любой сложности можно проводить в полевых условиях. Но германские танки были так слабы и так изношены, а танковые дивизии понесли такие потери, что главную ударную силу вермахта, 2-ю и 3-ю танковые группы, уже через пять недель войны пришлось выводить с фронта для пополнения и восстановления боеспособности, а на главном стратегическом направлении войны германские войска впервые в ходе Второй мировой войны вынужденно перешли к обороне.

Еще раньше, 25 июля, было принято решение об отправке в Германию на восстановление 17-й и 20-й танковых дивизий из состава 2-й и 3-й танковых групп. Они были настолько потрепаны, что простое пополнение и восстановление в прифронтовой полосе было невозможно. В тот же день в дневнике Гальдера появилась такая запись:

Мы должны отказаться от глубоких рейдов танковых войск. Надо использовать их в тактическом плане. Захватывать территорию по частям. Это утомительное дело. Однако только так можно разгромить живую силу противника.

Отказаться от глубоких рейдов танковых войск — значит отказаться от блицкрига. Но другого решения нет — у Гитлера слишком мало танков. Если бы у него было хотя бы 30 тысяч танков, тогда меньшую часть, тысяч десять, можно было бросить на разгром окруженных группировок советских войск, а лучшую и большую часть танков использовать для нанесения стремительных ударов в глубину, то есть для продолжения блицкрига.

Но германские генералы вступили на советскую территорию почти без танков. Их было меньше четырех тысяч, то есть, по меркам планировавшегося блицкрига, весьма близко к нулю. В первые дни они охватили и окружили огромные массы советских войск. Теперь окруженные войска надо разгромить. Вот эта задача и ставится малочисленным германским танковым войскам. А продолжать блицкриг некому. Гальдер в тот же день, 25 июля 1941 года, пишет о недостатке артиллерийских боеприпасов. И поясняет: «Для маневра нужно горючее, для позиционной войны боеприпасы!»

Итак, германское командование через один месяц и три дня пришло к выводу, что глубокие танковые операции надо прекратить. Германское командование осознало, что блицкриг захлебнулся. Германское командование заговорило о позиционной войне, о войне окопной — такой, как и Первая мировая. Только для блицкрига у них нет горючего, а для позиционной войны — боеприпасов.

²³ Имеется в виду линия, образованная озером Ильмень, городами Холм (Новгородская область) и Торопец (Горьковская область). — *Примеч. ред.*

Поэтому сухая дневниковая запись начальника немецкого Генерального штаба заканчивается восклицательным знаком — это крик души.

И вот современные гитлеровцы оправдывают доблестных германских стратегов: им погода в октябре помешала! В начале июля эти «стратеги» отказались от глубоких ударов. В конце июля они были вынуждены перейти к обороне. В первой декаде августа стояла чудесная погода, но они исчерпали последние силы, что и записано в их официальных служебных документах. В середине августа они были вынуждены восстанавливать боеспособность своих потрепанных танковых дивизий. В сентябре они не в силах не то что наступать, но были не способны даже держать оборону. Они были выбиты с плацдарма под Оршей.

А после войны они объяснили свое поражение плохой погодой, которая была в октябре, ноябре и далее.

7

Причины провала Гитлера в июле — августе 1941 года надо искать в июне 1941 года. **И мы их** находим:

В течение 20-30-х годов Советы создали огромную армию, насчитывавшую в мирное время более миллиона человек, и постепенно увеличивали ее. Это предшествовало перевооружению Германии в 1935 году и поэтому не может рассматриваться как ответ на введение Гитлером всеобщей воинской повинности. Какова была цель создания такой огромной военной машины? Гитлер мог прийти только к одному заключению: Сталин намерен завоевать всю Европу... Нападение на Россию Гитлер серьезно задумал летом 1940 года. Он хотел, во-первых, нанести удар русским, прежде чем они успеют напасть на Германию... Приняв это роковое решение, Германия проиграла войну (Генерал Гюнтер Блюментрит. Роковые решения. С. 65-67).

Иными словами, нападение на Советский Союз уже означало поражение Германии в войне.

Но правильнее считать моментом поражения Германии в войне против СССР одну из более ранних дат.

Министр вооружений и боеприпасов гитлеровской Германии Шпеер в своих мемуарах главу «Начало падения» открывает так: «Примерно в первых числах августа 1939 года...»

Вот это и есть начало падения Германии.

В августе 1939 года Гитлер и Сталин руками Риббентропа и Молотова подписали пакт о разделе Польши. Этот пакт неизбежно ставил Гитлера в ситуацию, в которой он должен был вести затяжную войну, и это было разгромом. Кроме того, эту войну надо было вести сразу на несколько фронтов, то есть было гибельным вдвойне.

Все, что последовало после подписания пакта Молотова-Риббентропа, — лишь детали, лишь следующие этапы пути Гитлера к самоубийству. Гитлер проиграл войну не в декабре 1941 года, не в августе, и даже не в июне. Он проиграл в августе 1939 года.

Гитлер сел играть в карты со Сталиным и проиграл Германию, Европу и свою жизнь. Летом 1941 года Гитлер, сообразив, что нарвался на шулера, внезапно хрястнул Сталина канделябром. Этого Сталин не ожидал. Удар перенес болезненно. Но главное было уже сделано. Сталин уже давно все выиграл.

Правильно говорят: не садись с дьяволом кашу есть, все равно у него ложка длиннее.

ГЛАВА 28. Кстати о баранах...

Насколько ничтожно большинство военных советников фюрера! Йозеф Геббельс. 13 марта 1945 г.

1

Гитлеровский план разгрома Советского Союза настолько изящен и прост, что его можно выразить в двух словах: шапками закидаем!

Для осуществления столь блистательного замысла не хватало самой малости: шапок.

Советская военная разведка об этом знала и делала правильный вывод: Германия к войне не готова.

Вывод о неготовности Германии к войне был многократно проверен. Советская военная разведка всегда держалась правильного принципа: добывать — из самых охраняемых сейфов, проверять — самым простым, даже примитивным способом.

В одной военной академии, которая и сейчас остается в непроницаемой тени, которая официально никогда нигде не упоминается ни по какому поводу, мне выпало изучать десятки способов элементарной проверки получаемых сведений. Вот один из них.

Еще в марте 1943 года Сталин знал, что немцы намерены срезать Курский выступ двумя фланговыми ударами по сходящимся направлениям, то есть повторить то, что Сталин только что совершил под Сталинградом. Сведения о гитлеровском плане исходили из самых надежных источников.

Но написать на бумаге можно все что угодно. На соответствующем бланке. И поставить печати те, что надо. И заделать подпись хоть самого Гитлера. А где гарантия, что это не ловушка? Что будет, если Сталин соберет силы для отражения ударов из районов Орла и Белгорода, а Гитлер ударит в другом месте? Будет катастрофа. Потому нужна проверка. Нужна гарантия, что добытые гитлеровские планы — настоящие.

И вот в той самой Академии, прямо на лекции по стратегической разведке — задачка на сообразительность: вот, ребятки, обстановка на конец мая 1943 года, вот копия германского плана. Как бы вы эти сведения проверили?

Нужно сказать, что ребятки туда подбирались сообразительные и выдавали настолько простые и удивительные решения, что вся группа с преподавателем во главе хохотала до слез. А потом преподаватель раскрыл секрет, как это было сделано весной и ранним летом 1943 года: тогда проверка точности агентурных сведений чрезвычайной важности выполнялась молотком. Вернее, достаточным количеством молотков.

Любой фокус прост, когда знаешь его секрет. Сейчас я расскажу, и вы скажете: какая чепуха, и я бы до такого мог додуматься. Каждый из нас, начинающих бойцов невидимого фронта, тоже так

думал и иногда по глупости эту мысль произносил вслух. На это преподаватель, матерый волк агентурного добывания, отвечал: молодец! Вот и придумай нечто такое, до чего никто до тебя не додумался. Твой пример потом в нашей Академии изучать будут. А пока сам ничего такого-эдакого не выдумал, помолчи и оцени то, что было придумано другими.

Дело было так. Гитлеровцы, захватив всю континентальную Европу, не могли обеспечить железные дороги собственным персоналом. Все на войне, рабочей силы катастрофически не хватало даже для промышленности и транспорта самой Германии. Потому железные дороги всех оккупированных стран были под немецкой администрацией и охраной, но всю тяжелую работу делали местные жители — многие и очень многие тысячи людей. За всеми не уследишь. Понятно, весь железнодорожный персонал, от стрелочников и машинистов до ремонтников, сцепщиков и грузчиков, был под контролем, людей регулярно проверяли, обыскивали, в их среде вербовали провокаторов и стукачей. Особое внимание обращали на то, чтобы не пронесли взрывчатку. К эшелонам особой важности не подпускали никого — даже машинисты топтались возле своих паровозов, а гулять вдоль вагонов не могли.

Но была категория железнодорожного персонала, которая имела доступ ко всем эшелонам, включая особо важные. В те времена подшипники вагонных осей помещали в литые чугунные коробки — буксы. Сверху букса имела откидную крышку, через которую заливали масло. Ось вращалась в масле. Масло расходовалось. Потому на каждой крупной станции вдоль эшелонов ходили смазчики. Такой смазчик машинным маслом насквозь промаслен. Смрад от него, как от поломанной бензоколонки. Он идет вдоль вагонов и откидывает крышки букс. Чтобы ему к каждой не наклоняться, в правой руке у него молоток с длинной-длинной ручкой. Два удара: динь-бом. Одним ударом крышку откинул, другим захлопнул: динь-бом.

Если в какой буксе масла мало, он тут же добавит. На то у него в левой руке масленка с длинным-длинным носиком. Опять же, чтобы все время не наклоняться. Так он и ходит весь день. Подходят эшелоны. Стоят. Пыхтят паровозы. А над станцией звон стоит: динь-бом, динь-бом.

Станций — вон их сколько по Советскому Союзу. И смазчиков многие тысячи: динь-бом. За смазчиком немец с автоматом ходит: следит, чтобы этот русский гад в буксу горсть песка не швырнул. Остановился смазчик. Инструмент свой на край платформы положил — опять же чтобы не наклоняться лишний раз. Справил малую нужду. И дальше пошел: динь-бом.

В конце рабочего дня, как и в начале, его обыщут: не выносит ли чего с собой? Нет ли при нем карандашика? Не нацарапал ли он на пачке махорки какие-нибудь каракули с особым смыслом? Но нет с ним ничего. Молоток да масленка.

Смазчики имели доступ ко всем эшелонам, потому их особо проверяли. Потому вербовка смазчика в советской военной разведке считалась особой удачей. В мае 1943 года был дан приказ (только самым надежным из завербованных) измерять ширину гусениц танков на проходящих

эшелонах. Как измерять? Ручкой молотка. Танки в эшелонах везут на железнодорожных платформах, но они укрыты брезентом. Но иногда край гусеницы обнажен. Положи молоток на платформу рядом с гусеницей и засеки ширину. Потом ногтем или камушком на ручке царапни. Сделаешь — получишь медаль «За отвагу». Болтнешь — сам знаешь, что будет.

Иногда танки идут на платформах с бортами. Молоток на край не положишь. И ничего страшного. Если платформы с бортами, значит танки узкие, то есть легкие. Это не очень интересно — знай себе платформы считай, а сосчитав, сообщи количество да направление следования укажи. Интересуют те танки, которые на платформах без бортов, которые в платформу еле вписываются.

Каждый тип танков имеет свою ширину гусеницы. Это как размер обуви. Или как след солдатского сапога: это большой немец шел. А это — маленький.

Летом 1943 года германская армия впервые в массовом порядке применила самоходные орудия «Фердинанд» и танки «Пантера» и «Тигр». Вся эта техника — в весовой категории от 44 до 65 тонн. Раньше бронетанковая техника такой весовой категории немцами в большом количестве не применялась. Машины такого веса должны иметь широкие гусеницы.

Анализ сообщений подтвердил: все танки и самоходные орудия с широкими гусеницами (то есть тяжелые) направляются только в два района: к Орлу и к Белгороду. И никуда больше. Следовательно, главные удары будут нанесены именно из этих районов. А сведения, добытые из охраняемых сейфов, надо считать достоверными и подтвержденными.

2

И в 1941 году Сталин имел сведения из самых охраняемых германских сейфов. Но бумаге верить нельзя. Нужны проверки. Проверок достоверности полученных сведений было много, и все они не подтверждали готовности Германии к наступательной войне. Немцы правильно говорят: дьявол — в мелочах. Так вот, именно в мелочах германская готовность к войне и не проглядывалась.

В Академии я изучал восемь способов, которые были использованы для оценки добытых планов Гитлера. Все восемь дали отрицательный результат: Германия к войне не готова, а добытые планы — явная дезинформация.

Способов проверки было не восемь, а больше. Я не знаю, сколько именно. В мое время остальные способы на уровне Академии ГРУ не изучались, ибо оставались в категории выше, чем «Совершенно секретно». Но нам сказали, что все другие способы без исключения дали тот же результат: подготовка к войне в Германии ведется только на бумаге, на практике не делается ничего или почти ничего.

В «Ледоколе» я только вскользь упомянул два из известных мне способов проверки достоверности добытых планов Гитлера.

Прежде всего, руководство ГРУ знало, где, в каких количествах и какие виды жидкого топлива

и смазочных материалов производятся в Германии и на захваченных ею территориях. Количество жидкого топлива, которым располагал Гитлер, было совершенно не достаточным для проведения глубоких наступательных операций.

Но главное внимание было обращено на качество топлива, — а какое именно топливо они производят? Анализ показал: Германия не ведет интенсивных исследований в области создания морозостойких топлив и масел, промышленность Германии не производит морозостойкие топлива и масла в сколько-нибудь значимых количествах, а тыловые органы вермахта и люфтваффе не ведут накопления такого топлива и масел в количествах, необходимых для большой войны.

Чтобы не перегружать «Ледокол», об этом я сказал парой фраз. Понятно, что этот вопрос в Академии изучался куда более серьезно и подробно. И десятки лет спустя я помню, что температура кристаллизации чистого бензола составляет +5,4 градуса Цельсия.

В Германии бензин получали путем гидрогенизации низкосортных углей. В этот бензин требовалось добавлять бензол в довольно больших количествах. Бензол обладает высокими антидетонационными свойствами; его добавляют для повышения октанового числа, однако это резко снижает низкотемпературные свойства топлива. Температура кристаллизации основных сортов немецкого бензина составляла от -9,6 до -14,5 градусов по Цельсию. Ясно, что только полный идиот мог с таким бензином начинать войну против страны, где зимой температура минус 20 градусов — обычное явление.

Советская разведка германских генералов идиотами не считала, потому делала вывод: в Германии подготовка к войне не ведется.

Другая проверка достоверности сведений о подготовке Германии к нападению на СССР высветила еще один из множества элементов вопиющей, поистине катастрофической неготовности Германии к войне: для покорения России требовалось заготовить минимум шесть миллионов тулупов, а германские стратеги не заготовили ни одного миллиона, ни одной тысячи, ни одной сотни. Вообще ни одного. Советская разведка знала об этом и делала правильный вывод: Гитлер к войне не готов. Согласимся: вывод правильный. Другого вывода быть не может, неготовность налицо. Кто с этим будет спорить?

Понятно, речь не только о тулупах: гитлеровцам нужны были валенки, теплое белье, свитера, утепленные палатки, перчатки, те же шапки, которыми следовало Красную Армию закидать, печки-буржуйки, лыжи, лыжная мазь, маскировочные халаты, не замерзающая на морозе смазка, агрегаты для разогрева воды и смазочного масла, морозоустойчивые аккумуляторные батареи, зимнее топливо для танков, машин и самолетов, нужны были танки с широкими гусеницами, сотни тысяч машин высокой проходимости и так далее и тому подобное.

Ничего этого не было: неготовность полная, неготовность позорная и скандальная.

Я-то думал: кто осмелится усомниться в германской неготовности? Кто вздумает утверждать,

что Гитлер был к войне готов? Я ошибся. Еще до выхода «Ледокола», в ответ на публикацию пары глав из этой книги, в защиту Гитлера и его мудрейших генералов выступил Иосиф Косинский (Новое русское слово. 26 июня 1989 г.). Он объявил, что тулупы немцам вовсе не требовались, так как «выиграть войну на востоке планировалось до наступления зимы». Немцы, объявил Косинский, планировали разгромить Советский Союз за три месяца.

Два дня я ходил сам не свой: это было самое удивительное заявление, которое я слышал в своей жизни. Была непонятна позиция Косинского, но еще более странным показалось поведение редакции газеты: зачем такое публиковать? Косинский написал глупость, но зачем пачкать газетные страницы этой гадостью?

А за Косинским в защиту Гитлера бросился Марк Штейнберг: он опубликовал огромную разгромную статью «Ледокол в бараньей шкуре», на весь мир высмеял меня и отстоял гитлеровскую мудрость. Аргумент тот же: зачем Гитлеру тулупы, он же планировал за три месяца...

За Штейнбергом на защиту гитлеровской стратегической гениальности поднялась целая ученая рать. Светила исторической науки из США и Германии, Британии и Франции завопили: Гитлеру тулупы были не нужны! Разве этот самый Резун-Суворов не знает, что захват России был запланирован в три месяца? Этот напор мне кажется подозрительным: создается впечатление, что кем-то где-то в одном месте был выдуман глупейший аргумент и всем моим критикам централизованно разослан. Мои критики, все как один, по команде ухватились за эти самые тулупы и за этих баранов: все так просто — Гитлер планировал блицкриг, а Суворов об этот понятия не имеет.

Тема тулупов и баранов зазвучала прямо в аршинных заголовках и подзаголовках газетных разворотов: «Ледокол на бараньем пастбище», «Автора «Ледокола» подвели бараны». Выступает коммунист Дмитрий Антонович Волкогонов и заявляет: «Что касается бараньих тулупов... то можно было бы сказать и поточнее. Тулупы были не нужны, ибо война планировалась на три месяца».

Это сказал советник Президента России. Честно говоря, в глазах у меня темнело от таких заявлений. А потом — новые и новые статьи, как булыжники по моей голове:

Вот такая получается у Резуна баранья стратегическая концепция войны, которая, видимо, только на баранов и насчитана. Пусть уважающий себя читатель, нежелающий, чтобы его дурачили бессовестные люди и авантюристы от истории, задумаются, насколько серьезны такие утверждения. В действительности Гитлер, начиная войну, вообще не думал об этих тулупах, поскольку делал ставку на молниеносную войну, стремясь завершить ее еще до наступления зимы...

Это написал генерал армии Махмут Гареев, доктор военных наук, профессор, академик. Были и совсем странные обвинения. С. П. Исайкин, разгромная статья «Арифметика ошибок»:

Приходится думать, что Суворов считает читателей круглыми идиотами

или баранами… но понятно, что из одной бараньей шкуры бараний тулуп сшить невозможно (Сборник «Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера?». С. 63).

Сергей Петрович Исайкин, вы полностью правы: одной бараньей шкуры на тулуп не хватит. Тут я с вами согласен, но прошу эту глупость мне не приписывать. Я никогда не говорил, что из одной шкуры можно сшить тулуп.

Статей о баранах было много. И все об одном: тулупы Гитлеру не нужны, он планировал завершить войну за три месяца.

3

Мнение защитников Гитлера мы выслушали.

Настало время отвечать.

Итак, тулупы Гитлеру не нужны, потому как войну он планировал завершить в три месяца. Согласимся.

Если так, если в три месяца планировал, то следовало в соответствии с планами и поступить: Красную Армию сокрушить, Советский Союз поставить на колени. В чем проблема? Гитлеровская орда вступила на советскую территорию 22 июня — значит через три месяца, 21 сентября, надо было проводить парад победы. Отчего же в сентябре его не провели?

Гитлеровцы отвечают: причины чисто географические — просторы, бездорожье, погода. Я и с этим согласен. Но если в Советском Союзе существуют такие географические условия, то надо было готовить войска действовать не в тепличных условиях, а в реально существующей обстановке: вооружить вездеходными машинами, способными преодолевать грязь и снег, запасти морозостойкие масла и топлива для танков, самолетов и машин, обеспечить войска лыжами и зимней одеждой — теми самыми тулупами.

Тут гитлеровцы дружно возражают: нет, этого не требовалось, войну-то в три месяца планировали завершить!

Круг доказательств замкнулся. Честь выдающихся гитлеровских стратегов спасена: завершить молниеносную войну в три месяца они не смогли потому, что географические и климатические условия помешали, а к таким географическим и климатическим условиям им готовиться было не нужно потому, что они планировали в три месяца войну завершить.

Я не шучу. Почитайте откровения Волкогонова, Косинского, Геббельса, Гареева, Штейнберга: в одной статье, а то и в одном предложении они доказывают, что мудрейшие гитлеровские генералы планировали быстренько завершить войну, но помешала плохая погода, а к плохой погоде им не надо было готовиться потому, что они планировали быстренько завершить войну.

Не перестаю удивляться наглости гитлеровских пропагандистов: планировали завершить войну

4

Не о баранах речь. Дело вот в чем. Всех нас марксистско-гитлеровская пропаганда приучила смеяться над Сталиным: разведка докладывала, а он, глупый и трусливый, боялся верить. В свете этой сталинской глупости все мы выглядим полными идиотами и следующим поколениям уготовлена та же судьба: как только речь зайдет о той войне, нашим потомкам напомнят о неготовности, неспособности, глупости и трусости.

Между тем, позиция Сталина проста и понятна: он был в здравом уме и понимал, что Гитлер находится в безвыходном положении, что, имея столько сил, он не способен разгромить Советский Союз, тем более — разгромить за три месяца.

И позиция лидеров советской разведки тоже понятна. Они получали сообщения о подготовке гитлеровского вторжения, но докладывали Сталину правду: это невозможно! Они докладывали так не из-за желания угодить Сталину, а потому, что дело действительно так обстояло.

Смеяться надо не над лидерами советской разведки и не над Сталиным. Гитлер и его стратеги решились на идиотское предприятие, которое ни при каких условиях не могло иметь для Германии счастливого конца. Вот над кем надо смеяться.

Глупость не в том, что Сталин не верил. Неверие Сталина понятно и оправдано. Глупость в том, что Гитлер такое мог замыслить. Но нашлись люди, которые бросились на защиту Гитлера и его бестолковых стратегов.

Война показала: даже в самой благоприятной ситуации Гитлер и его мудрейшие полководцы не смогли разгромить Советский Союз. А защитники Гитлера вопят: нет, это было возможно. Гитлер такой великий полководец, заявляют они, что, ведя войну против Британии и всей Европы, он мог одновременно с этим разгромить и Советский Союз! И не просто разгромить, а разгромить за три месяца! Потому, объявляют гитлеровские апологеты, к зиме не надо было готовиться.

И вот вам всем, защитникам Гитлера, вопрос: а что было сделано германским командованием для того, чтобы завершить войну в три месяца, до распутицы, до осенней грязи, до мороза и снега? Отвечайте, Иосиф Косинский: мог ли Гитлер за три месяца разгромить авиацией «последний промышленный район на Урале» или не мог? Были ли у Гитлера дальние бомбардировщики? Были ли у Гитлера аэродромы у Волги, чтобы до Урала дотянуть? Было ли топливо для такой воздушной операции? Да или нет?

Если ответите положительно, то перед всем миром вы покажете себя продажным гитлеровским прихвостнем. Ответить положительно на этот вопрос может только отпетый лжец, продавший душу Гитлеру и дьяволу. Каждый школьник знает, что никаких дальних бомбардировщиков у Гитлера не было, как не было для них топлива. А раз так, то война неизбежно

выходила за рамки трех месяцев и растягивалась на четвертый, а это уже октябрь. По опыту Бонапарта гитлеровским стратегам должно быть известно: в октябре в России бывает снег. Так оно и случилось в 1941 году: «В ночь с 6 на 7 октября выпал первый снег» (Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 316).

Из-за полной неготовности к войне, из-за простой невозможности подавить советскую промышленность за Волгой гитлеровская военная машина неизбежно попадала в грязь, увязала в ней и с той же неотвратимостью попадала в русскую зиму. Так нужны ли тулупы или без них можно прожить? Почему же вы смеетесь над Сталиным, который гитлеровскую затею считал бредом? Почему вы не смеетесь над бредовыми гитлеровскими планами? Чем объяснить ваши, мягко говоря, противоестественные симпатии к гитлеровцам?

Отвечайте, Марк Штейнберг: можно ли за три месяца захватить одну шестую часть суши планеты Земля, имея 3410 устаревших танков, в числе которых ни одного тяжелого, ни одного — с мощной пушкой, ни одного — с противоснарядным бронированием, ни одного — с дизельным двигателем, ни одного — с широкими гусеницами?

Можно ли за три месяца форсировать десятки тысяч рек и речушек, не имея ни одного плавающего танка?

Можно ли, имея менее трех с половиной тысяч старых танков, за три месяца сокрушить 24 тысячи советских танков, среди которых лучшие в мире образцы, среди которых — тяжелые танки с противоснарядным бронированием, с дизельными двигателями, с широкими гусеницами и сверхмощными орудиями. Можно ли за три месяца все это уничтожить, если ВСЕ немецкие танковые и противотанковые пушки бессильны против советских танков КВ-1 и КВ-2?

Но если советская промышленность за Волгой неуязвима, значит советских танков будет не 24 тысячи, а больше. Пока уничтожаете первые десять тысяч и вторые десять тысяч, заводы выпустят новые танки, и будут это новенькие КВ и Т-34 прямо из заводских цехов. Так можно ли сокрушить Советский Союз за три месяца, если неуязвим сам источник производства новых танков, самолетов, пушек, снарядов, патронов? Ответить на это положительно может только тот, кто выжил из ума или безумно влюблен в Гитлера и его непобедимое воинство, возглавляемое гениальными стратегами.

А если это нельзя совершить за три месяца, то надо быть готовым воевать осенью и зимой. Не так ли? Так нужны тулупы или нет?

Перед Гитлером страна площадью 22,4 миллиона квадратных километров. Считайте сами, сколько тысяч квадратных километров приходится на один танк. Если бы не было вообще никакого сопротивления, то немецкому танку не хватит моторесурсов, чтобы просто объехать эту территорию. Перед ними страна с населением 170 миллионов человек, если не считать присоединенных в 1940 году новых «республик». Считайте сами, сколько десятков тысяч человек населения приходится на каждый немецкий танк. Всех не передавишь, даже если добровольно под гусеницы будут ложиться.

Перед ними опыт дружественной Гитлеру Японии: уж такие японцы разумные, уж такие развитые! Но вляпались японцы в Китай как в трясину, и выбраться из Китая не получается. Слишком много их, китайцев. В Советском Союзе было людей меньше, чем в Китае, но территория больше и для действия танков менее пригодна, а основная часть территории вообще для танков непроходима. И в отличие от Китая, Советский Союз мог производить лучшие в мире танки в невероятных количествах. Куда же гитлеровцы со своими тремя тысячами танков сунулись?

5

Юрий Финкельштейн, вам вопрос. У Гитлера армия в три с половиной миллиона человек. Основное вооружение этой армии — винтовка образца 1898 года. Основа мобильности — скрипучая мужицкая телега. Ей противостоит Красная Армия, мобилизационный ресурс которой — 34 миллиона солдат и офицеров. Красная Армия действует на территориях, которые даже теоретически невозможно захватить. Можно ли, имея так мало сил, разгромить Красную Армию? Можно ли это совершить за три месяца?

Даже если вы уверены, что у Гитлера — высшая раса, а ему противостоят недочеловеки, то и тогда за три месяца их всех не перебьешь. Они просто отойдут туда, куда гитлеровские телеги не смогут доехать. Так как же вы смеете утверждать, что Гитлер был к войне не только готов, но и мог разгромить Красную Армию за три месяца!

У вас два выхода. Объявите, что за три месяца можно было сокрушить Советский Союз. В этом случае мы все будем знать, что мозги у вас работают не лучше, чем у бесноватого фюрера, который грыз ковры и рассказывал про собак в безвоздушном пространстве. Или вы должны признать: за три месяца это сделать невозможно, война в любом случае выходила за рамки лета и становилась затяжной. В этом случае без тулупов не обойтись.

6

Мечтать о покорении России мог только дурак. Мечтать о покорении в три месяца мог полный идиот. О дремучей глупости германских стратегов говорит запись в служебном дневнике Гальдера 24 июня 1941 года:

Наши войска заняли Вильнюс, Каунас, Кейданы. (Историческая справка: Наполеон занял Вильнюс и Каунас тоже 24 июня.)

Нашел чем гордиться! Нашел по кому равняться! А уж если проводишь исторические параллели, то веди их и дальше. Вспомни, что стало с воинством Бонапарта в октябре, ноябре и после ноября. Проведи параллель и озаботься подготовкой к зиме. Но стратеги Гитлера могли проводить параллели только с победными маршами Бонапарта, но были не способны заглянуть в печальный конец истории.

Бонапарт шел в Москву быстро, и ни грязь, ни метели ему не мешали. Он захватил Москву в самом начале сентября. Стояла жара. Не было ни дождей, ни грязи, ни снега, ни мороза. Никто Бонапарта не трогал. Кутузов — непонятно где. Казалось бы, сиди и радуйся, грейся у огня пожаров, празднуй победу. Так нет же: случилось нечто такое, что заставило Бонапарта бежать из России до наступления холодов.

Не зима его из Москвы выгнала! Но Бонапарт до наступления зимы почему-то побежал из России. А ведь его никто не гнал. Сам побежал. Без видимой причины. Ибо сообразил: Москву можно взять за три месяца, но это не конец войны, это только начало. Россия Москвой не кончается. И зима впереди. И тулупы Бонапарту потребовались даже и после захвата Москвы. Удивительно: гитлеровцы имели такой блистательный пример из истории и повторили все те же ошибки.

Бейте меня, режьте меня, но логики Юрия Финкельштейна²⁴, Геббельса, Гареева, Косинского, Гитлера, Штейнберга, Волкогонова мне не понять. Ну ладно, допустим, гитлеровцы покорили Советский Союз за три месяца: начали 22 июня, завершили 21 сентября. И что из этого? Разве после разгрома Советского Союза зимы не будет? Или как? Защитники Гитлера, известно ли вам, что после осени бывает зима? А к зиме надо готовиться.

Отвечайте: на что надеялся Гитлер? Он думал, что после сентября сразу май наступит? Даже если бы сбылась идиотская мечта Гитлера разгромить Красную Армию в три месяца, задумайтесь: что потом будет? Он намеревался разгромить Советский Союз и в сентябре вывести свои войска обратно в Германию? Это было бы самоубийством.

Но если планировали разгромить Советский Союз и оставить на его территории оккупационные силы, не одев их по сезону, то это тоже было самоубийством.

Москву и Питер Гитлер приказал уничтожить. Это не пропаганда, это теперь документально подтверждено. Как же его победившие вояки собирались зимовать? На московских развалинах? Или по деревням, не высовывая носа из избы? Так ведь сортиры у нас на улице. С метельным продувом. И часовых на ночь выставлять надо. В чем их выставлять — в шинелях на рыбьем меху?

Логика потрясающая: планировал за три месяца. Да хоть за неделю! А к зиме все равно готовиться надо.

7

Командующий 3-й танковой группой гитлеровский генерал-полковник Герман Гот писал:

Задача уничтожения расположенных дальше к востоку центров военной промышленности возлагались на авиацию. Это были утопические планы. Радиус действия немецких бомбардировщиков составлял тогда 1 000 километров. Даже если бы удалось достичь намеченной линии Волга — Архангельск (это исключалось

²⁴ Автор разоблачительных статей в американской русскоязычной эмигрантской прессе. — Примеч. автора.

за одну кампанию, т.е. за три-четыре месяца). радиус действия бомбардировщиков был бы недостаточным, чтобы вывести из строя уральскую промышленность, район Свердловска. А ведь и за Свердловском не конец мира (Гот Г. Танковые операции. С. 44).

Даже гитлеровский генерал сообразил: дойти до Волги за три месяца было нельзя. Но если бы и дошли, то бомбить Урал было бы нечем. Но если бы и разбомбили, то за Уралом оставались другие промышленные центры. А наши доморощенные стратеги возражают: нет, можно было все это захватить, и очень даже быстро.

Командующий 2-й танковой группой генерал-полковник Г. Гудериан писал:

Когда они развернули передо мной карту России, я не поверил своим глазам. То, что я считал невозможным, должно претвориться в действительность? (Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 191).

И Гудериан считал разгром Советского Союза невозможным. Не то что в три месяца, а вообще ни в какие сроки. А наши умники не согласны: можно было разгромить.

Командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Карл фон Рундштедт считал:

Война с Россией бессмысленная затея, которая… не может иметь счастливого конца. Но если… война неизбежна, мы должны согласиться, что ее нельзя выиграть в течение одной лишь летней кампании. Вы только посмотрите на эти огромные пространства. Мы не можем разгромить противника и оккупировать всю западную часть России от Балтийского до Черного моря за какие-нибудь несколько месяцев (Роковые решения. С. 76).

Вот и начальник ГРУ генерал-лейтенант Голиков так рассуждал. И товарищ Сталин тоже. И ждали от Гитлера и его фельдмаршалов осмысленных действий, то есть подготовки к затяжной войне и, следовательно, к войне зимой. Но осмысленных действий не отмечалось.

Да что там какие-то генералы и фельдмаршалы.

Гитлер, который резко критиковал в моем присутствии политическое руководство Германии 1914 года, не понимавшее опасности ведения войны на два фронта, теперь сам хотел, не окончив войны с Англией, начать войну с Россией. Этим он сам навлекал на себя опасность, вытекающую из ведения войны на два фронта, от чего его настойчиво предостерегали все старые солдаты, и что он сам стал часто называть ошибочным шагом (Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 191).

Так давайте же поймем Сталина: и он тоже считал такой шаг явно ошибочным, более того — самоубийственным. А уж если гитлеровцы и решились воевать, то в три месяца им никак не уложиться и потому они должны готовиться воевать зимой. Этой подготовки нет. Следовательно, считал Сталин, воевать против Советского Союза Гитлер не намерен. Чистая логика.

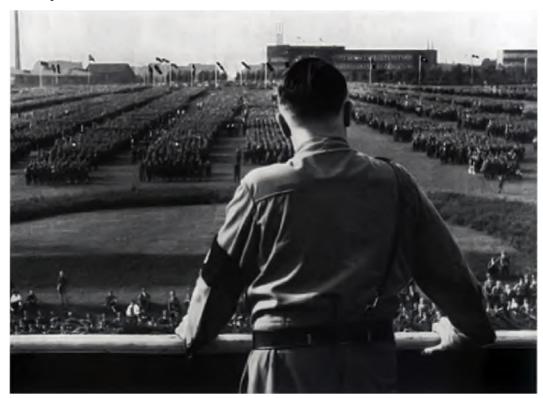
Но наших современных защитников гитлеровской мудрости не переспоришь. Они с каким-то садистским удовольствием твердят свое: к войне зимой не надо было готовиться, Гитлер вполне мог разгромить Советский Союз за три месяца.

Такая позиция свидетельствует или о высшей степени умственной деградации, или о сознательной (а значит преступной) лжи нашему народу. И пока поклонники Гитлера и его генералов будут остервенело защищать их, отстаивать правильность их «мудрых решений» и восхищаться их самоубийственным поведением, я буду продолжать войну против них.

До полного их разгрома.

Книга завершена 13 апреля 2000 года, переработана в 2011 году. Бристоль

Фотоматериалы:

Сталин подарил Гитлеру власть над Германией. «Без Сталина не было бы Гитлера» — так в октябре 1936 года Лев Троцкий оценил сталинскую помощь Гитлеру. Не больше и не меньше: без Сталина не было бы Гитлера. Без сталинской помощи Гитлер не пришел бы к власти. Но и этого щедрому Сталину показалось мало, и 23 августа 1939 года Сталин подарил Гитлеру Польшу, а с ней и всю Европу. А ведь если бы Сталин не оценил «Майн Кампф», то политическая карьера Адольфа Гитлера завершилась бы гораздо раньше.

На фото: Адольф Гитлер, недавно назначенный канцлером Германии, обращается к штурмовикам СА (Дортмунд, Германия, 1933 г.).

Гитлер возглавляет колонну НСДАП на шествии, посвященном ежегодному празднованию годовщины «Пивного путча» (Мюнхен, Германия, 1933 г.).

Гитлер произносит речи перед публикой (фотографии 1935 и 1936 годов - далее).

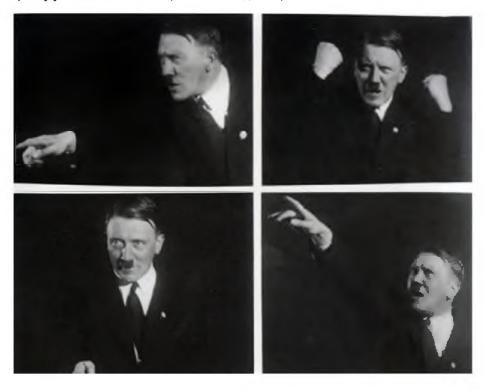

Свои мысли и решения Сталин формулировал ясно, четко, лаконично, с неумолимой логикой. Лишних слов не любил и не говорил их. О Гитлере рассказывают как раз противоположное. Гитлер не умел и не хотел слушать. Гитлер говорил. Сталин пришел к власти как молчаливый конспиратор, Гитлер — как горластый оратор.

На фото: Сталин выступает на VIII чрезвычайном съезде Советов (Москва, 1936 г.).

На этих снимках Гитлер отрабатывает жестикуляцию для своих будущих выступлений, прослушивая запись одной из своих речей. Снимки сделаны в 1925 году, вскоре после освобождения Гитлера из тюрьмы Ландсберга (по другим данным, в 1927 году), личным фотографом Гитлера Генрихом Гофманом. Вероятно, эта фотосессия была устроена для того, чтобы Гитлер мог оценить, насколько убедительно и естественно он выглядит со стороны; эти снимки не предназначались для публикации — напротив, поскольку фотографии могли разрушить убежденность большинства людей в том, что Гитлер был прирожденным оратором и всегда произносил яркие речи спонтанно и без подготовки, Гитлер приказал Гофману уничтожить негативы (что не было сделано).

На фото - кадры, сделанные во время реального выступления Гитлера перед публикой.

Адольф Гитлер общается C молодыми националсоциалистами маленькой комнате «Коричневого дома» — здания в Мюнхене, котором с 1930 по 1945 г. располагалась штаб-квартира НСДАП (личный Генриха архив Гофмана 1935 г.).

Гитлер компании австрийских женщин (1939 г.). Этот снимок, как и предыдущий, скорее всего, постановочным для предназначался публикации в прессе. Болтливость Гитлера знала границ: каждую ночь он собирал окружавших его сотрудников стенографисток, министров, машинисток, генералов, секретарш, гауляйтеров, водителей, адъютантов, рассаживал их вокруг стола, якобы на ужин, и начинал говорить. Он говорил обо

всем: об истории и экономике, о климате и религии, о том, как сделать свою овчарку Блонди вегетарианкой, о том, что предками германцев были греки (в другой раз — викинги), о том, что думает женщина, чего ей хочется и чего ей не хватает, о производстве стали и бумаги, и еще — о себе, о себе, о себе. Эти насильственные проповеди (или исповеди?) были тяжкой мукой для окружения фюрера. Машинистки, секретарши, стенографистки устанавливали между собой

очередь, кому в какую ночь идти слушать речи Гитлера.

Сталин и Молотов на конференции ударников труда (Москва, 1938 г.).

Рейхсляйтер Мартин Борман (на снимке — справа, за ним — Гитлер и Иоахим фон Риббентроп, министр иностранных дел Германии), начальник партийной канцелярии, стал личным секретарем фюрера и самым коварным человеком в его ближайшем окружении. В биографии Бормана было одно пятнышко: в 1919 году он воевал в Прибалтике против Красной Армии, попал в плен и оказался в спецлагере в Осташкове, в подчинении Региструпра находившемся учреждение, сменив несколько вывесок, сегодня известно как ГРУ). В начале 1920-х годов главной задачей Региструпра и его начальника товарища **Уншлихта** была подготовка коммунистической революции в Германии. В том лагере будущий заместитель Гитлера по партии мотал срок в 1920 и 1921 годах. Тот, кто с оружием в руках выступал против Красной Армии, подлежал уничтожению (тем более, если они были иностранцами), но молодого Бормана почему-то пожалели, а потом и вовсе отпустили с миром. Причина такого гуманизма не известна, но

человека с таким пятнышком в Советском Союзе к секретам государственной важности не подпустили бы, а уж если бы и подпустили, то держали бы под контролем. Бормана в Германии не контролировал никто — напротив, это он

контролировал Гитлера.

Уже в 1942 году Гитлер (на снимке, сделанном в 1940 году, он стоит в центре) был номинальным фюрером. Борман (слева) подгребал власть под себя. Воспользовавшись инертностью Гитлера, Борман сам определял, кто из правительственных чиновников может получить аудиенцию у фюрера. Почти никто из министров, рейхс- и гауляйтеров не имел прямого доступа к Гитлеру; всем им приходилось просить Бормана изложить ему их проблемы. Монотонно и подчеркнуто деловито Борман нескольких предложениях излагал суть присланных ему меморандумов, а затем предлагал свой вариант решения. В большинстве случаев Гитлер кивал головой и говорил: «Согласен». Беда гитлеровской Германии (и наша удача) состояла в том, что серый кардинал Борман правил Германией не в ее интересах, а в своих собственных.

Гитлер и Геринг работают с документами

Роль второго человека в любой иерархии ничуть не меньшая, чем роль первого. И если первый человек — тянущий локомотив и «пламенный мотор» общества, то второй — тормозная система. Любой тиран должен проявить достаточно ума, чтобы терпеть рядом с собой человека, способного возразить, способного осадить его порыв, ибо порыв может оказаться гибельным. Чтобы оценить первого, мы должны знать, кого он держит рядом. Вторым у Сталина был Вячеслав Молотов. У Гитлера — рейхсмаршал Герман Геринг.

Г. К. Жуков свидетельствовал, что Сталин не раз упрекал Молотова, причем Молотов отнюдь не всегда молчал в ответ, споря и препираясь, проявляя такое упорство в важных вопросах, что Сталин повышал голос и даже выходил из себя, а Молотов, улыбаясь, оставался при своей точке зрения.

А поведение второго человека гитлеровской Германии — это, по оценке Гудериана, «откровенное бесстыдство, с которым Геринг соглашался едва ли не с каждым словом Гитлера». Описание подхалимской тактики Геринга — это не порицание ему лично, это приговор Гитлеру и всей системе его власти: если вторым человеком Гитлер держал Геринга, если не видел откровенного холуйства и холопства, значит, Гитлер был глуп и не должен был даже и мечтать о победе над Сталиным.

Сталин и Молотов у Царь-пушки в Кремле (октябрь 1931 г.).

Сталин и Молотов приветствуют участников первомайской демонстрации (1 мая 1936 г.).

Геринг выступает перед публикой (1943 г.).

Летчик-ас Герман Геринг готовится к боевому вылету (1915-1918 гг., точная дата снимка неизвестна). Во время Первой мировой войны Геринг проявил себя бесстрашным пилотом, сбил в воздушных боях 22 самолета противника, был награжден Железным крестом другими орденами медалями.

Геринг на одном из публичных мероприятий (1934 г.). К этому моменту он уже был министр-президентом Пруссии, начальником тайной полиции (гестапо) и главой Имперского министерства авиации, начав тайное возрождение военно-воздушных сил, которые Германии было запрещено иметь по условиям Версальского мира (главнокомандующим люфтваффе он будет назначен позднее, в 1935 году, когда Гитлер официально признает существование ВВС в Германии). Геринг привлек к руководству люфтваффе асов Первой мировой войны, своих друзей по фронту, многие из которых оказались абсолютно не способными к руководящей работе.

Рейхсмаршал Геринг был одним из немногих людей в Германии, готовым к русской зиме. Обладатель самых роскошных шуб и воротников, он красовался в них даже до наступления холодов на зависть всем модницам Европы.

Геринг (справа) демонстрирует Гитлеру (слева) «учебную лошадь» — один из своих гимнастических снарядов — в тренажерном зале на своей вилле Каринхалл (1937 г.).

Геринг после ареста американскими солдатами. Обратите внимание на суженные зрачки рейхсмаршала — по свидетельствам людей из его окружения, Геринг был наркоманом с многолетним стажем (он принимал морфин еще в 1933 году), что подтверждено официальной врачебной экспертизой Нюрнбергской тюрьмы.

Гитлер дарит Герингу картину Ганса Макарта «Дама с соколом». Оба нацистских лидера были страстными

коллекционерами произведений искусства; оба удовлетворяли эту страсть во время войны, наполняя свои коллекции шедеврами мирового искусства из европейских музеев — в залах «Каринхалла» они висели в три, а то и в четыре ряда.

У Сталина тоже был свой «ценитель искусств», маршал Жуков, который ограбил музеи и банки «освобожденной» Европы и украсил свои дворцы не хуже Геринга. И все же Жуков — это не второй человек в государстве. Он только в военной стратегии второй. Жуков не красил губы красной помадой и глаза не подводил. Сталин знал, что Жуков — мародер и барахольщик, и готовил против него дело.

Официальный портрет Геринга в военной форме (1939 г.). Обратите внимание на огромный перстень на безымянном пальце левой руки и лампасы шириной с ладонь.

Фото ниже: В области стратегии вторым человеком у Сталина был Жуков, у Гитлера — генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель (на снимке — в центре).

О Жукове сказано достаточно и даже более того, а вот — о Кейтеле: его кличка в среде германских генералов — Лакейтель. Носил он ее не зря: для Гитлера Кейтель был кем-то вроде холопа, в его глазах постоянно и четко читался вопрос изволите?». Официальная «чего должность Кейтеля в переводе на русский язык Верховного начальник штаба главнокомандования вооруженных сил, но ни по своим личным, ни по профессиональным качествам Кейтель не соответствовал этой трудной и ответственной должности; более того, по своим волевым и командирским качествам соответствовал даже требованиям, OH не которые в Советской Армии предъявляли к будущим сержантам: он считал, что его работа заключается в том, чтобы приказ вышестоящего (Гитлера) передать нижестоящим.

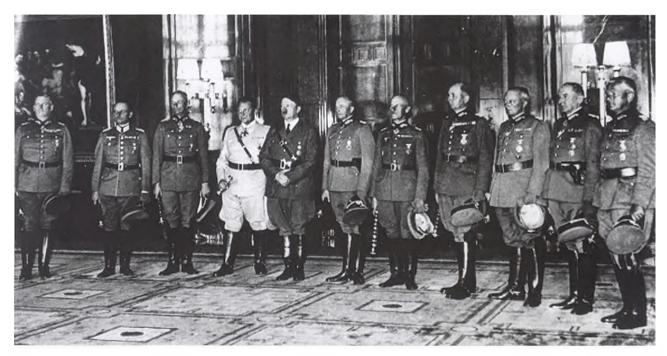

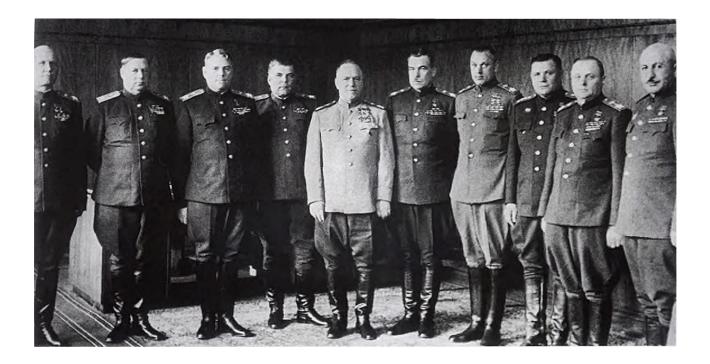
Борман (слева) и Кейтель (в центре) терпеливо ожидают, когда Гитлер ознакомится с предоставленным ему документом.

Рассматривая карту через лупу, Гитлер наносит на нее пометки карандашом, а генералы почтительно наблюдают, — именно так фюрер принимал многие «гениальные решения».

Гитлер и его генералы (слева направо): Вильгельм Кейтель, генерал-фельдмаршалы Герд фон Рундштедт и Федор фон Бок, рейхсмаршал Герман Геринг, Адольф Гитлер, генерал-фельдмаршалы Вальтер фон Браухич, Вильгельм фон Лееб, Вильгельм Лист, Гюнтер фон Клюге Эрвин фон Вигцлебен и Вальтер фон Райхенау. Снимок сделан 14 августа 1940 года в кабинете Гитлера в Рейхсканцелярии, где Гитлер выдавал недавно назначенным рейхсмаршалу и фельдмаршалам их знаки отличия.

Сталинские маршалы и генералы, командовавшие действующими фронтами в последний период войны (слева направо): маршалы Иван Конев, Федор Толбухин, Александр Василевский, Родион Малиновский, Георгий Жуков, Леонид Говоров и Константин Рокоссовский, генерал армии Андрей Еременко, маршал Кирилл Мерецков, генерал армии Иван Баграмян (4 апреля 1945 г.). Об интересных обстоятельствах этой фотосессии рассказано на следующей странице.

На фотосъемке, результатом которой стала приведенная на предыдущей странице фотография, случилась интересная история, которая многое говорит о характере Сталина. Изображенные на фотографии генералы и маршалы были приглашены Сталиным в Кремль специально для создания группового фотоснимка — приглашены в самый разгар последнего периода войны, для чего военачальники должны были покинуть свои фронты (напомним, что фотография была сделана 4 апреля 1945 г.). По первоначальному замыслу, в центре группы должен был стоять сам Сталин, но когда все выстроились перед фотографом, Сталина позвали к телефону, и он вышел из комнаты. Пока Сталин отсутствовал, Жуков предложил сфотографироваться без Верховного главнокомандующего; Сталин вернулся в комнату в тот самый момент, когда фотограф делал этот снимок и, увидев, что военачальники фотографируются без него, вежливо отказался присоединиться к группе для фотосъемки, предложив присутствующим продолжать без него.

Интересно также, что двое из присутствующих служили в царской армии и имели далеко не самую безупречную для военачальника Красной Армии биографию. Маршал Леонид Говоров с октября 1918 года служил командиром батареи в частях Белой армии под командованием адмирала Александра Колчака и воевал против Красной Армии; в ноябре 1919 года он вместе с несколькими солдатами из своей батареи дезертировал и бежал в Томск, где принимал участие в восстании против белых властей. Генерал армии Иван Баграмян в 1917 году закончил школу прапорщиков, а после Февральской революции поддержал армянскую партию «Даш-накцутюн» (партия дашнаков) и после обретения Арменией независимости принимал участие в боевых действиях против турецких войск; в декабре 1920 года он присоединился к восставшим против дашнакского правительства и добровольно вступил в Армянскую Красную армию.

Генерал-фельдмаршал Кейтель, генерал-полковник фон Браухич, Гитлер, генерал-полковник Гальдер (слева направо на переднем плане) изучают карту во время совещания генерального штаба (1940 г.).

Высшее командование Красной Армии во время штабных учений перед Берлинской наступательной операцией (1945 г.).

Гитлер и офицеры вермахта проводят рекогносцировку на местности (точные дата и место съемки неизвестны).

Ниже: Гитлер (слева) принимает министра иностранных дел Германии Иоахима фон Риббентропа (второй справа), вернувшегося в Берлин после подписания германо-советского договора о ненападении (пакт Молотова-Риббентропа); крайний справа — Эрнст фон Вайцзеккер, статс-секретарь министерства

иностранных дел (второе должностное лицо после министра иностранных дел), отец немецкого физика и философа Карла

Фридриха фон Вайцзеккера (в годы Второй мировой войны вместе Гейзенбергом работал над созданием ядерного оружия; впервые вывел полуэмпирическую формулу для энергии связи атомного ядра, названную в его честь формулой Вайцзеккера) и известного политического деятеля, президента ФРГ с 1984 по 1994 гг. Рихарда Карла фон Вайцзеккера (Берлин, Рейхсканцелярия, 1939 г.).

Гитлер и его окружение за обедом в полевых условиях.

Шпеер и Гитлер обсуждают один из архитектурных проектов (Бергхоф, 1938 г.). Среди серости тупости высшего руководства Третьего рейха Альберт Шпеер, личный архитектор Гитлера и рейхсминистр вооружений и военной промышленности, выглядел явным отклонением от нормы, но это исключение лишь подтверждает правило. Шпеер не изворачивался на Нюрнбергском процессе, принял на себя ответственность, персональную и коллективную, не просил пощады; после войны он ярко описал все, что творилось в гитлеровском окружении.

Мы ничего не поймем в кадровой политике Сталина, не уяснив значения ключевого слова — выдвиженец. Именно они, сталинские выдвиженцы, творили чудеса, совершали рывки из провалов и поражений к ослепительным победам. Все делалось просто: Сталин брал любого, поднимал на высокий пост и ставил невыполнимую задачу. Человек проверялся в деле: если через день-два, через неделю невыполнимая задача так и осталась не выполненной, командира снимали, понижали в должности, в звании, сажали, расстреливали. На его место — нового; задача — прежняя, то есть невыполнимая. Очень быстро находился тот, кто умел выполнять невыполнимые задачи. Пример: 13-я армия Западного фронта вступила в войну в июне 1941 года, командовал армией генерал-лейтенант П. М. Филатов; в июле его сменил генерал-лейтенант Ф. Н. Ремизов; в том же месяце его сменил генерал-майор К. Д. Голубев; в августе на его место встал генерал-майор А. М. Городнянский (этот держался долго — четыре месяца); в январе 1942 года 13-ю армию принял генерал-майор Николай Павлович Пухов. Вот он. Найден. Это тот, кто умеет творить чудеса. Он ведет 13-ю армию через сражения под Воронежем и Курском, через Польшу к Берлину и Праге, только орденов на нем прибывает да звезд на погонах: генерал-майор, генерал-лейтенант, генерал-полковник. На снимке: командующий 13-й армией Центрального фронта генерал-лейтенант Н. П. Пухов (справа) и член Военного Совета генерал-майор М. А. Козлов изучают карту (июль 1943 г.).

Адольф Гитлер и Ольга Чехова на приеме в доме министра иностранных дел Германии Иоахима фон Риббентропа (Берлин, 22 мая 1939 г.).

Ольга Чехова, уехавшая из советской России в Германию в 1920 году, стала звездой первой величины нацистского кино и активно снималась в германских фильмах вплоть до самого крушения Третьего рейха. В 1945 году народная актриса Третьего рейха почему-то была обласкана товарищем Сталиным и удостоена высших советских степеней отличия. Для подобного отношения должна быть веская причина — товарищ Сталин просто так никого не жаловал. После войны в ряде статей и книг утверждалось, что Чехова была агентом советской разведки и участвовала в подготовке покушения на Гитлера.

Этот фотоснимок, сделанный 14 сентября 1933 г., имеет интересную историю, которая много говорит о характере Адольфа Гитлера. На нем Гитлер осматривает разрушенные жилые кварталы немецкого поселка Эшельбронн, пострадавшие от взрыва на заводе по производству боеприпасов 10 сентября 1933 г.; причины этого взрыва, уничтожившего 203 дома, так и не были установлены. Министр пропаганды Геббельс решил использовать этот повод для укрепления образа Гитлера как заботливого отца нации в глазах простых немцев: фюрер посетил Эшельбронн, чтобы выразить свое сочувствие его жителям и почтить память жертв; об этой поездке был снят фильм, различные фрагменты которого часто демонстрировались во время войны и выдавались за кадры свежей кинохроники. Дело в том, что Гитлер, которого приводила в бешенство каждая новая бомбардировка крупных немецких городов, категорически отказывался посещать разрушенные бомбежками районы — напротив, он приказывал своему кортежу объезжать их, чтобы картины разрушений, так травмировавшие Гитлера, не попадались ему на глаза.

Министерство пропаганды использовало кадры кинохроники из Эшельбронна десятилетней давности, чтобы показать гражданам Германии озабоченность фюрера происходящими событиями и его глубокую скорбь о погибших; захваченные армией США копии смонтированных таким образом фильмов использовались союзниками для контрпропаганды.

Такие подушечки для иголок и булавок, выпуск которых во время Второй мировой войны наладили предприимчивые американцы, пользовались большой популярностью у американских домохозяек; говорят, что одна из таких игольниц стояла на рабочем столе президента США Рузвельта (1943 г.).

Фельдмаршал Вильгельм Кейтель в сопровождении советских офицеров отправляется на подписание Акта 0 безоговорочной капитуляции Германии (вверху) и подписывает его (*внизу*). Берлин, 8-9 мая 1945 г. (акт был 22:43 подписан ПО центральноевропейскому времени или в 0:43 по московскому).

Подписание Акта о безоговорочной капитуляции вооруженных сил Германии. Слева за столом (второй снизу) — представитель СССР Маршал

Советского Союза Жуков; Кейтель сидит в дальнем конце стола, повернувшись в профиль к камере. Повод, по которому Жуков и Кейтель встретились в этом зале за одним столом, раз и навсегда снимает все вопросы о том, кто из них был сильнее и какая из двух стран была готова к войне, а какая — не готова.

Прыжки с парашютной вышки в Парке культуры и отдыха имени Горького; на переднем плане — легендарная скульптура Ивана Шадра «Девушка с веслом» (Москва, 1930-е годы). Интересно, что Вера Волошина, которая, как считается, позировала скульптору, будучи студенткой Института физкультуры, с октября 1941 года служила в в/ч №9903 разведотдела штаба Западного фронта и шесть раз ходила в разведку в тыл врага. В эту же часть позднее пришла Зоя Космодемьянская, с которой Вера подружилась, и 21 ноября 1941 года в составе разведывательно-диверсионной группы они вместе ушли на свое последнее задание, которое закончилось для обеих девушек трагически: Вера Волошина была повешена немцами 29 ноября 1941 г. в совхозе Головково, в тот же день в десяти километрах от Головково, в деревне Петрищево, была повешена Зоя Космодемьянская.

Перед войной Советский Союз ни от кого не скрывал массовую подготовку парашютистов: немецкому шпиону следовало зайти в городской парк самого захудалого районного центра и посмотреть, с какой интенсивностью работает парашютная вышка (без нее не обходился ни один городской парк). Немецкому шпиону следовало сходить на танцы и посмотреть на значки парашютистов на потертых пиджачках юношей — с кавалерами, у которых не было такого значка, девки не шли танцевать.

(Выше и ниже): Прыжки с парашютных вышек в Парке культуры и отдыха имени Горького (слева) и на Тушинском аэродроме (следующий снимок)(Москва, 1930-е годы).

Парашютист-инструктор Д. Бойко демонстрирует курсантам, как производится сборка парашюта и укладка после приземления (Аэроклуб имени Осипенко, Днепропетровск, Украина, июнь 1941 г.). Только на одной Украине и только с апреля 1934 года по февраль 1936 года было подготовлено 427 тысяч парашютистов.

Рабочие на занятиях Осоавиахима (Иваново, 1932 г.).

Инструктаж десантников на самолете перед вылетом (1930-е годы).

Парашютные прыжки во время парада на Тушинском аэродроме (Москва, 1935 год.)

Массовый парашютный десант на авиапараде на Тушинском аэродроме (Москва, 1930-е годы).

Жители станции Утра Смоленской области собирают, просушивают и укладывают парашюты для воинов 4-го воздушно-десантного корпуса (28 февраля 1942 г.).

Советские парашютисты десантируются из самолета (июнь 1944 г.).

Кадры из фильма «Борьба за Киев» (1935 г.); фрагменты фильма вы можете посмотреть на вебсайте www.youtube.com, найдя видео с названием «Учения войск Киевского военного округа 1935» на канале издательства «Добрая книга»; мы также приводим здесь QR-код ссылки на это видео (ниже расшифровка - ссылка рабочая).

http://www.youtube.com/watch?v=ZiV4f792jB4

Истребители МиГ-3 120-го истребительного авиаполка ПВО на аэродроме Внуково (март 1942 г.). Экипаж самолета 1 чел., максимальная скорость у земли 495 км/ч, на высоте 7 800 м — 640 км/ч, дальность 820-857 км, потолок 11 500 м. Гитлеровцы думали, что в Советском Союзе самолеты плохого качества. Они просто поверить не могли, что МиГ-3 по всему комплексу летно-тактических характеристик превосходит Мессершмитт Вf-109. Германская разведка считала, что новейших самолетов в Красной Армии мало, однако в одном только Западном особом военном округе одних только МиГ-3 было больше, чем всех Мессершмитт Вf-109 на всем советско-германском фронте.

Ер-2 (ДБ-240) — дальний бомбардировщик конструкции инженера В. Г. Ермолаева, двухмоторный моноплан, характерной особенностью которого было крыло типа «обратная чайка». Серийное производство начато в октябре 1940 года; всего было построено 462 машины этого типа. Скорость 420 км/ч, высота полета 7 700 м, экипаж 4-5 чел., практическая дальность 4100 км, максимальная бомбовая нагрузка 3000 кг. Использовался для ударов по военным объектам врага, расположенным в его глубоком тылу.

Двухмоторный дальний бомбардировщик ДБ-3ф (с 1940 года машина получила код Ил-4). Экипаж 4 чел., максимальная скорость 430 км/ч, дальность полета 3 800 км (с 1 000 кг бомб), практический потолок 8 900 м, максимальная боевая нагрузка 2500 кг. На этом самолете был поставлен ряд мировых рекордов, в том числе перелет из Европы в Америку по кратчайшему пути через Арктику; на ней удалось даже выполнить петлю Нестерова. Ничего равного ДБ-3ф в Германии не было. На самолете этого типа 26 июня 1941 г. при нанесении ударов по танковым колоннам погиб Н. Гастелло; самым известным достижением этих самолетов были бомбардировки Берлина в начале Великой Отечественной войны.

Подвеска бомб к бомбардировщику ДБ-Зф (сентябрь 1942 г.).

Советские штурмовики Ил-2 атакуют колонну противника (Курская дуга, июль 1943 г.). Ил-2 — самый массовый боевой самолет в истории (выпущено более 36 тысяч машин, серийно выпускался с февраля 1941 года). Конструкторы называли его «летающим танком», но за характерную форму фюзеляжа летчики дали ему прозвище «горбатый». Экипаж 2 чел.,

максимальная скорость 414 км/ч, дальность полета 720 км, боевая нагрузка — до 600 кг бомб или 4 реактивных снаряда. Появление Ил-2 было для германских разведчиков сюрпризом: в Германии не было ни одного подобного самолета, и до конца войны германским конструкторам ничего равного создать не удалось. У наземных войск вермахта Ил-2 пользовался дурной репутацией и заслужил несколько почетных прозвищ — (нем. Schlachter), «мясорубка» «мясник» (Fleischwolf), «железный Густав» (Eiserner Gustav).

Справа: Штурмовик Ил-2 готовят к боевому вылету. Оружейник готовит к подвеске стокилограммовые бомбы; 6 таких бомб размещались на внешней подвеске.

Эскадрилья советских пикирующих бомбардировщиков Пе-2 бомбит цели на Карельском перешейке (июнь 1944 г.). Пе-2 был самым массовым фронтовым советским бомбардировщиком; большая скорость позволяла ему активно действовать в дневное время суток. Пе-2 превосходил любой германский бомбардировщик (прежде всего — в скорости) и активно

применялся с первых дней войны и до самого ее конца, а также участвовал в боях с Японией. Экипаж самолета — 3 чел., максимальная скорость у земли 452 км/ч, на высоте 5 100 м — 540 км/ч, практическая дальность 1200 км, практический потолок 8 700 м, боевая нагрузка до 1000 кг. Пе-2 служил «летающей лабораторией» для испытания ракетных ускорителей, главным конструктором которых был С. П. Королёв.

Товарищи качают на руках пилота пикирующего бомбардировщика Пе-2, вернувшегося из боевого вылета.

ТБ-7 (другие обозначения — Пе-8 и АНТ-42) — советский тяжелый четырехмоторный стратегический бомбардировщик дальнего действия. Экипаж 8-12 человек, крейсерская скорость 400 км/ч, практическая дальность 3 600 км, практический потолок 9 300 м, боевая нагрузка до 4 тонн (мог нести бомбы массой 5 тонн). С 1936 по 1942 год являлся единственным современным бомбардировщиком своего класса в мире (в 1942 году в США был разработан стратегический бомбардировщик В-29 Superfortress, который стал единственным бомбардировщиком Второй мировой войны, превосходящим ТБ-7). ТБ-7 использовался в основном для стратегических бомбардировок тылов противника, в частности, бомбили Берлин, Кёнигсберг, Данциг, Хельсинки. Первый удар по Берлину на самолетах Пе-8 был нанесен 10 августа 1941 г., а 29 апреля 1943 г. на Кёнигсберг была впервые сброшена 5000-килограммовая бомба — Пе-8 был первым самолетом Союзников, поднявшим пятитонную бомбу. Ничего равного ТБ-7 в Германии не было.

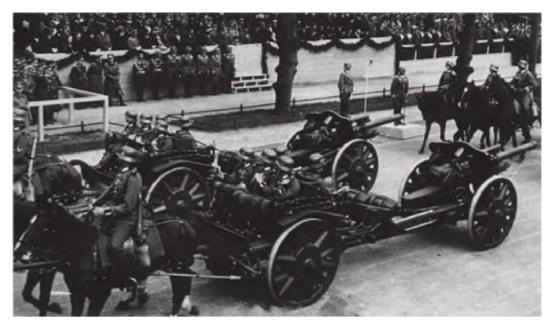

Бомбардировщик Пе-8, доставивший 29 мая 1942 г. в Вашингтон советскую делегацию во главе с наркомом иностранных дел В. М. Молотовым для переговоров. Сначала этот самолет доставил делегацию на переговоры в Великобританию, пролетел над оккупированными странами Европы, а затем вылетел в США с посадками в Рейкьявике (Исландия) и на канадской авиабазе Гус-Бей; таким же путем делегация возвратилась в Москву.

Колонна танков БТ-7 образца 1935 года и тяжелые бомбардировщики ТБ-3 на военном параде в Москве 7 ноября 1935 г. В 1930-х годах советское руководство не скрывало военную мощь Советского Союза, показывая новейшие образцы военной техники на военных парадах в Москве.

Германская артиллерия на военном параде (март 1938 г.). Лошади буксируют 105-мм полевые гаубицы LeFH 18 и их расчеты. Эти орудия составляли основу полевой артиллерии вермахта. Гаубица была слишком тяжелой для мобильного полевого орудия; особенные трудности артиллеристы испытывали на Восточном фронте, столкнувшись с российским бездорожьем.

Германия вступила на территорию Советского Союза со 105-мм и 150-мм гаубицами, созданными в начале 1930-х годов, и с трофейной артиллерией, собранной со всей Европы. Основой германской артиллерийской тяги были конные упряжки: 105-мм гаубицу тянули шесть лошадей, а 150-мм гаубицы из-за большого веса разбирались на две части — одна упряжка из четырех лошадей на специальном шасси везла снятый с лафета орудийный ствол, вторая — сам лафет.

150-мм тяжелые полевые гаубицы sFH 18 со снятыми стволами на гужевой тяге на параде немецких войск в Варшаве проходят перед стоящим на трибуне Гитлером (5 октября 1939 г.).

Упряжка лошадей везет 150-мм гаубицу sFH 18 со снятым орудийным стволом (Ленинградская область, лето 1941 года). Цифра 18 обозначает дату разработки и принятия на вооружение, однако она фиктивна — Версальским договором Германии была запрещена разработка артиллерийских систем, и цифру 18 орудию присвоили, чтобы ввести в заблуждение иностранные контролирующие комиссии; разработка гаубицы велась в 1926–1930 годах, в войска она начала поступать в 1934 году.

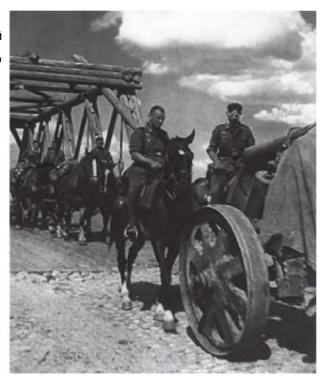
Немецкие солдаты переправляют полевые гаубицы LeFH 18 через реку по наведенному саперами мосту (оккупированная территория СССР, 1941 г.).

Из-за нехватки резины колеса германских орудий делали из стали; из-за этого скорость движения снижалась, а тянуть орудия на таких колесах было тяжелее, и лошади быстрее уставали. На мощеной камнем дороге такие колеса громыхали, в песке, грязи и снегу — застревали.

150-мм гаубица sFH 18 застряла в грязи даже на относительно сухом грунте; ее не может вытянуть даже полугусеничный автомобиль-тягач (Восточный фронт, март 1944 г.).

Немецкая артиллерийская колонна проезжает деревянный мост; на переднем плане — лафет 150-мм гаубицы sFH 18 со снятым орудийным стволом (Восточный фронт, лето 1941 г.).

(Выше и ниже): Тягачи СТЗ-5 «Сталинец» тянут 122-мм гаубицы образца 1938 года. Советская полевая артиллерия не только была лучшей в мире по качеству орудий и снарядов, а по количеству стволов и снарядов превосходила все армии мира того времени вместе взятые, — она значительно превосходила германскую артиллерию ПО маневренности: трактор в роли артиллерийского тягача гораздо лучше немецкой

лошадки, а советский пятитонный гусеничный артиллерийский тягач СТЗ-5— еще лучше.

Артиллерийские полубронированные тягачи Т-20 «Комсомолец» буксируют 45-мм противотанковые пушки образца 1937 года («сорокапятки») на параде в Куйбышеве 7 ноября 1941 г. «Сорокапятка» отличалась высокой мобильностью, благодаря чему эти орудия использовались даже партизанскими отрядами. Куйбышев был секретной запасной столицей Советского Союза, и под площадью, которую вы видите на снимке, находился тайный резервный командный пункт Сталина, откуда он мог управлять страной в случае потери Москвы. Рядом с этой площадью находился штаб Приволжского военного округа, в разведывательном отделе которого автор книги служил в 1970–1971 годах.

Немецкая колонна проезжает мимо брошенных советских орудий и буксировавших их тракторов C-65 («Сталинец-65») (лето 1941 г.). Немцы дошли до Москвы только потому, что Красная Армия бросила на границах тысячи советских артиллерийских тягачей и тракторов.

Немецкая колонна на привале. В центре снимка — брошенный Красной Армией советский трактор C-65 с пушкой (Смоленская область, район города Ярцево, июль 1941 г.).

Дивизион советского артиллерийского полка на марше. Трактор буксирует 122-мм пушку образца 1931 года (Западный фронт, март 1943 г.).

Командование Красной Армии уделяло огромное внимание организации прорыва обороны и имело для этого специальные виды оружия: 120-мм минометы, 203-мм гаубицы Б-4, танки прорыва Т-28, Т-35, КВ и КВ-2, реактивные установки залпового огня БМ-8 и БМ-13 (легендарные «Катюши»).

Артиллерийские тягачи «Ворошиловец» буксируют гаубицы Б-4 на военном параде на Красной площади 1 мая 1936 г. Ниже: 203-мм гаубица образца 1931 года (Б-4) устанавливалась на шасси трактора и отправляла фугасный или бетонобойный снаряд весом 100 кг на расстояние 18 км. Более 140 таких орудий использовались во время Советско-

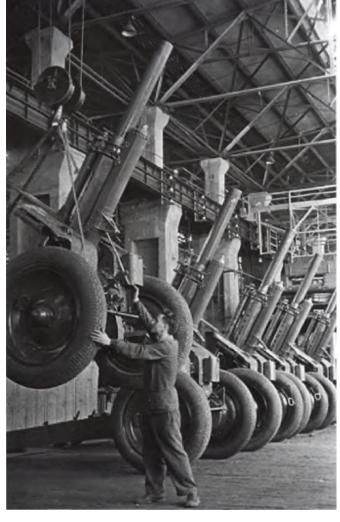
финской войны для разрушения ДОТов линии Маннергейма; войсках гаубицу прозвали «карельским скульптором» снаряды Б-4 превращали финские ДОТы в причудливую кусков мешанину бетона и железной арматуры. Позднее гаубица также успешно использовалась уличных боях больших городах и

получила прозвище «сталинская кувалда». На 22 июня 1941 г. Красная Армия имела 849 гаубицы Б-4: они состояли Артиллерии резерва Верховного Главнокомандования стратегическом объединении артиллерии Красной Армии, **4T0** подчеркивало особое орудий. значение этих После нападения Германии на СССР артиллерийские полки, вооруженные этими

гаубицами, были отведены в глубокий тыл и вступили в боевые действия лишь в конце 1942 года, когда стратегическая инициатива начала постепенно переходить в руки Красной Армии, — они были орудиями наступательной войны, бесполезными в обороне. Несколько гаубиц Б-4 были захвачены немцами и поступили на вооружение германской армии под индексом 20.3-ст H.503(г).

Справа: Рабочий осматривает гаубицу М-30 в заводском цехе (декабрь 1941 г.). 122-мм полевая гаубица образца 1938 года (М-30) до сих пор состоит на вооружении армий многих стран мира и признана одним из лучших образцов советской ствольной артиллерии середины ХХ века; это орудие устанавливалось на первых советских серийных самоходных артиллерийских установках СУ-122. Гаубица использовалась для стрельбы с закрытых позиций по окопавшейся и открыто расположенной живой силе противника, для разрушения полевых фортификационных сооружений (траншей, блиндажей, ДЗОТов) и проделывания проходов в проволочных заграждениях при невозможности использования минометов, а заградительный огонь гаубицы осколочнофугасными снарядами представлял угрозу бронетехники (прямое попадание снаряда в легкий или средний немецкий танк выводило его из строя и даже приводило к срыву башни). Самый первый подбитый танк «Тигр» был подбит 21 сентября 1942 г. именно из 122мм гаубицы 1225-го артиллерийского полка майора Балагушина, а не из противотанковой пушки.

Расчет 122-мм гаубицы M-30 ведет бой против немецких танков; на переднем плане на станине лафета орудия лежит тело погибшего артиллериста (3-й Белорусский фронт, июль 1944 г.).

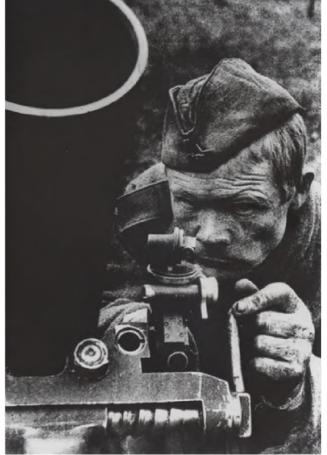

Трактор со 122-мм гаубицей M-30 на пути к Сталинграду; на станинах лафета сидят беженцы (август 1942 г.). Интересно, что на этом снимке трактор, кроме гаубицы, тянет кустарно изготовленный прицеп, в кузове которого сидят красноармейцы, и передок от другого орудия с железной бочкой (гаубица M-30 транспортировалась без передка).

Бойцы минометной батареи комбата Бездетко ведут огонь из 120-мм миномета; боец на заднем плане несет на позицию ящик с боеприпасами (Сталинградская битва, зима 1942-1943 гг.). 120-мм полковой миномет Шавырдина один из самых удачных минометов в истории; он был настолько прост в обращении, надежен, эффективен и дешев, что армия России и ряда других государств вступили с ним в новое тысячелетие. Миномет отличался высокой маневренностью (имел приставную колесную раму для буксировки лошадью или грузовиком, которая позволяла перекатывать миномет силами расчета), скорострельность составляла до 15 выстрелов в минуту, дальность стрельбы — до 6 км. На 1 июня 1941 года Красная

Армия имела на вооружении около трех тысяч таких минометов. Миномет использовался в вермахте под индексом GrW 378(г); немцы, оценив высокие боевые качества миномета, скопировали его конструкцию и запустили в массовое производство под индексом 12-ст Granatwerfer 42. Боеприпасы минометов были взаимозаменяемы, чем успешно пользовались обе стороны.

Наводчик расчета 120-мм миномета прицеливается (июль 1942 г.).

Расчет советской 152-мм пушки-гаубицы образца 1937 года (МЛ-20) ведет огонь по позициям немцев в районе Новгорода (июнь 1942 г.). В 1941 году ни в Германии, ни в других странах мира не было ничего равного этой пушке; она до сих пор стоит на вооружении использовалась армий многих стран, практически во всех войнах и вооруженных конфликтах середины и конца XX века и входит в число лучших конструкций ствольной артиллерии за всю историю ее существования. Орудие применялось в боях на Халхин-Голе и в Советско-финской войне для разрушения ДОТов и ДЗОТов на линии Маннергейма, выступало в роли противотанковой пушки, оказавшись одним орудий, способных ИЗ немногих эффективно бороться с новыми хорошо бронированными немецкими танками самоходными артиллерийскими установками, устанавливалось на самых мощных советских

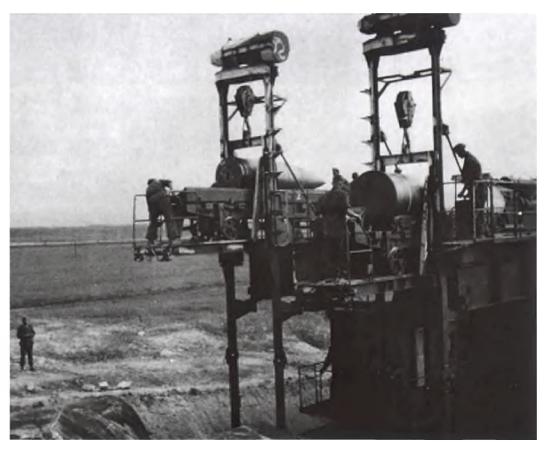

самоходных артиллерийских установках Второй мировой войны — СУ-152 и ИСУ-152.

Справа: В 1941 году германские конструкторы построили чудо-пушку по имени «Дора» (ее назвали именем жены

главного конструктора — знать, тяжкий был у бабы Орудие собирались той характер). использовать для разрушения «Линии Мажино», но постройка затянулась, и в феврале 1942 года после первого неудачного штурма Севастополя начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Франц Гальдер приказал отправить артсистему в Крым для разрушения оборонительных укреплений. На снимке «Дору» вывозят на огневую позицию под Бахчисараем по двум параллельным железнодорожным путям; поскольку ствол пушки MOL вертикальной перемещаться только В плоскости, для изменения направления стрельбы по горизонтали «Дора» передвигалась ПО дуге железнодорожного полотна. Инженерную подготовку позиции для орудия вели 1 000 саперов и 1 500 принудительно мобилизованных местных жителей в течение четырех недель.

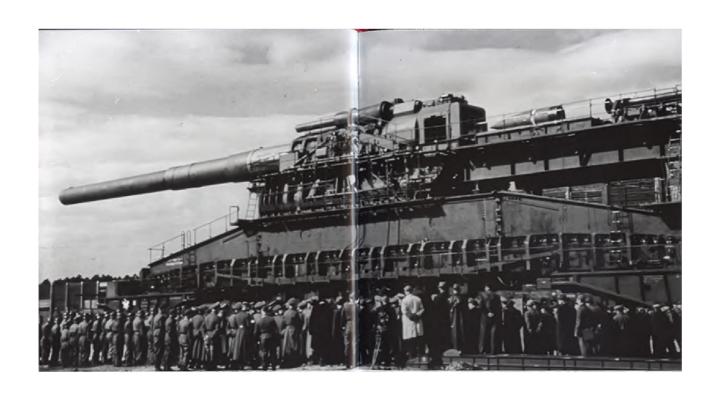
Заряжание «Доры»: снаряд слева, два полузаряда и гильза — справа. Чтобы такой снаряд не разрушился в момент выстрела, его стенки пришлось сделать достаточно толстыми, — настолько толстыми, что в снаряд весом почти семь тонн удалось поместить разрывной заряд весом всего лишь 272 килограмма (4 % от общего веса). В результате при стрельбе снаряд пробивал грунт и уходил в землю, образуя ствол диаметром один метр и глубиной 12 метров, на дне которого в результате взрыва образовывалась полость диаметром 3 метра. Из-за удаленности огневой позиции от целей (минимальная дальность стрельбы орудия составляла 25 км) огонь был неэффективным: артиллеристы наводили «Дору» не на конкретную цель, а на ориентировочную площадь; попасть в конкретную цель можно было при большом везении. Из 48 выстрелов, произведенных за 13 дней (первый был сделан 5 июня 1942 г.), близко к целям, не причинив существенных разрушений, легли пять (отклонение снарядов достигало 500-700 м), и лишь одно попадание было удачным, вызвав вэрыв подземного (на глубине 27 м) склада боеприпасов.

Было изготовлено второе аналогичное «Доре» орудие, названное «Тяжелым Густавом» (нем. Schwerer Gustav) в честь немецкого промышленника Густава Круппа, на заводах которого изготавливались оба орудия. Оно демонстрировалось Гитлеру на полигоне «Рюгенвальде-Хиллерслебен» в Померании весной 1943 года (в разных источниках называются разные даты визита Гитлера на полигон). На двух следующих снимках «Тяжелый Густав» сфотографирован во время этого визита Гитлера, который приехал на полигон вместе с большой делегацией немецких военачальников и инженеров. Орудия «Дора» и «Тяжелый Густав» имели калибр 807 мм; он увеличивался в процессе стрельб из-за высокого давления и трения в стволе, живучесть ствола составляла 300 выстрелов. Длина ствола — 32 метра, полная длина орудия — около 50 метров. Минимальная дальность стрельбы — 25 км, максимальная — 40 км. Расчет орудия состоял более чем из 4 тысяч солдат, офицеров и вольнонаемных; среди прочих подразделений в него входили батальон охраны, транспортный батальон, комендатура, полевой хлебозавод, маскировочная рота, отделение полевой почты и два походных публичных дома по 20 работниц.

На фронт орудие можно было доставить только в разобранном состоянии по железной дороге пятью составами, в которых было в общей сложности более 100 вагонов; в месте разворачивания орудия построили целую сортировочную станцию. В 43 вагонах 1-го поезда прибыли обслуживающий персонал, кухня и средства маскировки; в 16 вагонах 2-го поезда везли монтажные краны и вспомогательное оборудование; в 17 вагонах 3-го состава доставляли части самой пушки; 4-й поезд из 20 вагонов вез 400-тон-ный 32-метровый ствол и механизмы заряжания; в 10 вагонах 5-го поезда размещались снаряды и пороховые заряды, и поддерживался искусственный климат с постоянной температурой 15° С. Сборка пушки (без подготовки позиции) занимала около трех дней.

Охрану позиции «Доры» под Севастополем несли караульная рота в количестве 300 бойцов, большая группа военной полиции, специальная команда со сторожевыми собаками, усиленный артиллерийский дивизион ПВО численностью 400 человек и специальное военно-химическое подразделение из 500 человек, задачей которого была (в случае необходимости) постановка дымовых завес для маскировки позиции с воздуха.

Показательные стрельбы «Тяжелого Густава» на полигоне «Рюгенвальде-Хиллерслебен» присутствии Гитлера. Грохот выстрела был чудовищным: в стволе пушки за 6 миллисекунд сгорало свыше 900 килограмм пороха; свидетельствам ПО очевидцев, вагоне расстоянии 3 км от позиции Откат подпрыгивала посуда. вдавливал рельсовый путь в грунт на 5 сантиметров; столбы дыма поднимались на высоту более 150 м. Манштейн признал, что «Дора» была «величайшим техническим творением, однако в военном отношении абсолютно бесполезным».

Крупп, на чьих заводах была изготовлена пушка, узнав о результатах ее боевого

применения в Крыму, назвал их «отнюдь не лучшей страницей немецкого артиллерийского искусства».

Легкие танки Т-26 на параде 7 ноября 1941 г. в городе Куйбышеве. Командование Красной Армии считало, что после артиллерийской подготовки огромной мощи оборону противника взламывает пехота. Для этого было решено разработать и дать советской пехоте собственные танки; каждая советская стрелковая дивизия имела собственный танковый батальон, укомплектованный танками Т-26. Нас приучили над этим танком смеяться, но у немецкой пехоты собственного танка вообще не было: пусть у нас был плохой танк поддержки пехоты, но у них — вообще никакого.

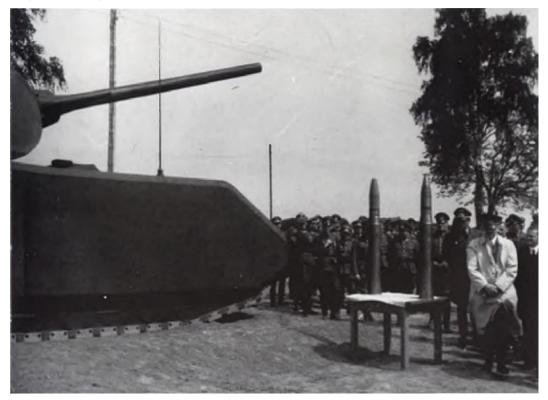
Советская пехота и танки Т-26 в наступлении (февраль 1942 г.).

Гитлер и высшее руководство Германии осматривают трофейный советский танк Т-34 образца 1941 года с пушкой Ф-34. Слева от Гитлера — Шпеер, справа — Кейтель, второй слева в первом ряду — Фердинанд Порше, основатель компании Porsche и создатель автомобиля «Фольксваген Жук», самого популярного автомобиля в истории. Снимок сделан в декабре 1942 года — через полтора года после того, как танки Т-34 были показаны всему миру на параде на Красной площади, а Германия к этому моменту уже вторую зиму воевала с Советским Союзом. Не слишком ли поздно Гитлер начал интересоваться советской военной техникой?

Сталин вылезает из самоходной артиллерийской установки СУ–152 после ее осмотра; эти новые образцы бронетехники (на заднем плане виден танк ИС–1) подогнали в Кремль специально для того, чтобы их мог осмотреть Верховный главнокомандующий (8 августа 1943 г.).

А вот Гитлер (в белом плаще), осматривающий образцы новых вооружений 14 мая 1943 г. неподалеку от полевой ставки «Вольфшанце» под Растенбургом, не спешит заглянуть внутрь сверхтяжелого танка прорыва Panzerkampfwagen VIII «Маиз»: ему показывают полноразмерный деревянный макет этой машины, который даже нельзя назвать прототипом. Разработка этого танка началась в конце 1942 года по инициативе Гитлера; в его создании принимали участие компании

Кгирр (корпус и башня), Daimler-Benz (двигательная установка) и Siemens (трансмиссия); разработкой руководил Фердинанд Порше. Масса танка (180 тонн) не позволяла ему переходить через реки по мостам, поэтому предполагалось переправлять танки попарно по дну реки, при этом первый танк в паре, загерметизированный и без экипажа, должен был управляться дистанционно, получая по кабелю от второго танка в паре электропитание и двигаясь на вспомогательных электродвигателях — для этого каждый танк был оснащен двумя тяговыми электродвигателями для левой и правой гусениц, аккумуляторными батареями и генераторами электрического тока.

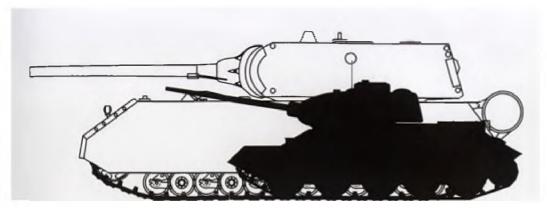
А пока Гитлер (в белом плаще) благосклонно взирает на то, как модель сверхтяжелого танка «Маиѕ» лихо преодолевает препятствия. Слева от Гитлера — конструктор танка Фердинанд Порше (в сером костюме и шляпе), справа за Гитлером — Кейтель (смотр образцов новых вооружений 14 мая 1943 г. неподалеку от полевой ставки «Вольфшанце» под Растенбургом).

Ходовые испытания первого прототипа сверхтяжелого танка прорыва Panzerkampfwagen VIII «Maus» (1944 г., среди людей на танке — его конструктор Фердинанд Порше). Этот прототип был оснащен авиационным бензиновым двигателем «Даймлер-Бенц» МВ 509 и деревянной башней; второй недостроенный прототип имел дизельный двигатель «Даймлер-Бенц» МВ 517, который оказался капризным и ненадежным в эксплуатации.

На прототип установлена башня с орудием для артиллерийских стрельб и полным комплектом внутреннего оборудования. При приближении частей Красной Армии к полигону оба прототипа были взорваны из-за невозможности их эвакуировать, но позднее из них был собран один — сегодня его можно увидеть в музее бронетанкового вооружения и техники в Кубинке.

Сравнительные размеры сверхтяжелого танка прорыва Panzerkampfwagen VIII «Maus» и советского танка Т-34-85.

Гладко вышло на бумаге, да забыли про овраги... Прототип танка «Maus» с камуфляжной окраской, застрявший в грязи во время ходовых испытаний на полигоне под Бёблингеном (17 марта 1944 г.).

Танк вытащили; солдаты лопатами очищают налипшую на борта грязь— на снимке хорошо видно, до какого уровня танк провалился в грунт.

Колонна средних танков Т-28 на военном параде на Красной площади 7 ноября 1940 г., посвященном 23-й годовщине Октябрьской революции. Танк Т-28 был принят на вооружение Красной Армии в 1933 году; ни один германский танк не мог сравниться с ним ни по вооружению, ни по бронированию, ни по мощности двигателя, и во всем мире не было создано ничего подобного. По два раза в год танки Т-28 показывали на парадах, и не только в Москве, но еще и в Ленинграде, Минске и Харькове. С 1938 года Т-28 выпускались с новой пушкой Л-10 с длиной ствола 26 калибров, которой в 1941 году не было равных ни в Германии, ни в любой другой стране мира.

Жители Ленинграда приветствуют танкистов 20-й танковой бригады на танках Т-28, возвращающихся с Карельского перешейка (24 апреля 1940 г.).

(Выше и ниже): Трофейные советские танки Т-28 на службе в финской армии; верхний снимок сделан в 1944 году. Советская пропаганда относила танк Т-28 к «устаревшим», но захваченные финнами в 1939-1941 годах Т-28 служили до самого конца войны и успешно применялись против Красной Армии. Хотя в Финляндии не было запасных частей для этих танков, Т-28 был так сработан, что даже без запасных частей несколько лет служил в ужасном климате на ужасной местности против сверхмощного противника — советских танков КВ и Т-34. Финляндия была союзником Германии, и германской разведке следовало бы поинтересоваться новыми образцами советских танков, чтобы понять, что вся немецкая противотанковая артиллерия была против них бессильна.

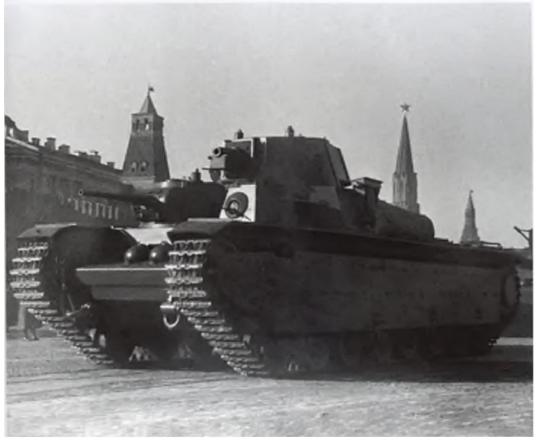

(Выше и ниже): Танки Т-35 на военном параде на Красной площади 7 ноября 1940 г. Тяжелый танк Т-35 был принят на вооружение Красной Армии в 1933 году одновременно с Т-28.

Это был единственный в мире серийный пятибашенный танк; он имел три пушки и 6-7 пулеметов. Секрета из этого никто не делал: эти танки тоже демонстрировались на парадах и были «гвоздем программы».

В 1941 году ни один немецкий танк и ни один танк в мире не мог даже примерно сравниться с нашим тяжелым Т-35.

Немецкие солдаты осматривают брошенный советский танк T-35 с цилиндрической главной башней (Восточный фронт, лето 1941 г.). Главная башня T-35 была унифицирована с башней танка T-28, но танки T-35 образца 1939 года стали оснащаться конической башней.

Советские войска двигаются за тяжелыми танками КВ (Западный фронт, май 1942 г.).

Немецкие солдаты измеряют диаметр ствола орудия захваченного советского тяжелого штурмового танка КВ-2 — они не могли поверить, что на танке установлена пушка такого огромного калибра (на КВ-2 устанавливалась 152-мм танковая гаубица М-10Т). Появление танков КВ-1 и КВ-2 на фронте стало шоком для немецких танкистов: броня этих танков практически не пробивалась из немецких танковых пушек.

Танк БТ-5 форсирует реку Халхин-Гол (Монголия, 1939 г.). В 1939 году Красная Армия получила уникальный и б**есценный опыт проры**ва **мощной полевой обороны японс**кой армии в Монголии; в то время ни одна армия мира такого **опыта не имела. Из полученного опыта были сделаны** правильные выводы: вопросам прорыва надо уделять еще **больше**

внимания и создавать еще более совершенные образцы вооружения специально для прорыва обороны.

Кроме того, командование Красной Армии получило опыт тылового обеспечения большой группы войск в экстремальных условиях на большом удалении от баз снабжения: в боях на Халхин-Голе принимали участие 57 тысяч человек, 500 танков, 500 орудий, около 400 бронемашин, а также артиллерийские тягачи, автомашины и прочее. Если подвозить все необходимое со складов Забайкальского военного округа, то это полторы тысячи километров. Но в Забайкалье есть не все. Если везти с заводов и центральных складов, то расстояние доставки грузов составит 7-8 тысяч километров. Последний участок железнодорожного пути имеет очень небольшую пропускную способность и обрывается в глухой степи. Дальше — 650-700 километров на машинах по бездорожью. Испепеляющая жара. Пыль. Воды нет. Люди обойдутся, но нужна вода в радиаторы. И вот сюда на машинах надо доставить 25 тысяч тонн боеприпасов, 15 тысяч тонн горюче-смазочных материалов, 4 тысячи тонн продовольствия, 7 тысяч тонн топлива и множество других грузов. Такого опыта организации снабжения в то время не имела ни одна армия мира.

Танкисты готовятся к атаке в районе реки Халхин-Гол (июль 1939 г.). На заднем плане — танки БТ-5. В боях на Халхин-Голе испытывалась не только военная техника, но и, например, новый стальной шлем (каска) СШ-36, первый оригинальный массовый шлем, созданный в СССР и прозванный в войсках «халхинголкой» — такие шлемы надеты на бойцах на этом снимке.

Советские летчики играют в домино на аэродроме в перерыве между боями у реки Халхин-Гол; на заднем плане — истребитель И-16, к началу Второй мировой войны составлявший основу истребительного парка СССР; на таких самолетах начинали свою службу многие советские летчики-асы.

Сталь гнется, но не крошится, а бетон крошится, но не гнется; соединенные воедино, они дают новое качество — железобетон. Именно так, если силу атакующих танков принять за единицу, то сила атакующей пехоты будет равна нулю, но вместе они дают новое качество, и пехота становится именно тем нолем, который, будучи добавлен к единице, превращает ее в десятку. На снимке: совместная атака пехоты и танков БТ-7. Красноармейцы идут в атаку под прикрытием танков БТ-7 (Халхин-Гол, июль 1939 г.).

Раненых в боях на Халхин-Голе грузят в транспортный самолет (август 1939 г.).

Колонна советских пулеметных танков Т-26 образца 1931 г. на марше (Карелия, декабрь 1939 г.). В 1939 году Красная Армия получила уникальный опыт ведения наступательных операций одновременно несколькими армиями против мощной обороны противника в условиях суровой зимы; здесь советское командование решало еще более сложную задачу снабжения шести армий и двух флотов в экстремальных условиях (всего около миллиона человек, включая войска НКВД). Все базы снабжения находились на одной железнодорожной линии, забитой грузами; войска и станции снабжения разделяли 200-300 километров непроходимых лесов и скалистой тундры. Ни одна армия мира такого опыта не имела ни до, ни после Второй мировой войны.

Колонна грузовиков с грузами направляется из тыла в прифронтовую полосу (Карелия, январь 1940 г.).

Советские войска переправляются через реку в районе Ино на Карельском перешейке (22 декабря 1939 г.). Снимок хорошо иллюстрирует всю сложность управления большими массами войск даже при решении такой, казалось бы, простой логистической задачи, как переправа через эту небольшую речушку. Саперы навели мост из бревен, на котором (на снимке в правом нижнем углу) застряла машина; на противоположном берегу на подходах к мосту скопилась огромная масса людей и техники — они станут хорошей мишенью для противника, если тот ударит по переправе.

Еще один панорамный снимок, составленный из двух кадров, ярко иллюстрирует рабочие будни военных снабженцев и транспортников. Преодоление брода через маленькую речушку, которых в средней полосе России десятки тысяч, в период дождей или распутицы превращается в сложную проблему. Санитарный фургон, стоящий слева, ожидает, когда его возьмет на буксир тягач, перетаскивающий через брод грузовик (в центре снимка); на подходах к броду на дальнем берегу застряли в непролазной грязи два других автомобиля, вокруг них суетятся водители, а на пригорке с разных сторон ползут к переправе новые грузовики. Справа у края снимка можно заметить насыпь и край моста, который, вероятно, разрушен и поэтому не используется; к мосту с пригорка спускается дорога (справа от линии телеграфных столбов), но она, вероятно, слишком сильно разбита, и автомобили спускаются к переправе левее, по полю.

В условиях военного времени армейское имущество и запасы в прифронтовой полосе часто хранились на так называемых внешних складах — то есть просто под открытым небом; для оборудования специальных складов не было ни времени, ни сил, да и сама целесообразность таких мероприятий в условиях постоянно меняющейся линии фронта была сомнительной. На этом снимке начальник склада № 1050 13-й армии капитан В. И. Кривошеин (в центре) и замполит майор Л. А. Родионов (справа) в сопровождении кладовщика старшего сержанта М. Шпакова осматривают внешний склад, размещенный рядом с железнодорожными путями (они проходят слева, вдоль леса). В бочках на переднем плане, скорее всего, хранится топливо; бочки маскируются еловыми ветками (Центральный фронт, 28 августа 1943 г.).

Война войной, а обед — по расписанию. Важнейшим элементом фронтовой логистики, о котором мы вряд ли когданибудь задумывались, была доставка на позиции горячего питания; иногда от подносчиков пищи — так назывались бойцы, доставлявшие питание, — требовалось огромное мужество и подлинный героизм. Сержант Я. П. Аникин (на верхнем снимке, 1943 г.) и повар А. П. Пироженков (на нижнем снимке, 1941 г.) несут на передовую горячую еду в специальных заплечных контейнерах-термосах.

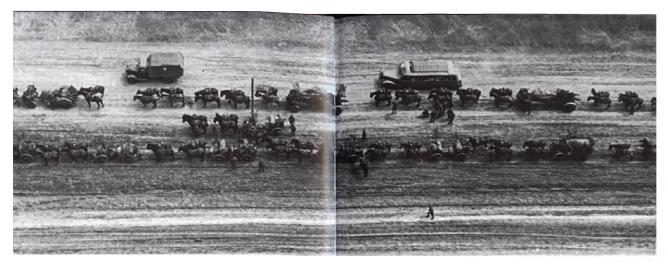

В условиях острой нехватки транспорта все средства были хороши: собачья упряжка в сопровождении красноармейца везет раненого бойца в госпиталь (1-й Украинский фронт, Украина, 1944 г.).

Ниже: Красноармейцы расположились привал прямо у дороги. Двое солдат варят в ведре похлебку, третий наблюдает за ними из шалаша, построенного из того, что было под рукой (Одесская область, апрель 1944 г.). На заднем плане стоит грузовик «Студебеккер» самое массовое транспортное средство, поставлявшееся в СССР из США по ленд-лизу; всего Советский Союз получил около 100 тысяч таких машин, которые отличались более высокой проходимостью, надежностью грузоподъемностью ПО сравнению отечественными грузовиками.

На снимке: Колонна немецкой артиллерии на гужевой тяге (Белоруссия, август 1941 г.).

Тыловые службы Красной Армии прямо накануне войны с Германией получили опыт снабжения миллионной армии в обстановке войны и полярной зимы. Ничего равного этому опыту германская армия не имела; никто даже не задумывался над вопросом, как же обеспечивать миллионные армии, которые вторгнутся в Советский Союз. Бонапарт учил: прежде чем воевать, надо научиться снабжать; сам он снабжать свою армию не научился, потому его кавалеристы по дороге из Москвы ели собственных лошадей. У Гитлера проблемы со снабжением начались не при отступлении, а еще на пути к Москве: даже очень небольшое количество танков германское командование не смогло обеспечить всем необходимым для ведения боевых действий.

День за днем подавать сотни тысяч тонн грузов хотя бы на одну тысячу километров в условиях войны способен только железнодорожный транспорт, но германские паровозы к нашим условиям не подходили (и из-за другой ширины колеи, и потому, например, что из-за слабой теплоизоляции котлов на морозе в них замерзала вода), железнодорожная сеть на огромной оккупированной территории была разрушена, поддерживать ее в работоспособном состоянии в прифронтовой полосе было сложно из-за постоянных диверсий, и поэтому снабжение германских войск на тактическом уровне осуществлялось автомашинами и гужевым транспортом.

Автомобильная

пробка чистом поле: огромная германская колонна снабжения на Восточном фронте объезжает затор, образовавшийся дороге (территория оккупированного СССР, 2 августа 1943 г.).

Только движение приносит победу — это сказал Гудериан; за две с половиной тысячи лет до него это же самое изрек Сунь Цзы. Блицкриг — это маневренная война. Основа германской маневренности во Второй мировой войне — пара лошадей, впряженных в телегу. Но если дело обстояло так, то блицкриг был невозможен: ушедшие вперед танки беззащитны и бесполезны без пехоты и артиллерии, потому они вынуждены остановиться и ждать, пока подойдет пехота и артиллерия, а это уже не блицкриг.

На снимке: Гужевой обоз германского пехотного подразделения движется по пыльным русским дорогам (июль 1941 г.). Каждая немецкая пехотная дивизия — это 16859 человек и 6358 лошадей, запряженных в телеги. Пехотные дивизии объединялись в корпуса, а каждый корпус имел свои гужевые обозы помимо тех, что были в составе дивизий. Немецкие танковые группы, основной инструмент германского блицкрига, имели в своем составе от 15 до 45 тысяч лошадей в обозах, 10-20 тысяч автомашин очень низкой проходимости и всего 600-1 000 устаревших танков — надо быть большим фантазером, чтобы такие орды называть танковыми группами. Ничего подобного этому позору в Красной Армии никогда не было.

Немецкая гужевая колонна снабжения остановилась рядом с дорогой, пропуская грузовики (Восточный фронт, сентябрь 1942 г.). Огромные колонны немецких гужевых повозок, растягиваясь на многие километры, парализовывали движение дорожное на оккупированных советских территориях.

Немецкий гужевой обоз стоит в заполненной вязкой жижей канаве, которая, вероятно, когда-то была дорогой.

Me-323 Мессершмитт «Гигант», самый крупный транспортный люфтваффе самолет грузоподъемностью до 12 тонн, доставил лошадей на фронт (ноябрь 1943 г.). Очевидно, лошади действительно были для германской армии драгоценным ресурсом, если условиях острого дефицита топлива их доставляли на фронт самолетами — действительно, только на Восточном фронте осенью 1941 года вермахт ежедневно терял в среднем тысячу лошадей. Снимки справа отчасти объясняют, почему лошадей не хватало.

Трофейный советский грузовик используется немцами как телега: двигатель демонтирован, на его месте сидит кучер; пассажиры едут в кабине (1942 г.).

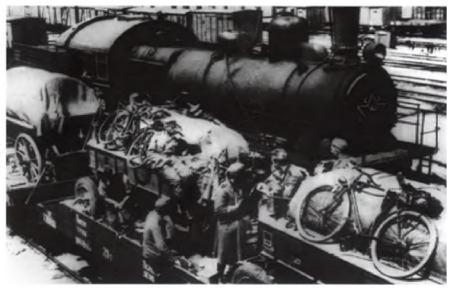
Немецкие солдаты используют восьмерку лошадей в качестве тяги для железнодорожного вагона в отсутствие паровоза (оккупированная территория СССР, октябрь 1943 года; во время войны снимок было запрещено публиковать понятным ПО причинам).

Немецкие мотоциклисты вынуждены запрячь пару лошадей, чтобы преодолеть раскисший от осенних дождей участок дороги (14 ноября 1941 г.).

Для ведения молниеносной войны не хватало не только лошадей, но и телег, поэтому германская армия вынуждена мобилизовать была телеги во всей покоренной Европе, и сто семь германских пехотных дивизий перед вторжением Советский Союз были пополнены конфискованными телегами, Польше, Словакии, Бельгии, Голландии, Сербии и Франции.

На захваченной немцами железнодорожной станции сфотографирован немецкий эшелон, перевозящий телеги.

Немецкий солдат пытается вытащить лошадей из грязи (Восточный фронт, сентябрь 1941 г.).

Лошади и телеги германских обозов тонут в непролазной грязи на бескрайних просторах Советского Союза (снимок внизу сделан под Курском в марте-апреле 1942 г.).

Новая тактика германских механизированных частей, явно не предусмотренная гитлеровскими стратегами: десятки немецких солдат и местных жителей тянут армейские грузовики на веревках по берегу реки (Московская область, январь 1941 г.);

отступающие гитлеровские части превратили покрытую снегом землю в чавкающее болото, через которое солдаты тянут на веревках штабную машину (Московская область, декабрь 1941 г.).

Из-за полной неготовности к молниеносной войне на Восточном фронте, из-за невозможности подавить советскую промышленность за Волгой

гитлеровская армия неизбежно попадала в осеннюю грязь, увязала в ней и с той же неотвратимостью попадала в русскую зиму. Это было очевидно, именно поэтому Сталин справедливо считал сообщения о подготовке к нападению Германии на СССР бредом. На это нам часто говорят: во всем виновата зима! Во всем виноваты огромные просторы Советского Союза, ужасное бездорожье и отвратительный климат! Если бы не грязь, не зима, не мороз, не снег, вот тогда бы... Так неужели Гитлер, его гениальные генералы и вездесущая германская разведка не знали о том, что Россия — большая страна с суровым климатом? А если знали, то какие меры приняли, чтобы победить бескрайние пространства, бездорожье, грязь, снег и мороз?

Одна эта фотография может рассказать больше правды о войне, чем некоторые книги. Наступающая германская пехота проходит по украинскому городу Переяславль (ныне — Переяслав-Хмельницкий) летом 1941 года. Солдаты улыбаются. Они передвигаются пешком. У них нет ни одного автомата; их вооружение — винтовки образца 1898 года и два пулемета. А на заднем плане — телеги, телеги, телеги. Именно так на самом деле выглядел гитлеровский блицкриг — «молниеносная война». Дело в том, что кроме четырех танковых групп вся остальная германская армия на Восточном фронте не имела ни одной моторизованной дивизии, ни одной кавалерийской дивизии, ни одного танка, — это была только пехота и 750 тысяч лошадей в обозах. Но даже пехотные соединения германских танковых групп, которые должны

быть максимально мобильными, передвигались так же, как египетская пехота четыре тысячи лет назад, — пешими, и скорость так называемых немецких танковых групп не могла быть выше скорости пехотных дивизий, которые входили в их состав. О каком блицкриге может идти речь, если командующий танковой группой двинул танки вперед в оперативную глубину, а позади скрипят осями телеги пехотных обозов и пылит пехота, которая просто не в состоянии все время бежать за танками?

Пройдет совсем немного времени, и улыбки на лицах немецких солдат исчезнут. На этом снимке, сделанном летом 1942 года, наступающая на Сталинград немецкая пехота в отсутствие лошадей тянет телеги обоза по чавкающей под ногами земле в дельте реки Дон. Скоро эти солдаты окажутся в котле Сталинградской битвы; многие из них погибнут или попадут в плен.

Автомобиль генерал-лейтенанта Отто Спанхеймера, командира 21-й пехотной дивизии вермахта, глубоко увяз в грязи по дороге к линии

фронта где-то в Ленинградской области (1941 г.). Обратите внимание, что генерал и его адъютант даже не вылезли из машины — пока еще не вылезли.

Германские грузовики «Мерседес» вязнут в непролазной грязи на улице (если это можно назвать улицей) захваченной советской деревни, и немецкие солдаты вынуждены выталкивать застрявшие машины.

Одна из бед России, дороги, в 1941 году сослужила ей хорошую службу. На этом снимке немецкий штабной автомобиль «Хорьх» не может вылезти из относительно неглубокой грязи даже с помощью пяти солдат (оккупированная территория СССР, октябрь-ноябрь 1941 г.).

Вестовой германской армии пытается вытащить мотоцикл, застрявший в грязи (Восточный фронт, ноябрь 1941 г.).

Немецкая колонна застряла в непролазной грязи на дороге под Ржевом; на переднем плане — германский легкий танк Panzerkampfwagen I (1942 г.).

Мотоциклисты 22-й танковой дивизии вермахта пытаются вытащить застрявший в грязи мотоцикл (1942 г.).

Выше и ниже: Немецкие легковые автомобили не выдерживали испытания российским бездорожьем: солдатам вермахта (на снимке вверху к ним присоединился офицер) приходилось толкать застрявшие в грязи автомобили (Восточный фронт, осень 1941 года).

А вот в Красной Армии поступали умнее: на этом снимке советский грузовик ЗиС-5 («трехтонка», один из основных транспортных автомобилей Красной Армии во время Великой Отечественной войны, второй по массовости после ГАЗ-АА) перевозит в кузове легковой автомобиль ГАЗ-М-1 («Эмка») через сложный участок дороги.

Солдаты вермахта пытаются сделать дорогу на оккупированной советской территории пригодной дтя движения транспорта (15 ноября 1941 г.).

Фронтовая дорога на запад (Волховский фронт, 1943 г.).

Пока солдаты вермахта пытались расчищать грязь на раскисших от дождей дорогах, Красная Армия побеждала бездорожье, строя на скорую руку вместо дорог многокилометровые настилы из бревен, — в отличие от Германии Советский Союз располагал огромными человеческими ресурсами.

На снимке: Советские воины прокладывают дорогу в тайге (Мурманская область, апрель 1942 г.).

Впрочем, кое-кто все же пытался бросить вызов русскому бездорожью: в 1940 году по заказу министерства вооружений Третьего рейха был разработан легкий тягач Kettenkrad HK 101 (SdKfz 2) грузоподъемностью 500 кг, который правильнее было бы назвать полугусеничным мотоциклом высокой проходимости. Первоначально он использовался в парашютно-десантных и горно-егерских частях, но быстро приобрел популярность в немецкой армии и применялся в том числе для транспортировки легких артиллерийских орудий, минометов, катушек с телефонным кабелем, прицепов и даже как буксировщик самолетов. Одним из главных разработчиков мотоцикла был Генрих Эрнст Книпкамп, известный впоследствии как создатель ходовой части танков «Тигр». Мотоцикл легко ходил по накатанному снежному покрытию (см. снимок вверху), но застревал в грязи (см. снимок внизу, на котором мотоцикл испытывает Альберт Шпеер; не понятно, что заставило его улыбаться на этом снимке — мотоцикл безнадежно застрял в грязи).

Германские велосипедисты — краса и гордость германской армии, надежда Гитлера и основная ударная сила блицкрига. Бойцы велосипедного подразделения 6-й армии вермахта наступают по берегу реки Дон (11 августа 1942 г.). Велосипеды позволяли быстро перебросить личный состав подразделения в нужное место, чтобы застать противника врасплох; бойцы таких подразделений в условиях острого дефицита транспорта для переброски войск и топлива для него обладали большой самостоятельностью и мобильностью.

Рота велосипедистов вермахта пересекает поле на оккупированной советской территории (июль 1941 г.).

Пехотное подразделение вермахта, наступающее на Сталинград, остановилось для отдыха на центральной площади одного из захваченных советских городов (июль 1942 г.).

Немецкие пехотинцы на велосипедах позируют для фотографа на фоне экзотической русской архитектуры (январь-февраль 1942 г.). В мягком европейском климате велосипеды себя полностью оправдали: хорошие дороги, хорошая погода, девушки вокруг улыбаются, никакого сопротивления... Но попробуйте поездить на нем по грязи, песку или снегу! В таких условиях велосипед становился для бойца обузой. Большинство немецких пехотинцев воевали на велосипедах Truppenfahrrad; они также использовали велосипеды, захваченные в европейских странах. Больше всего велосипедов было изъято у гражданского населения в Голландии; одной из популярных кричалок голландских болельщиков на футбольных матчах с Германией остается фраза «Верните наши велосипеды!»; ее может услышать от местных жителей и приехавший в Голландию пожилой немецкий турист.

Спуск на воду немецкого линкора «Бисмарк» (Гамбург, 14 февраля 1939 г.). Постройка линкора обходилась дороже постройки 5 тысяч самых лучших немецких танков того времени Pz-IVD. Потеря линкора, который был потоплен британским флотом 7 мая 1941 г., была эквивалентна потере сразу нескольких танковых армий; «Бисмарк» стоил больше, чем все танки, которые Гитлер имел в 1941 году. К началу Второй мировой войны флот Германии уступал по боевой мощи флотам США, Британии, Японии, Франции, Италии и СССР, но на производство танков германские лидеры, объявившие блицкриг основой своей военной стратегии, тратили гораздо меньше ресурсов по сравнению с тем, что выделялось на развитие далеко не самого мощного флота.

Пленный красноармеец показывает немцам комиссаров и коммунистов. Всех советских людей большевики воспитывали в духе стукачества и предательства. Для всех Павлик Морозов был примером. Стукачество становой хребет социализма: социализм стоит на страхе, страх — на стукачах. Стукачи были тайной армией социалистического государства, его главной силой. Но в оборонительной войне полчища советских стукачей вдруг оказались по другую сторону фронта, в плену, где они продолжали свою деятельность — только теперь уже не на Сталина, а на Гитлера. Вся столь долго и тщательно создаваемая система советского стукачества обернулась против

Сын Сталина старший лейтенант Яков Джугашвили, служивший командиром артиллерийской батареи, попал в плен при выходе из окружения возле города Лиозно. 18 июля 1941 г. его допрашивают. Уставы Красной Армии не регламентировали действия советских военнослужащих в плену: считалось, что вероятность попасть в плен была близкой к нулю. Но война с Гитлером получилась не такой, какой ее замышляли, и в момент пленения в полевых сумках советских командиров немцы находили весьма интересные карты и документы. Поначалу Яков Джугашвили не был опознан, и в эти драгоценные минуты и часы ему следовало уничтожить все улики и компрометирующие документы, но он этого не сделал. Якова выдали подчиненные; его обыскали и в кармане нашли письмо от некого младшего лейтенанта запаса по имени Виктор, датированное 11 июня 1941 г.: «Я на сборах, хотел бы попасть осенью домой, но этому может помешать намечаемая прогулка в Берлин». Об этом письме доложили лично Гитлеру, и он упоминает о нем 18 мая 1942 г.

Одно из заседаний Международного военного трибунала в Нюрнберге (1945 г.). Справа в окружении солдат в касках на скамье подсудимых сидят нацистские военные преступники, перед ними за столами расположились их адвокаты. Слева сидят члены трибунала (по два представителя от каждой из четырех великих держав); в глубине зала, под балконом, отведены места для прессы, перед ними расположены столы, за которыми сидят главные обвинители, их заместители и помощники.

Германский генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс выступал на процессе в качестве свидетеля обвинения со стороны СССР (снимок сделан 11 февраля 1946 г.). Он предстал перед Трибуналом в черном костюме, в белой рубашке с галстуком и в лакированных ботинках. Вильгельм Кейтель, такой же генерал-фельдмаршал, сидел на процессе в старом мундире со споротыми погонами, без знаков различия и наград; в таком же виде появился и Геринг. Почему же Кейтеля и Геринга советские товарищи не обули в лакированные штиблеты? А потому, что они говорили не то, что требовалось товарищу Сталину. Интересно, что и после процесса, оставаясь пленником, и даже после освобождения Паулюс продолжал доказывать свою лояльность СССР. Он заявил о том, что хочет жить только в Восточной Германии, где ему предоставили охраняемую виллу в Дрездене, личный автомобиль, адъютанта и даже право иметь личное оружие; здесь он читал лекции о военном искусстве и выступал с докладами о Сталинградской битве.

Так кто же руководил войной по глобусу — Гитлер или Сталин? В кабинете Сталина глобуса не было, а в кабинете Гитлера в Рейхсканцелярии стоял огромный глобус (на снимках вверху); кроме того, глобус стоял и в резиденции Гитлера «Бергхоф» (на снимке внизу).

Существует достаточно свидетельств, что именно Гитлер руководил войной по глобусу: например, Шпеер в своих воспоминаниях пишет, как в «Бергхофе» «...один из военных адъютантов многозначительно показал мне обычную карандашную черту — с севера на юг, по Уралу. Так Гитлер пометил, где будет кончаться область государственных интересов Германии и начинаться сфера интересов Японии».

Выше и ниже: Глобус Гитлера из кабинета фюрера в Рейхсканцелярии постигла та же участь, что и его хозяина.

Немецкие школьники на уроке географии (1938 г.). «Барбаросса» При подготовке операции случилось TO, что выходит пределы o6 CCCP, человеческого понимания: знания вошедшие в довоенные немецкие школьные учебники, оказались недоступными германской разведке и немецким генералам. Сунь Цзы учил, что подготовка к войне начинается с изучения территорий, на которых предстоит действовать, и когда гитлеровские генералы называют причиной поражений огромные пространства СВОИХ Советского Союза, его суровый климат, непролазную грязь, мороз и снег, они тем самым признают, что при подготовке к войне ничего об этом не знали. Перефразируя Бисмарка, можно сказать, что войну с СССР проиграл немецкий школьный учитель: надо было на уроках географии объяснить, что Россия — большая страна, что климат там не очень мягкий, а дороги отличаются от немецких.

С наступлением зимы 1941-1942 гг. стало очевидно, что война окончательно превратилась в затяжную, то есть гибельную для Германии. Вставал вопрос об ответственности за провал военной стратегии, и министерство пропаганды Геббельса наводнило немецкую прессу тысячами фотографий, демонстрировавших суровый русский климат и необъятные просторы Советского Союза. Получалось, что вовсе не русские солдаты остановили Гитлера — его остановили бескрайние просторы, грязь и зима. После войны к геббельсовской пропаганде добавились мемуары германских генералов: например, Манштейн в своих воспоминаниях, озаглавленных «Утерянные победы», жалуется на «местность, не приспособленную для действий танковых войск». Русская местность не приспособилась под мудрейшего Манштейна, и потому он, бедный, утерял все победы. Местность у нас и вправду не самая лучшая, но кто под кого должен приспосабливаться?

Эта немецкая фотография, сделанная в апреле 1942 года, публикации сопровождалась следующим комментарием: «Так выглядит весна на Восточном фронте. В то время как в Центральной Европе уже наступила весна, Востоке на свирепствуют снежные бури, но они не могут сломить волю наших солдат, и обозы с припасами неуклонно двигаются вперед».

Немецкий солдат в белом маскировочном халате ведет под уздцы увязающую в снегу обозную лошадь (Восточный фронт, зима 1941–1942 гг.).

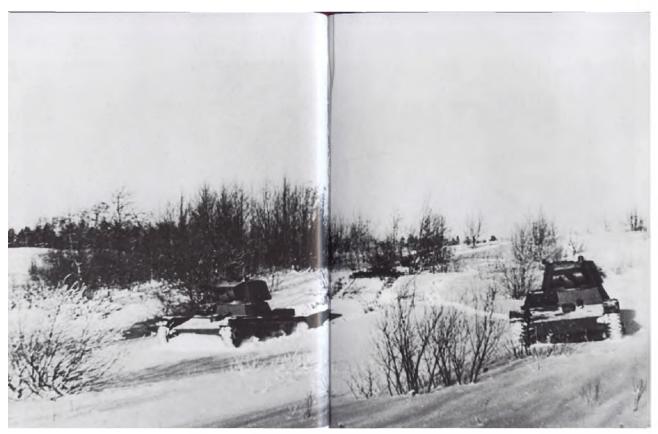
Немецкие танки Pz.Kpfw.IV застряли в снегу; солдаты кирками и лопатами пытаются расчистить дорогу (Восточный фронт, декабрь 1941 г.). Обратите внимание на узкие гусеницы танков (при весе танка около 20 тонн) на относительно небольшую для

российской зимы глубину снежного покрова, ставшего препятствием для немецких танков.

Немецкие солдаты расчищают дорогу в глубоком снегу (зима 1941-1942 гг.).

Танки Т-26 идут в атаку (Восточный фронт, декабрь 1941 г.). Обратите внимание на глубину снежного покрытия (ее можно оценить по глубине колеи, оставленной танком, идущим слева) и сравните этот снимок со снимком застрявших в снегу немецких танков Pz.Kpfw.IV на предыдущей странице.

Германская пехота и обоз в наступлении под Москвой (ноябрь 1941 года). В наступлении на Москву германские войска использовали более 300 тысяч лошадей; с конца лета 1941 года германская армия теряла в среднем одну тысячу лошадей ежедневно.

Германские солдаты в маскировочных халатах (маскхалаты стали поступать в германские войска в ноябре 1941 г.) выходят из шалаша, сооруженного из сена и деревянных жердей; только в таких укрытиях они могли выжить, когда температура опускалась ниже -20 градусов (Восточный фронт, март 1942 г.).

Прифронтовая Москва готовится к зиме. На улице Горького сложены дрова (сентябрь 1941 г.).

Бойцы Красной Армии проводят тактические учения на Чистопрудном бульваре в Москве (декабрь 1941 г.).

Немецкие автомобили были не приспособлены к эксплуатации в условиях отрицательных температур, поэтому осенью, зимой и ранней весной немецким водителям приходилось ежедневно перед пуском двигателя в начале дня заливать воду в радиатор системы охлаждения (на снимке вверху), в конце дня сливать ее из радиатора (чтобы вода не замерзла ночью), а также во время стоянок укрывать капот автомобиля «одеялом» из соломы (на снимке внизу), чтобы сохранить двигатель теплым и не дать замерзнуть воде в системе охлаждения (снимки сделаны в 1941–1942 гг.).

Красноармеец держит на прицеле сдающегося в плен немецкого солдата (Восточный фронт, апрель 1942 г.).

Немецкая пехота под прикрытием танка входит в русскую деревню (ноябрь 1941 г., репродукция фотографии из журнала Signal, выходившего в Германии с 1910 по 1945 гг.). Солдаты вермахта одеты в шерстяные шинели и сапоги (подробнее о стандартном обмундировании солдат вермахта смотрите комментарии к снимкам на следующих страницах), они вооружены винтовками Маузер 98К (только у одного из них, второго слева, ручной пулемет МG 34; в центре снимка — второй номер пулеметного расчета с коробкой, в которой лежит пулеметная лента).

Немецкие солдаты и обоз снабжения проходят через советскую деревню (Калужская область, декабрь 1941 г.).

Советские пехотинцы идут в атаку. Сравните этот снимок со снимком на предыдущем развороте: все красноармейцы одеты в телогрейки и теплые ватные штаны, обуты в валенки, на головах — шапки-ушанки, они вооружены пистолетами-пулеметами Шпаги-на (ППШ, основной пистолет-пулемет Красной Армии во Второй мировой войне), у бойца справа трофейный немецкий пистолет-пулемет МР 38.

Бойцы Красной Армии проходят по улицам освобожденного Гжатска (ныне город Гагарин Смоленской области). Март 1943 года.

Эти германские солдаты, одетые совсем не по сезону и сдавшиеся в плен под Клином (Московская область, январь 1942 г.), наглядно демонстрируют полную неготовность вермахта к войне в условиях русской зимы; даже солдаты во втором ряду, одетые в шинели, не имеют зимних головных уборов и обуты в сапоги, солдаты на переднем плане одеты в стандартную военную форму вермахта модели М1936. Не вызывает сомнений, что неподходящее обмундирование значительно подрывало боевой дух немецких солдат.

Замерзшие германские солдаты принужденно улыбаются, позируя фотографу (Восточный фронт, зима 1940-1941 гг.).

На этом снимке маски сброшены. Немецкие солдаты под Москвой (ноябрь-декабрь 1941 г.).

Расплата. Тела немецких солдат, замерэших в снегах под Сталинградом (1942-1943 гг.).

Немецкие пехотинцы пережидают снежную бурю в окопе под Ленинградом (декабрь 1941 г.).

На снимке ниже можно разглядеть все основные элементы зимнего обмундирования и снаряжения солдата пехотных частей вермахта времен Второй мировой войны: бойцы обуты в сапоги и одеты в шерстяные зимние шинели (которые, впрочем, были недостаточно теплыми, и солдаты сами утепляли их, подшивая изнутри подкладку) с карманами; на их головах пилотки модели М1938 и покрытые инеем шерстяные подшлемники-балаклавы; на пехотных ремнях бойцы носили патронные сумки с патронами для магазинных винтовок Маузер 98К (основное и самое массовое стрелковое оружие вермахта), стальные шлемы модели М1935, выкрашенные зимней защитной побелкой (немецкие солдаты прозвали эти шлемы «морозильниками»), штык-ножи и саперные лопаты; каждый солдат также носил цилиндрический металлический контейнер с армейским противогазом на

наплечном ремне. Несмотря на то, что обмундирование явно не спасало солдат от суровых холодов (уже в начале ноября 1941 г. температура в средней полосе СССР упала до -25 градусов), эта фотография, сделанная в одной из советских деревень в декабре 1941 года, широко использовалась нацистской пропагандой.

Пехотное подразделение Красной Армии на марше. И вновь предлагаем вам сравнить этот снимок со снимком на предыдущем развороте. Различия те же: в отличие от немцев, все красноармейцы обуты в валенки, носят шапки-ушанки

и толстые теплые рукавицы — **очень показательно, что на предыдущем снимке** в**се солдаты** верм**а**хта держат руки в **карманах (Калининская (ныне** — **Тверская) область, декабрь 1941 г.).**

Жизнь в окопах: два немецких солдата с трудом пробираются по вязкой грязи, заполнившей окоп по колено после сильных дождей (Восточный фронт, 1942 г.).

Спева: Уставший немецкий солдат спит, сидя в окопе (Восточный фронт, 1942 г.).

Справа: Два немецких солдата расходятся в узкой траншее, опасаясь высунуться из окопа из-за советских снайперов, работающих на этом участке фронта (Восточный фронт, 1941 г.).

Жизнь в окопах: советские солдаты отдыхают в перерыве между боями (Крымская область, июль 1942 г.).

Солдаты вермахта пытаются согреться у костра (Восточный фронт, ноябрь-декабрь 1941 г.). На шлемах некоторых бойцов видны черные ленты для закрепления элементов маскировки.

Красноармейцы перекусывают во время привала в лесу под Тихвином (декабрь 1941 г.). Сравните обмундирование на этих снимках: бойцы Красной Армии носят длинные зимние шинели, валенки и шапки-ушанки.

Лыжи прибыли! Бойцы Красной Армии получают лыжи (Западный фронт, ноябрь-декабрь 1941 г.).

Еще два шедевра германской пропаганды: немецкие солдаты под руководством инструкторов осваивают беговые лыжи. Комментарии к снимкам: «На Восточном фронте. Солдаты-пехотинцы учатся ходить на лыжах. Эти закаленные в сражениях бойцы снова превратились в учеников, но очень скоро они в совершенстве освоят лыжи, которые пригодятся им для выполнения боевых задач в будущем» (декабрь 1941 — январь 1942 гг.). Обратите внимание на то, как одеты эти «закаленные» бойцы; глядя на эти снимки, кажется, что Россия — большой зимний курорт с мягким климатом.

Справа: Немецкий солдат на лыжах (Подмосковье, деревня Матренино, ноябрь 1941 г.). Обратите внимание на разницу в одежде: красноармейцы носят бараньи тулупы и валенки, немецкий «лыжник» — шинель и сапоги.

Германские унтер-офицеры и фельдфебель осматривают соломенные караульные боты (известные также как эрзацваленки), приготовленные для солдат вермахта. Боты плелись из соломенных жгутов (как и лапти), одевались поверх сапог и набивались соломой или газетами; они выдавались часовым, караульным и другим солдатам, много времени

находящимся без движения на холоде (Восточный фронт, зима 1941-1942 гг.).

Советские солдаты рассматривают немецкие эрзац-валенки в освобожденной от оккупации деревне (Орловская область, 1943 г.).

Красноармеец развлекает своих товарищей, танцуя в немецких эрзац-валенках (1943 г.).

Советские солдаты скармливают немецкие эрзац-валенки лошади.

Большинство солдат вермахта даже в 1943 году носили эрзац-валенки (на снимке вверху: красноармейцы проверяют эрзац-валенки немецкого солдата, взятого в плен под Сталинградом).

Бойцы Красной армии получают валенки (1941 г.).

Германская пропаганда рассказывала немцам об экзотической русской обуви еще в феврале 1942 года (немецкие фотографии с Восточного фронта).

Немецкие солдаты в метель отступают по улице оккупированного советского села (запад Калужской области, 1943 г.). Снимок сделан немецким фотографом Асмусом Реммером, которого в 1942 году отправили в Россию, чтобы фотографировать могилы немецких солдат для облегчения их поисков родственникам погибших, однако их оказалось так много, что заснять все захоронения не представлялось возможным. Реммер не принимал участия в боевых действиях, поэтому остался жив и сохранил весь отснятый материал. Автор дал этому снимку свое название — «Белая преисподняя».

Колонны отступающих немецких войск (Ленинградская область, февраль 1944 г.). На снимке видно, что зимнее обмундирование солдат вермахта, воюющих на территории СССР третью зиму подряд, не изменилось.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приграничные группировки советских и германских войск в июне 1941 года: расстановка сил и варианты действий сторон

На специальной вкладке к этой книге читатель найдет репродукцию карты Верховного командования сухопутных войск вермахта (ОКХ) с нанесенной обстановкой по состоянию на 20 июня 1941 года. Эта карта хранится в Научном центре военной истории Германии (г. Фрайбург) и дает представление о том, что германская разведка смогла увидеть перед нападением на СССР, а что не смогла. Давайте внимательно рассмотрим эту карту и проанализируем обстановку.

Основные силы Красной Армии сосредоточены у границ. Укрепленные районы на старой границе Советского Союза («Линия Сталина») не заняты войсками. Укрепления — без войск, войска — без укреплений. Образно говоря, крепость никто не защищает, армия вышла из крепости и сосредоточилась на границе.

Укрепления на новой границе («Линия Молотова») были не столь мощными, как на старой границе; они возведены прямо по линии границы, повторяя ее изгибы и извилины. Перед укреплениями должна быть полоса обеспечения — полоса местности глубиной в несколько десятков километров, в которой подготовлены к взрывам все мосты и тоннели, возведены несколько полос заграждений и минных полей. Но перед советскими укреплениями нет никакой, даже самой слабой полосы обеспечения. Так располагают укрепления для того, чтобы их огнем поддержать свои войска в первые моменты наступления, однако такое расположение укреплений крайне невыгодно для обороны: позиции войск ничем не прикрыты, противник знает не только точное расположение укрепленных районов, но даже расположение отдельных оборонительных сооружений.

На линии границы — два выступа в сторону Германии: Белостокский и Львовско-Черновицкий. Именно в этих выступах сосредоточены главные силы Красной Армии. Это мышеловки: уже в мирное время эти войска с трех сторон окружены войсками противника, их фланги открыты. Они подставлены под разгром. Противнику очень удобно наносить удары в тыл советским войскам. Образно говоря, противник в любой момент может оказаться за спиной мощных советских группировок. Армия, как и человек, не может предохранить себя от удара в спину, не повернувшись кругом. Процесс перегруппировки — то есть поворота кругом — требует времени и резко ослабляет армию. Создается впечатление, что Генеральный штаб Красной Армии под руководством Жукова намеренно подставлял лучшие соединения под быстрый и позорный разгром.

Нумерация советских приграничных армий на карте установлена точно, за исключением 26-й армии. Германская разведка просто не могла поверить, что может существовать армия со столь большим номером, и оставалось предположить, что это 2-я армия или 6-я. Но 6-я находится рядом, а 2-й нигде нет, поэтому 26-я армия была названа 2-й. (В действительности 2-я армия находилась в

составе Дальневосточного фронта.)

Нумерация дивизий и корпусов установлена правильно только в ряде случаев. Германская разведка видит кавалерию там, где ее не было (например, в районе Пскова), однако совершенно не видит пять советских воздушно-десантных корпусов.

Мощь советских танковых войск резко занижена. На карте показано много танковых бригад, которых не было вовсе, но почти не показаны механизированные корпуса и дивизии, которые входили в их состав.

Самое главное: судя по карте, германская разведка совсем не видела выдвижения из тыловых районов Советского Союза семи армий Второго стратегического эшелона. Благодаря стратегической маскировке — комплексу мероприятий, направленных на введение противника в заблуждение относительно наличия и расположения войск противника, их состояния и планов командования, — выдвижение этой огромной массы войск к приграничным районам СССР удалось скрыть.

Теперь снова обратимся к расположению войск в приграничных районах.

В результате раздела Польши возникла общая граница между Германией и Советским Союзом. Линия соприкосновения двух стран по форме напоминала сцепившиеся зубья двух шестеренок.

Германская территория в районе города Сувалки глубоким клином врезалась во владения Сталина.

В районе Белостока советская территория таким же клином врезалась во владения Гитлера.

В районе Люблина — новый германский выступ в советскую сторону.

В районе Львова — советский выступ в сторону Германии.

Именно в двух выступах, в районе Сувалки и Люблина, были сосредоточены ударные группировки вермахта.

Именно в двух выступах, в районе Белостока и Львова, были сосредоточены ударные группировки Красной Армии.

Получилось так, что уже в мирное время два мощных скопления войск вермахта втесались в советскую территорию, восточнее главных сил Красной Армии, охватывая их стальными клещами.

Таким же образом, уже в мирное время два мощных скопления войск Красной Армии врезались в германскую территорию, западнее главных сил вермахта, охватывая их стальными клещами.

Еще южнее, в результате захвата в 1940 году Советским Союзом Северной Буковины, образовался выступ советской территории в сторону Румынии. Сюда была введена советская 12-я армия, большинство дивизий которой были переформированы из стрелковых в горнострелковые.

В ответ на это для защиты месторождений нефти в Румынию была введена германская 11-я армия.

И здесь войска расположились таким же образом: советская 12-я армия в мирное время

находилась как бы за левым плечом германской 11-й армии, западнее ее главных сил, но и 11-я германская армия уже в мирное время находилась как бы за левым плечом 12-й советской армии, восточнее ее главных сил.

Если готовится оборона, то располагать войска в выступах, которые обращены в сторону противника, крайне опасно и невыгодно — проще всего оборонять прямую линию фронта. Протяженность такого фронта минимальна, следовательно, концентрация обороняющихся войск максимальна. Если же линия соприкосновения раздувается пузырем, протяженность фронта обороны стремительно возрастает, а концентрация войск на каждом обороняемом километре падает.

Выступ в сторону противника — это мышеловка для войск, которые в этом выступе находятся.

Дивизии, корпуса и армии, которые безрассудное командование загнало в выступы, уже в мирное время с трех сторон окружены противником. Войскам, которые находятся в выступах, приходится готовить оборону на трех разных направлениях. Но противник может ударить не по обороняющимся в выступах войскам, а под основание выступа и срезать его вместе со всеми дивизиями, корпусами и армиями, которые там оказались.

В июне 1941 года положение германских войск, с точки зрения их готовности к обороне, было не просто катастрофически безумным, бездарным и безнадежным, но поистине самоубийственным. Беспечное командование вермахта словно преднамеренно подставило свои дивизии, корпуса и армии под разгром.

Уже в мирное время ударная группировка советского Западного фронта была как бы за правым плечом половины всех германских войск, выделенных для обороны Германии со стороны Советского Союза. Советский удар из района Белостока в направлении Балтийского моря (а это меньше двухсот километров) означал, что в кольцо окружения попадают все силы группы армий «Север» и половина войск группы армий «Центр».

Эта же, выдвинутая далеко на запад ударная группировка Красной Армии в районе Белостока, нависала и над левым флангом другой половины германских войск, выделенных для обороны рейха с восточной стороны — над другой половиной сил группы армий «Центр» и основными силами группы армий «Юг».

Поистине смертельную опасность для Германии представлял Львовско-Черновицкий выступ, в котором были сосредоточены основные силы советского Юго-Западного фронта. Сосредоточение войск в данном районе открывало перед советским командованием целый ряд возможностей.

- Отсюда можно было наносить удары двумя горными армиями (12-й и 18-й) по двум незащищенным горным хребтам. Успешные действия любой из этих армий, и тем более успешные действия двух армий одновременно, означал для Германии конец войны, ибо захват перевалов означал, что Германия отрезана от союзников и от источников нефти.
- Войска, сосредоточенные в районе Львова, уже в мирное время находились как бы за

правым плечом основных сил германской группы армий «Юг» и южной ударной группировки группы армий «Центр». Таким образом, все четыре германские танковые группы (1-я, 2-я, 3-я и 4-я), семь из девяти германских полевых армий (4-я, 6-я, 9-я, 11-я, 16-я, 17-я и 18-я), сосредоточенных на советско-германской границе, находились под угрозой окружения силами советских Западного и Юго-Западного фронтов.

• Еще больший успех сулил удар войск советского Юго-Западного фронта из района Львова на Краков. В этом случае правый фланг и тыл наступающих советских войск был бы прикрыт горами Чехословакии. Затем, повернув на север, войска Красной Армии могли, не встречая сопротивления, идти к Балтийскому морю по коридору между Вислой и Одером, отрезая все германские войска ог баз и путей снабжения. Это была бы операция поистине дьявольской стратегической красоты.

Однако Германия нанесла удар первой.

Все недостатки расположения германских войск, выдвинутых далеко на восток на фланги советских войск, превратились в преимущества.

И наоборот, все преимущества расположения советских войск, выдвинутых далеко на запад в выступы границы, превратились в недостатки: когда пришлось обороняться, плацдармы для наступления стали мышеловками.

Удары двух германских танковых групп (2-й и 3-й) под основание Белостокского выступа означали окружение главных сил советского Западного фронта в составе четырех армий. После этого перед германской армией открывался целый ряд головокружительных возможностей.

- Можно идти прямо на Москву, которую в тот момент никто не защищал.
- Можно ударить севернее Москвы, отрезая Ленинград и северные порты от страны.
- Можно рвануть к Смоленску и повернуть на юг в обход Киева и главных сил советского Юго-Западного фронта (что и было сделано).

Удар довольно слабой 1-й танковой группы на Житомир означал, что под угрозой оказывались не только главные силы советского Юго-Западного фронта, но еще и Южного, и теперь перед германскими войсками открывались новые, поистине головокружительные перспективы.

- Можно беспрепятственно захватить укрепленные районы «Линии Сталина», которые никто не защищал.
- Можно захватить металлургическую базу Украины в районе Днепропетровска и Запорожья.
- Можно выйти к незащищенным с суши портам и военно-морским базам на Черном море.
- Можно беспрепятственно форсировать Днепр и захватить Донбасс или самый мощный в мире танковый завод в Харькове.

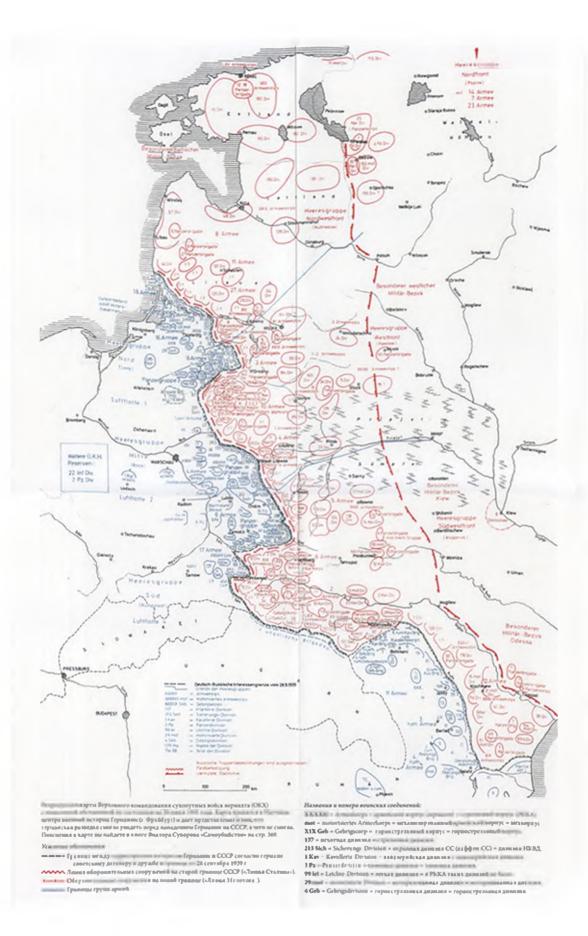
Просто у Гитлера не было достаточно войск для одновременного захвата всех этих лакомых

кусков.

КАРТЫ

Репродукция карты Верховного командования сухопутных войск вермахта (ОКХ) с нанесенной обстановкой по состоянию на 20 июня 1941 года. Карта хранится в Научном центре военной истории Германии (г. Фрайбург) и дает представление о том. что германская разведка смогла увидеть перед нападением Германии на СССР, а чего не смогла. Пояснения к карте вы найдете в книге Виктора Суворова «Самоубийство» в предыдущем разделе.

(полноразмерная карта прилагается отдельным файлом 222.png)

Возможные варианты действий вооруженных сил СССР (карта сверху) и Германии (карта снизу) исходя из группировки советских и германских войск в приграничных районах в июне 1941 года. Расположение сил показано в соответствии с картой Верховного командования сухопутных войск вермахта (ОКХ) по состоянию на 20 июня 1941 года, приведенной на обороте листа. Пояснения и комментарии к картам, а также анализ возможных вариантов действий сторон в военном конфликте вы найдете в книге Виктора Суворова «Самоубийство: Зачем Гитлер напал на Советский Союз» в предыдущем разделе (приложение «Приграничные группировки советских и германских войск в июне 1941 года: расстановка сил и варианты действий сторон»).

Список цитируемой литературы

Барятинский М., Павлов М. Средний танк Т-28. М.: Аскольдъ, 1993.

Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны. Статистический сборник № 1. (22 июня 1941 года). М.: Воениздат, 1994.

Бушков А. Россия, которой не было. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997.

Вестфаль З., Крейпе В., Блюментрит Г. и др. Роковые решения. Пер. с нем. М.: Воениздат, 1958.

Военные парады на Красной площади. М.: Воениздат, 1980.

Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. М., 1959.

Гальдер Ф. Военный дневник. В 3 т. М.: Воениздат, 1968-1971

Геббельс Й. Последние записи. Пер. с нем. Смоленск: Русич, 1998.

Гот Г. Танковые операции. Пер. с нем. М.: Воениздат, 1961.

Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Составитель Невежин В. А. М.: АИРО-XX, 1995.

Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М.: Воениздат, 1993.

Гудериан Г. Воспоминания солдата. Пер. с нем. Смоленск: Русич, 1998.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1969.

История Великой Отечественной войны Советского Союза: 1941-1945. В 6 т. М.: Воениздат, 1960.

История второй мировой войны. 1939-1945. В 12 т. М.: Воениздат, 1973-1982.

Итоги Второй мировой войны. Сборник статей. М.: Издательство иностранной литературы, 1957.

Карпенко А. В. Обозрение отечественной бронетанковой техники 1905–1995 гг. С-Петербург: Невский бастион, 1996.

Киевский Краснознаменный. М.: Воениздат, 1974.

Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. Пер с англ. М.: Воениздат, 1976.

Лиддел Гарт Б. Стратегия непрямых действий. Пер с англ. М.: Издательство иностранной литературы, 1957.

Манштейн Э. фон. Утерянные победы. Пер с нем. М.: АСТ, 1999.

Миддельдорф Э. Тактика в русской кампании. Пер. с нем. М.: Воениздат, 1958.

Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945. В 3 т. Пер. с нем. М.: Издательство иностранной литературы, 1956–1958.

Невежин В. А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев» 1939-1941. М.: АИРО-ХХ, 1997.

Никонов А. Бей первым! Главная загадка Второй мировой. М.: НЦ «Энас», 2008.

Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник

материалов в семи томах. Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1957.

Ордена Ленина Московский военный округ. М.: Воениздат, 1985.

Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Пер с нем. Смоленск: Русич, 1993.

Проэктор Д. М. Война в Европе. М.: Воениздат, 1963.

Рендулич Л. Управление войсками. Пер. с нем. М.: Воениздат, 1974.

Риббентроп И. фон. Между Лондоном и Москвой. Пер с нем. М.: Мысль, 1996.

Сандалов Л. М. Боевые действия войск 4-й армии Западного фронта в начальный период Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1961.

Сандалов Л. М. На московском направлении. М.: Наука, 1970.

Сандалов Л. М. Пережитое. М.: Воениздат, 1966.

Сандалов Л. М. Трудные рубежи. М.: Воениздат, 1965.

Совершенно секретно! Только для командования! М.: Наука, 1967.

Советская военная энциклопедия. В 8 т. М.: Воениздат, 1976-1980.

Советские Военно-воздушные Силы в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1968. Под редакцией Руденко С., Новикова А., Красовского С.

Солоневич И. Народная монархия. Минск: Лучи Софии, 1998.

Солоневич И. Россия в концлагере.

СССР — Германия 1939-1941. Составитель Ю. Фельштинский. Нью-Йорк, 1983.

Стефановский П. М. Триста неизвестных М.: Воениздат, 1968.

Триандафиллов В. К. Размах операций современных армий. Москва — Ленинград, 1926.

Триандафиллов В. К. Характер операций современных армий. М.: Госиздат, 1929.

Устинов Д. Ф. Во имя победы. М.: Воениздат, 1988.

Хрущёв Н. С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания). В 4 книгах. М.: Информационно-издательская компания «Московские Новости», 1999.

Шапошников Б. М. Мозг армии. В 3 т. М.: Военный вестник. 1927–1929.

Шеленберг В. Мемуары. Минск: Родиола-плюс, 1998.

Шпеер А. Воспоминания. Пер с нем. Смоленск: Русич, 1997.

XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М.: Партиздат, 1934.

Beer H. Moskaus As im Kampf der Geheimdienste: Die Rolle Martin Bormanns in der deutschen Fiihrungsspitze. Munchen: Hohe Warte, 1983.

Briekhill P. The Dam Busters. London. 1951.

British and American Tanks of World War II. New York: ARCO, 1969. Dietrich O. 12 Jahre mit Hitler. Munchen, 1955.

Encyclopaedia of German Tanks of World War Two. London: AAP, 1978. Gregory J., Batchelor. Airborne

Warfare 1918-1941. Phoebus: Leeds, 1978. Hitler A. Mein Kampf. Munchen: Zentralverlag der NSDAP. Eher. 1933.

Mellenthin F. W. von. Panzer Battles. London, 1955.

Reinhardt K. Die Wende vor Moskau. 1978.

Rosenberg A. Der Zukunftweg einer deutschen Aussenpolitik. Munchen, 1927.